

СОЦИАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ
И ОБЩЕСТВО
—
SOCIAL
PSYCHOLOGY
AND SOCIETY

№ 4/2023

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:

«Психологическое состояние современного общества
в ситуации неопределенности»

Тематический редактор номера Т.А. Нестик

Theme of the issue

“The Psychological State of Modern Society in a Situation of Uncertainty”

Issue editors T.A. Nestik

2023 г. Том 14. № 4

2023. Vol. 14. No. 4

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

Ф. Зимбардо (США),
В.А. Лабунская (Россия), М. Линч (США),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексируется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scolar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психологический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 500 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

О.А. Гулевич (Russia),
Е.М. Дубовская (Russia),
В.А. Лабунская (Russia),
А.В. Махнач (Russia), Т.А. Нестик (Russia),
Л.А. Пергаменщик (Belarus),
И.Д. Плотка (Latvia), Н.К. Радина (Russia),
О.Е. Хухлаев (Israel), Л.А. Цветкова (Russia),
Т.И. Шульга (Russia)

Editorial Council

P.G. Zimbardo (USA),
V.A. Labunskaya (Russia), M.F. Lynch (USA),
I. Markova (Great Britain),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenshchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia)
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index Core (RSCI Core), Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI Database RAS, Google Scolar, Index Copernicus, East View

Publisher

Moscow State University of Psychology and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

500 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics all text and images are the property of MSUPE and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed

in the article are those of the authors and do not necessarily reflect the views or positions of the editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований

5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б.

Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии

23

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Ценностно-аффективная

поляризация больших социальных групп в условиях
информационной неопределенности

38

Рахман А.А., Азиза Н., Нурдин Ф.С. Конфликтное поведение

сунданских студентов-мусульман: роль идеологии и предполагаемой
несправедливости (на английском языке)

55

Муращенкова Н.В., Грищенко В.В., Калинина Н.В., Константинов В.В.,

Кулеш Е.В., Маленова А.Ю., Малышев И.В. Отношение к патриотизму
и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи
в условиях поляризации российского общества

68

Агадуллина Е.Р., Лавелина Д.Я. Вклад оправдания системы

в социальную сплоченность

89

Гулевич О.А. Процедурная справедливость как фактор

отношения к политической системе: роль экономического
положения страны

105

Фабрикант М.С. Связь социального доверия и беспокойства
о будущем в сравнительной кросс-культурной перспективе

120

Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания как факторы
социально-экономических ожиданий россиян

135

Одинцова М.А., Лубовский Д.В., Кузьмина Е.И. Психологические
ресурсы личности при переживании жизненных ситуаций разной
степени неопределенности

156

Медведева Т.И., Ениколовов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю.,

Чудова Н.В., Рассказова Е.И. Влияние пролонгированной
стрессовой ситуации на мировоззренческие установки, особенности
мышления и моральные решения

178

Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Усачева Н.М. Роль мировоззренческих
убеждений и толерантности к неопределенности в обращении
за эзотерическими услугами

194

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 75-летию В.В. Рубцова

210

К 75-летию А.Л. Журавлева

211

Дробышева Т.В. Развитие проблематики экономической психологии
в научном творчестве А.Л. Журавлева

213

CONTENTS

EDITORIAL

- Nestik T.A.* The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research 5

THEORETICAL RESEARCH

- Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B.* Risk of Radicalisation in Adolescents: Theory, Facts and Comments 23

EMPIRICAL RESEARCH

- Lebedev A.N., Gordyakova O.V.* Value-Affective Polarization of Large Social Groups in Conditions of Information Uncertainty 38
- Rahman A.A., Azizah N., Nurdin F.S.* Conflict-Related Behavior among Sundanese Muslim Students: The Role of Ideology and Perceived Injustice 55
- Murashcenkova N.V., Gritsenko V.V., Kalinina N.V., Konstantinov V.V., Kulesh E.V., Malenova A.Yu., Malyshev I.V.* Attitudes towards Patriotism and Patriotic Self-identity of Russian Students Youth in the Polarization of Russian Society 68
- Agadullina E.R., Lavelina D.I.* The Contribution of the System Justification to Social Cohesion 89
- Gulevich O.A.* Procedural Justice as a Factor of Attitudes Toward the Political System: the Role of the Country's Economic Situation 105
- Fabrykant M.S.* Effect of Social Trust on Worry about the Future in Comparative Cross-Cultural Perspective 120
- Sychev O.A., Nestik T.A.* Moral Foundations as Factors of Socio-Economic Expectations of Russians 135
- Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Kuzmina E.I.* Psychological Resources of the Individual when Living Life Situations of Varying Degrees of Uncertainty 156
- Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Boyko O.M., Vorontsova O.Yu., Chudova N.V., Rasskazova E.I.* The Influence of Prolonged Stressful Situation on World Assumptions, Peculiarities of Thinking and Moral Decisions 178
- Antonova N.A., Eritsyan K.Yu., Usacheva N.M.* The Role of Ideological Beliefs and Tolerance for Uncertainty in Seeking Esoteric Services 194

SCIENTIFIC LIFE

- Honoring V.V. Rubtsov's 75th Anniversary 210
- Honoring A.L. Zhuravlev's 75th Anniversary 211
- Drobysheva T.V.* Development of Domestic Economical Psychology Issues in Scientific Work of A.L. Zhuravlev 213

КОЛОНИКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований

Нестик Т.А.

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Цель исследования. Анализ психологических механизмов влияния военных конфликтов на общество и определение перспективных направлений социально-психологических исследований в данной области.

Контекст и актуальность. В условиях роста геополитической напряженности и числа военных конфликтов все более актуальным становится прогнозирование динамики психологического состояния общества.

Основные выводы. Психологическое состояние постконфликтных обществ характеризуется сочетанием процессов социальной интеграции (различные формы внутригрупповой солидарности и гражданского участия) и дифференциации (снижение социального доверия, радикализация и рост чувствительности к социальному неравенству), а также влиянием психологической травматизации на феномены социального познания.

Ключевые слова: война; постконфликтное общество; посттравматические расстройства; когнитивная завершенность; доверие; этос конфликта; политические установки.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания № 2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

Для цитаты: Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401>

The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research

Timofei A. Nestik

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Objective. Analysis of the psychological mechanisms of the influence of military conflicts on society and identification of promising directions for socio-psychological research in this area.

Background. *In the context of growing geopolitical tension and the number of military conflicts, forecasting the dynamics of the psychological state of society is becoming increasingly important.*

Conclusions. *The psychological state of post-conflict societies is characterized by a combination of processes of social integration (various forms of intra-group solidarity and civic participation) and differentiation (decrease in social trust, radicalization and increased sensitivity to social inequality), as well as the influence of psychological traumatization on the phenomena of social cognition.*

Keywords: *war; post-conflict society; post-traumatic disorders; cognitive closure; trust; ethos of conflict; political attitudes.*

Funding. The work was carried out as a part of the state assignment No. 2023-0010 “Socio-psychological factors of individual and group behavior in conditions of global changes”.

For citation: Nestik T.A. The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401> (In Russ.).

Эскалация геополитических конфликтов возвращает в поле зрения социальной психологии не только проблематику отношения личности и группы к войне, но и задачи, связанные с прогнозированием влияния войн на психологию людей. Изучение постконфликтных обществ в социальных науках многие годы было сконцентрировано на проблемах управления межгрупповыми эмоциями, восстановления справедливости и государственного строительства [17], но в последнее время отмечается рост числа исследований, посвященных макропсихологическим последствиям военных конфликтов. В центре внимания при этом оказывается психологическое состояние общества, то есть совокупность массовых и коллективных переживаний, представлений, ценностей и установок, влияющих на функционирование социальных институтов [5]. Эти исследования можно объединить в несколько основных направлений, связанных с изучением психологического благополучия, когнитивных процессов, социальной интеграции и политических установок в обществах, травмированных военными конфликтами.

Психологическое благополучие и стратегии совладания. Опыт переживания на-

силия, связанного с военными конфликтами, может более чем в 10 раз повышать риск развития посттравматического стрессового расстройства [38]. Метаанализ 129 эмпирических исследований показывает, что 22% жителей регионов, затронутых военными конфликтами, в течение последующих 10 лет страдают от депрессии, тревоги, посттравматического стрессового расстройства, биполярного расстройства и шизофрении [19]. Анализ исследований, проведенных среди жителей 12 постконфликтных регионов в интервале от 2 до 17 лет после войны, дает более высокие цифры – 27% страдающих депрессией и 26% – ПТСР, при этом особенно подверженными таким расстройствам оказались женщины, безработные, одинокие и пожилые люди [54]. Мониторинг, проводимый Институтом психологии РАН совместно с социологическими агентствами, показывает, что наиболее подверженными тревоге и депрессии в условиях военного конфликта оказались молодые люди в возрасте 18–24 лет, среди которых уровень депрессивной симптоматики по шкале PHQ-4 весной 2022 г. приближался к 80%, а тревожной – к 60% [4]. На высокую уязвимость и психологическую

травматизацию молодежи в этих условиях указывают и другие исследования [49]. Мирные жители, ставшие свидетелями войны, подвержены посттравматическому синдрому и психическим травмам, связанным с гибелью близкого человека, эмоциональным насилием и эффектом «вторичной жертвы» [3]. Вторичные психические травмы, наносимые новостями о погибших и раненых среди вооруженных сил и гражданского населения, вызывают эффект усталости от сопреживания [27] и психологическое «очерствление»: чувство сострадания в отношении одного или нескольких людей вызвать легче, чем в отношении тысяч, гибнущих вдали от наших глаз [64]. Наконец, в условиях затяжного военного конфликта возникает чувство безнадежности, блокирующее поиск возможностей для его разрешения [20].

Политические, социально-экономические и культурно-исторические последствия войны отражаются в межличностном и публичном дискурсе и усиливают чувство неуверенности в будущем в постконфликтных обществах [46], которые характеризуются также объективным сокращением ожидаемой продолжительности жизни и снижением субъективной предсказуемости длительности жизни [10].

Исследования, проведенные в России среди жителей Чеченской Республики после завершения военного конфликта, показали, что для 23% был характерен клинический уровень посттравматического расстройства, а у 30% был обнаружен средний, субклинический уровень симптоматики. При этом общий индекс переживания посттравматического стресса у гражданского населения положительно коррелировал с такими механизмами психологической защиты, как вытеснение и регрессия, причем копинг-

стратегия «бегство-избегание», то есть мысленное стремление, уход в фантазии и поведенческие усилия, направленные на бегство или избегание проблемы, оказалась связанный с более выраженным навязчивым воспроизведением травмы [8]. Эти данные хорошо согласуются с выводами других исследователей, указывающих на наиболее распространенные механизмы защиты в условиях войны: вытеснение, проекцию, замещение и компенсацию [50]. Кроме того, следует учитывать, что эти же стратегии могут использоваться для защиты позитивной групповой идентичности в длительных военных конфликтах [33]. По-видимому, механизмы защиты и стратегии совладания, востребованные в экстремальных условиях, перестают быть эффективными в послевоенное время, затрудняя преодоление посттравматических стрессовых расстройств [8]. Тем не менее благодаря механизмам посттравматического роста и социальной поддержки травмирующий опыт конфликта может иметь парадоксальный отложенный эффект: так, например, жители немецких городов, подвергшихся наиболее разрушительным бомбардировкам союзной авиации во время Второй мировой войны, через 70 лет характеризовались более низкими показателями невротизма и депрессии [56].

Намечая перспективы исследований в данной области, следует отметить, что нужны дальнейшие исследования факторов психологического благополучия различных социальных групп, в том числе в зависимости от отношения к войне и травматичности пережитого опыта, выраженности общечеловеческой идентичности, уровня доверия к социальным институтам и социального оптимизма. Мы по-прежнему мало знаем о том, какова динамика использования

различных защит и стилей совладания в условиях военного конфликта и после его завершения. Выделение типов переживания военного конфликта поможет оказывать более эффективную психологическую помощь.

Социальная интеграция в условиях военных конфликтов. Военные конфликты повышают внутригрупповую солидарность и просоциальные установки, в том числе кооперативное поведение внутри локальных сообществ, готовность к донорству, пожертвованиям, усыновлению детей, сбору помощи [15; 31]. Тем не менее войны снижают генерализованное доверие и провоцируют ингрупповой фаворитизм [26]. Несмотря на эффекты сплочения вокруг флага при переживании военной угрозы [59], доверие к социальным институтам снижается при поражении в войне, а при победе в ней оно не возрастает [29]. Более того, в долгосрочной перспективе влияние войн на доверие и социальную вовлеченность разрушительно. Так, исследование в 39 странах показало, что в обществах, переживших коллективную травму, отмечается меньшая проактивность в завязывании межличностных контактов, меньшая склонность к самораскрытию и генерализованному доверию [67]. Другое исследование в 13 странах, переживших Вторую мировую войну, показало, что граждане, непосредственно столкнувшиеся с войной в детском возрасте, даже спустя 60 лет проявляли более низкий уровень генерализованного доверия по сравнению с теми, у кого не было такого опыта. Причем этот негативный эффект с одинаковой силой проявлялся как в странах, проигравших войну, так и в странах-победителях [21].

В ходе военного конфликта чувство угрозы и дисстресс усиливают потребность в снижении воспринимаемой не-

определенности, в восстановлении чувства контроля и безопасности, а также в получении социальной и эмоциональной поддержки, что в свою очередь усиливает оправдание социальной системы — веру в справедливое устройство общества [39]. Однако завершение конфликта сопряжено с ростом чувствительности к социальному неравенству. В отличие от природных катастроф, военные конфликты повышают значимость социальной справедливости [66]. В обществах, переживших войну, возрастает терпимость к насилию на индивидуальном уровне, но чем длительнее военный конфликт и чем больше жертв, тем выше оказывается чувствительность общества к несправедливости [25]. Эти изменения становятся одной из причин популярности левых взглядов и введения прогрессивного налога для богатых, которое происходило, как правило, во время или после военных конфликтов [60; 61]. Эти факторы, а также рост неравенства в связи со структурной перестройкой российской экономики в условиях санкций будут повышать запрос на наращивание механизмов вторичного перераспределения доходов [4].

Социальное неравенство в постконфликтном обществе вместе с аффективной поляризацией и стигматизацией повышают вероятность «когнитивной уязвимости» для поддержки экстремистской идеологии [9]. Люди, считающие себя жертвами несправедливости, проигравшими или отвергнутыми, стремятся восстановить утраченную личную значимость, нуждаются в определенной групповой идентичности и характеризуются высокой когнитивной завершенностью, то есть потребностью в однозначных ответах на сложные вопросы. Этот синдром повышает их приверженность радикальным взглядам, а при наличии соответствующих ролевых моделей в личной сети кон-

тактов и нарративов, оправдывающих насилие, они быстро радикализуются [70].

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с поиском социально-психологических механизмов, поддерживающих позитивную гражданскую и общечеловеческую идентичность, конструктивный патриотизм, а также социальное доверие и ориентацию на расширение личной сети контактов в постконфликтных обществах. Особую значимость приобретают исследования динамики сплочения вокруг флага, чувствительности к несправедливости, воспринимаемого социального неравенства и оправдания социальной системы. Недостаточно изучены факторы, влияющие на инклюзивность образа коллективного будущего во время и после военного конфликта, а также влияние временной перспективы личности и группы на межгрупповые отношения. Крайне мало изученными остаются процессы ценностной и аффективной поляризации в больших закрытых социальных группах, характеризующихся жесткостью групповых норм, замкнутостью групповых границ и социальной депривацией, проявляющейся в ограниченности межличностных контактов. Для того, чтобы российское общество могло ответить на будущие вызовы, необходимы экспериментальные и лонгитюдные исследования, позволяющие определить, какое влияние на сплоченность и просоциальные установки оказывает сочетание военной угрозы с другими видами глобальных рисков — экономическими, эпидемиологическими, климатическими, технологическими. Чрезвычайно многообещающими представляются исследования коллективного совладания и просоциальных установок на основе цифровых следов и лингвистических маркеров, в том числе корпусные исследования, позволяющие по текстам

книг и газет за последние 200 лет определить непосредственное и долгосрочное воздействие военных конфликтов на сплоченность общества.

Когнитивные процессы и представления о мире. Переживание неопределенности и экзистенциальной угрозы, особенно в случаях, когда оно сопряжено с чувством гнева, запускает психологические защиты, направленные на восстановление чувства контроля, что приводит к парадоксальному повышению уверенности в своих суждениях о происходящем и воспринимаемой определенности ситуации. Так, например, анализ миллионов сообщений в социальных сетях после массовых штурмов, терактов и во время пандемии выявил рост лингвистических маркеров уверенности, таких как «все», «никто», «каждый», «всегда», «никогда», «везде», «определенко», «должны», «обязательно» и т.п., причем использование такой абсолютистской лексики было связано с маркерами тревоги и гнева [63]. Переживания гнева, характерные для участников конфликта, влияют на когнитивные процессы, провоцируя сверхоптимизм и иллюзию контроля, внешний атрибутивный стиль при объяснении событий, недооценку риска и склонность к рискованному поведению [43; 44; 51]. Туннельное мышление, уверенность в силовом решении как единственно возможном могут сочетаться с высокой креативностью, что подтверждается целым рядом экспериментальных свидетельств [22]. Тем не менее продуктивность людей творческих профессий во время войн снижается как минимум на 15% [16]. Когнитивная завершенность усиливается в условиях военного конфликта, а после его завершения в послевоенном обществе становится фактором, поддерживающим авторитарные установки и экстремистские взгляды [45; 48], и продолжает влиять на

перцептивные процессы и принятие решений в разных областях жизни. Переживание угрозы усиливает приверженность ранее принятым решениям, чувствительность к информации, подтверждающей уже сложившиеся представления, а также нетерпимость к критике, потребность в аффилиации, ингрупповой фаворитизм и межгрупповые предрассудки [37]. В отличие от пандемии COVID-19, которая, по данным большинства исследований, не оказала устойчивого влияния на склонность к рискованным решениям [24], переживание угрозы военного конфликта повышает готовность к риску, но снижает толерантность к неопределенности [43].

Опыт военных конфликтов оказывает влияние не только на когнитивные процессы, но и на представления о мире. Переживание травмы влияет на базовые убеждения личности, снижая веру в осмысленность и доброжелательность мира и повышая потребность в их восстановлении. Известно, что непредсказуемость будущего, страх смерти и переживание трудноконтролируемой внешней угрозы усиливают приверженность молитвенным практикам и участие в религиозных обрядах, а также веру в сверхъестественное [35; 40; 41; 68], а после войны религиозность усиливается, причем тем сильнее, чем более интенсивным был травмирующий опыт [34; 62].

Необходимы дальнейшие исследования, которые позволили бы определить механизмы, поддерживающие критическое мышление, способность к рефлексии и социальное воображение в условиях военного конфликта, а также веру личности и группы в многовариантность будущего. Особое значение в этой связи приобретает разработка социально-психологических технологий распознавания мотивационно-когнитивных искажений при принятии решений управлена-

ческими командами, а также методов снижения когнитивной завершенности и преодоления эффектов туннельного мышления при переживании военной и экономической угрозы.

Политические установки. Переживание военной угрозы повышает значимость защиты политических ценностей и убеждений, вовлеченность граждан в политические процессы и их готовность участвовать в выборах после завершения военного конфликта. Так, исследование, проведенное с использованием данных из 30 стран, показало, что в период 50 лет после войны наблюдается рост участия избирателей в выборах. Чем больше численность потерь во время военных действий, тем больше готовность граждан голосовать на выборах, причем сильнее всего этот эффект проявляется среди людей, ранее не интересовавшихся политикой [47]. Среди граждан стран, участвовавших в военных конфликтах, повышается вероятность участия в политических партиях, на 20-30% повышается вероятность участия в общественных организациях и на 13-20% — в гражданских акциях, причем в случаях межгосударственных конфликтов эти эффекты в два раза сильнее вне зависимости от того, каким был исход войны [29].

В условиях затяжных военных конфликтов политические установки определяются «этосом конфликта» — особым синдромом социально-психологических характеристик, хорошо изученных на материале палестино-израильского конфликта и подтвержденных исследованиями в балканских странах. Среди компонентов этого синдрома выделяют оправдание целей войны, убеждение в необходимости обеспечения безопасности страны военными методами, делегитимацию и расчеловечивание противника, позитивную оценку своей группы, убежде-

ние в том, что представители своей группы стали жертвами агрессии, значимость лояльности своей группы, убеждение в необходимости сохранения единства перед лицом врага и нетерпимость к высказыванию альтернативных точек зрения, а также низкую оценку вероятности мирного урегулирования конфликта [1; 11; 12; 13]. При этом обнаружена тесная связь между выраженнойностью «этоса конфликта» и авторитаризмом, религиозностью, моральными основаниями лояльности своей группы и уважения к авторитетам, ориентацией на традиции и верой в конспирологические теории [13; 53; 57; 58]. Связь «этоса войны» с конспирологическими теориями повышает его устойчивость, так как конспирологические убеждения перестают снижать тревогу и сами по себе превращаются в ее источник, подстегивая поиск внутренних врагов [69]. Еще одним проявлением «этоса конфликта» является самоцензура, стремление граждан избежать публичной критики в адрес власти и обсуждения вопросов, которые могут поляризовать общество. Социально-психологические исследования самоцензуры показывают, что в ее основе лежит не столько опасение граждан за собственную безопасность, сколько стремление защитить других людей, поддержать позитивную самооценку, избежать раскола перед лицом внешней угрозы [12], а также страх социальной изоляции, потери поддержки со стороны близких при высказывании непопулярной точки зрения [28].

После завершения горячей фазы конфликта «этос войны» продолжает влиять на восприятие политических партий, повышая поддержку партий с национально-консервативной идеологией [52]. Некоторые исследования также дают основания предполагать, что в постконфликтных обществах мужчины и женщины более склонны отдавать предпочтение

политикам-мужчинам [18]. Наконец, общества, пережившие коллективную травму, характеризуются меньшей выраженнойностью ценностей самовыражения и большей выраженнойностью ценностей выживания, что снижает ценность индивидуальной жизни и повышает готовность граждан к самопожертвованию в ходе военных действий [36]. Усиление ориентации на консервативные моральные основания и правый авторитаризм, снижение выраженнойности общечеловеческой идентичности и воспринимаемая межгрупповая угроза делают постконфликтные общества более уязвимыми к милитаристским политическим идеологиям [2; 7]. Это означает, что в послевоенное время необходимы дополнительные правовые и образовательные механизмы, которые могли бы служить надежным барьером, ограничивающим возможности использования радикализации «политическими предпринимателями» как ресурса для прихода к власти.

Прогнозируя влияние военных конфликтов на политические установки, следует учитывать, что опыт участия избирателей в боевых действиях усиливает поддержку авторитарных лидеров [42] и может повышать поддержку политиков, выступающих за силовое решение проблем [30]. Тем не менее анализ конфликтов в африканских странах показывает, что наличие боевого опыта у политических лидеров снижает их предрасположенность к военным способам решения межгосударственных споров, тогда как опыт службы в армии без участия в боях, напротив, повышает вероятность их приверженности военным методам, особенно если армия, в которой они ранее служили, одержала победу [6]. Этот вывод хорошо согласуется с результатами исследования среди бывших турецких военнослужащих, показавшего, что нахождение в

условиях военного конфликта повышает толерантность к риску, однако у тех, кто непосредственно участвовал в бою, был ранен или был свидетелем ранений, склонность к риску, напротив, снижается, а потребность в определенности возрастает [43]. Вместе с тем напоминание о конфликте не приводит к изменению порядка значимости социальных проблем (например, таких как детские сады, развитие образования, строительство инфраструктуры или укрепление правоохранительных органов), что позволяет говорить об ограниченности влияния на избирателей со стороны политиков, эксплуатирующих раны войны [32].

Намечая перспективы дальнейших исследований в данной области, можно отметить необходимость уточнения факторов, влияющих на устойчивость «этоса конфликта» и опосредующих его влияние на политические установки. Мы все еще мало знаем о том, каковы социально-психологические механизмы нетерпимости к разногласиям перед лицом врага, самоцензуры и формирования синдрома «осажденной крепости» — веры членов группы во враждебное отношение к ним представителей большинства стран. Особое значение будут иметь исследования, посвященные психологическим механизмам политической социализации и гражданского участия представителей новых социальных групп, таких как ветераны СВО, жены мобилизованных граждан, семьи погибших, релоканты, иноагенты, вернувшиеся, беженцы, жители российских городов и сел, подвергавшиеся обстрелам и налетам беспилотников. Необходимы дополнительные исследования вклада политических эмоций, таких как гордость, радость, надежда, гнев, ненависть и презрение в готовность к легитимным и нелегитимным формам гражданского участия после завершения

конфликта. Огромный интерес представляют исследования связи политических установок с изменением экономических ожиданий в условиях военных конфликтов, в том числе роли сплочения вокруг флага, авторитаризма правого толка, характеристик гражданской идентичности и моральных оснований в динамике экономического оптимизма. Основные усилия должны быть направлены на поиск социально-психологических механизмов, позволяющих преодолеть нетерпимость и дегуманизацию, поддерживающих долгосрочную ориентацию и облегчающих россиянам диалог о совместном будущем.

Некоторые из намеченных нами направлений получили развитие в статьях этого тематического выпуска. Представленные в нем исследования сгруппированы вокруг трех основных тем: поляризация и радикализация общества, основания социальной интеграции в условиях неопределенности, а также влияние стрессовой ситуации на мировоззренческие установки россиян.

Одной из важнейших задач социальной психологии сегодня является прояснение механизмов поляризации и радикализации общества в условиях кризиса. В статье Н.В. Дворянчикова, Б.Г. Бовина, Д.В. Мельниковой, Е.Д. Беловой и И.Б. Бовиной рассматриваются социально-перцептивные механизмы радикализации на примере подростковой среды. Авторы показывают, что поддержка множественной идентичности может снизить риски легитимизации насилия в условиях неопределенности. В своем исследовании А.Н. Лебедев и О.В. Гордякова показывают, как в условиях военного конфликта ценностная поляризация больших социальных групп может трансформироваться в нетерпимость к представителям противоположных политических взглядов. На роль воспринимаемой несправедливости

в межрелигиозных и внутривероисповедных конфликтах обращают внимание в своем исследовании А.А. Рахман, Н. Азиза и Ф.С. Нурдин.

Поддержка диалога и гражданского участия в условиях кризисов невозможна без понимания социально-психологических оснований социальной интеграции при переживании неопределенности личностью и группой. В исследовании Н.В. Муращенковой, В.В. Грищенко, Н.В. Калининой, В.В. Константинова, Е.В. Кулеш, А.Ю. Маленовой и И.В. Малышева выявлены характеристики гражданской идентичности российской молодежи, поддержка которых позволяет развивать конструктивный, деятельный патриотизм, избегая рисков национализма и фанатизма в условиях поляризации российского общества. Исследование Е.Р. Агадуллиной и Д.Я. Лавелиной проливает свет на тесную связь оправдания социальной системы и сплоченности общества в условиях кризиса: чем больше люди верят в естественность и неизбежность неравенства, чем больше они признают справедливость сложившейся системы социальных отношений, тем больше они доверяют окружающим, вовлекаются в различные групповые взаимодействия и позитивно оценивают деятельность институтов. Необходимы дальнейшие исследования, которые позволили бы определить границы устойчивости оправдания социальной системы как перцептивного защитного механизма при росте неравенства в постконфликтных обществах. Данная работа важна для дальнейших исследований психологического состояния российского общества также и в методическом отношении, поскольку апробированный ее авторами инструментарий позволяет оценивать социальную сплоченность на микроуровне (отношения между индивидами), мезо-

уровне (отношения между отдельными людьми и группами) и макроуровне (отношения между индивидами и социальными институтами). Ресурсом жизнеспособности общества в условиях кризиса является не только доверие к социальным институтам, но и доверие к людям, о чем свидетельствуют результаты анализа, проведенного М.С. Фабрикантом на основе данных Всемирного исследования ценностей: социальное доверие снижает тревогу в отношении индивидуального и коллективного будущего.

Не менее важными для понимания социально-психологических механизмов доверия к социальным институтам являются результаты эмпирического исследования, представленные в статье О.А. Гулевич: в кризисных условиях значимость воспринимаемой процедурной справедливости возрастает, что требует от государства большего внимания к обеспечению равенства граждан перед законом, большей последовательности в борьбе с коррупцией и защите политических свобод. Наконец, исследование О.А. Сычева и Т.А. Нестика указывает на значимую роль сплачивающих и индивидуализирующих моральных оснований при конструировании образа желаемого будущего в условиях военных конфликтов и экономических санкций.

Для прогнозирования влияния военных конфликтов на психологическое состояние общества очень важно понимать механизмы влияния воспринимаемой трудноконтролируемой угрозы на индивидуальные и групповые когнитивные процессы. В этой связи чрезвычайно актуальными становятся исследования, посвященные выбору стратегии совладания с глобальными вызовами и влиянию стрессовой ситуации на мировоззренческие установки личности. Результаты исследования, проведенного М.А. Одинцо-

вой, Д.В. Лубовским и Е.И. Кузьминой, свидетельствуют о том, что глобальные вызовы, к которым относятся и события, связанные со специальной военной операцией на Украине, воспринимаются как ситуации с очень высокой степенью неопределенности. Длительное переживание таких ситуаций оказывает влияние на базисные убеждения личности и особенности мышления. Так, на примере переживания пандемии Т.И. Медведева, С.Н. Ениколова, О.М. Бойко, О.Ю. Воронцова, Н.В. Чудова и Е.И. Рассказова показывают, что пролонгированный стресс вызывает снижение способности к эмоциональному совладанию, а также усиление категоричности и личностных суеверий. Другое исследование, проведенное в декабре 2022 г. Н.А. Антоновой,

К.Ю. Ерицян и Н.М. Усачевой, позволяет сделать вывод о том, что в ситуации нестабильности одним из способов совладания с неопределенной ситуацией становится обращение к астрологам, гадалкам и колдунам, связанное с религиозностью и верой в предопределенность будущего. На наш взгляд, эти данные указывают на необходимость поддержки веры россиян в свободу воли, критического мышления и уверенности в своей способности влиять на ситуацию.

Хотелось бы выразить надежду на то, что материалы нашего выпуска дадут импульс для продолжения социально-психологических исследований, направленных на поддержку жизнеспособности и субъектности российского общества в условиях кризисов.

Литература

1. Голынчик Е.О. Этос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50
2. Гулевич О.А., Осин Е.Н. Психологические факторы отношения к войне: теоретический обзор // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 31–50.
3. Дымова Е.Н. Ретроспективный анализ посттравматического стресса в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 1–16. DOI:10.17759/cpse.2021100301
4. Нестик Т.А. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО [Электронный ресурс] // СоциоДиггер. 2023. Т. 4. Выпуск 9(28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossijskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения: 30.11.2023).
5. Нестик Т.А., Селезнева А.В., Шестopal Е.Б., Юрьевич А.В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 3–14.
6. Никитин М.Э. Военный опыт государственных лидеров и конфликтный потенциал авторитарных режимов (на примере Африки) [Электронный ресурс] // Полития. № 2(109). С. 37–54. URL: [http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2023-2\(109\)-Pages-001-200-37-54.pdf](http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2023-2(109)-Pages-001-200-37-54.pdf) (дата обращения: 29.09.2023).
7. Сычев О.А., Протасова И.Н. Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 53–70. DOI:10.17759/sps.2021120404
8. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Падун М.А., Хажуев И.С., Казыкова Н.Н., Быховец Ю.В., Дан М.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344 с.

9. *Хухлаев О.Е., Павлова О.С.* «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 87–102. DOI:10.17759/sps.2021120307
10. *Aburto J.M. et al.* A global assessment of the impact of violence on lifetime uncertainty [Электронный ресурс] // Science Advances. 2023. Vol. 9. Issue 5. DOI:10.1126/sciadv.add9038
11. *Bar-Tal D.* Sociopsychological foundations of intractable conflicts // American Behavioral Scientist. 2007. Vol. 50. P. 1430–1453.
12. *Bar-Tal D.* Self-Censorship: The Conceptual Framework // Self-Censorship in Contexts of Conflict / Bar-Tal D., Nets-Zehngut R., Sharvit K. (eds.). Peace Psychology Book Series Springer, Cham, 2017. P. 1–18. DOI:10.1007/978-3-319-63378-7_1
13. *Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A.* Ethos of conflict: the concept and its measurement // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2012. Vol. 18(1). P. 40–61.
14. *Barceló J.* The long-term effects of war exposure on civic engagement // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021, 118. DOI:10.1073/pnas.2015539118
15. *Bauer M., Blattman C., Chytilov J., Henrich J., Miguel E., Mitts T.* Can war foster cooperation? // Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30(3). P. 249–274. DOI:10.1257/jep.30.3.249
16. *Borowiecki K.J., O'Hagan J.* Impact of war on individual life-cycle creativity: tentative evidence in relation to composers // Journal of Cultural Economics. 2013. Vol. 37. P. 347–358.
17. *Brewer J., Hayes B.C.* Post-conflict societies and the social sciences: a review // Contemporary Social Science. 2011. Vol. 6:1. P. 5–18. DOI:10.1080/17450144.2010.534497
18. *Butler D.M., Tavits M., Hadzic D.* Gender Bias in Policy Representation in Post-Conflict Societies // Political Research Quarterly. 2022. Vol. 76. P. 200–212.
19. *Charlson F.J., van Ommeren M., Flaxman A.D., Cornett J.A., Whiteford H.A., Saxena S.* New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict settings: a systematic review and meta-analysis // Lancet. 2019. Vol. 394. P. 240–248.
20. *Cohen-Chen S., Van-Zomeren M., Halperin E.* Hopelessness and collective (in)action in intractable intergroup conflict // The social psychology of intractable conflicts: Celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal / Halperin E., Sharvit K. (Eds.). New York, NY: Springer, 2015. Vol. 1. P. 89–101.
21. *Conzo P., Salustri F.* A war is forever: The long-run effects of early exposure to World War II on trust // European Economic Review. 2019. Vol. 120. P. 1–24. DOI:10.1016/j.euroecorev.2019.103313
22. *De Dreu C.K., Nijstad B.A.* Mental set and creative thought in social conflict: threat rigidity versus motivated focus // Journal of personality and social psychology. 2008. Vol. 95(3). P. 648–661. DOI:10.1037/0022-3514.95.3.648
23. *Dou X., Dou X., Jia L.* Interactive Association of Negative Creative Thinking and Malevolent Creative Thinking // Frontiers in Psychology. 2022. 13:939672. DOI:10.3389/fpsyg.2022.939672
24. *Drichoutis A.C., Nayga R.M.* On the stability of risk and time preferences amid the COVID-19 pandemic // Experimental Economics. 2022. Vol. 25. P. 759–794.
25. *Elcheroth G.* Individual-level and community-level effects of war trauma on social representations related to humanitarian law // European Journal of Social Psychology. 2006. Vol. 36. P. 907–930.
26. *Fiedler C., Rohles C.* Social cohesion after armed conflict: A literature review. Research Papers in Economics [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_7.2021_1.1.pdf (дата обращения: 29.10.2023).
27. *Figley C.R.* Compassion fatigue as secondary traumatic stress disorder: An overview // Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized / C.R. Figley (Ed.). Brunner/Mazel, 1995. P. 1–20.
28. *Gibson J.L., Sutherland J.L.* Keeping Your Mouth Shut: Spiraling Self-Censorship in the United States // Political Science Quarterly. 2023. Vol. 138(3). P. 361–376. DOI:10.1093/psquar/qqad037

29. *Grosjean P.* Conflict and social and political preferences: Evidence from World War II and civil conflict in 35 European countries // Comparative Economic Studies. 2014. Vol. 56(3). P. 424–451.
30. *Grossman G., Manekin D., Miodownik D.* The Political Legacies of Combat: Attitudes Toward War and Peace Among Israeli Ex-Combatants // International Organization. 2015. Vol. 69(4). P. 981–1009. DOI:10.1017/S002081831500020X
31. *Guriev S., Melnikov N.* War, Inflation, and Social Capital // American Economic Review. 2016. Vol. 106(5). P. 230–235. DOI:10.1257/aer.p20161067
32. *Hadzic D.* Politics and Society After Violent Conflict. Arts & Sciences Electronic Theses and Dissertations [Электронный ресурс]. 2019. 1834. URL: https://openscholarship.wustl.edu/art_sci_etds/1834 (дата обращения: 30.11.2023).
33. *Halperin E., Sharvit K.* (Eds.). The Social Psychology of Intractable Conflicts. Peace Psychology Book Series. Vol. 27. Springer, Cham., 2015. 214 p.
34. *Henrich J., Bauer M., Cassar A., Chytilová J., Purzycki B.G.* War increases religiosity // Nature human behaviour. 2019. Vol. 3(2). P. 129–135. DOI:10.1038/s41562-018-0512-3
35. *Hoogeveen S., Wagenmakers E.J., Kay A.C., van Elk M.* Compensatory control and religious beliefs: A registered replication report across two countries // Comprehensive Results in Social Psychology. 2018. Vol. 3. P. 240–265.
36. *Inglehart R.F., Puranen B., Welzel C.* Declining willingness to fight for one's country: The individual-level basis of the long peace // Journal of Peace Research. 2015. Vol. 52(4). P. 418–434. DOI:10.1177/0022343314565756
37. *Jonas E., McGregor I., Klackl J., Agroskin D., Fritzsche I., Holbrook C., Nash K., Proulx T., Quirin M.* Threat and defense: From anxiety to approach // Advances in experimental social psychology. 2014. Vol. 49. P. 219–286.
38. *Jong J.T., Komproe I., Ommeren M.V.* Common mental disorders in postconflict settings // Lancet. 2003. Vol. 361. P. 2128–2130.
39. *Jost J., Stern C., Sterling J.* Ethos of Conflict: A System Justification Perspective // The Social Psychology of Intractable Conflicts / Halperin E., Sharvit K. (eds.). Peace Psychology Book Series. Vol. 27. Springer, Cham, 2015. DOI:10.1007/978-3-319-17861-5_4
40. *Jung J.H.* Religion and the Sense of Control in Cross-National Perspective: The Importance of Religious Context // Social Currents. 2019. Vol. 6(1). P. 67–87. DOI:10.1177/2329496516686615
41. *Kay A.C., Gaucher D., McGregor I., Nash K.* Religious beliefs as compensatory control // Personality and social psychology review. 2010. Vol. 14(1). P. 37–48. DOI:10.1177/1088868309353750
42. *Kibris A., Cesur R.* Does War Foster Cooperation or Parochialism? Evidence from a Natural Experiment among Turkish Conscripts [Электронный ресурс] // IZA Discussion Papers, 15969, Institute of Labor Economics (IZA), 2023. URL: <https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp15969.html> (дата обращения: 30.11.2023).
43. *Kibris A., Uler N.* The Impact of Exposure to Armed Conflict on Risk and Ambiguity Attitudes (January 11, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3838073> (дата обращения: 30.11.2023).
44. *Kim Y.I., Lee J.* The long-run impact of a traumatic experience on risk aversion // Journal of Economic Behavior & Organization. 2014. Vol. 108. P. 174–186.
45. *Knežević G., Lazarević L.B., Mededović J., Petrović B., Stankov L.* The relationship between closed-mindedness and militant extremism in a post-conflict society // Aggressive behavior. 2022. Vol. 48(2). P. 253–263. DOI:10.1002/ab.22017
46. *Kočan F., Zupančič R.* Capturing post-conflict anxieties: towards an analytical framework // Peacebuilding, 2023. DOI:10.1080/21647259.2023.2184116
47. *Koch M.T., Nicholson S.P.* Death and Turnout: The Human Costs of War and Voter Participation in Democracies // American Journal of Political Science. 2016. Vol. 60(4). P. 932–946.
48. *Kruglanski A.W., Pierro A., Mannetti L., De Grada E.* Groups as epistemic providers: need for closure and the unfolding of group-centrism // Psychological review. 2006. Vol. 113(1). P. 84–100.

49. *Kurapov A., Pavlenko V., Drozdov A., Bezliudna V., Reznik A., Isralowitz R.* Toward an understanding of the Russian-Ukrainian War impact on university students and personnel // *Journal of Loss and Trauma*. 2022. Vol. 28(2). P. 167–174. DOI:10.1080/15325024.2022.2084838
50. *Lazurenko O., Tertychna N., Smila N.* Correlation Between Time Perspective and Defense Mechanisms of Ukrainian Students During the War // *Journal of Education Culture and Society*. 2023. Vol. 14(1). P. 198–206. DOI:10.15503/jecs2023.1.198.206
51. *Lerner J.S., Tiedens L.Z.* Portrait of the angry decision maker: How appraisal tendencies shape anger's influence on cognition // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2006. Vol. 19(2). P. 115–137.
52. *Mededović J., Petrović B.* Predictors of party evaluation in post-conflict society — the case of Serbia // *Psihologija*. 2013. Vol. 46. P. 27–43.
53. *Mededović J., Petrović B., Radović O., Radetić-Lovrić S.* (Im)moral foundations of intergroup conflicts. In *Proceedings of the XXIII meeting Empirical Studies in Psychology*. Belgrade, Serbia: Institute for Psychology and Laboratory for Experimental Psychology, 2017. P. 135–136.
54. *Morina N., Stam K., Pollet T.V., Priebe S.* Prevalence of depression and posttraumatic stress disorder in adult civilian survivors of war who stay in war-afflicted regions. A systematic review and meta-analysis of epidemiological studies // *Journal of affective disorders*. 2018. Vol. 239. P. 328–338. DOI:10.1016/j.jad.2018.07.027
55. *Muminovic A., Efendic A.S.* The long-term effects of war exposure on generalized trust and risk attitudes: evidence from post-conflict Bosnia and Herzegovina // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2022. Vol. 23. P. 299–316.
56. *Obschonka M., Stuetzer M., Peter R., Jeff P., Samuel G., Samuel G.* Did Strategic Bombing in the Second World War Lead to 'German Angst'? A Large-Scale Empirical Test across 89 German Cities // *European Journal of Personality*. 2017. Vol. 31. P. 234–257.
57. *Petrović B., Mededović J., Radović O., Radetić Lovrić S.* Conspiracy Mentality in Post-Conflict Societies: Relations With the Ethos of Conflict and Readiness for Reconciliation // *Europe's Journal of Psychology*. 2019. Vol. 15. P. 59–81.
58. *Porat R., Halperin E., Bar-Tal D.* The Effect of Sociopsychological Barriers on the Processing of New Information about Peace Opportunities // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. Vol. 59(1). P. 93–119. DOI:10.1177/0022002713499719
59. *Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E.* Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat // *Cognition and Emotion*. 2019. Vol. 33. P. 480–491. DOI:10.1080/02699931.2018.1460321
60. *Scheidel W.* *The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*. Princeton University Press, 2018. 528 p.
61. *Scheve K., Stasavage D.* *Taxing the Rich: A History of Fiscal Fairness in the United States and Europe*. Princeton University Press, 2016. 288 p.
62. *Shai O.* Does armed conflict increase individuals' religiosity as a means for coping with the adverse psychological effects of wars? // *Social Science & Medicine*. 2022. Vol. 296, 114769. DOI:10.1016/j.socscimed.2022.114769
63. *Simchon A., Turkin C., Svoray T., Kloog I., Dorman M., Gilead M.* Beyond doubt in a dangerous world: The effect of existential threats on the certitude of societal discourse // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2021. Vol. 97, 104221.
64. *Slovic P., Zionts D., Woods A.K., Goodman R., Jinks D.* Psychic numbing and mass atrocity // *The behavioral foundations of public policy* / E. Shafir (eds.). Princeton University Press, 2013, pp. 126–142.
65. *Somer E., Ruvio A.* The Going Gets Tough, So Let's Go Shopping: On Materialism, Coping, and Consumer Behaviors Under Traumatic Stress // *Journal of Loss and Trauma*. 2014. Vol. 19(5). P. 426–441. DOI:10.1080/15325024.2013.794670

66. Summerfield D. The social, cultural and political dimensions of contemporary war // Medicine, Conflict and Survival. 1997. Vol. 13(1). P. 3–25. DOI:10.1080/13623699708409311
67. Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A.H., Becker J.C. et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2018. Vol. 115(29). P. 7521–7526. DOI:10.1073/pnas.1713191115
68. van Elk M. Proximate and ultimate causes of supernatural beliefs // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13:949131. DOI:10.3389/fpsyg.2022.949131
69. van Prooijen J. An Existential Threat Model of Conspiracy Theories // European Psychologist. 2020. Vol. 25. P. 16–25. DOI:10.1027/1016-9040/a000381
70. Webber D., Kruglanski A.W. Psychological Factors in Radicalization: A “3N” Approach // The Handbook of the Criminology of Terrorism / Gary LaFree and Joshua Freilich (eds.). West Sussex: Wiley Blackwell, 2017. P. 33–46.

References

1. Golynchik E.O. Etos trudnorazreshimogo mezhetnicheskogo konflikta: issledovatel'skie podkhody i perspektivy izucheniya [The Ethos of Intractable Interethnic Conflict]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psichologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol. 17, no. 1, pp. 29–50. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50 (In Russ.).
2. Gulevich O.A., Osin E.N. Psikhologicheskie faktory otnosheniya k voine: teoreticheskii obzor [Psychological factors of attitude towards war: a theoretical review]. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power*, 2023. Vol. 35, no. 1, pp. 31–50. (In Russ.).
3. Dymova E.N. Retrospektivnyi analiz posttraumaticheskogo stressa v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Elektronnyi resurs] [Retrospective analysis of post-traumatic stress during the Great Patriotic War]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psichologiya = Clinical and special psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 1–16. DOI:10.17759/cpse.2021100301 (In Russ.).
4. Nestik T.A. Psikhologicheskoe sostoyanie rossiiskogo obshchestva v usloviyah SVO [Elektronnyi resurs] [Psychological state of Russian society in the conditions of the SVO]. *SocioDigger = SocioDigger*, 2023. Vol. 4, no. 9(28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (Accessed 30.11.2023). (In Russ.).
5. Nestik T.A., Slezneva A.V., Shestopal E.B., Yurevich A.V. Problema psikhologicheskogo sostoyaniya obshchestva i politicheskikh protsessov v sovremennoi Rossii [The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia]. *Voprosy psichologii = Questions of psychology*, 2021. Vol. 67, no. 5, pp. 3–14. (In Russ.).
6. Nikitin M.E. Voennyi opyt gosudarstvennykh liderov i konfliktnyi potentsial avtoritarnykh rezhimov (na primere Afriki) [Elektronnyi resurs] [Military experience of state leaders and the conflict potential of authoritarian regimes (On the example of Africa)]. *Politiya = Polity*, 2023, no. 2(109), pp. 37–54. URL: [http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2023-2\(109\)-Pages-001-200-37-54.pdf](http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2023-2(109)-Pages-001-200-37-54.pdf) (Accessed 29.09.2023). (In Russ.).
7. Sychev O.A., Protasova I.N. Svyaz' etiki avtonomii, etiki soobshchestva i natsionalizma s vneshnopoliticheskimi ustanovkami rossiyyan [The connection between the ethics of autonomy, the ethics of community and nationalism with the foreign policy attitudes of Russians]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 53–70. DOI:10.17759/sps.2021120404 (In Russ.).
8. Tarabrina N.V., Kharlamenkova N.E., Padun M.A., Khazhuev I.S., Kazymova N.N., Bykhovets Y.V., Dan M.V. Intensivnyi stress v kontekste psikhologicheskoi bezopasnosti [Intense stress in the context of psychological safety]. In N.E. Kharlamenkova (eds.). Moscow: IP RAS, 2017. 344 p. (In Russ.).
9. Khukhlaev O.E., Pavlova O.S. «Mne izvestno, chto mne nichego ne izvestno». Sotsial'no-kognitivnye predposylki podderzhki radikal'nykh vzglyadov [“I know that I don't know anything.”

- Social-cognitive prerequisites for supporting radical views]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 87–102. DOI:10.17759/sps.2021120307 (In Russ.).
10. Aburto J.M. et al. A global assessment of the impact of violence on lifetime uncertainty. *Science Advances*, 2023. Vol. 9, Issue 5. DOI:10.1126/sciadv.add9038
 11. Bar-Tal D. Sociopsychological foundations of intractable conflicts. *American Behavioral Scientist*, 2007. Vol. 50, pp. 1430–1453.
 12. Bar-Tal D. Self-Censorship: The Conceptual Framework. In: Bar-Tal D., Nets-Zehngut R., Sharvit K. (eds.). *Self-Censorship in Contexts of Conflict*. Peace Psychology Book Series. Springer, Cham, 2017. DOI:10.1007/978-3-319-63378-7_1
 13. Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A. Ethos of conflict: the concept and its measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2012. Vol. 18(1), pp. 40–61.
 14. Barceló J. The long-term effects of war exposure on civic engagement. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2021, 118. DOI:10.1073/pnas.2015539118
 15. Bauer M., Blattman C., Chytilov J., Henrich J., Miguel E., Mitts T. Can war foster cooperation? *Journal of Economic Perspectives*, 2016. Vol. 30(3), pp. 249–274. DOI:10.1257/jep.30.3.249
 16. Borowiecki K.J., O'Hagan J. Impact of war on individual life-cycle creativity: tentative evidence in relation to composers. *Journal of Cultural Economics*, 2013. Vol. 37, pp. 347–358.
 17. Brewer J., Hayes B.C. Post-conflict societies and the social sciences: a review. *Contemporary Social Science*, 2011. Vol. 6:1, pp. 5–18. DOI:10.1080/17450144.2010.534497
 18. Butler D.M., Tavits M., Hadzic D. Gender Bias in Policy Representation in Post-Conflict Societies. *Political Research Quarterly*, 2022. Vol. 76, pp. 200–212.
 19. Charlson F.J., van Ommeren M., Flaxman A.D., Cornett J.A., Whiteford H.A., Saxena S. New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict settings: a systematic review and meta-analysis. *Lancet*, 2019. Vol. 394, pp. 240–248.
 20. Cohen-Chen S., Van-Zomeren M., Halperin E. Hope(lessness) and collective (in)action in intractable intergroup conflict. In Halperin E., Sharvit K. (Eds.). *The social psychology of intractable conflicts: Celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal*. Vol. 1. New York, NY: Springer, 2015, pp. 89–101.
 21. Conzo P., Salustri F. A war is forever: The long-run effects of early exposure to World War II on trust. *European Economic Review*, 2019. Vol. 120, pp. 1–24. DOI:10.1016/j.eurocorev.2019.103313
 22. De Dreu C.K., Nijstad B.A. Mental set and creative thought in social conflict: threat rigidity versus motivated focus. *Journal of personality and social psychology*, 2008. Vol. 95(3), pp. 648–661. DOI:10.1037/0022-3514.95.3.648
 23. Dou X., Dou X., Jia L. Interactive Association of Negative Creative Thinking and Malevolent Creative Thinking. *Frontiers in Psychology*, 2022. 13:939672. DOI:10.3389/fpsyg.2022.939672
 24. Drichoutis A.C., Nayga R.M. On the stability of risk and time preferences amid the COVID-19 pandemic. *Experimental Economics*, 2022. Vol. 25, pp. 759–794.
 25. Elcheroth G. Individual-level and community-level effects of war trauma on social representations related to humanitarian law. *European Journal of Social Psychology*, 2006. Vol. 36, pp. 907–930.
 26. Fiedler C., Rohles C. Social cohesion after armed conflict: A literature review [Elektronnyi resurs]. *Research Papers in Economics*, 2021. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_7.2021_1.1.pdf (Accessed 29.10.2023).
 27. Figley C.R. Compassion fatigue as secondary traumatic stress disorder: An overview. In C.R. Figley (ed.). *Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized*. Brunner/Mazel, 1995, pp. 1–20.
 28. Gibson J.L., Sutherland J.L. Keeping Your Mouth Shut: Spiraling Self-Censorship in the United States. *Political Science Quarterly*, 2023. Vol. 138(3), pp. 361–376. DOI:10.1093/psquar/qqad037
 29. Grosjean P. Conflict and social and political preferences: Evidence from World War II and civil conflict in 35 European countries. *Comparative Economic Studies*, 2014. Vol. 56(3), pp. 424–451.

30. Grossman G., Manekin D., Miodownik D. The Political Legacies of Combat: Attitudes Toward War and Peace Among Israeli Ex-Combatants. *International Organization*, 2015. Vol. 69(4), pp. 981–1009. DOI:10.1017/S002081831500020X
31. Guriev S., Melnikov N. War, Inflation, and Social Capital. *American Economic Review*, 2016. Vol. 106(5), pp. 230–235. DOI:10.1257/aer.p20161067
32. Hadzic D. Politics and Society After Violent Conflict. Arts & Sciences Electronic Theses and Dissertations [Elektronnyi resurs]. 2019. 1834. URL: https://openscholarship.wustl.edu/art_sci_etds/1834 (Accessed 30.11.2023).
33. Halperin E., Sharvit K. (Eds.). The Social Psychology of Intractable Conflicts. Peace Psychology Book Series. Vol. 27. Springer, Cham., 2015. 214 p.
34. Henrich J., Bauer M., Cassar A., Chyttilová J., Purzycki B.G. War increases religiosity. *Nature human behaviour*, 2019. Vol. 3(2), pp. 129–135. DOI:10.1038/s41562-018-0512-3
35. Hoogeveen S., Wagenmakers E.J., Kay A.C., van Elk M. Compensatory control and religious beliefs: A registered replication report across two countries. *Comprehensive Results in Social Psychology*, 2018. Vol. 3, pp. 240–265.
36. Inglehart R.F., Puranen B., Welzel C. Declining willingness to fight for one's country: The individual-level basis of the long peace. *Journal of Peace Research*, 2015. Vol. 52(4), pp. 418–434. DOI:10.1177/0022343314565756
37. Jonas E., McGregor I., Klackl J., Agroskin D., Fritzsche I., Holbrook C., Nash K., Proulx T., Quirin M. Threat and defense: From anxiety to approach. *Advances in experimental social psychology*, 2014. Vol. 49, pp. 219–286.
38. Jong J.T., Komproe I., Ommeren M.V. Common mental disorders in postconflict settings. *Lancet*, 2003. Vol. 361, pp. 2128–2130.
39. Jost J., Stern C., Sterling J. Ethos of Conflict: A System Justification Perspective. In: Halperin, E., Sharvit K. (eds.). *The Social Psychology of Intractable Conflicts. Peace Psychology Book Series*. Vol. 27. Springer, Cham, 2015. DOI:10.1007/978-3-319-17861-5_4
40. Jung J.H. Religion and the Sense of Control in Cross-National Perspective: The Importance of Religious Context. *Social Currents*, 2019. Vol. 6(1), pp. 67–87. DOI:10.1177/2329496516686615
41. Kay A.C., Gaucher D., McGregor I., Nash K. Religious belief as compensatory control. *Personality and social psychology review*, 2010. Vol. 14(1), pp. 37–48. DOI:10.1177/1088868309353750
42. Kibris A., Cesur R. Does War Foster Cooperation or Parochialism? Evidence from a Natural Experiment among Turkish Conscripts [Elektronnyi resurs]. IZA Discussion Papers, 15969, Institute of Labor Economics (IZA), 2023. URL: <https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp15969.html> (Accessed 30.11.2023).
43. Kibris A., Uler N. The Impact of Exposure to Armed Conflict on Risk and Ambiguity Attitudes (January 11, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3838073> (Accessed 30.11.2023).
44. Kim Y.I., Lee J. The long-run impact of a traumatic experience on risk aversion. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2014. Vol. 108, pp. 174–186.
45. Knežević G., Lazarević L.B., Mededović J., Petrović B., Stankov L. The relationship between closed-mindedness and militant extremism in a post-conflict society. *Aggressive behavior*, 2022. Vol. 48(2), pp. 253–263. DOI:10.1002/ab.22017
46. Kočan F., Zupančič R. Capturing post-conflict anxieties: towards an analytical framework. *Peacebuilding*, 2023. DOI:10.1080/21647259.2023.2184116
47. Koch M.T., Nicholson S.P. Death and Turnout: The Human Costs of War and Voter Participation in Democracies. *American Journal of Political Science*, 2016. Vol. 60(4), pp. 932–946.
48. Kruglanski A.W., Pierro A., Mannetti L., De Grada E. Groups as epistemic providers: need for closure and the unfolding of group-centrism. *Psychological review*, 2006. Vol. 113(1), pp. 84–100
49. Kurapov A., Pavlenko V., Drozdov A., Bezliudna V., Reznik A., Isralowitz R. Toward an understanding of the Russian-Ukrainian War impact on university students and personnel. *Journal of Loss and Trauma*, 2022. Vol. 28(2), pp. 167–174. DOI:10.1080/15325024.2022.2084838

50. Lazurenko O., Tertychna N., Smila N. Correlation Between Time Perspective and Defense Mechanisms of Ukrainian Students During the War. *Journal of Education Culture and Society*, 2023. Vol. 14(1), pp. 198–206. DOI:10.15503/jecs2023.1.198.206
51. Lerner J.S., Tiedens L.Z. Portrait of the angry decision maker: How appraisal tendencies shape anger's influence on cognition. *Journal of Behavioral Decision Making*, 2006. Vol. 19(2), pp. 115–137.
52. Mededović J., Petrović B. Predictors of party evaluation in post-conflict society — the case of Serbia. *Psihologija*, 2013. Vol. 46, pp. 27–43.
53. Mededović J., Petrović B., Radović O., Radetić-Lovrić S. (Im)moral foundations of intergroup conflicts. In Proceedings of the XXIII meeting Empirical Studies in Psychology. Belgrade, Serbia: Institute for Psychology and Laboratory for Experimental Psychology, 2017, pp. 135–136.
54. Morina N., Stam K., Pollet T.V., Priebe S. Prevalence of depression and posttraumatic stress disorder in adult civilian survivors of war who stay in war-afflicted regions. A systematic review and meta-analysis of epidemiological studies. *Journal of affective disorders*, 2018. Vol. 239, pp. 328–338. DOI:10.1016/j.jad.2018.07.027
55. Muminovic A., Efendic A.S. The long-term effects of war exposure on generalized trust and risk attitudes: evidence from post-conflict Bosnia and Herzegovina. *Southeast European and Black Sea Studies*, 2022. Vol. 23, pp. 299–316.
56. Obschonka M., Stuetzer M., Peter R., Jeff P., Samuel G., Samuel G. Did Strategic Bombing in the Second World War Lead to 'German Angst'? A Large-Scale Empirical Test across 89 German Cities. *European Journal of Personality*, 2017. Vol. 31, pp. 234–257.
57. Petrović B., Mededović J., Radović O., Radetić Lovrić S. Conspiracy Mentality in Post-Conflict Societies: Relations With the Ethos of Conflict and Readiness for Reconciliation. *Europe's Journal of Psychology*, 2019. Vol. 15, pp. 59–81.
58. Porat R., Halperin E., Bar-Tal D. The Effect of Sociopsychological Barriers on the Processing of New Information about Peace Opportunities. *Journal of Conflict Resolution*, 2015. Vol. 59(1), pp. 93–119. DOI:10.1177/0022002713499719
59. Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E. Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat. *Cognition and Emotion*, 2019. Vol. 33, pp. 480–491. DOI:10.1080/02699931.2018.1460321
60. Scheidel W. The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century. Princeton Univ. Press, 2018. 528 p.
61. Scheve K., Stasavage D. Taxing the Rich: A History of Fiscal Fairness in the United States and Europe. Princeton Univ. Press, 2016. 288 p.
62. Shai O. Does armed conflict increase individuals' religiosity as a means for coping with the adverse psychological effects of wars? *Social Science & Medicine*, 2022. Vol. 296, 114769. DOI:10.1016/j.socscimed.2022.114769
63. Simchon A., Turkin C., Svoray T., Kloog I., Dorman M., Gilead M. Beyond doubt in a dangerous world: The effect of existential threats on the certitude of societal discourse. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2021. Vol. 97, 104221.
64. Slovic P., Zionts D., Woods A.K., Goodman R., Jinks D. Psychic numbing and mass atrocity. In E. Shafir (Ed.). *The behavioral foundations of public policy*. Princeton University Press, 2013, pp. 126–142.
65. Somer E., Ruvio A. The Going Gets Tough, So Let's Go Shopping: On Materialism, Coping, and Consumer Behaviors Under Traumatic Stress. *Journal of Loss and Trauma*, 2014. Vol. 19(5), pp. 426–441. DOI:10.1080/15325024.2013.794670
66. Summerfield D. The social, cultural and political dimensions of contemporary war. *Medicine, Conflict and Survival*, 1997. Vol. 13(1), pp. 3–25. DOI:10.1080/13623699708409311
67. Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A.H., Becker J.C. et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat.

- Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*, 2018. Vol. 115(29), pp. 7521–7526. DOI:10.1073/pnas.1713191115
68. van Elk M. Proximate and ultimate causes of supernatural beliefs. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13:949131. DOI:10.3389/fpsyg.2022.949131
69. van Prooijen J. An Existential Threat Model of Conspiracy Theories. *European Psychologist*, 2020. Vol. 25, pp. 16–25. DOI:10.1027/1016-9040/a000381
70. Webber D., Kruglanski A.W. Psychological Factors in Radicalization: A “3N” Approach. In Gary LaFree and Joshua Freilich (eds.). *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. West Sussex: Wiley Blackwell, 2017, pp. 33–46.

Информация об авторах

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Information about the authors

Timofei A. Nestik, Doctor of Psychology, Professor of RAS, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Получена 18.12.2023

Received 18.12.2023

Принята в печать 19.12.2023

Accepted 19.12.2023

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии

Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Б.Г.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения
наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Е.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина И.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Цель. Теоретическое обоснование модели оценки риска радикализации в подростковой среде.

Контекст и актуальность. Радикализация в подростковой среде является одной из важных проблем в современном обществе. Поиск механизмов, по которым разворачивается этот процесс, а также разработка профилактических и превентивных мер оказываются в фокусе внимания исследователей.

Используемая методология. В рамках теории социальной идентичности и с опорой на теорию неопределенности идентичности М. Хогга сформулирована и изложена модель оценки риска радикализации в подростковой среде.

Основные выводы. Ключевой постулат модели оценки риска радикализации в подростковой среде таков: индивиды, имеющие множественную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, различаются по тому, какие группы их привлекают (дают им значимую позитивную социальную идентичность). Индивиды, которые не имеют множественной социальной идентичности, отдают предпочтение в пользу группы, которая дала бы им четкий и ясный прототип.

Ключевые слова: радикализация; чувство неопределенности; социальная идентичность; модель оценки риска, подросток.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации от 13.02.2023 № 073-00038-23-02 «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитаты: Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140402>

Risk of Radicalisation in Adolescents: Theory, Facts and Comments

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Daria V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Evgeniya D. Belova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Objective. Elaboration of a model to assess the risk of radicalisation in adolescence.

Background. The problem of radicalisation in adolescence is one of the most important problems in modern society, the search for mechanisms of radicalisation, as well as the development of preventive measures are in the focus of attention of researchers.

Methodology. In the logic of the social identity approach and based on the uncertainty-identity theory of M. Hogg, a model for assessing the risk of radicalisation in adolescence is formulated and outlined.

Conclusions. The formulated model for assessing the risk of radicalisation in adolescence postulates: individuals with multiple social identities and individuals without multiple social identities differ in groups that attract them (groups that provide them with meaningful positive social identity): those without multiple social identities have a preference for a group that would give them a clear and certain prototype.

Keywords: radicalization; feeling of uncertainty; social identity; risk assessment model, adolescent.

Funding. The work was performed as a part of the research project “Assessment of the radicalisation risk among young people” (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, no. 073-00038-23-02 dated 13.02.2023).

For citation: Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B. Risk of Radicalisation in Adolescents: Theory, Facts and Comments. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140402> (In Russ.).

Введение

Радикализация в подростковой среде является одной из важных проблем в современном обществе. Поиск механизмов, по которым разворачивается этот процесс, а также разработка профилактических и превентивных мер оказываются в фокусе внимания исследователей целого ряда наук, будь то психология, социология, психиатрия, политические, юридические и образовательные науки [11; 14; 15; 21].

Ф. Хосрохавар указывает, что радикализация подростков в Европе была выше в 2013–2016 годах, чем в настоящее время, связывая это с исчезновением ИГИЛ¹. Однако проблема радикализации по-прежнему является собой угрозу обществу, не разрешена и требует своего дальнейшего изучения, а также соответствующей превентивной интервенции [21].

Говоря о радикализации подростков, исследователи зачастую распространяют на подростковый возраст те же знания, которые касаются радикализации взрослых, и открытым остается вопрос о том, насколько такое обобщение законно [6]. Теоретическое осмысление процесса радикализации в подростковой среде предполагает опору на теоретическую модель, которая была бы адекватна специфике подростковой среды, опиралась на экспериментальную проверку. Наконец, стоит принимать во внимание два важных факта: во-первых, специалисты в области психического здоровья, сравнивая подростков, вовлеченных в радикализацию и терроризм, с делинквентными подростками, не вовлеченными в радикализацию

и терроризм, отмечают, что *радикализованные* подростки не характеризуются какими-то определенными нарушениями психического благополучия, не имеют суицидальных тенденций, им не свойственен недостаток эмпатии [12]; во-вторых, исследователи сходятся в точке зрения, что подростковый возраст характеризуется поиском идентичности, и именно этот поиск трактуется как ключевой фактор радикализации [11], хотя радикализация является результатом целого набора иных потенциальных предикторов [17].

Идентичность так или иначе присутствует в качестве объяснительного механизма в моделях радикализации, объясняющих вовлечение взрослых людей в деятельность террористических групп [6]. Например, в моделях Р. Борема, Ф. Мохаддама, М.Д. Силбера и А. Батта [6]. Фактор идентичности включен в программы оценки риска радикализации, ориентированные на подростково-молодежную среду: в частности, в системе SAFIRE [24], разработанной для мониторинга подростково-молодежной среды, предлагается различать группы поведенческих признаков, свидетельствующих о процессе радикализации: 1) идентичность и ее поиск; 2) ингруповая и аутгрупповая дифференциация; 3) социальное взаимодействие, способствующее насилию, и дистанцирование от привычного ближайшего окружения (друзья и семья); 4) трансформация имиджа; 5) ассоцирование с экстремистскими группами [24].

Приведенные выше примеры не являются исчерпывающими, однако уже

¹ Признана террористической организацией, запрещена в Российской Федерации с 29 декабря 2014 года.

на их основе представляется возможным говорить о том, что анализ процесса радикализации в подростковой среде требует такой теоретической рамки, где идентичность была бы ключевым объясняющим конструктом, при этом сама теоретическая рамка опиралась бы на экспериментальные факты. Упомянутые выше модели Р. Борема, Ф. Мохаддама, М.Д. Силбера и А. Батта являются описательными и не могут быть проверены в экспериментальном исследовании (что означало бы радикализацию испытуемых для проверки модели).

Среди различных объяснятельных моделей [6] только одна соответствует этим критериям: речь идет о теории неопределенности идентичности М. Хогга [8; 19; 20], в которой объясняется психологический механизм радикализации: то, зачем и как индивид совершает выбор в пользу группы с жесткими правилами и вовлекается в деятельность во имя этой группы.

Модель оценки риска радикализации в подростковой среде

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы обсудить модель оценки риска, а также критически осмыслить первые эмпирические результаты, полученные в ходе ее пилотажной проверки.

Положения теории социальной идентичности Г. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера достаточно давно известны отечественным социальным психологам благодаря усилиям таких отечественных авторов, как П.Н. Шихирев, В.С. Агеев, Г.М. Андреева [1; 2; 7]. Будучи ограниченными рамками статьи, предельно кратко обозначим здесь ключевые теоретические положения, к которым апеллирует излагаемая модель оценки риска радикализации в подростковой среде.

По определению Дж. Тернера, социальная идентичность — «когнитивный механизм, который делает возможным групповое поведение» [27, р. 21]. Это подразумевает, что групповое поведение возникает тогда, когда человек определяет себя через призму социальной идентичности (апеллируя к теории самокатегоризации Дж. Тернера, этот процесс предполагает деперсонализацию: когда Я воспринимается в терминах стереотипных характеристик ингруппы), что означает, что социальная идентичность становится более важной, первостепенной, чем персональная идентичность. Не уникальное чувство Я, а именно чувство принадлежности к группе (Мы) определяет то, как человек смотрит на мир, относится к нему, действует в нем [18]. Социальные идентичности в логике теории Дж. Тернера являются собой когнитивные представления о своем Я, основанные на групповой принадлежности, их доступность варьирует в зависимости от соответствующего социального контекста.

Восприятие себя в терминах стереотипных качеств, характерных для своей группы, в сочетании с ингрупповым фаворитизмом являются устойчивыми эффектами актуализации социальной идентичности [26].

В рамках теории социальной идентичности группа — это категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом и дифференцирующих себя от людей с другой идентичностью. Теория социальной идентичности нацелена на то, чтобы объяснить, как люди принимают социальную идентичность и ведут себя в соответствии именно с ней, а не с персональной идентичностью. Если кратко осмыслить логику этого подхода, то вслед за Н. Эллемерс и А. Хасламом стоит подчеркнуть, что теория социальной

идентичности отвечает на три основных вопроса [16]:

Первый вопрос касается психологических процессов, а именно: социальная категоризация, социальное сравнение и социальная идентификация, которые позволяют объяснить, почему и как социальные идентичности отличаются от персональных идентичностей. *Социальная категоризация* определяет то, как люди классифицируются по группам. Этот процесс позволяет индивидам реагировать на сложные социальные ситуации. Так, когда людей относят к одной и той же группе, считается, что они обладают общей определяющей характеристикой группы, именно она отличает их от других людей, не обладающих этой характеристикой. Этот психологический процесс позволяет подчеркивать сходство людей, принадлежащих к одной категории, и акцентировать внимание на отличиях от людей, которые принадлежат к другим категориям.

Посредством процесса *социального сравнения* интерпретируются и оцениваются характеристики той или иной группы. Важность этого процесса объясняется тем, что объективный стандарт для определения ценности той или иной группы отсутствует, путем социального сравнения возможно ответить на вопрос о том, является ли группа «хорошей» или «плохой».

Социальная идентификация позволяет человеку прийти к осознанию того, что он включен в определенную группу, что это членство имеет эмоциональную значимость и ценность для него.

Второй вопрос затрагивает стратегии поддержания позитивной социальной идентичности: индивидуальная мобильность, социальное творчество и социальное соревнование.

Суть стратегии *индивидуальной мобильности* заключается в том, что люди

стремятся избегать принадлежности к группе, которая обесценивает их в силу низкого социального статуса. Для преодоления этого обесценивания они стремятся быть включенными в группу с более высоким социальным статусом.

Стратегия *социального творчества* предполагает, что члены группы стремятся переопределить межгрупповое сравнение, представляя свою группу в терминах положительных, а не отрицательных характеристик (за счет изменения основания для сравнения; сравнения с другими группами; изменения значения своей группы, имеющей низкий социальный статус).

Стратегия *социального соревнования* сводится к тому, что члены группы участвуют в различных формах конфликта, направленных на изменение положения (статус-кво) своей группы.

Наконец, во внимание принимаются ключевые характеристики социальной структуры (проницаемость границ группы, стабильность статуса группы, легитимность актуальных статусных отношений), которые определяют то, какая из указанных выше стратегий поддержания позитивной социальной идентичности будет использована в том или ином случае. Стоит подчеркнуть, что речь здесь скорее идет о перцептивных процессах, связанных с этими характеристиками социальной структуры, нежели о самих характеристиках социальной структуры.

Проницаемость групповых границ подразумевает убеждение членов группы о том, что они могут действовать как независимые субъекты в данной социальной системе.

Если границы воспринимаются как проницаемые, то индивиды (в случае негативной социальной идентичности) с большей вероятностью будут стремиться к индивидуальной мобильности как при-

влекательной и жизнеспособной стратегии для достижения позитивной социальной идентичности.

Если же границы воспринимаются как непроницаемые, то индивиды, скорее всего, будут воспринимать себя связанными с группой, как результат, — будут пытаться повысить статус на уровне группы.

Стабильность статуса группы означает, что некоторые различия в статусе между группами считаются изменчивыми, другие же — стабильными. Следовательно, если различия считаются стабильными, то индивиды, чья социальная идентичность обесценивается за счет принадлежности к группе с низким статусом, с меньшей вероятностью будут выбирать стратегию социального соревнования, отдавая предпочтение стратегии индивидуальной мобильности. Однако невозможность покинуть группу в силу непроницаемости групповых границ способствует предпочтению стратегии социального творчества.

Легитимность актуальных статусных отношений касается убеждений, которые определяют мотивацию к изменениям [16].

Если обобщить сказанное выше, то стоит указать на следующие постулаты этого подхода, которые являются ключевыми для понимания излагаемой здесь модели оценки риска радикализации в подростковой среде: во-первых, индивиды стремятся к достижению или поддержанию позитивной социальной идентичности; во-вторых, позитивная социальная идентичность опирается на такие сравнения своей группы и соответствующих чужих групп, которые позволяют воспринимать свою группу как позитивно дифференциированную от чужих групп; в-третьих, негативная социальная идентичность будет подталкивать индивида к действиям, которые позволяют обрести позитивную социальную идентич-

ность (среди возможностей — покинуть свою группу и присоединиться к группе, которая даст позитивную социальную идентичность, или сделать так, чтобы группа обрела позитивную социальную идентичность и пр.).

Индивиду необходимо устойчивое чувство идентичности, ибо неопределенность относительно себя затрудняет построение стратегии взаимодействия с окружающим миром [8; 19; 20]. Очевидно, что социальная идентичность, будучи интернализированной групповой принадлежностью, необходима для того, чтобы определить, *кто мы такие* в той или иной ситуации [16; 18]. Как отмечает А. Хаслам, идентификация с группой имеет для человека важные психологические последствия, а именно: группа дает ему ценности и нормы, в соответствии с которыми он действует; будучи членом группы, человек вовлекается в процессы социального влияния; степень идентификации с группой ведет к переживанию своей связи с другими членами группы. Социальная идентичность дает человеку возможность обрести смысл, цель и ценность своего существования, обеспечивает его чувством эффективности и власти [18]. Социальная идентичность позволяет человеку обрести предсказуемость окружающего мира.

В рамках теории социальной идентичности предпринимались исследования на представителях подростково-молодежной среды (например, [3; 23; 26]). Этот факт важен по двум причинам. Во-первых, он указывает на адекватность использования этого теоретического подхода для интересующей нас возрастной категории. Во-вторых, результаты таких исследований важны для понимания специфики процессов, связанных с социальной идентичностью в подростковом возрасте, поскольку можно ожидать, что

в подростковом возрасте происходят изменения, которые соответствуют персональной идентичности (той части Я, которая касается индивидуальных качеств субъекта).

Изменения, происходящие на уровне социальной идентичности в подростковом возрасте, имеют свою специфику, однако этому аспекту уделяется меньше внимания, по сравнению с персональной идентичностью [18; 26].

Обратимся здесь к результатам двух исследований, которые видятся нам адекватными в свете модели оценки риска радикализации. Так, А. Пальмонари с коллегами [23] предприняли исследование на значительной выборке представителей подростковой среды (3744 человека) и обнаружили, что сильная групповая идентификация способствует формированию самооценки, а также помогает справляться с проблемами подросткового возраста [23].

В другой работе, реализованной К. Танти с коллегами [26], на выборке подростков ($n = 380$ человек, разделенных на три возрастных периода: 12–13,5, 15–16,6, 18–20 лет) была выявлена важность социальной идентичности, связанной с группой сверстников (определение своего Я через принадлежность к группе сверстников), в раннем и позднем подростковом возрастах, что соответствует изменениям, характерным для этого возрастного периода. Исследователи подчеркивают, что именно те периоды, где социальная идентичность, получаемая в группе сверстников, оказывается более важной, по сравнению с гендерной идентичностью, соответствуют моментам изменений в социальном окружении (переход из начальной в среднюю школу или окончание школы) [26]. Этот факт примечателен и может быть рассмотрен в логике теории неопределенности идентичности:

моменты неопределенности повышают значимость социальной идентичности.

Потенциал теории социальной идентичности позволил сформулировать целый ряд оригинальных концепций, основанных на ее основных постулятах [3; 18–20], и теория неопределенности-идентичности — одна из них.

Преимущество теории М. Хогга, по сравнению с другими объяснительными схемами радикализации, заключается в ее релевантности процессам и явлениям современного мира, пугающим своей неопределенностью и непредсказуемостью [8].

Конструкт неопределенности не является чем-то новым в психологии: стоит вспомнить, к примеру, труды Э. Фромма, Л. Фестингера, Д. Канемана, А.Г. Асмолова, Д.А. Леонтьева, Т.А. Нестика и многих других [5; 19]. В то же время необходимо отметить, что трактовка неопределенности М. Хогга существенно отличается от того, как это делается в работах указанных авторов. М. Хогг исходит из того, что неопределенность зависит именно от социального контекста, а не от особенностей индивида. С точки зрения Хогга, посредством социально-когнитивного процесса неопределенность трансформируется в групповое поведение [19; 20].

Теория М. Хогга в определенном смысле оказывается *вне конкуренции* по сравнению с другими моделями благодаря релевантности историческим фактам: неопределенность в обществе сопровождается религиозным фанатизмом и предпочтением в пользу экстремистских и радикальных идей [19]. И это справедливо как для XX, так и для XXI веков.

Логика модели неопределенности идентичности М. Хогга может быть сформулирована так: индивид испытывает чувство неопределенности, переживает его как угрозу в отношении собственного Я. Для того, чтобы снизить эту неопре-

деленность, человек ищет группу, или групповой прототип (который в рамках подхода социальной идентичности определяется как некоторый расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства индивида и предписывающих ему то или иное поведение. Иначе говоря, прототип заключает в себе знание, на основе которого можно отличить одну группу от другой: «мы — такие», «они — другие» [18]). В ситуации неопределенности привлекательными оказываются не любые группы, но исключительно такие, которые дают индивиду простой, ясный и четкий прототип. Итак, неопределенность снижается, поскольку человек получает знание о том, что ему думать и чувствовать, как поступать в той или иной ситуации [8].

Эта теория имеет очень важное следствие, которое является ключевым для понимания процесса радикализации. Люди становятся членами группировок с радикальными (экстремистскими) взглядами (или радикализируются), потому что переживание неопределенности оборачивается идентификацией с группами, имеющими крайние позиции; отсюда, чем в большей степени человек идентифицируется с такими группами, тем выше вероятность того, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы (такова цена снижения чувства неопределенности). Таким образом, социальная идентичность, являясь единственной, ригидной и предписывающей в чрезвычайной степени, подталкивает индивида к совершению действий в пользу этой группы. Тогда радикализация — это процесс поиска и обретения социальной идентичности, которая снизила бы чувство неопределенности, испытываемое индивидом [19; 20].

Следуя за положениями теории социальной идентичности, а также принимая

идеи теории М. Хогга [19; 20], нами была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростковой среде [4]. Исходным конструктом модели оценки риска является социальная идентичность, та самая интернализованная принадлежность человека к группе, которая позволяет ему ответить на вопрос: «Кто я такой в данном контексте?». Чувство неопределенности сопряжено с особенностями социальной идентичности, поскольку человек, испытывая это чувство, задается вопросами: «Что делать?», «Кем быть?», «Что думать?». Чувство неопределенности интерпретируется как производная от социального контекста, а не особенность, присущая личности радикализирующегося субъекта, что соответствует логике М. Хогга.

Принимая во внимание тезис Г. Тэшфела о том, что человек обладает рядом социальных идентичностей, некоторые из которых важны для него, другие — нет [16], в модели оценки риска радикализации учитываются особенности социальной идентичности индивида. А. Хаслам [18] в рамках новой психологии здоровья развивает тезис о том, что множественность позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, оказывается серьезным потенциалом для соматического благополучия индивида, что объясняется приумножением тех преимуществ психологического толка, которые индивид извлекает из группового членства [18]. Идентификация с различными группами является своего рода ресурсом, «удерживающим» от радикализации фактором, отсутствие множественных позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, является фактором, «подталкивающим» в сторону радикализации. Если индивид не обладает преимуществами, обозначенными выше, то

под угрозой оказывается удовлетворение базовых потребностей, а это побуждает к изменению ситуации.

В модели оценки риска радикализации уделяется внимание специфике групп, с которыми идентифицируется индивид, учитывается, являются ли они малыми (семья, друзья, школьный класс) или большими группами (этнос, возрастная, гендерная группа). Насколько позволяют судить результаты, полученные Б. Ликелем с коллегами [22], семья и друзья — это примеры высоко энтигативных групп. Коль скоро радикализация — это процесс поиска социальной идентичности (или поиска определенного группового прототипа), то факт отстранения от семьи и друзей является собой указание на потерю социальной идентичности или отсутствие идентификации с группами из близкого окружения [24]. Это еще один индикатор уязвимости индивида, «подталкивающий» фактор с точки зрения процесса радикализации. В модели SAFIRE отстранение от ближайшего окружения соответствует третьей стадии процесса радикализации [4].

Анализ специфики социальных идентичностей индивида предполагает изучение особенностей групп, к которым принадлежит индивид, а также особенностей группы, к которой индивид хотел бы присоединиться (т.е. речь идет об анализе прототипа группы). В результате мы получаем ответ на вопрос об особенностях *психологического ресурса*, которым располагает индивид. Кроме того, группа, к которой стремится присоединиться индивид с чувством неопределенности, должна характеризоваться высокой степенью энтигативности (или же восприниматься как высоко энтигативная) [4; 19; 20]. Отсюда — индивиды с множественной социальной идентичностью и индивиды с недостаточной социальной

идентичностью разнятся по тому, какие группы их привлекают, какие социальные идентичности они хотели бы иметь, т.е. прототип искомой группы у этих индивидов должен быть различным. Для индивидов с недостаточной социальной идентичностью привлекательной должна быть группа, предлагающая простой и ясный прототип.

В модели оценки риска радикализации в подростковой среде учитывается, что динамика радикализации может быть зафиксирована как качественные различия в самом начале и в конце пути прихода к легитимизации терроризма. Это согласуется с логикой, которая лежит в основе постадийных моделей радикализации [6; 24]: изначально события, связанные с радикализацией, происходят преимущественно в когнитивном плане, на стадиях, приближенных к завершению радикализации, этот процесс реализуется в поведенческом плане.

Первоначальные стадии радикализации, если рассматривать их в логике модели, охарактеризованной выше, сопряжены с переживанием неопределенности и поиском способов ее снижения [4]. Индивид ищет не просто социальную идентичность, но специфическую социальную идентичность (прототип, соответствующий высоко энтигативной группе, ибо он прост и ясен) [10; 13]. Ситуация этого индивида характеризуется недостаточностью социальных идентичностей, отсутствием идентификации с группами, которые бы помогли ему снизить чувство неопределенности. Подчеркнем, что пока еще открытым остается вопрос о том, что именно происходит на когнитивном уровне индивида до того, как в поведенческом плане будут заметны признаки радикализации [4].

В постадийных моделях радикализации уделяется внимание анализу

трансформаций социально-перцептивных процессов [6]. Подчеркнем, что эти трансформации становятся понятными в рамках подхода социальной идентичности. Более того, идея трансформации социально-перцептивных процессов особенно интересна в связи с тем, что на поздних стадиях процесса радикализации индивиды выстраивают определенную дистанцию с ближайшим окружением (семья, друзья) [24]. Используя модель Хогга [19; 20], можно говорить о том, что имеет место процесс деидентификации с этими группами.

Подводя итог, укажем на необходимость исследования, которое позволило бы проверить сформулированную выше модель оценки риска радикализации в подростковой среде. В частности, проверке подлежит предположение, согласно которому индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности (набора позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, особенно если среди этих идентичностей отсутствуют идентичности, получаемые в группах близкого окружения — семьи и друзей), испытывают чувство неопределенности, которое подталкивает их к поиску социальной идентичности (или группового прототипа) в высоко энтиративной группе для снижения этого чрезвычайно неприятного чувства путем обретения однозначного четкого прототипа [4].

Особенное внимание стоит обратить на тот факт, что модели оценки риска в целом и радикализации в частности со-пряжены с рядом этических проблем, о чём говорится в соответствующей литературе [24]. Такие модели позволяют говорить о распознавании уязвимых индивидов, однако наряду с этим необходимы дополнительные диагностические процедуры для получения более детальной и

глубокой картины в случае каждого индивида, категоризованного как уязвимого. В излагаемой здесь модели этическая сторона вопроса принимается во внимание следующим образом: индивиды, у которых обнаруживается сочетание ряда «подталкивающих» к радикализации факторов, должны быть подвергнуты дополнительной диагностической процедуре. В частности, речь идет об использовании процедуры картографирования социальной идентичности [9].

Изложенная здесь модель оценки риска радикализации в подростковой среде получила первую эмпирическую проверку в пилотажном исследовании [4]: результаты свидетельствуют о частичной эмпирической поддержке предположения, согласно которому недостаточная социальная идентичность является собой предиктор поиска четкого и ясного группового прототипа.

Образы привлекательной и непривлекательной групп обнаруживают большее сходство у школьников с недостаточной социальной идентичностью, по сравнению со школьниками с множественной социальной идентичностью. Факт аморфности границ между привлекательной и непривлекательной группами может быть проинтерпретирован как еще один показатель переживания неопределенности. По модели SAFIRE это вполне соответствует первой стадии процесса радикализации [24]. Особенно если принимать во внимание то, что эти подростки не рассматривают группы из ближайшего окружения (семья и друзья) как своего рода ресурс для идентификации для получения позитивной социальной идентичности. Отсюда, представляется возможным говорить о том, что эти подростки (в логике модели Хогга) с большой вероятностью будут уязвимы в поиске простого и ясного группового прототипа [4].

Заключение

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы обсудить модель оценки риска, а также критически осмыслить первые эмпирические результаты, полученные в ходе ее пилотажной проверки.

В рамках теории социальной идентичности [16; 18; 25; 27], следуя за идеями теории неопределенности идентичности М. Хогга [8; 19; 20], которая «унаследовала» сильные стороны подхода социальной идентичности (в частности, это касается артикуляции индивидуального и социального, что позволяет объяснять то, как действия индивида определяются социальными силами [19; 20]), нами была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростковой среде.

В модели М. Хогга чувство неопределенности, которое испытывает индивид, подталкивает его в сторону предпочтения такой группы, которая обеспечила бы его новой социальной идентичностью (всеохватывающей, ригидной, эксклюзивной, предписывающей в крайней степени) [8; 19; 20]. Индивиды, имеющие множественную социальную идентич-

ность, и индивиды, не имеющие оной, различаются по тому, какие группы их привлекают (другими словами, дают значимую позитивную социальную идентичность), а именно: те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдают предпочтение в пользу группы, которая дала бы им четкий, ясный, однозначный прототип.

Первые результаты пилотажного исследования [4], полученные на выборке представителей подростковой среды, обладают определенной ценностью, позволяя дифференцировать групповой прототип в группах школьников с недостаточной и множественной социальными идентичностями.

Очевидно, что изложенная здесь модель предполагает реализацию последующих исследований, направленных на проверку основополагающего предположения модели оценки риска, что позволило бы сделать более определенные выводы относительно факторов, которые подталкивают к радикализации, и факторов, которые удерживают подростков от вступления на опасный путь, ведущий к легитимизации терроризма.

Литература

1. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.: МГУ, 1983. 144 с.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс. 2000. 288 с.
3. Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2006. 390 с.
4. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307
5. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 546 с.
6. Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32–40. DOI:10.17759/chp.2017130305
7. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН, 1999. 447 с.

8. *Belavadi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication // Advances in Group Processes / S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 61–77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
9. *Bentley S.V. et al.* A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections // Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond / In I. Winkler, S. Reissner, R. Pereira (Eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023. P. 87–102. DOI:10.4337/9781802207972.00018
10. *Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S.* Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups // Group Processes & Intergroup Relations. 2020. Vol. 23. P. 91–108. DOI:10.1177/1368430217743577
11. *Bronsard G., Cherney A., Vermeulen F.* Editorial: Radicalization Among Adolescents // Frontiers in psychiatry. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2022.917557
12. *Bronsard G. et al.* Adolescents Engaged in Radicalisation and Terrorism: A Dimensional and Categorical Assessment // Frontiers in psychiatry. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2021.774063
13. *Campbell D.* Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // Behavioral Science. 1958. Vol. 3. P. 14–25. DOI:10.1002/bs.3830030103
14. *Campelo N. et al.* A Clinical and Psychopathological Approach to Radicalization Among Adolescents // Frontiers in psychiatry. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2022.788154
15. *Chantepy-Touil C.* Adolescence et radicalisation: une nouvelle conduite à risque. Diversité. 2023. Vol. 17. URL: <https://publications-prairial.fr/diversite/index.php?id=3611> (дата обращения: 31.10.2023).
16. *Ellemers N., Haslam S.A.* Social identity theory / In: P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.) // Handbook of theories of social psychology. Sage Publications Ltd., 2012. P. 379–398. DOI:10.4135/9781446249222.n45
17. *Emmelkamp J. et al.* Risk factors for (violent) radicalization in juveniles: a multilevel meta-analysis // Aggression and Violent Behaviour. 2020. Vol. 55. DOI:10.1016/j.avb.2020.101489
18. *Haslam C. et al.* The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure. London: Routledge, 2018. 490 p. DOI:10.4324/9781315648569
19. *Hogg M.A.* Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // European Review of Social Psychology. 2021. Vol. 32. P. 235–268. DOI:10.1080/10463283.2020.1827628
20. *Hogg M.A.* Walls between groups: Self-uncertainty, social identity, and intergroup leadership // Journal of Social Issues. 2023. Vol. 79. P. 825–840. DOI:10.1111/josi.12584
21. *Khosrokhavar F.* Radicalisation. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2019. 192 p.
22. *Lickel B., Hamilton D.L., Wieczorkowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N.* Varieties of groups and the perception of group entitativity // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78(2). P. 223–246. DOI:10.1037/0022-3514.78.2.223
23. *Palmonari A., Pombeni M.L., Kirchler E.* Adolescents and their peer groups: a study on the significance of peers, social categorization processes and coping with developmental tasks // Social Behaviour. 1990. Vol. 5(1). P. 33–48.
24. *Sarma K.M.* Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72(3). P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121
25. *Tajfel H.* La catégorisation sociale // Introduction à la psychologie sociale / S. Moscovici (ed.). Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
26. *Tanti C., Stukas A.A., Halloran M.J., Foddy M.* Social identity change: shifts in social identity during adolescence // Journal of Adolescence. 2011. Vol. 34(3). P. 555–567. DOI:10.1016/j.adolescence.2010.05.012

27. Turner J. Towards a cognitive redefinition of the social group // Social identity and intergroup relations / H. Tajfel (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 15—40.

References

1. Ageev V.S. Psikhologiya mezhgruppovykh otnoshenii [Psychology of intergroup relations]. Moscow: MGU, 1983. 144 p. (In Russ.).
2. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt press, 2000. 288 p. (In Russ.).
3. Belinskaya E.P. Identichnost' lichnosti v usloviyakh sotsial'nykh izmenenii. Diss. dokt. psikhol. nauk [Personal identity in the context of social changes. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2006. 390 p. (In Russ.).
4. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B. Otsenka risika radikalizatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede: nekotorye empiricheskie fakty [Elektronnyi resurs] [Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents and Young Adults: Some Empirical Evidence]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 93—107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen [Mobilis in mobili: personality in time of changes] / Pod obshch. red. A.G. Asmolova. Moscow: Publishing houseYaSK, 2018. 546 p. (In Russ.).
6. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radikalizatsiya v podrostkovo-molodezhnoi srede: v poiskakh ob"yasnitel'noi skhemy [Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32—40. DOI:10.17759/chp.2017130305 (In Russ.).
7. Shikhirev P.N. Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya [Modern social psychology]. Moscow: Publishing house of Russian Academy of Science, 1999. (In Russ.).
8. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In Thye S.R., Lawler E.J. (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
9. Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections. In Winkler I., Reissner S., Pereira R. (eds.). *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023, pp. 87—102. DOI:10.4337/9781802207972.00018
10. Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020. Vol. 23, pp. 91—108. DOI:10.1177/1368430217743577
11. Bronsard G., Cherney A., Vermeulen F. Editorial: Radicalization Among Adolescents. *Frontiers in psychiatry*, 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.917557
12. Bronsard G. et al. Adolescents Engaged in Radicalisation and Terrorism: A Dimensional and Categorical Assessment. *Frontiers in psychiatry*, 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2021.774063
13. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp. 14—25. DOI:10.1002/bs.3830030103
14. Campelo N. et al. Clinical and Psychopathological Approach to Radicalization Among Adolescents. *Frontiers in psychiatry*, 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.788154
15. Chantepy-Touil C. Adolescence et radicalisation: une nouvelle conduite à risque. *Diversité*, 2023. Vol. 17. URL: <https://publications-prairial.fr/diversite/index.php?id=3611> (Accessed 31.10.2023).

16. Ellemers N., Haslam S.A. Social identity theory. In: P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd., 2012, pp. 379–398. DOI:10.4135/9781446249222.n45
17. Emmelkamp J., Asscher J.J., Wissink I.B., Stams G.J.J. Risk factors for (violent) radicalization in juveniles: a multilevel meta-analysis. *Aggression and Violent Behaviour*, 2020. Vol. 55. DOI:10.1016/j.avb.2020.101489
18. Haslam C. et al. The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure. London: Routledge, 2018. 490 p. DOI:10.4324/9781315648569
19. Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 2021. Vol. 32, pp. 235–268. DOI:10.1080/10463283.2020.1827628
20. Hogg M.A. Walls between groups: Self-uncertainty, social identity, and intergroup leadership. *Journal of Social Issues*, 2023. Vol. 79, pp. 825–840. DOI:10.1111/josi.12584
21. Khosrokhavar F. Radicalisation. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2019. 192 p.
22. Lickel B., Hamilton D.L., Wieczorkowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 78, no. 2, pp. 223–246. DOI:10.1037/0022-3514.78.2.223
23. Palmonari A., Pombeni M.L., Kirchler E. Adolescents and their peer groups: a study on the significance of peers, social categorization processes and coping with developmental tasks. *Social Behaviour*, 1990. Vol. 5, no. 1, pp. 33–48.
24. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121
25. Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici (ed.). *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse, 1972, pp. 272–302.
26. Tanti C., Stukas A.A., Halloran M.J., Foddy M. Social identity change: shifts in social identity during adolescence. *Journal of Adolescence*, 2011. Vol. 34, no. 3, pp. 555–567. DOI:10.1016/j.adolescence.2010.05.012
27. Turner J. Towards a cognitive redefinition of the social group. In: Social identity and intergroup relations / H. Tajfel (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1982, pp. 15–40.

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Евгения Дмитриевна, специалист, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Associate Professor, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Darya V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Evgeniya D. Belova, Specialist, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 01.10.2023

Received 01.10.2023

Принята в печать 11.11.2023

Accepted 11.11.2023

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп в условиях информационной неопределенности

Лебедев А.Н.

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>, e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru

Гордыкова О.В.

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»
(НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>, e-mail: o_gordyakova@mail.ru

Цель. Рассмотреть феномен ценностно-аффективной поляризации больших социальных групп, проанализировать методологические основы исследования данного феномена в России и за рубежом, а также некоторые эмпирические результаты в проведенном авторами исследовании.

Контекст и актуальность. В связи с глобальными изменениями, происходящими в мире в условиях стремительного научно-технического прогресса, а также появления новых средств обмена информацией, во многих странах, в том числе и в России, возникли условия для проявления феномена ценностно-аффективной поляризации населения. Изучение данного феномена является крайне актуальной проблемой, поскольку позволяет не только описать психологические механизмы политического противостояния в обществе, но и разработать подходы для оценки его развития и снижения негативных последствий.

Дизайн исследования. Изучается отношение респондентов с различным типом ценностной поляризации к наиболее значимым политическим событиям в России на фоне стрессовых социальных событий, таких как проведение специальной военной операции и частичной военной мобилизации.

Участники. 548 человек с высшим образованием (60% – женщины, 40% – мужчины) в возрасте от 21 до 47 лет ($M = 34,8$; $SD = 8,6$).

Методы (инструменты). Разработанная на основе теста IAT (Implicit Association Test) методика, оценивающая имплицитные (скрытые или неосознаваемые) политические установки (ИПУ). Методика Big 5 и анкета для оценки актуальных событий в России и за рубежом и вероятности их наступления в будущем.

Результаты. Установлена связь между результатами ИПУ и прямыми ответами респондентов на вопросы анкеты. После объявления частичной военной мобилизации в обеих полярных подгруппах («лояльных» и «нелояльных») увеличилось количество людей, не доверяющих российским средствам массовой информации, которые освещают события, происходящие на территории Украины. При этом уровень патриотических настроений у населения в целом возрос. Показано, что по мере развития поляризации возникает тенденция к иррациональности суждений представителей противодействующих сторон. После объявления СВО мнения респондентов полярных групп по некоторым вопросам либо не изменились, либо стали более прочными и ярко выраженными.

Основные выводы. В настоящее время нет оснований полагать, что ценностная поляризация населения России имеет выраженную тенденцию к трансформации в поляризацию аффективную, но такая опасность существует. Обсуждаемая в статье проблема недостаточно изучена в отечественной социальной и политической психологии, однако разработка соответствующей методологии и теории, а также методов и методик позволит изучать данный феномен более глубоко и эффективно.

Ключевые слова: групповая поляризация; ценностно-аффективная поляризация; предвзятость подтверждения; высшие социальные эмоции; тест имплицитных установок.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00422, <https://rscf.ru/project/23-18-00422/>.

Для цитаты: Лебедев А.Н., Гордыкова О.В. Ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп в условиях информационной неопределенности // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 38–54. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140403>

Value-Affective Polarization of Large Social Groups in Conditions of Information Uncertainty

Alexander N. Lebedev

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>, e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru

Olga V. Gordyakova

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>, e-mail: o_gordyakova@mail.ru

Objective. The goal is to consider the phenomenon of value-affective polarization of large social groups, to analyze the methodological foundations of the study of this phenomenon in Russia and abroad, as well as some empirical results in the study conducted by the authors.

Background. Due to the global changes taking place in the world in the context of rapid scientific and technological progress, as well as the emergence of new means of information exchange, conditions have arisen in many countries, including Russia, for the manifestation of the phenomenon of value-affective polarization of the population.

The study of this phenomenon is an extremely urgent problem, since it allows not only to describe the psychological mechanisms of political confrontation in society, but also to develop approaches to assess its development and reduce negative consequences.

Study design. The article examines the attitude of respondents with different types of value polarization to the most significant political events in Russia against the background of stressful social events, such as the conduct of a special military operation and partial military mobilization.

Participants. Russian sample: 548 people with higher education (60% women, 40% men), aged 21 to 47 years ($M = 34,8$; $SD = 8,6$).

Measurements. Developed on the basis of the IAT (Implicit Association Test) test, a methodology that evaluates implicit (hidden or unconscious) political attitudes (IPA). The Big 5 methodology and questionnaire for assessing current events in Russia and abroad and the likelihood of their occurrence in the future.

Results. A connection has been established between the results of the IPU and the direct answers of the respondents to the questionnaire questions. After the announcement of partial military mobilization

in both polar subgroups (“loyal” and “disloyal”), the number of people who do not trust the Russian media, which cover events taking place on the territory of Ukraine, increased. At the same time, the level of patriotic sentiment among the population as a whole has increased. It is shown that as polarization develops, there is a tendency to irrationality of judgments of representatives of opposing parties. After the announcement of the SMO, the opinions of the respondents of the polar groups on some issues either did not change, or became more solid and pronounced.

Conclusions. Currently, there is no reason to believe that the value polarization of the Russian population has a pronounced tendency to transform into affective polarization, but such a danger exists. The problem discussed in the article has not been sufficiently studied in Russian social and political psychology, however, the development of an appropriate methodology and theory, as well as methods and techniques, will allow us to study this phenomenon more deeply and effectively.

Keywords: group polarization; value-affective polarization; confirmation bias; self-conscious emotion; implicit attitudes test.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF) № 23-18-00422, <https://rsrf.ru/project/23-18-00422/>.

For citation: Lebedev A.N., Gordyakova O.V. Value-Affective Polarization of Large Social Groups in Conditions of Information Uncertainty. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo* = Social Psychology and Society, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 38–54. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140403> (In Russ.).

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем социальной и политической психологии в настоящее время является проблема ценностно-аффективной поляризации больших социальных групп. Это связано с появлением новых информационных технологий, интернета, а также с процессами глобализации [13; 17; 20; 24; 37].

В наиболее общем виде ценностно-аффективную поляризацию социальной группы или населения какой-либо страны можно определить как явление, которое возникает в процессе разделения взглядов, мнений, суждений, оценок или мировоззрения граждан на два противоположных ценностных полюса по наиболее важным для конкретной социальной общности вопросам [3]. Возникнув на уровне ценностей и развиваясь, поляризация может достичь крайней, аффективной стадии, которую политические психологи США часто обозначают термином «partisan animus» (партизанская

враждебность), означающим агрессивность поляризованных политических объединений [19]. Ценностно-аффективная поляризация — один из наиболее важных показателей стабильности или нестабильности общества. Она также является предиктором его психологического состояния в будущем.

Исследуя данный феномен, социальные психологи также уделяют большое внимание понятию неопределенности, которое за последние годы стало одним из наиболее употребляемых в научной литературе по психологии и смежным дисциплинам [2]. Отмечается, что неопределенность в медийном пространстве, с которой постоянно сталкивается современный человек, может возникать не только в результате отсутствия необходимой информации для формирования правильного представления о чем-либо или принятия эффективных решений, но и при получении человеком противоречивой или фейковой информации.

Понятие поляризации социальной группы, история и состояние исследований феномена

Исследования поляризации мнений в социальной психологии имеют достаточно длительную историю: с начала 70-х годов XX века до настоящего времени. Принято считать, что они начались с изучения феномена «сдвига к риску», который был впервые описан американским социальным психологом Дж. Стоунером, а затем получил новую интерпретацию в работах С. Московиси, его сотрудников и единомышленников [31]. Групповой поляризацией называют явление, когда в процессе дискуссии ее участники не могут выработать какое-то усредненное мнение и объединяются в противостоящие группы меньшего размера по принципу единомыслия, поэтому противостояние групп, не имеющих общей истории, называть поляризацией неправильно [3].

Первоначально данный феномен рассматривался как сугубо когнитивный и изучался в основном в лабораторных условиях на малых экспериментальных группах. Одновременно с термином «групповая поляризация» использовался термин «групповая экстремизация». Позже в социологии и политологии различия в этих терминах стали игнорировать, и понятие экстремизации в научной литературе теперь почти не встречается.

Следует различать поляризацию общества как объективное и субъективное явление. Изучая данный феномен, исследователи часто говорят о разных его проявлениях и используют для описания поляризации такие определения, как «экономическая», «социальная», «политическая», «идеологическая», «классовая» и др. [4; 33].

Поляризация по доходу (экономическая поляризация) — это увеличение

числа людей с низким и очень низким доходом и очень высоким доходом. Еще в 1980-е годы исследователи установили, что такая поляризация в крупных городах мира (Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио и др.) значительно усилилась. Причиной тому стало резкое увеличение максимального дохода топ-менеджеров при снижении доходов рядовых работников и увеличении числа людей, чей доход был ниже прожиточного минимума [33].

Как известно, в России рост экономической поляризации оказался чрезвычайно быстрым. За 20 лет с 1991 по 2011 гг. различия между наиболее и наименее обеспеченными группами населения выросли более чем в три раза. Если в 1991 году доход богатых по сравнению с бедными был выше в 4,5 раза, то к 2011 году разница выросла до 14,7 раз и продолжает оставаться на этом уровне [9]. Любые виды поляризации чаще всего рассматриваются как потенциальные факторы дестабилизации группы или общества в целом, хотя есть авторы, которые полагают, что в определенных пределах она полезна, так как способствует развитию экономики [10].

Тем не менее экономическая поляризация общества и ценностно-аффективная поляризация прямой причинной связи не имеют. Например, Д.Н. Дракман, С. Клар, Ю. Крупников, М. Левендаски и Дж.В. Райан обнаружили, что аффективная поляризация проявляется даже на бытовом уровне, то есть и в тех сферах, которые напрямую не связаны с политикой (выбор места работы, посещение торговых центров и выбор товаров широкого потребления, заключение брака и др.) [17].

Как показывают исследования, проводимые во многих странах мира, ценностно-аффективная поляризация — это особый социально-психологический фе-

номен, который возникает лишь в демократических странах и во многом зависит от средств массовой информации (СМИ) и средств массовой коммуникации (СМК), прежде всего от государственного телевидения и относительно независимого интернета, а также от действующих в государстве законов. Они же могут и снизить уровень такой поляризации в обществе, если для ее предотвращения будут приняты специальные меры.

Как отмечают американские политологи М.Х. Грэм и М.В. Сволик, политическая поляризация постепенно разрушает демократию — чем сильнее поляризация партий, тем меньше избирателей волнует, что кандидат нарушает демократические принципы [19].

В разных странах мира феномен поляризации проявляется по-разному. Так, например, в США чаще всего используется термин «аффективная поляризация», которая является частью поляризации политической и возникает вследствие особого влияния на жизнь общества двух основных политических партий. Суть аффективной поляризации заключается в возрастании враждебности и агрессии по отношению к политическим оппонентам, а также разделяемым ими идеям и ценностям [3]. В этом случае объективная (экономическая, социальная и др.) поляризация общества, определяемая различиями между богатыми и бедными, автоматически не влияет на позицию, которую занимают люди. Здесь, как было сказано выше, многое зависит от психологических установок, которые формируются под влиянием СМИ и СМК.

Сегодня аффективная поляризация в Европе, как считают М. Вагнер и Л. Руссо, проявляется в не менее значительной степени, чем в США. В частности, она значительна в Бельгии, Испании и Великобритании [38], а также в Германии [24].

Однако ценностная основа поляризации в разных странах может отличаться. Например, в Европе она обнаруживается в политических взглядах между «космополитическими городами» и «националистической деревней» [12; 21]. Также в ряде стран выявлена поляризация, связанная с межэтническими отношениями и национальными традициями [12; 13; 21].

По мнению Л. Бокселл, М. Генцков, Дж.М. Шапиро, сегодня психологические исследования в политической жизни общества крайне актуальны, так как аффективная поляризация связана с особенностями восприятия мира и других людей [13]. При этом поскольку внутри каждой поляризованной группы имеют место высокая положительная корреляция оценок респондентами наиболее важных событий, происходящих в мире, а также статистически значимые различия при сравнении поляризованных групп в целом, то валидные и надежные результаты могут быть получены на небольших выборках, например, при проведении исследований методом фокус-групповых дискуссий. Здесь важно, чтобы респонденты достоверно относились к ценностно поляризованным подгруппам, что позволяют сделать специально разрабатываемые для этого процедуры и психологические тесты [3].

Как показывают исследования, в России психологическая поляризация общества обычно проявляется по отношению к власти и чаще всего — к первому лицу. Причем в разные исторические периоды она принимала либо скрытые формы, либо откровенно враждебные, вызывающие социальные потрясения. Однако и в России между экономической поляризацией и психологической также прямой связи не зафиксировано. Ценностно полярные позиции могут занимать люди разного возраста, пола, образования, про-

фессии, отношения к религиям, с разным уровнем объективного и субъективного материального благополучия. И как отмечал Г.В. Осипов, задача государства состоит в том, чтобы предотвратить возможное перерастание поляризации общества в тяжелые социальные конфликты [7].

Так или иначе специалисты всех направлений приходят к общему выводу о том, что поляризация может вызывать конфликты, поэтому динамику данного феномена необходимо контролировать в рамках деятельности организаций, отвечающих за социальную политику общества, прежде всего — за контроль над СМИ и СМК.

К теории ценностно-аффективной поляризации больших социальных групп

В настоящее время исследования поляризации больших социальных групп переходят на новый этап, а модели, основанные на многочисленных эмпирических исследованиях, приобретают статус достаточно стройной психологической теории, что проявляется в более глубоком понимании сути феномена и, в частности, в том, что аффективной поляризации всегда предшествует этап поляризации ценностей [3; 4]. Именно поэтому появляется возможность по анализу скорости развития ценностной поляризации и с учетом ряда других значимых факторов прогнозировать вероятность возникновения поляризации аффективной.

Ценности, являясь результатом субъективного опыта, становятся предметом поляризации мнений чаще всего. Наиболее часто она возникает между представителями различных политических партий, последователями религиозных учений и атеистами, людьми, ориентированными на традиционные ценности, а также исторический опыт, и теми, кто

придерживается новых, например, футуристических идей.

В свою очередь, Дж. Роговски утверждает, что в условиях поляризации избиратели часто ориентируются на интуицию и собственные установки и, переживая когнитивный диссонанс, выбирают ту группу, которая отстаивает идеи, в которые они сами верят. Стремясь избежать неопределенности, они отдают предпочтение более сильному лидеру [34].

В работах С. Московиси феномен групповой поляризации изучался одновременно с так называемым феноменом «меньшинства — большинства». То есть группа рассматривалась как состоящая из трех подгрупп: две подгруппы поляризованного «меньшинства» и инертное «большинство». По мнению С. Московиси, меньшинство всегда более активно и поэтому обладает большими возможностями для управления остальными членами группы. Именно оно является инициатором любых социальных изменений [30]. Меньшинство борется за приоритеты и власть в группе, но одерживает победу только в том случае, если действует слаженно, учитывает особенности мышления большинства и его потребности. В процессе групповой динамики представители большинства выбирают только ту подгруппу меньшинства, которая внушает им большее доверие, обеспечивает чувства защиты, безопасности и надежды на благополучное будущее.

При этом, по мнению С. Московиси, большинству часто бывает безразлично, соблюдает ли меньшинство моральные нормы, если оно поддерживает интересы большинства, так как сознание большинства людей основано не на научных, а на социальных и обыденных представлениях [1; 5; 6; 36]. При этом если люди находятся в состоянии неопределенности, то они, стараясь избежать аффекта не-

определенности, в значительной степени склонны к «ингрупповому фаворитизму», к проявлению этнических, патриотических, националистических и иных чувств [2].

Ценностно-аффективная поляризация формирует особый тип мировоззрения у каждой из противодействующих сторон и заставляет смотреть на мир тенденциозно, некритично и даже иррационально по отношению к любому событию, особенно касающемуся власти и моральных норм. То есть человек, примкнувший к одной из поляризованных подгрупп и публично заявивший об этом, от своей позиции отказывается крайне редко. Он, как говорил С. Московиси, лишь «убеждается в собственной правоте».

В результате аффективной поляризации, которая часто сопровождается взаимными оскорблениеми и унижениями, мышление представителей противодействующих сторон становится иррациональным. Здесь оскорбленное достоинство способствует появлению когнитивных искажений, в результате которых представители конфликтующих сторон (то есть меньшинства) перестают правильно воспринимать то, что противоречит их убеждениям и суждениям. Иррациональность мышления приводит к возникновению многочисленных психологических эффектов, основанных на когнитивных искажениях, которые неизбежны в ситуации информационной неопределенности. Далее оппоненты вовлекают в этот процесс новых участников из относительно нейтрального большинства, что на практике усиливает процесс трансформации ценностной поляризации группы в поляризацию аффективную [3].

Многие авторы находят объяснение данному явлению в феномене предвзятости подтверждения (confirmation bias)

[8]. Однако изучение тенденции человека отдавать предпочтение информации, которая согласуется с его взглядами, и игнорировать ту, которая им противоречит, не позволяет понять, почему именно в условиях поляризации группы люди начинают мыслить иррационально. Здесь нужен специальный теоретический и эмпирический анализ. И в этом случае огромное внимание уделяется высшим социальным эмоциям (self-conscious emotions), при участии которых формируются психологические установки, во многом определяющие мировоззрение членов поляризованных групп и их поведение при возникновении политических конфликтов. К этим эмоциям относят прежде всего чувства стыда, гордости и собственного достоинства.

В отличие от аффективной поляризации ценностная проявляется не столько на уровне поведения людей, сколько на уровне их сознания. Однако, являясь участниками противостояния, например, политического, в условиях аффективной поляризации они вынуждены не только перейти на чью-то сторону, но и заявить об этом публично. Случай изменения собственной первоначально заявленной позиции здесь встречаются достаточно редко, особенно если речь идет о публичных личностях, так как признание «собственных ошибок» всегда сопровождается критикой и оппонентов, и бывших единомышленников. Но в исключительных случаях это становится возможным, например, когда субъекты испытывают психологическое давление, угрозы, подвергаются шантажу или соблазняются предлагаемыми им выгодами [2; 3].

Аффективная поляризация не возникает из ничего — чаще всего она оказывается лишь следствием и крайне негативным результатом ценностной. То есть ценностная поляризация всегда пред-

шествует аффективной, но аффективная поляризация не является неизбежным результатом ценностной. Разумеется, это справедливо лишь в том случае, когда удается заранее предсказать вероятные последствия негативного развития поляризации и предотвратить их политически грамотными действиями [18].

По мнению Т. Чайлд, Н. Масуд, М. Шабус, Ю. Чжоу, партийная принадлежность основана на социальной идентичности. Когда в условиях аффективной поляризации люди отождествляют себя с какой-либо партией, находящейся в оппозиции к другой, они тем самым делят мир на две ценностно противоположные группы. Это порождает ингрупповой фаворитизм и аутгрупповую враждебность («*partisan animus*»), что, в свою очередь, поддерживается дискуссиями политиков и ангажированными ими СМИ [14].

Как было сказано выше, поведение большинства людей в обществе с ярко выраженной ценностно-аффективной поляризацией направляется переживаемым ими аффектом неопределенности, который в значительной степени вызван противоречивой информацией, поступающей к ним через СМИ и СМК. В условиях неблагоприятной международной обстановки, которая сложилась в последние годы в мире, такая информация часто оказывается крайне противоречивой. В этом случае в условиях аффекта неопределенности возникают явления, которые не получают должного объяснения на основе традиционных представлений о рациональном поведении людей [2; 3].

В условиях специальной военной операции, которую проводит руководство Российской Федерации на территории Украины, экономических санкций, крайне негативного отношения граждан недружественных России стран к росси-

янам возникает ситуация информационно-психологического противостояния России и стран Запада. При этом вынужденное усиление мер противодействия экстремистским тенденциям и принятие законов, ограничивающих ряд свобод на высказывания в СМИ и СМК внутри страны, не только усиливают ценностно-аффективную поляризацию российского общества, но и переводят ее в латентную форму. Все это создает сложности для проведения эмпирических исследований с участием представителей групп поляризованного меньшинства.

Очевидно, что любые военные конфликты в мире непременно приводят к усилению информационно-психологического противостояния. В этом случае обе противодействующие стороны всегда используют методы пропаганды, направленные как на внешних противников, так и на собственное население. Наиболее часто из современных концепций пропаганды сегодня говорят о теории Э. Хермана и Н. Хомского (*propaganda model*) [15]. Как утверждают авторы теории, сегодня в мире любая информация, если она преподносится аудитории бесплатно, во многом оказывается тенденциозной, так как она оплачивается заинтересованными организациями или отдельными влиятельными лицами.

Однако, как показывают исследования, именно пропаганда помогает снизить аффект неопределенности и чувство социального страха у населения [2]. Тем самым общество сохраняет стабильность в политически не всегда благоприятных условиях.

Как известно, методы пропаганды в условиях информационных войн всегда используют обе противодействующие стороны. Односторонней пропаганды не бывает, поскольку тот, кто ее не использует, обязательно проигрывает

не только информационную войну, но терпит неудачи и на полях реальных. В этом случае противники стремятся максимально устраниć поляризацию населения внутри своей страны и усиливать ее средствами пропаганды в стране противника [23; 27; 28].

Методы исследования ценностно-аффективной поляризации

Для изучения феномена поляризации в мировой науке применяется большой арсенал методов: от массовых опросов с получением больших данных до аппаратуры электроэнцефалографирования и fMRT. В США аппаратурные методы используются очень активно. В таких исследованиях выявлены многочисленные закономерности поведения людей, относящихся к различным аффективно поляризованным политическим партиям и группам [16].

Например, установлено, что либералы и консерваторы различаются не только по когнитивным стилям, но имеют различия на уровне анатомии мозга, в частности, различается объем серого вещества в передней поясной коре и мидиалине. Так, исследователи утверждают, что у либералов он выше в первом случае, а у консерваторов — во втором. На первый взгляд такие результаты кажутся абсурдными, однако исследователи утверждают, что люди, имеющие различные нейрофизиологические характеристики, определяющие их психологические особенности, выбирают и соответствующие этим особенностям политические партии [22; 25]. Также показано, что консерваторы сильнее реагируют на угрозы [32], а либералы — на ситуации когнитивного конфликта [11].

Как отмечалось выше, в силу целого ряда обстоятельств эмпирические исследования феномена ценностно-аффективной

поляризации затруднены. Люди очень часто не желают публично выражать свою точку зрения по наиболее важным вопросам политической жизни общества, опасаясь санкций и репрессивных мер со стороны силовых структур. Во многих случаях граждане сами не могут определиться в том, какую позицию они занимают или должны занять по отношению к политическим и иным вопросам.

Поскольку применение, например, аппаратурной техники для изучения поляризации в условиях групповой динамики — задача крайне сложная, многие исследователи возлагают надежды на методики, основанные на анализе имплицитных политических установок респондентов. Эти методы крайне необходимы для изучения не только механизмов возникновения поляризации в группах, но и, например, для проведения фокус-групповых дискуссий на темы, которые формируют ценностно-аффективную поляризацию, поскольку позволяют эффективно осуществлять подбор испытуемых.

Эмпирические исследования ценностно-аффективной поляризации и результаты

Исследования ценностно-аффективной поляризации российского общества проводятся нами в течение последних 15 лет. Первоначально изучалось, как она проявляется в отношении чувства патриотизма российских граждан. Изучалось также, как влияет поляризация на психологическое состояние российского общества. В 2023 году в период с января по декабрь в рамках проекта, поддержанного РНФ, по теме: «Ценностно-аффективная поляризация населения России и проблема предотвращения психологической нестабильности российского общества» выполнялось исследование отношения респондентов с различным типом

ценностной поляризации взглядов к наиболее значимым политическим событиям в России, в частности, к специальной военной операции и частичной военной мобилизации граждан. Также изучалось, как респонденты оценивают возможное влияние этих и других событий на ситуацию в стране в будущем.

Для исследований феномена поляризации на основе теста IAT (Implicit Association Test) в рамках проекта была разработана методика, оценивающая имплицитные (скрытые или неосознаваемые) политические установки. Тесты IAT оценивают временные интервалы задержки ответа при необходимости установить ассоциативную связь между парами слов по принципу: атрибуты и категории [26]. Методика позволяет экспериментально изучать ценностно-аффективную поляризацию мнений в условиях массовых опросов без нарушения принципа анонимности, а также подбирать респондентов для фокус-групповых дискуссий. На этом этапе нами также оценивались связи результатов выполнения теста респондентами с ответами на

вопросы анкеты с прямыми вопросами и методики Big 5.

Сценарий теста имплицитных ассоциаций реализован с помощью сервиса psytoolkit [35]. В качестве стимулов испытуемым предлагались для классификации 4 категории стимулов: власть и оппозиция, хорошо и плохо (табл. 1).

Анализ корреляций между вопросами анкеты и D-оценкой предполагает применение поправки Бонферрони [29]. Скорректированное p -значение обнаружило значимую корреляционную связь с 2 вопросами анкеты:

1. Оцените, пожалуйста, насколько положительно или отрицательно (позитивно или негативно) вы относитесь к **власти**?

2. Оцените, пожалуйста, насколько положительно или отрицательно (позитивно или негативно) вы относитесь к **оппозиции**?

Ответы на данные вопросы представлены шкалой от 1 до 7, где 1 — максимально негативно, а 7 — максимально позитивно. Результаты анализа представлены в табл. 2.

Таблица 1

Стимульный материал теста имплицитных политических установок на базе Implicit Association Test (IAT)

Атрибуты и категории	Стимулы
Хорошо	Правда, Добро, Друг, Счастье, Надежда, Мир
Плохо	Ложь, Зло, Враг, Горе, Разочарование, Война
Власть	Дума, Президент, Правительство, Суд, Полиция, Стабильность
Оппозиция	Протест, Пикет, Противостояние, Критика, Несогласие, Сопротивление

Таблица 2

Корреляционная связь между вопросами анкеты и D-оценкой теста IAT

Вопрос анкеты	r	p_adjusted
Отношение к власти	0,53	0,0004
Отношение к оппозиции	-0,42	0,022

Таким образом, в проведенном исследовании наблюдается прямая взаимосвязь между декларируемым отношением к власти и величиной D-оценки, определяемой тестом, при которой величина D-оценки возрастает с возрастанием заявляемого положительного отношения к власти. Для отношения к оппозиции наблюдается обратная взаимосвязь, то есть при увеличении D-оценки происходит увеличение степени негативной оценки оппозиции.

В проведенном исследовании приняли участие 548 человек с высшим образованием (экономисты, юристы, психологи, инженеры, педагоги, врачи и др.), поступившие на первый курс магистратуры Московского института психоанализа, а также учащиеся Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в возрасте от 21 до 47 лет (60% – женщины, 40% – мужчины). Уровень субъективного дохода респондентов: 4% – высокий; 26% – выше среднего; 55% – средний; 12% – ниже среднего; 3% – низкий. Для каждого этапа исследования группы проходили процедуру выравнивания по полу, возрасту, уровню доходов и др. таким образом, чтобы данные факторы в значительной степени не влияли на состав выборок, а различались лишь по критерию поляризации мировоззрения и предпочтаемым источникам информации (телевидение и социальные сети интернета).

Исследование проводилось в формате Google Forms, анонимно, без фиксации личных данных (телефонных номеров и др.). Далее респонденты отвечали на вопросы анкеты, в которой оценивали возможные события в России и вероятность их наступления в будущем. За основу были взяты вопросы, которые предлагались респондентам в наших исследованиях еще до февраля 2022 года. И к ним были добавлены вопросы, связанные со

специальной военной операцией (СВО) и частичной военной мобилизацией (ЧВМ).

В исследовании ставилась задача с помощью разработанных методик разделить группы респондентов на три подгруппы, затем на качественном уровне с учетом количественных данных описать некоторые характеристики представителей поляризованных подгрупп, а также их отношение к наиболее актуальным в настоящее время вопросам внешней и внутренней политики страны.

В исследовании рассматривались три подгруппы респондентов с условными названиями: «лояльные», «нелояльные», «нейтральные». Первые с одобрением относятся к внешней и внутренней политике России по большинству принимаемых властью решений, вторые, наоборот, одобряют лишь ограниченное количество решений и с недоверием относятся к власти. Лица, готовые к активным выступлениям или действиям против властных структур, в исследовании участия не принимали.

В соответствии с теорией ценностно-аффективной поляризации первые два типа следует отнести к поляризованному «меньшинству», третий – к относительно нейтральному «большинству» группы. Однако для получения более четкой картины распределения мнений мы исключали респондентов, ответы которых были неопределенными, рассматривая результаты только представителей подгруппы поляризованного «меньшинства». Подчеркнем, что в соответствии с теорией понятия «меньшинства» и «большинства» отражают не количественный состав группы, а являются динамическими характеристиками поляризации системы взглядов.

Помимо методики IAT респондентов просяли заполнить опросник, который строился по принципу предлагаемых на выбор вариантов ответа, в частности:

«Мне все равно, что происходит сегодня на территории Украины», «Мне не все равно, что происходит сегодня на территории Украины», «Затрудняюсь ответить», а также: «Я доверяю российским средствам массовой информации, которые освещают события, происходящие на территории Украины», «Я не доверяю российским средствам массовой информации, которые освещают события, происходящие на территории Украины», «Затрудняюсь ответить»; «Я думаю, что рано или поздно Украина присоединится к России», «Я не думаю, что рано или поздно Украина присоединится к России», «Затрудняюсь ответить» и другие.

Анализ результатов

В ответах респондентов полярных подгрупп по большинству задаваемых вопросов были обнаружены статистически значимые различия. Было показано, что до начала СВО и после респонденты группы «нелояльных» значительно более негативно относятся к возможному повышению в Российской Федерации пенсионного возраста; принятию закона о праве действующего Президента Российской Федерации переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление; преподаванию в начальной школе «Закона Божьего», а также уроков военно-патриотического воспитания; введению смертной казни; ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения; принятию закона, позволяющего правоохранительным органам получать и использовать любую информацию о любом человеке в суде; запрету хождения иностранной валюты в стране. При этом респонденты группы «нелояльных» значимо лучше относятся к идеям «оранжевой революции» в России; передаче России Крыма Украине и принятию закона, запрещающего депута-

там Государственной Думы владеть собственностью в других странах.

Если до объявления СВО в полярных группах респондентов была обнаружена статистически значимая разница в оценках принятия закона, ограничивающего владение собственностью депутатами Государственной Думы за пределами страны ($U = 1143; p < 0,001$), то после объявления СВО различий по этому вопросу обнаружено не было — большинство респондентов обеих подгрупп поддерживают эту идею (75% среди «нелояльных» и 68% среди «лояльных»). Не было обнаружено различий в оценке возможного снижения пенсионного возраста. Респонденты в обеих группах относятся одинаково позитивно к данному теоретически возможному событию.

Также результаты статистического анализа показали, что после объявления СВО по некоторым вопросам мнения респондентов полярных групп либо не изменились, либо стали более прочными и ярко выраженным. Так, до начала СВО 22% «нелояльных» респондентов поддерживали идею «оранжевой революции в России», а после объявления СВО эту идею поддержали уже 51% ($U = 1048; p < 0,02$). Среди «лояльных» респондентов до начала СВО эту идею не поддерживали 60%, а после уже 72% негативно относятся к этой идее ($U = 2163; p < 0,02$).

Если до начала СВО 78% «нелояльных» респондентов негативно отнеслись к идеи «введения в школьную программу уроков военно-патриотического воспитания», то после СВО — уже 97% ($U = 994; p < 0,001$). Среди «лояльных» респондентов до объявления СВО 46% отнеслись к этой идее позитивно и после СВО — 64% ($U = 2031; p < 0,006$). До начала СВО 30% «нелояльных» респондентов поддерживали идею «передачи России Крыма Украине» и 50% — после объявления СВО ($U = 1013; p < 0,008$). Среди

«лояльных» до начала СВО к этой идее негативно отнеслись 59% респондентов и 83% — после ($U = 1716$; $p < 0,0001$).

Анализ результатов показал, что отношение к событиям, происходящим на территории Украины, также статистически значимо различается в полярных группах «лояльных» и «нелояльных» (U-критерий Манна-Уитни на уровне $p < 0,001$). Так, 87% респондентов из группы «нелояльных» заявили о недоверии «российским средствам массовой информации, которые освещают события, происходящие на территории Украины». В группе «лояльных» только 29% не доверяют российским СМИ и 31% — доверяют.

В группе «нелояльных» 94% респондентов считают, что «последствия ввода российских войск на территорию Украины в будущем будут крайне негативными для России». В группе «лояльных» так считают только 29% респондентов. Кроме того, 68% «нелояльных» респондентов высказали сомнения в том, что «рано или поздно Украина присоединится к России», и только 10% уверены в том, что это произойдет. В группе «лояльных» это соотношение 41% к 29%.

После объявления частичной военной мобилизации в обеих полярных подгруппах увеличилось количество людей, не доверяющих российским средствам массовой информации, которые освещают события, происходящие на территории Украины (с 87% до 96% в группе «нелояльных» и с 29% до 34% в группе «лояльных»). В обеих полярных группах увеличилось количество респондентов, считающих, что последствия ввода российских войск на территорию Украины в будущем будут крайне негативными для России. Особенно сильно эти изменения произошли в группе «лояльных» — с 29% до 44%. Так же в обеих группах после данного события увеличилось количество респондентов,

которые не считают, что рано или поздно Украина присоединится к России. В группе «нелояльных» — с 68% до 85%, в группе «лояльных» — с 41% до 44%.

Заключение

Изучение феномена ценностно-аффективной поляризации как в других странах, так и в нашей стране становится все более актуальным в связи с ситуацией глобального идеологического и политического противостояния в современном турбулентном мире, которое может привести к крайне нежелательным последствиям для всего человечества. Как отмечают М. Вагнер и Л. Руссо, изучение всего, что связано с аффективной поляризацией, является сегодня одной из наиболее важных задач науки. Они подчеркивают, что мы еще мало знаем как о ее причинах, так и о механизмах и последствиях. Авторы полагают, что одна из причин того, что данная проблема разработана недостаточно, состоит в том, что исследователи, изучающие ее, не имеют возможности оперативно обмениваться информацией. Они призывают ученых, прежде всего представителей социальных наук, к участию в международных проектах [37]. Следует отметить, что данная проблема, несмотря на ее очевидную актуальность для нашей страны, к сожалению, пока еще не привлекает должного внимания отечественных ученых и прежде всего социальных психологов. Однако есть надежда, что разработка соответствующей методологии и теории, а также методов и методик для проведения эмпирических исследований позволит не только глубоко изучить данное явление, но и наметить пути управления процессом поляризации на практике, так как ценностная поляризация общества может принимать как аффективные, так и латентные формы, создавая нежелательные условия для его дестабилизации.

Литература

1. Емельянова Т.П. Социальные представления: теория, история и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 476 с.
2. Лебедев А.Н. Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 1(7). С. 3–17.
3. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 1. С. 2–19.
4. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4(24). С. 123–150.
5. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.
6. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Захаров, 1998. 560 с.
7. Осипов Г.В. Социология и государственность: Достижения, проблемы, решения. М.: Вече, 2005. 570 с.
8. Плаус С. Психология оценки и принятия решений / Перевод с англ. М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 1998. 368 с.
9. Подшибякина Н. Социально-трудовые отношения в условиях переходной экономики // Общество и экономика. 2006. № 4. С. 71.
10. Сапронов А.В., Крицкая О.А. Особенности социальной поляризации российского общества // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2013. С. 82–86.
11. Amadio D.M., Jost J.T., Master S.L., Yee C.M. Neurocognitive correlates of liberalism and conservatism // Nature Neuroscience. Vol. 10. P. 1246–1247. 2007. DOI:10.1038/nn1979
12. Bishop B., Cushing R. The big sort: Migration, community, and politics in the United States of ‘those people’ / R.A. Teixeira (Ed.). // Red, blue and purple America: The future of election demographics. Washington: Brookings Institution, 2008. P. 50–75.
13. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M. Cross-Country Trends in Affective Polarization // NBER Working Paper. January 2020. № w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318>
14. Child T., Massoud N., Schabus M., Zhou Y. Surprise Election for Trump Connections // Journal of Financial Economics. 2021. Vol. 140. Iss. 2. P. 676–697. DOI:10.1016/j.jfineco.2020.12.004
15. Chomsky N., Herman E.S. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. NY.: Knopf Publishing Group, 2003. 582 p.
16. Converse P.E. The nature of belief systems in mass publics (1964) // Critical Review. 2006. Vol. 8. Issue 1–3. P. 1–74. DOI:10.1080/08913810608443650
17. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America // Nature Human Behaviour. 2021. Vol. 5. P. 28–38.
18. Goren P. Party Identification and Core Political Values // American Journal of Political Science. 2005. Vol. 49(4). P. 882–897.
19. Graham M.H., Svolik M.W. Democracy in America? Partisanship, Polarization, and the Robustness of Support for Democracy in the United States // American Political Science Review. 2020. Vol. 114. Issue 2. P. 392–409. DOI:10.1017/S0003055420000052
20. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // Annual Review of Political Science. 2019. Vol. 22(1). P. 129–146.
21. Johnston R., Manley D., Jones K. Spatial Polarization of Presidential Voting in the United States, 1992–2012: The “Big Sort” Revisited / Annals of the American Association of Geographers. 2016. Vol. 106. Issue 5. P. 1047–1062. DOI:10.1080/24694452.2016.1191991

22. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129(3). P. 339–375. DOI:10.1037/0033-2909.129.3.339
23. Jowett G.S., O'Donnell V. Propaganda & Persuasion. London: Sage Publications, 2012. 425 p.
24. Jungkunz S. Political Polarization During the COVID-19 Pandemic // Frontiers in Political Science. 04 March 2021. DOI:10.3389/fpol.2021.622512
25. Kam C.D., Simas E.N. Risk orientations and policy frames // The Journal of Politics. 2010. Vol. 72. Issue 2. P. 381–396. DOI:10.1017/S0022381609990806
26. Lane K.A., Banaji M.R., Nosek B.A., Greenwald A.G. Understanding and using the Implicit Association Test: IV. What we know (so far) // Implicit Measures of Attitudes / B. Wittenbring and N. Schwarz (eds.). New York: Guilford, 2007. P. 59–102.
27. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. 1927. Vol. 21. № 3. P. 627–631.
28. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 233 p.
29. Miller R.G. Simultaneous Statistical Inference. Springer, 1966. 315 p.
30. Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // Sociometry. 1969. Vol. 32. No 4. P. 365–380.
31. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. Vol. 12. № 2. P. 125–135.
32. Oxley D.R., Smith K.B., Alford J.R., Hibbing M.V., Miller J.L. et al. Political attitudes vary with physiological traits // Science. 2008. Vol. 321. P. 1667–1670. DOI:10.1126/science.1157627
33. Pratschke J., Morlicchio E. Social Polarisation, the Labour Market and Economic Restructuring in Europe: An Urban Perspective // Urban Studies. 2012. Vol. 49. Issue 9. P. 1891–1907. DOI:10.1177/0042098012444885
34. Rogowski J.C. Voter Decision-Making with Polarized Choices // British Journal of Political Science. January 2018. Vol. 48. Issue 1. P. 1–22.
35. Stoet G. PsyToolkit: A Novel Web-Based Method for Running Online Questionnaires and Reaction-Time Experiments // Teaching of Psychology. 2017. Vol. 44. P. 24–31.
36. Van S., Lyn M. Extreme members and group polarization // Social Influence. 2009. Vol. 4(3). P. 185–199.
37. Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463>
38. Westwood S.J., Iyengar S., Walgrave S., Leonisio R., Miller L., Strijbis O. The Tie that Divides: Cross-National Evidence of the Primacy of Partyism // European Journal of Political Research. 2018. Vol. 57(2). P. 333–354.

References

1. Emel'yanova T.P. Sotsial'nye predstavleniya: teoriya, istoriya i empiricheskie issledovaniya [Social representations: theory, history and empirical research]. Moscow: Publ. «Institut psichologii RAN», 2016. 476 p.
2. Lebedev A.N. Affekt neopredelennosti i tsennostno-affektivnaya polyarizatsiya bol'sikh sotsial'nykh grupp [Affect of uncertainty and value-affective polarization of large social groups]. *Uchenye zapiski Instituta psichologii RAN = Proceedings of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences*, 2023. Vol. 3, no. 1(7), pp. 3–17.
3. Lebedev A.N. K teorii tsennostno-affektivnoi polyarizatsii sotsial'nykh grupp [To the theory of value-affective polarization of social groups]. *Uchenye zapiski Instituta psichologii RAN = Proceedings of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences*, 2022. Vol. 2, no. 1, pp. 2–19.
4. Lebedev A.N., Gordyakova O.V. Fenomen gruppovoi polyarizatsii v politologii i politicheskoi psichologii SShA i Evropy [The phenomenon of group polarization in political science and political

- psychology of the USA and Europe]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psichologiya = Social and economic psychology*, 2021. Vol. 6, no. 4(24), pp. 123–150.
5. Moskovichi S. Vek tolp. Istoricheskii traktat po psichologii mass [The age of crowds. Historical treatise on the psychology of the masses]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011. 396 p.
 6. Moskovichi S. Mashina, tvoryashchaya bogov [The Machine that creates the gods]. Moscow: Zakharov, 1998. 560 p.
 7. Osipov G.V. Sotsiologiya i gosudarstvennost': Dostizheniya, problemy, resheniya [Sociology and statehood: Achievements, problems, solutions]. Moscow: Veche, 2005. 368 p.
 8. Plaus S. Psichologiya otsenki i prinyatiya reshenii [Psychology of evaluation and decision-making]. Moscow: Informatsionno-izdatel'skii dom "Filin", 1998. 368 p.
 9. Podshibyakina N. Sotsial'no-trudoye otnosheniya v usloviyakh perekhodnoi ekonomiki [Social and labor relations in a transitional economy]. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economics*, 2006, no. 4, pp. 71.
 10. Sapronov A.V., Kritskaya O.A. Osobennosti sotsial'noi polyarizatsii Rossiiskogo obshchestva [Features of social polarization of Russian society]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2013, pp. 82–86.
 11. Amadio D.M., Jost J.T., Master S.L., Yee C.M. Neurocognitive correlates of liberalism and conservatism. *Nature Neuroscience*, 2007. Vol. 10, pp. 1246–1247. DOI:10.1038/nn1979
 12. Bishop B., Cushing R. The big sort: Migration, community, and politics in the United States of 'those people'. In R.A. Teixeira (Ed.). *Red, blue and purple America: The future of election demographics*. Washington: Brookings Institution, 2008, pp. 50–75.
 13. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M. Cross-Country Trends in Affective Polarization. NBER Working Paper, January 2020, no. w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318>
 14. Child T., Massoud N., Schabus M., Zhou Y. Surprise Election for Trump Connections. *Journal of Financial Economics*, 2021. Vol. 140, Iss. 2, pp. 676–697. DOI:10.1016/j.jfineco.2020.12.004
 15. Chomsky N., Herman E.S. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. NY: Knopf Publishing Group, 2003. 582 p.
 16. Converse P.E. The nature of belief systems in mass publics. *Critical Review*, 2006. Vol. 18, Iss. 1–3, pp. 1–74. DOI:10.1080/08913810608443650
 17. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America. *Nature Human Behaviour*, 2021. Vol. 5, pp. 28–38.
 18. Goren P. Party Identification and Core Political Values. *American Journal of Political Science*, 2005. Vol. 49(4), pp. 882–897.
 19. Graham M.H., Svolik M.W. Democracy in America? Partisanship, Polarization, and the Robustness of Support for Democracy in the United States. *American Political Science Review*, 2020. Vol. 114, Iss. 2, pp. 392–409. DOI:10.1017/S0003055420000052
 20. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States. *Annual Review of Political Science*, 2019. Vol. 22(1), pp. 129–146.
 21. Johnston R., Manley D., Jones K. Spatial Polarization of Presidential Voting in the United States, 1992–2012: The "Big Sort" Revisited. *Annals of the American Association of Geographers*, 2016. Vol. 106, Iss. 5, pp. 1047–1062. DOI:10.1080/24694452.2016.1191991
 22. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological Bulletin*, 2003. Vol. 129(3), pp. 339–375. DOI:10.1037/0033-2909.129.3.339
 23. Jowett G.S., O'Donnell V. Propaganda & Persuasion. London: Sage Publications, 2012.
 24. Jungkunz S. Political Polarization During the COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Political Science*, 04 March 2021. DOI:10.3389/fpos.2021.622512
 25. Kam C.D., Simas E.N. Risk orientations and policy frames. *The Journal of Politics*, 2010. Vol. 72, Iss. 2, pp. 381–396. DOI:10.1017/S0022381609990806

26. Lane K.A., Banaji M.R., Nosek B.A., Greenwald A.G. Understanding and using the Implicit Association Test: IV. What we know (so far). In B. Wittenbring and N. Schwarz (eds.). *Implicit Measures of Attitudes*. New York: Guilford, 2007, pp. 59–102.
27. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*, 1927. Vol. 21, no. 3, pp. 627–631.
28. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 233 p.
29. Miller R.G. Simultaneous Statistical Inference. Springer, 1966. 315 p.
30. Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task. *Sociometry*, 1969. Vol. 32, no. 4, pp. 365–380.
31. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1969. Vol. 12, no. 2, pp. 125–135.
32. Oxley D.R., Smith K.B., Alford J.R., Hibbing M.V., Miller J.L. et al. Political attitudes vary with physiological traits. *Science*, 2008. Vol. 321, pp. 1667–1670. DOI:10.1126/science.1157627
33. Pratschke J., Morlicchio E. Social Polarisation, the Labour Market and Economic Restructuring in Europe: An Urban Perspective. *Urban Studies*, 2012. Vol. 49, Iss. 9, pp. 1891–1907. DOI:10.1177/0042098012444885
34. Rogowski J.C. Voter Decision-Making with Polarized Choices. *British Journal of Political Science*, January 2018. Vol. 48, Issue 1, pp. 1–22.
35. Stoet G. PsyToolkit: A Novel Web-Based Method for Running Online Questionnaires and Reaction-Time Experiments. *Teaching of Psychology*, 2017. Vol. 44, pp. 24–31.
36. Van S., Lyn M. Extreme members and group polarization. *Social Influence*, 2009. Vol. 4(3), pp. 185–199.
37. Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463>
38. Westwood S.J., Iyengar S., Walgrave S., Leonisio R., Miller L., Strijbis O. The Tie that Divides: Cross-National Evidence of the Primacy of Partyism. *European Journal of Political Research*, 2018. Vol. 57(2), pp. 333–354.

Информация об авторах

Лебедев Александр Николаевич, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>, e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru

Гордыкова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>, e-mail: o_gordyakova@mail.ru

Information about the authors

Alexander N. Lebedev, Doctor of Psychology, Leading Research Officer, Federal State Financed Establishment of Sciences Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>, e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru

Olga V. Gordyakova, PhD in Psychology, Professor, Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>, e-mail: o_gordyakova@mail.ru

Получена 08.08.2023

Received 08.08.2023

Принята в печать 19.11.2023

Accepted 19.11.2023

Conflict-Related Behavior among Sundanese Muslim Students: The Role of Ideology and Perceived Injustice

Agus Abdul Rahman

Universitas Islam Negeri Sunan Gunung Djati, Bandung, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7592-1638>, e-mail: agus.abdulrahman@uinsgd.ac.id

Nur'aini Azizah

Universitas Islam Negeri Sunan Gunung Djati, Bandung, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7753-1702>, e-mail: nuraini.azizah@uinsgd.ac.id

Farid Soleh Nurdin

Universitas Islam Negeri Sunan Gunung Djati, Bandung, Indonesia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1688-5371>, e-mail: farid.s.nurdin@uinsgd.ac.id

Objective. *Exploration of the psychological factors of conflict-related action among Sundanese Muslim students in Indonesia.*

Background. *Religious-based conflicts have been widely examined in various disciplines, attracting responses and factors in every cultural context.*

Study design. *Study 1 used an indigenous-based survey and was analyzed by thematic analysis. Study 2 examined the role of political ideology and perceived injustice in conflict-related behavior using hierarchical regression analysis.*

Participants. *Study 1: 224 people (35,7% of men, 64,3% of women) from 18 to 49 years old (M = 20,98; SD = 3,72). Study 2: 494 people (35,6% of men, 64,4% of women) from 17 to 49 years old (M = 20,00; SD = 1,52).*

Measurements. *Indonesian-language versions of the scales of religious fundamentalism ideology by Muluk and colleagues, violent extremist attitude by Nivette and colleagues, nonviolent direct action by Brown and colleagues, and sensitivity to injustice by Schmitt and colleagues.*

Results. *Study 1 showed specific patterns of cognitive, emotional, and behavioral responses. There are differences in the respondents' responses to conflicts between and within religions. These differences are caused by ideology orientation towards religion and perception of injustice towards their groups. Study 2 confirmed Study 1 that religious fundamentalism predicts both violent and nonviolent behavior. Also, perceived injustice of victims moderates the effect of religious fundamentalism to violent behavior. Meanwhile, perceived injustice of perpetrators predicts only nonviolent behavior.*

Conclusions. *There is a significant effect of religious-based ideology and perceived injustice on conflict-related behavior in the Sundanese Muslim context.*

Keywords: *ideology; religious fundamentalism; perceived injustice; conflict-related behavior; violent behavior; nonviolent behavior.*

Funding. The reported study was funded by UIN Sunan Gunung Djati Bandung.

Acknowledgments. The authors are grateful for the support from UIN Sunan Gunung Djati Bandung.

For citation: Rahman A.A., Azizah N., Nurdin F.S. Conflict-Related Behavior among Sundanese Muslim Students: The Role of Ideology and Perceived Injustice. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 55–67. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140404>

Конфликтное поведение сунданских студентов-мусульман: роль идеологии и предполагаемой несправедливости

Рахман А.А.

Государственный исламский университет имени Сунана Гунунг Джати,
г. Бандунг, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7592-1638>, e-mail: agus.abdulrahman@uinsgd.ac.id

Азиза Н.

Государственный исламский университет имени Сунана Гунунг Джати
г. Бандунг, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7753-1702>, e-mail: nuraini.azizah@uinsgd.ac.id

Нурдин Ф.С.

Государственный исламский университет имени Сунана Гунунг Джати,
г. Бандунг, Индонезия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1688-5371>, e-mail: farid.s.nurdin@uinsgd.ac.id

Цель. Исследование психологических факторов конфликтных действий среди сунданских студентов-мусульман в Индонезии.

Контекст и актуальность. Конфликты на религиозной почве широко изучаются в различных дисциплинах, вызывая отклики и обсуждения в каждом культурном контексте.

Дизайн исследования. Исследование 1 проводилось на основе опроса коренного населения с помощью онлайн-анкетирования. Исследование 2 было направлено на изучение роли политической идеологии и предполагаемой несправедливости в конфликтном поведении методом иерархического регрессионного анализа.

Участники. Исследование 1: 224 человека (35,7% мужчин, 64,3% женщин) в возрасте от 18 до 49 лет ($M = 20,98$; $SD = 3,72$). Исследование 2: 494 человека (35,6% мужчин, 64,4% женщин) в возрасте от 17 до 49 лет ($M = 20,00$; $SD = 1,52$).

Методы (инструменты). Использовались индонезийские версии шкал идеологии религиозного фундаментализма Мулука и коллег, отношения к насильственному экстремизму Ниветта и коллег, ненасильственного прямого действия Брауна и коллег, а также шкалы чувствительности к несправедливости Шмитта и коллег.

Результаты. В ходе исследования 1 были выявлены специфические закономерности когнитивного, эмоционального и поведенческого реагирования. Обнаружены различия в реакции респондентов на межрелигиозные и внутрирелигиозные конфликты. Эти различия обусловлены идеологической ориентацией на религию и восприятием несправедливости по отношению к своей группе. Исследование 2 подтвердило результаты исследования 1, согласно которым религиозный фундаментализм предопределяет как насильственное, так и ненасильственное поведение. Кроме того, предполагаемая несправедливость по отношению к жертвам сглаживает влияние религиозного фундаментализма на насильственное поведение. В то же время предполагаемая несправедливость по отношению к правонарушителям предопределяет только ненасильственное поведение.

Выводы. Выявлено значимое влияние религиозной идеологии и предполагаемой несправедливости на уровень конфликтного поведения в среде сунданских мусульман.

Ключевые слова: идеология; религиозный фундаментализм; предполагаемая несправедливость; конфликтное поведение; насильственное поведение; ненасильственное поведение.

Финансирование. Исследование проводилось при финансовой поддержке Государственного исламского университета имени Сунана Гунунг Джати (г. Бандунг).

Благодарности. Авторы признательны Государственному исламскому университету имени Сунана Гунунг Джати (г. Бандунг) за оказанное содействие.

Для цитаты: Рахман А.А., Азиза Н., Нуурдин Ф.С. Конфликтное поведение сунданских студентов-мусульман: роль идеологии и предполагаемой несправедливости // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 55–67. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140404>

Introduction

Conflict usually happens [3] in interpersonal relationships or between groups. The development of social media encourages conflicts to develop and escalate in an uncontrollable direction. Social media increases information dissemination and facilitates communication and the emergence of new information that could strengthen conflict [58].

Religious-based conflicts have recently attracted much attention. In addition to the easily exposed and escalated information through social media, conflicts often involve ideology, beliefs, and emotions with a strong influence on behavior [10]. Religion is a central belief system that regulates permissible and impermissible actions and is capable of evoking and controlling sacred emotions [7]. An incomprehensive religious understanding might lead to erroneous beliefs and generate negative emotions, prejudice, discrimination, and violence that contradict religious values. Furthermore, religious-based conflicts involve many people from various parts of the world. Since conflicts generally occur through social media, they involve technology-literate young people who may lack personal maturity [39]. Monahan, Steinberg, Cauffman, & Mulvey stated that the immaturity of psychological function among students is associated with antisocial behavior, especially amid conflicts [26].

The emergence of radicalism among Muslim students has attracted Indonesians' attention. Setara Institute for Democracy and Peace study entitled "Religious Discourse and Movements Among Students:

Mapping Threats to the Pancasila State in State University" lists ten universities whose students were exposed to radicalism [36]. In line with this, even the Indonesian Institute of Sciences (2017) insisted that "Radicalism Among Students is Worrying" [23]. This condition is worrisome because its offline and online development is uncontrollable [57] since it is often associated with violent behavior.

The claim about the emergence of radicalism regarding religion-based conflict among Sundanese Muslim students is interesting to explore for three reasons. First, conflict-related thoughts, feelings, and behaviors are influenced by cultural factors [50]. Ecological factors also affect the formation of individual characteristics [50]. Therefore, Sundanese Muslim students' thoughts, feelings, and behavior are influenced by their cultural values.

The Sundanese are the second largest ethnicity in Indonesia, after the Javanese. The Central Bureau of Statistics showed that nearly 36,6 million or 15,5% of Sundanese live in West Java Province. In-group and out-group Sundanese are polite, courteous, friendly, gentle, loving, religious, creative, diligent, and tolerant and enjoy socializing and working together [31]. They have a life philosophy of 'sumuhun dawuh' (accepting), "sadaya daya" (surrendering), and "heurin ku letah" (not being blunt). This philosophy may make them less assertive and less likely to demand their rights [34]. Subsequently, Sundanese Muslim students are anti-violent and intolerant of radicalism.

Second, religion is sometimes associated with violence because religious people are

more vulnerable to violence than secular people [21; 55]. However, empirical studies on the relationship between religion and violence show inconsistent results. Baier found that religiosity is not associated with violence against Muslim or Christian youth [1]. It is influenced by friendship, self-control, alcohol consumption, and masculine norms [1]. Furthermore, Wright found that religious claims related to violence were not empirically proven [54]. Religion protects students from antisocial behaviors [56] and increases helping behavior [12].

Islam, the religion embraced by Muslim students in this study, is often associated with violence. However, the holy book teaches Muslims to tolerate differences [40] and respect human values [47]. They are also taught to uphold justice [44; 45], promote prosocial behavior [41; 42; 43] and respect differences [48]. Proper internalization of anti-violence values minimizes the potential for violence due to other influencing factors.

Third, conflicts are associated with both violent and nonviolent behavior. Violent behavior can be physical, psychological, emotional, moral, economic, political, philosophical, or metaphysical. This behavior includes hate speech, hoaxes, character assassination, and cyberbullying on social media.

Nonviolent behavior in conflict situations does not solely imply doing nothing [8] or being a substitute for violent behavior because it is powerless. According to Eyo and Ibanga, the behavior also IMPLIES taking the initiative and striving to resolve conflicts without violence [8]. Nonviolent behavior could involve demonstrating, protesting, submitting petitions, or being uncooperative.

The factors influencing behavior in conflict situations include the widely examined concept of ideology, which requires further analysis. Ideology is an individual orienta-

tion about how a country should be regulated in social, economic, and religious matters [27]. It guides thinking and behaving when faced with problems [9]. Ideological differences influence the variations in motivation, cognition, and social interaction [14]. Additionally, extreme ideology promotes the emergence of violent thoughts, motivations, and behaviors in conflict situations [2; 38; 52].

Ideology is structurally complex, comprising knowledge structures about interrelated beliefs, opinions, and values. Cognitive factors also play a role in forming conflict-related actions. Individuals fight for justice when they feel that their groups are treated unfairly by other parties, a phenomenon known as perceived injustice. Previous studies have found that perceived injustice accompanied by angry emotions, group identification, social identity, and dark personality traits promotes violence or extremism [29]. Therefore, it is interesting to analyze the role of psychology and culture in shaping religion-based conflict that involves violent and nonviolent behavior.

Methods

Study 1. The first study aimed to explore Sundanese Muslim students' cognitive, emotional, and behavioral responses to religious-based conflicts and the influencing factors. Religion-based conflicts include inter- and intrareligious conflicts. The study used a survey with an indigenous approach to obtain responses from respondents regarding their experiences of conflicts. Therefore, the survey set consisted of 8 open-ended questions and was distributed online to 224 students from several universities in Indonesia. The participants comprised 80 male and 144 female students. Based on ethnicity, 146 participants were Sundanese, while 78 were non-Sundanese. The collected data were analyzed themati-

cally using NVivo, followed by coding, categorization, and interpretation.

Study 2. The second study aimed to examine the role of ideological factors and perceived injustice using quantitative method. The participants consisted of 494 Muslim students from various universities in Indonesia. They come from various ethnic groups and have social organization affiliations. Some students have backgrounds in Nahdlatul Ulama, Muhammadiyah, Islamic Association (Persis), PMII, Indonesian Muslim Association (HMI), KAMMI, and Muhammadiyah Student Association (IMM).

The analysis was conducted on violent behavior, nonviolent behavior, perceived injustice, and religious fundamentalism ideology. Data were collected online using a political ideology-religious fundamentalism scale of 8 items [27], a violent extremist attitude scale of 4 items [24], a nonviolent action scale of 6 items [4], and a sensitivity to injustice scale of 30 items [35]. Descriptive analysis was performed on the variables whose relationship was determined using correlational analysis through SPSS. Moreover, hierarchical regression analysis was used to examined the effect of predictor and moderator variables.

Results

Study 1. The results showed specific cognitive, emotional, and behavioral patterns and psychological factors that influenced the conflict.

Cognitive, emotional, and behavioral responses. There are differences in cognitive responses to intra- and interreligious conflicts (table 1). The most common cognitive response is “questioning the reasons for the conflict”. The second most common interreligious cognitive response was “thinking about how the conflict was resolved”. Additionally, the second most common

cognitive response to intrareligious conflict was “not thinking about”.

In the interreligious conflict, there was no demographic difference in the response. However, there were differences in responses between males and females regarding intra-religious conflicts. The male participants' response was dominated by being normal or not thinking about it, while the female participants responded by asking about the trigger for the conflict. One participant stated that:

“What I thought at the time, how can people who understand religion well enough but do things that trigger conflict, what do they think and what is their purpose in doing something like this? That's what still surprises me.”

In the context of ethnicity, most Sundanese participants questioned why conflicts arose and considered resolving them. Non-Sundanese participants did not think about or identify the causes of the conflicts. Participants considered resolving conflicts by respecting each other and avoiding violence. One participant responded as follows:

*“How can I make fellow Muslims respect each other in terms of *furu'iyah*. Moreover, it also keeps Muslims loyal to others, not harsh to others. There are even those who are harsh on fellow Muslims, but soft on non-Muslims.”*

Some participants indicated that the impact had a more emotional aspect and was related to their religious identity, stating:

“I don't think about it; I just do not like it when my religion is vilified.”

The participants' emotions when watching intra- and interreligious conflicts were generally negative (table 2). The results showed that 36 of the participants' emotional responses to interreligious conflicts were sad, 29 were afraid, and 33 were annoyed. In contrast, 44 of the participants' emotional responses to intrareligious conflicts were mediocre, 33 were sad, and 35 were upset. In intrareligious conflicts, there was no difference in emotional reactions between

Table 1
Cognitive Responses

Response	Intrareligious					Interreligious				
	Male	Female	Sunda-nese	Non-Sun-danese	Total	Male	Female	Sunda-nese	Non-Sun-danese	Total
Questioning	5	45	46	14	60	19	36	36	19	55
Conflict resolution	7	18	17	8	25	17	30	31	16	47
Cause of conflict	5	13	8	10	18	4	21	19	6	25
Impact of conflict	4	5	5	4	9	2	5	4	3	7
Not thinking	25	5	10	20	30	4	3	3	4	7
Others	24	58	60	12	82	34	49	53	20	83
Total participants	80	144	146	68	224	80	144	146	68	224

Sundanese and non-Sundanese or male and female respondents. However, there were differences in the emotional responses to interreligious conflicts. The response of "do not feel anything" was given by 9 male participants and 10 non-Sundanese.

Meanwhile, the most common behavioral response to inter- and intrareligious-based conflicts (table 3) was staying silent and observing the ongoing conflict. One participant was more focused on the government's role in dealing with the conflict:

"I only listen to the steps or actions of the government and related institutions to overcome this problem."

Some participants resigned to Allah SWT:

"When there is a heated debate regarding differences in religious understanding, I just keep quiet and listen while taking refuge in Allah from the narrowness of thinking."

The second most common answer was to intervene, as demonstrated in the following example:

Table 2
Emotional Responses

Response	Intrareligious					Interreligious				
	Male	Female	Sunda-nese	Non-Sun-danese	Total	Male	Female	Sunda-nese	Non-Sun-danese	Total
Sad	21	12	22	11	33	10	26	24	11	36
Afraid	2	20	16	6	22	9	20	10	10	29
Upset	9	26	23	12	35	10	23	23	10	33
Uncomfortable	11	26	26	11	37	2	5	4	3	7
Mediocre	13	31	35	9	44	9	4	3	10	13
Others	24	29	24	29	53	40	57	85	13	106
Total participants	80	144	146	78	224	80	144	146	68	224

"I have witnessed interreligious conflicts. If the topic is still within my reach, I will participate in mediating the dispute. However, if the topic of conflict is difficult enough, I don't think it's in my realm to interfere and I'm afraid I'll say the wrong thing if I don't understand what's being said, hence in this situation, I prefer to just listen and let someone with higher understanding take over."

Other participants sought information:

"I consulted with experts and looked for valid sources. If there is a difference of opinion, but the source is clear, it doesn't matter (following their respective schools of thought). But for matters of faith that are not appropriate, they should be straightened out."

Another response was to take lessons and avoid conflict. There are no differences in behavioral responses to intrareligious conflicts based on gender or ethnicity. However, 18 males preferred resolving or avoiding interreligious conflicts, compared to only 12 females.

Religious-based ideology and injustice perception as influential factors. The analysis showed that the psychological factor with the most influence on religion-based con-

flict was misperception, with 111 responses. A participant stated that the cause was:

"a lack of understanding about other religions besides the one they profess, not understanding each other, being provoked by various parties and misinformation."

Other participants also highlighted the importance of obeying the Islamic law:

"I just conveyed my understanding of the religion and listen to the opinions of other people who have different understandings and respect what he understands as long as it does not deviate from the Shari'a and limitation."

"Disputes in religious understanding may be caused by differences in school or sources of understanding. Therefore, as long as it is still sourced from the Qur'an, hadith, scholars, it is still said to be reasonable."

Responses of the participants indicate that their belief to implement religion in their daily lives (religious fundamentalism ideology) and perception of their religious group should be treated fairly (perceived injustice) may become the roots of their psychological responses related to the conflict.

Study 2. Correlational analysis showed that fundamentalist students positively

Table 3
Behavioral Responses

Response	Intrareligious					Interreligious				
	Male	Female	Sunda-nese	Non-Sun-danese	Total	Male	Female	Sunda-nese	Non-Sun-danese	Total
Observe	26	56	55	27	82	37	69	63	42	106
Discuss	11	27	27	11	38	7	9	8	8	16
Reconcile	13	20	20	13	33	18	12	17	14	30
Review	5	15	15	5	20	5	15	12	8	20
Avoid	2	2	2	2	4	7	4	5	6	11
Other	23	24	27	20	47	6	35	41	0	41
	80	144	146	78	224	80	144	146	78	224

related to violent behavior ($r = 0,110$, $p = 0,018$) and nonviolent behavior ($r = 0,107$, $p = 0,021$). Student violent behavior is also related to perceived injustice ($r = 0,197$, $p \leq 0,001$). The relationship between perceived injustice and violent behavior varies for victims and observers. The analysis showed that the perceived injustice as a victim ($r = 0,237$, $p \leq 0,001$) has a greater relationship than as an observer ($r = 0,167$, $p \leq 0,001$). Similarly, nonviolent behavior was associated with perceived injustice ($r = 0,172$, $p \leq 0,001$). It was more positively related to perceived injustice as victims ($r = 0,274$, $p \leq 0,001$) rather than as an observer ($r = 0,146$, $p \leq 0,001$).

Hierarchical regression analysis showed that participants with the ideology of religious fundamentalism exhibit more violent behavior when they also have perceived injustice as victims and observers (table 4).

The influence of religious fundamentalism on violent behavior increased upon adding the perceived injustice ($\beta = 0,095$, $p < 0,05$). Therefore, perceived injustice increases the relationship between religious fundamentalism and violent behavior.

Hierarchical regression analysis also showed that religious fundamentalism predicts nonviolent behavior (table 5). Furthermore, perceived injustice as victims positively predicts nonviolent behavior ($\beta = 0,289$, $p < 0,01$) while perceived injustice as perpetrators shows negative effect ($\beta = -0,114$, $p < 0,05$). Meanwhile, there is no moderating effect of perceived injustice on the relationship between religious fundamentalism and nonviolent actions.

Discussion

The results of the analysis in the first study show that there are patterns of cog-

Table 4
Hierarchical Regression Analysis Results of Violent Action Predictors (Study 2)

Variables	Regression 1	Regression 2	Regression 3	Regression 4
Age	-0,163**	-0,161**	-0,165**	-0,156**
Gender	-0,112**	-0,113*	-0,104*	-0,118**
Religious Fundamentalism		0,094*	0,093*	0,095*
Perceived Injustice (Victims)			0,203**	0,209**
Perceived Injustice (Observers)			0,027	0,014
Perceived Injustice (Perpetrators)			0,007	0,002
Religious Fundamentalism x Perceived Injustice (Victims)				0,186**
Religious Fundamentalism x Perceived Injustice (Observers)				0,202**
Religious Fundamentalism x Perceived Injustice (Perpetrators)				-0,058
R ²	0,035	0,044	0,093	0,117
ΔR ²		0,009*	0,049**	0,024*

Notes: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Table 5

Hierarchical Regression Analysis Results of Nonviolent Action Predictors (Study 2)

Variables	Regression 1	Regression 2	Regression 3	Regression 4
Age	-0,164**	-0,162**	-0,154**	-0,153**
Gender	-0,127**	-0,129**	-0,120**	-0,121**
Religious Fundamentalism		0,091*	0,097*	0,097*
Perceived Injustice (Victims)			0,289**	0,288**
Perceived Injustice (Observers)			0,012	0,010
Perceived Injustice (Perpetrators)			-0,114*	-0,115*
Religious Fundamentalism x Perceived Injustice (Victims)				-0,042
Religious Fundamentalism x Perceived Injustice (Observers)				0,023
Religious Fundamentalism x Perceived Injustice (Perpetrators)				-0,011
R ²	0,038	0,046	0,129	0,130
ΔR ²		0,008*	0,082**	0,001

Notes: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

nitive, emotional and behavioral responses, including psychological and social factors. First, the main responses about psychological factors include a lack of understanding of religions other than one's own or misperceptions. Misperceptions of interreligious people can trigger conflicts, followed by egoism-fanaticism, intolerant attitudes and ways of thinking, beliefs, negative emotions, and the ability to regulate emotions.

Reid-Quiñones et al. examined differences in adolescent cognitive, affective, and behavioral responses to violence between witnesses and victims of conflicts [32]. However, they found no differences between gender groups. This study showed differences in cognitive responses across genders. Males prefer not to think about conflicts, while females question the causes.

The results of the analysis in the second study show that social factors, including

group differences and ethnocentrism, are the largest contributors to the response to religious-based conflicts, followed by the influence of provocation. Social norms and intolerant cultures are quite influential contributors, followed by traditions or habits as the least contributing factor. Social norms and culture, including race, gender, and social classes related to religion, can trigger religious-based conflict in this modern cultural situation [51]. Internalizing identity as part of an ingroup is one of the pathways that leads to a negative psychological evaluation of the outgroup. In addition, ideology plays an important role in escalating or reducing conflict due to its influence on motivation, cognition, and society [14; 15]. The behavioral outcome caused by using ideology to guide the thinking process can be classified as violent and nonviolent behavior.

In Study 2, religious fundamentalism predicts both violent and nonviolent behavior of Sundanese Muslim participants. This supports previous studies on the relationship between Muslim identity and religious fundamentalism [23]. This finding is different from previous study suggesting that fundamentalists tend to act hostilely [21; 22; 55].

Another finding shows that religious fundamentalism is equally related to violent and nonviolent behavior. This is in line with Kashyap and Lewis, who stated that Muslim and Christian religiosity have the same effect on moral and social attitudes [20]. Conversely, Baier stated that religion is not correlated with violence [1]. Perceived injustice was used to explain the role of religious fundamentalism in conflict-related behavior. Religious fundamentalism has a greater chance of inciting violence when individuals have high perceived injustice. This supports Pauwels and Heylen, who found that perceived injustice only played a role in religious fundamentalism toward violence [30].

Despite its contributions, this study was focused only on Indonesian Sundanese population. Thus, the generalization can fur-

ther be developed by studying other populations such as other ethnicities or religions. Future research can also explore other personal and social factors influencing conflict-related behaviors.

Conclusions

The study of the religious ideology of fundamentalism and conflict behavior, which is divided into violent and nonviolent behavior, as well as the important role of perceived injustice in the moderation model is tested through qualitative and quantitative methods. The qualitative data described emotional responses, cognition, and behavioral responses to religious-based conflict from an indigenous perspective and highlighted the role of religious-based ideology and perceived injustice influencing these behaviors. Quantitative data confirmed that perceived injustice has a significant role in conflict behavior with the religious ideology of fundamentalism as a predictor. The results of these two studies provide a new perspective on previous research that has not been consistent. Further research may explore possible prevention and intervention in response to violent behavioral responses.

References

1. Baier D. The Influence of Religiosity on Violent Behavior of Adolescent: A Comparison of Christian and Muslim Religiosity. *Journal of Interpersonal Violence*, 2013. Vol. 29(1), pp. 102–127. DOI:10.1177/0886260513504646
2. Becker M.H. When Extremists Become Violent: Examining the association between social control, social learning, and engagement in violent extremism. *Studies Conflict & Terrorism*, 2019. Vol. 44(12), pp. 1104–1124. DOI:10.1080/1057610X.2019.1626093
3. Bridley S.A., Daffin W.L. Abnormal Psychology (2nd edition). Washington: Washington State University, 2018. 276 p.
4. Brown S., Reimer S.K., Dueck C.A., Gorsuch R., Strong R., Sidesinger T. “A Particular Peace: Psychometric Properties of the Just Peacemaking Inventory.” *Peace and Conflict Journal of Peace Psychology*, 2008. Vol. 14(1), pp. 75–92. DOI:10.1080/10781910701839908
5. Davis H.M., Capobianco S., Kraus A.L. Measuring Conflict-related Behavior: Reliability and Validity Evidence Regarding the Conflict Dynamic Profile. *Educational and Psychological Measurement*, 2004. Vol. 4(4), pp. 707–731. DOI:10.1177/0013164404263878

6. Emerson M.O., Hartman D. The Rise of Religious Fundamentalism. *Annual Review of Sociology*, 2006. Vol. 32, pp. 127–144. DOI:10.1146/annurev.soc.32.061604.123141
7. Emmons A.R. Emotion and Religion. In R.F. Paloutzian, C.L. Park. (Eds.). *Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality*. New York: The Guilford Press, 2005. 698 p.
8. Eyo B.E., Ibanga A.D. A Colloquy on Violence and Non-Violence: towards A Complementary Conflict Resolution. *American Journal of Social Issues and Humanities*, 2017. Vol. 7(2), pp. 137–150.
9. Freedgen M. Ideology A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2003. 142 p.
10. Glock C.Y. On the Study of Religious Commitment. *Religious Education*, 1962. Vol. 57, pp. 98–110. DOI:10.1080/003440862057S407
11. Gribbins T., Vandenberg B. Religious fundamentalism, the need for cognitive closure, and helping. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2011. Vol. 21(2), pp. 106–114. DOI:10.1080/10508619.2011.556999
12. Guo Q., Liu Z., Tian Q. Religiosity and Prosocial Behavior at National Level. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2018. Vol. 12(1), pp. 1–11. DOI:10.1037/rel0000171
13. Hunsberger B. Religion and Prejudice: The Role of Religious Fundamentalism, Quest, and Right-Wing Authoritarianism. *Journal of Social Issues*, 1996. Vol. 51(2), pp. 113–129. DOI:10.1111/j.1540-4560.1995.tb01326.x
14. Jost J.T. The end of the end of ideology. *American Psychologist*, 2006. Vol. 61(7), pp. 651–670. DOI:10.1037/0003-066X.61.7.651
15. Jost J.T. Elective affinities: On the psychological bases of left-right differences. *Psychological Inquiry*, 2009. Vol. 20(2–3), pp. 129–141. DOI:10.1080/10478400903028599
16. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political Conservatism as Motivated Social Cognition. *Psychological Bulletin*, 2003. Vol. 129(3), pp. 339–375. DOI:10.1037/0033-295X.129.3.339
17. Jost J.T., Hawkins C.B., Nosek B.A., Hennes E.P., Stern C., Gosling S.D., Graham J. Belief in a just God (and a just society): A system justification perspective on religious ideology. *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, 2014. Vol. 34(1), pp. 56–81. DOI:10.1037/a0033220
18. Jost J.T., Napier J.L., Thorisdottir H., Gosling S.D., Palfai T.P., Ostafin B. Are Needs to Manage Uncertainty and Threat Associated With Political Conservatism or Ideological Extremity? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007. Vol. 33(7), pp. 989–1007. DOI:10.1177/0146167207301028
19. Jost J.T., Nosek B.A., Gosling S.D. Ideology: Its Resurgence in Social, Personality, and Political Psychology. *Perspectives on Psychological Science*, 2008. Vol. 3(2), pp. 126–136. DOI:10.1111/j.1745-6916.2008.00070.x
20. Kashyap R., Lewis V.A. British Muslim Youth and Religious Fundamentalism: a quantitative investigation. *Ethnic and Racial Studies*, 2013. Vol. 36(12), pp. 2117–2140. DOI:10.1080/01419870.2012.672761
21. Kimball C. When Religion Becomes Evil: Five warning signs. New York: Harper Collins, 2008. 304 p.
22. Koopmans R. Religious Fundamentalism and Hostility against Out-groups: A Comparison of Muslims and Christians in Western Europe, 2015. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 41(1), pp. 33–57. DOI:10.1080/1369183X.2014.935307
23. Lembaga Ilmu Pengetahuan Indonesia. Radikalisme di Kalangan Mahasiswa sudah Mengkhawatirkan [Electronic resource]. 2017. URL: <http://lipi.go.id/lipimedia/radikalisme-di-kalangan-mahasiswa-sudah-mengkhawatirkan/18630> (Accessed 08.04.2022).
24. Nivette A., Eisner M., Ribeaud D. Developmental predictors of violent extremist attitudes: A test of general strain theory. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2017. Vol. 54(6), pp. 755–790. DOI:10.1177/0022427817699035
25. Moaddel M, Karabenick S.A. Religious Fundamentalism in Eight Muslim-Majority Countries: Reconceptualization and Assessment. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2018. Vol. 57, pp. 676–706. DOI:10.1111/jssr.12549

26. Monahan K., Steinberg L., Cauffman E., Mulvey E. Psychosocial (im)Maturity from Adolescence to Early Adulthood: Distinguishing between adolescence-limited and persisting antisocial behavior. *Development and Psychopathology*, 2013. Vol. 25(4pt1), pp. 1093–1105. DOI:10.1017/S0954579413000394
27. Muluk H., Hidiyana J., Arifin H., Milla M., Shadiqi M., Yustisia W. Re-conceptualizing Political Ideology: The construction of three dimensions scale of ideology in the Indonesian context. *XVI European Congress of Psychology*, 2019. DOI:10.26226/morressier.5cf632c7af72dec2b0554e7d
28. Obaidi M., Anjum G., Lindstr m J., Bergh R., Celebi E., Baykal M. The Role of Muslim Identity in Predicting Violent Behavioural Intentions to Defend Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020. Vol. 23(8), pp. 1267–1282. DOI:10.1177/1368430220920929
29. Obaidi M., Bergh R., Sidanius J., Thomsen L. The Mistreatment of My People: Victimization by Proxy and Behavioral Intentions to Commit Violence Among Muslims in Denmark. *Political Psychology*, 2018. Vol. 39(3), pp. 577–593. URL: <http://www.jstor.org/stable/45095192>
30. Pauwels L.J.R., Heylen B. Perceived Group Threat, Perceived Injustice, and Self-Reported Right-Wing Violence: An Integrative Approach to the Explanation Right-Wing Violence. *Journal of Interpersonal Violence*, 2020. Vol. 35(21–22), pp. 4276–4302. DOI:10.1177/0886260517713711
31. Rahman A.A., Sarbini S., Tarsono T., Fitriah E., Mulyana A. Studi Eksploratif Mengenai Karakteristik dan Faktor Pembentuk Identitas Etnik Sunda. *JPIB: Jurnal Psikologi Islam dan Budaya*, 2018. Vol. 1(1), pp. 1–8. DOI:10.15575/jpib.v1i1.2072
32. Reid-Quiñones K., Kliewer W., Shields B.J., Goodman K., Ray M.H., Wheat E. Cognitive, affective, and behavioral responses to witnessed versus experienced violence. *American Journal of Orthopsychiatry*, 2011. Vol. 81(1), pp. 51–60. DOI:10.1111/j.1939-0025.2010.01071.x
33. Rosidi A. Manusia Sunda. Bandung: PT. Kiblat Utama, 2009. 165 p.
34. Rosidi A. Mencari Sosok Manusia Sunda. Jakarta: TP. Dunia Pustaka Jaya, 2010. 224 p.
35. Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space. *European Journal of Psychological Assessment*, 2005. Vol. 21(3), pp. 202–211. DOI:10.1027/1015-5759.21.3.202
36. Setara Institute for Democracy and Peace. Wacana dan Gerakan Keagamaan di Kalangan Mahasiswa: Memetakan Ancaman atas Negara Pancasila di Perguruan Tinggi Negeri. [Electronic resource]. 2019. URL: <https://setara-institute.org/wacana-dan-gerakan-keagamaan-di-kalangan-mahasiswa-2/> (Accessed 08.04.2022).
37. Shweder R.A. Rethinking Culture and Personality Theory. In R.A. Shweder (Ed.). *Thinking Through Cultures: Expeditions in Cultural Psychology*. Cambridge: Harvard University Press, 1991, pp. 269–312.
38. Staub E., Pearlman L.A., Gubin A., Hagengimana A. Healing, Reconciliation, Forgiving and the Prevention of Violence After Genocide or Mass Killing: An Intervention And It's Experimental Evaluation in Rwanda. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2005. Vol. 24(3), pp. 297–334. DOI:10.1521/jscp.24.3.297.67617
39. Steinberg L., Cauffman E., Woolard J., Graham S., Banich M. Are Adolescents Less Mature Than Adults? *American Psychologist*, 2009. Vol. 4(7), pp. 583–594. DOI:10.1037/a0014763
40. The Quran 2:256 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
41. The Quran 2:261 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
42. The Quran 3:92 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
43. The Quran 3:134 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
44. The Quran 4:135 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
45. The Quran 5:8 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
46. The Quran 5:13 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
47. The Quran 5:32 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
48. The Quran 49:13 (Translated by Departemen Agama Republik Indonesia)
49. Tomislav Pavlović & Renata Franc. Antiheroes Fueled by Injustice: Dark personality traits and perceived group relative deprivation in the prediction of violent extremism. *Behavioral Sciences of*

- Terrorism and Political Aggression*, 2021. Vol. 15(3), pp. 277–302. DOI:10.1080/19434472.2021.1930100
50. Triandis H.C., Suh E.M. Cultural Influence on Personality. *Annual Reviews Psychology*, 2002. Vol. 53, pp. 133–160. DOI:10.1146/annurev.psych.53.100901.135200
51. Wang T. Religion-based Cultural Identity and Conflicts of Migrant Muslim Students in Northwest China. *Race Ethnicity and Education*, 2017. Vol. 21(6), pp. 858–875. DOI:10.1080/13613324.2017.1395324
52. Webber D., Kruglanski A.W. Psychological factors in radicalization: a “3 N”. In Gary LaFree & Joshua D. Freilich (Eds.). *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. John Wiley & Sons, 2017, pp. 33–46.
53. Wesam Charkawi, Kevin Dunn, Ana-Maria Bliuc. The influences of Social Identity and Perceptions of Injustice on support to Violent Extremism. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2021. Vol. 13(3), pp. 177–196. DOI:10.1080/19434472.2020.1734046
54. Wright J.D. More Religion, Less Justification for Violence: A Cross-National Analysis. *Archive for the Psychology of Religion*, 2016. Vol. 38(2), pp. 159–183. DOI:10.1163/15736121-12341324
55. Wright J.D., Khooy Y. Empirical Perspectives on Religion and Violence. *Contemporary Voices: St Andrews Journal of International Relations*, 2019. Vol. 1(3), pp. 75–100. DOI:10.15664/jtr.1482
56. Yeung J.W., Chan Y.C., Lee B.L. Youth Religiosity and Substance Use: A meta-analysis from 1995 to 2007. *Psychological Reports*, 2009. Vol. 105(1), pp. 255–266. DOI:10.2466/pr0.105.1.255-266
57. Youngblood M. Extremist Ideology as a Complex Contagion: the spread of far-right radicalization in the United States between 2005 and 2017. *Humanities and Social Sciences Communication*, 2020. Vol. 7(49), pp. 1–10. DOI:10.1057/s41599-020-00546-3
58. Zeitzoff T. How Social Media Is Changing Conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 2017. Vol. 61(9), pp. 1970–1991. DOI:10.1177/0022002717721392

Information about the authors

Agus Abdul Rahman, PhD in Psychology, Associate Professor, Chairman of Indonesian Islamic Psychology Association, Dean of Faculty of Psychology, UIN Sunan Gunung Djati, Bandung, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7592-1638>, e-mail: agus.abdulrahman@uinsgd.ac.id

Nur'aini Azizah, Master of Arts in Psychology, Assistant Professor, UIN Sunan Gunung Djati, Bandung, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7753-1702>, e-mail: nuraini.azizah@uinsgd.ac.id

Farid Soleh Nurdin, Master of Statistics, Assistant Professor, UIN Sunan Gunung Djati, Bandung, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1688-5371>, e-mail: farid.s.nurdin@uinsgd.ac.id

Информация об авторах

Рахман Агус Абдул, кандидат психологических наук, доцент, председатель Ассоциации исламских психологов Индонезии, декан факультета психологии, Государственный исламский университет имени Сунана Гунунг Джати, г. Бандунг, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7592-1638>, e-mail: agus.abdulrahman@uinsgd.ac.id

Азиза Нур'айни, магистр искусств в области психологии, доцент, Государственный исламский университет имени Сунана Гунунг Джати, г. Бандунг, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7753-1702>, e-mail: nuraini.azizah@uinsgd.ac.id

Нурдин Фарид Солех, магистр статистики, доцент, Государственный исламский университет имени Сунана Гунунг Джати, г. Бандунг, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1688-5371>, e-mail: farid.s.nurdin@uinsgd.ac.id

Получена 25.08.2022

Received 25.08.2022

Принята в печать 24.11.2023

Accepted 24.11.2023

Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества

Муращенкова Н.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Грищенко В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический

университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Калинина Н.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина

(Технологии. Дизайн. Искусство)» (ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3619-7215>, e-mail: kalinata66@mail.ru

Константинов В.В.

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

(ФГБОУ ВО «ПГУ»), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Кулеш Е.В.

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

(ФГБОУ ВО «ТОГУ»), г. Хабаровск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Маленова А.Ю.

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского»

(ФГАОУ ВО «ОмГУ имени Ф.М. Достоевского»),

г. Омск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

Малышев И.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный

университет имени Н.Г. Чернышевского»

(ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского), г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4191-6555>, e-mail: iv.999@list.ru

Цель. Анализ выраженности и субъективной значимости патриотической самоидентичности, а также отношения к патриотизму у российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества.

Контекст и актуальность. Патриотическое воспитание российской молодежи, основанное на потенциале субъект-субъектного взаимодействия и реализуемое в условиях текущей поляризации

зации российского общества, требует анализа патриотической самоидентичности молодежи и ее отношения к патриотизму.

Дизайн исследования. В работе проведен рефлексивный тематический анализ и качественный контент-анализ ответов респондентов на открытые вопросы о проявлениях, преимуществах и недостатках патриотизма. Проведена оценка выраженности и субъективной значимости патриотической самоидентичности у молодежи.

Участники. В выборку исследования вошли 670 студентов-россиян из Москвы, Омска, Пензы, Саратова, Смоленска и Хабаровска в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 19,3$, $SD = 1,5$, 21% мужчин), 86% респондентов идентифицировали себя как русские. Сбор данных проходил в октябре 2022 г.

Методы (инструменты). Сокращенный вариант методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Мак-парлена, закрытый вопрос для оценки выраженности патриотической самоидентичности (сформулированный по аналогии со Шкалой экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой), авторские открытые вопросы для изучения отношения к патриотизму.

Результаты. Субъективная значимость патриотической самоидентичности для молодежи невысока. Для трети опрошенных характерна флюктуирующая патриотическая самоидентичность, десятая часть респондентов ощущает себя патриотами очень слабо, 6,4% — не ощущают себя патриотами совсем. Выявлены 5 типов отношения студенческой молодежи к патриотизму. Разработаны рекомендации по повышению эффективности патриотического воспитания российской студенческой молодежи в текущих условиях.

Основные выводы. Существуют барьеры на пути формирования устойчивой патриотической самоидентичности у значительной части российской студенческой молодежи. Почти у половины опрошенных выявлен запрос на развитие конструктивного гражданского патриотизма. Учет полученных результатов важен для повышения эффективности патриотического воспитания молодежи в текущем российском контексте.

Ключевые слова: поляризация российского общества; патриотизм; патриотическая самоидентичность; отношение к патриотизму; патриотическое воспитание; российская студенческая молодежь.

Финансирование. В данной научной работе использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Муращенко Н.В., Гриценко В.В., Калинина Н.В., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Маленова А.Ю., Малышев И.В. Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 68–88. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140405>

Attitudes towards Patriotism and Patriotic Self-identity of Russian Students Youth in the Polarization of Russian Society

Nadezhda V. Murashcenkova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Natalia V. Kalinina

Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3619-7215>, e-mail: kalinata66@mail.ru

Vsevolod V. Konstantinov

Penza State University, Penza, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Elena V. Kulesh

Pacific State University, Khabarovsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Arina Yu. Malenova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

Ivan V. Malyshev

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4191-6555>, e-mail: iv.999@list.ru

Objective. The aim of the study is to analyze the salience and subjective significance of patriotic self-identity, and analyze the attitude towards patriotism among Russian student youth under conditions of polarization of Russian society.

Background. Patriotic education of Russian youth, based on the potential of subject-to-subject interaction and implemented in the current polarization of Russian society, requires analysis of the patriotic self-identity of young people and their attitude towards patriotism.

Study design. We carried out reflexive thematic analysis and qualitative content analysis of respondents' answers to open questions about the manifestations, advantages and shortcomings of patriotism. We evaluated the salience and subjective significance of patriotic self-identity among young people.

Participants. University students from Moscow, Omsk, Penza, Saratov, Smolensk, Khabarovsk (670 Russians ages 18 to 25, $M = 19,3$, $SD = 1,5$, 21% of men) participated in the study. Data were collected in October 2022.

Measurements. We used the shortened version of the questionnaire «Who am I?» by M. Kuhn, T. McPartland. We formulated the close-ended question to assess salience of patriotic self-identity, as in the Scale of Rapid Assessment of Ethnic Identity by N.M. Lebedeva, and open-ended questions for the assessment of attitude towards patriotism.

Results. The subjective significance of patriotic self-identity for young people is low. One third of respondents are characterized by a fluctuating patriotic self-identity, one tenth of respondents feel very little patriotic, 6,4% of respondents do not feel patriotic at all. We discovered 5 types of attitudes among students towards patriotism. Recommendations were developed to increase the effectiveness of patriotic education of Russian students in the current conditions.

Conclusions. There are barriers to the formation of a stable patriotic identity for a large part of the Russian student youth. Almost half of respondents identified a request for the development of construc-

tive civic patriotism. In order to increase the effectiveness of patriotic education of young people in the current Russian context it is important to take into account the results of such research.

Keywords: polarization of Russian society; patriotism; patriotic self-identity; attitude towards patriotism; patriotic education; Russian student youth.

Funding. This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Murashcenkova N.V., Gritsenko V.V., Kalinina N.V., Konstantinov V.V., Kulesh E.V., Malenova A.Yu., Malyshov I.V. Attitudes towards Patriotism and Patriotic Self-identity of Russian Students Youth in the Polarization of Russian Society. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 68–88. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140405> (In Russ.).

Введение

Ключевой задачей молодежной политики России сегодня является воспитание «патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи» [24]. Реализуя данную задачу, важно понимать, кем выступает молодежь: объектом или субъектом воспитания? Этот вопрос звучит особенно актуально на фоне фиксируемых учеными различий и противоречий в понимании и прочтении российскими чиновниками смысла и практик патриотического воспитания молодежи [23], а также значимости учета контекста и особенностей менталитета современной молодежи в этом процессе [42]. Ориентация на потенциал субъект-субъектного взаимодействия (как основы эффективного педагогического процесса) предполагает сотрудничество и взаимодействие с молодежью как с активным участником воспитательного процесса. В связи с этим научный анализ отношения молодежи к патриотизму и особенно-

стей патриотической самоидентичности молодых россиян выступает значимой основой организации эффективного патриотического воспитания молодежи в текущих условиях поляризации российского общества. Описание особенностей поляризации российского общества, вызванной началом специальной военной операции (СВО), уже нашло отражение в научных исследованиях [10; 27], информационно-аналитических материалах [1; 14; 15] и общественном мнении [8]. Молодежь чаще, чем представители других возрастных групп, становится на позицию, альтернативную официальному государственному нарративу [10; 27], среди молодежи больше противников СВО, чем среди представителей более старших поколений [15; 27].

Молодежь является ценным ресурсом любой страны, особенно молодежь образованная. Поэтому любое государство заинтересовано в формировании патриотизма, патриотической самоидентичности у молодого поколения. В отечественной психологии патриотизм определяется как «одна из базовых составляющих национального самосознания народа, выражаящаяся в чувствах любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям и быту, в чувстве нравственного долга его за-

щиты, а также в признании самобытности и самоценности других сообществ, в осознании их права на самобытность и существование без конфронтации друг с другом» [13, с. 91]. Патриотическая самоидентичность в свою очередь выступает маркером гражданской идентичности [25], результатом самоидентификации себя в качестве патриота [11; 17]. Патриотизм — это важный фактор консолидации общества, ценный личностный ресурс и фактор защиты от деструктивных проявлений [9; 19]. Результаты современных исследований показывают, что высокий уровень гражданского самосознания и патриотизм молодежи позитивно связаны с ее просоциальной активностью, направленной на конструктивное развитие общества [6; 32; 37]. В то же время патриотизм рассматривается учеными как одно из неоднозначных понятий современной науки и политической практики [26], для которого характерно разнообразие трактовок как в научном, так и в обыденном дискурсе [9; 16; 19; 30]. Многогранность патриотизма находит отражение в его видах. Ученые дифференцируют настоящий и псевдопатриотизм [31], «слепой»/ некритический и конструктивный патриотизм [34; 39; 43], культурный и политический [36], идеологический, проблемный и конформный патриотизм [4] и др. Исследователи обращают внимание на риски политического манипулирования патриотизмом как элементом общественного сознания [25], трансформации при определенных условиях патриотизма в национализм [5], перехода патриотизма из ценности в антиценность в случае исключения из его определения компонента межэтнической толерантности [2]. Подобные трансформации могут касаться и представлений о патриотизме, отношения к нему как к желательному или нежелательному качеству.

Для российской молодежи характерны двойственные [3; 19] и неоднородные [16] представления о патриотизме. При этом «в сознании молодых людей разных групп существуют четкие представления о ложном и истинном патриотизме» [18], наблюдается наделение патриотизма отрицательными чертами, если он отождествляется с национализмом, если из его содержания исключается межэтническая толерантность [19], а также если по представлениям молодежи патриотизм основывается только на «милитаризме», принуждении и игнорируются другие его аспекты и смыслы [18]. Таким образом, существует риск трансформации отношения молодежи к патриотизму, в результате которой в сознании молодежи патриотизм из привлекательного феномена может перейти в отвергаемый. И тогда усилия по воспитанию патриотизма могут не только не повышать его уровень, но напротив, провоцировать рост сопротивления у молодежи в связи с тем, что в ее сознании это качество может рассматриваться как непривлекательное и/или несущее угрозу.

Как показывают результаты исследований, гражданская идентичность может достаточно сильно подвергаться влиянию внешних факторов и условий жизни [7; 25]. В текущих условиях поляризации российского общества и особого положения в нем молодежи вопрос анализа отношения к патриотизму и особенностей патриотической самоидентичности молодежи особенно актуален. При этом значимой является оценка не только выраженности патриотической самоидентичности молодежи, но и ее мотивационных основ [44], ее субъективной значимости для личности [45]. Таким образом, целью данного исследования стал анализ выраженности и субъективной значимости патриотической

самоидентичности, а также отношения к патриотизму у российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества. Был поставлен соответствующий исследовательский вопрос: каковы выраженность и субъективная значимость патриотической самоидентичности, а также отношение российской студенческой молодежи к патриотизму в текущих условиях поляризации российского общества? Прикладной задачей исследования выступила разработка рекомендаций по повышению эффективности патриотического воспитания российской студенческой молодежи в условиях текущего кризиса.

Метод

Выборка и процедура исследования.

В выборку исследования вошли 670 студентов-россиян в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 19,3$, $SD = 1,5$, 21% мужчин), обучающихся на гуманитарном, естественно-научном, техническом и экономическом направлениях в вузах Москвы, Омска, Пензы, Саратова, Смоленска и Хабаровска. По национальности 86% респондентов идентифицировали себя как русских, а 10% опрошенных — как представителей других народов (по убыванию числа представителей в выборке): татарского, казахского, украинского, нанайского, мордовинского, азербайджанского, армянского, чеченского, чувашского, грузинского, дагестанского, осетинского, ассирийского, даргинского, еврейского, ингушского, калмыцкого, тувинского, хакасского, эвенкийского, якутского. Вместо национальности 4% респондентов указали свою гражданскую принадлежность (россияне). Сбор данных проходил в октябре 2022 г. Мы использовали платформу anketolog.ru для размещения исследовательской онлайн-анкеты и проведения анонимного онлайн-опроса.

Ссылку на онлайн-анкету распространяли среди потенциальных респондентов преподаватели вузов.

Методы исследования. Для оценки выраженности патриотической самоидентичности использовался закрытый вопрос, сформулированный по аналогии со Шкалой экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой [29, с. 9]: «В какой степени Вы ощущаете себя патриотом России?» с 5-балльной шкалой ответов от 1 — «совсем не ощущаю» до 5 — «ощущаю очень сильно». Для оценки субъективной значимости патриотической самоидентичности мы использовали сокращенный вариант методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда [29, с. 7-8; 40] как эффективный инструмент для оценки мотивационных основ идентичности [45]. С помощью количественного контент-анализа и частотного анализа оценивалась представленность в ответах каждого респондента характеристик, отражающих и патриотическую, и гражданскую самоидентификацию (например, «патриот», «гражданин России» и др.). Для выявления отношения к патриотизму респондентам предлагалось завершить предложение «Патриотизм — это...» и ответить на открытые вопросы о том, в каком поведении, на их взгляд, проявляется патриотизм личности, в чем состоят преимущества, позитивные стороны патриотизма, а также недостатки, негативные стороны патриотизма, если такие, на их взгляд, есть. Обработка ответов осуществлялась с помощью рефлексивного тематического анализа и качественного контент-анализа [33] с привлечением двух независимых экспертов-психологов: кандидата и доктора психологических наук с более чем 20-летним опытом исследовательской деятельности. Анализ половых различий в распределении выявленных у респондентов типов отношения

к патриотизму осуществлялся с помощью углового преобразования Фишера.

Результаты

Согласно полученным результатам, у 18,8% респондентов в ответах на вопрос «Кто Я?» присутствуют характеристики, отражающие их патриотическую самоидентификацию (у 1,8% респондентов) и гражданскую принадлежность (у 17,4% респондентов), из них у 0,8% опрошенных в ответах представлены одновременно по два гражданских самоописания: гражданин Российской Федерации и патриот; гражданка Российской Федерации и патриотка; гражданин и патриот; патриот и гражданин; гражданин и россиянин (табл. 1).

В то же время у 12,3% респондентов ответы, маркирующие их гражданскую принадлежность («гражданин/гражданка»), не содержат названия страны, что может интерпретироваться не только как содергательный отрефлексированный

идентификационный признак, но и как ответ-клише. Варианты ответов с указанием страны принадлежности («россиянин», «гражданин России») несут наибольшую личностную идентификационную нагруженность: такие ответы дали 5,1% респондентов (табл. 1).

Относительно выраженности патриотической самоидентичности у российской студенческой молодежи получены следующие результаты: очень сильно ощущают себя патриотами 13,9% респондентов, в полной мере – 34,8% респондентов, очень слабо – 10,3% и совсем не ощущают себя патриотами 6,4% опрошенных. Чуть более трети респондентов (34,6%) ощущают себя патриотами время от времени.

В табл. 2 представлены результаты рефлексивного тематического анализа и качественного контент-анализа (с примерами дословных ответов респондентов), позволивших выделить типы отношения респондентов к патриотизму.

Таблица 1

Субъективная значимость гражданской и патриотической самоидентичности для российской студенческой молодежи (N = 670)

Ответы, отражающие гражданскую и патриотическую самоидентификацию респондентов	Количество (%) от общего числа респондентов
Гражданин/гражданка	10,7
Гражданин/гражданка страны	0,3
Гражданин/гражданка Российской Федерации/России	4,0
Гражданин/гражданка своей страны	1,0
Россиянин/россиянка	1,0
Патриот/патриотка	1,8
Обычный гражданин	0,1
Я гражданин страны, имеющий права и обязанности	0,1
Законопослушный гражданин	0,1
Гражданин своей страны – России	0,1
<i>Всего респондентов</i>	<i>18,8*</i>

Примечание: результаты количественного контент-анализа ответов респондентов на вопрос «Кто Я?»; * – 0,8% респондентов представили одновременно по два самоописания, отражающих их гражданскую самоидентификацию.

Статистически значимых половых различий в распределении в выборке разных типов отношения к патриотизму не выявлено. Мы в комплексе анализировали содержание ответов каждого респон-

дента сразу на четыре открытых вопроса (о понятии, проявлениях, позитивных и негативных сторонах патриотизма). Выявлены 5 типов отношения респондентов к патриотизму (табл. 2).

Таблица 2

Типы отношения российской студенческой молодежи к патриотизму ($N = 670$)

Представления о патриотизме			
Патриотизм – это...	Проявляется в поведении	Позитивные стороны	Негативные стороны
Тип 1. Безусловное позитивное отношение к патриотизму (24,6% респондентов: 24,5% – в женской выборке, 25,2% – в мужской)			
<i>Качество, предполагающее безусловную любовь к своей родине, готовность отстоять ее интересы и права (ж., 18 лет)</i>	<i>Защита своей страны в спорах; спортивные болельщики; рассказы иностранным гражданам о своей стране</i>	<i>Патриотизм, в принципе, сам по себе одна сильная сторона</i>	<i>Отсутствуют</i>
<i>Сплоченность людей и любовь к своей стране (м., 22 года)</i>	<i>Защита, стремление помочь, понимание людей</i>	<i>Сплоченность людей</i>	<i>Их нет</i>
<i>Любить и принимать свою страну такой, какая она есть! (ж., 20 лет)</i>	<i>Защита интересов страны, искренность, честность</i>	<i>Искренние улыбки счастливых людей</i>	<i>Недостатков нет</i>
<i>Любовь к своей Родине, уважение и знание ее истории, традиций, языка и т.д. (м., 20 лет)</i>	<i>Поддержка страны в трудный для нее момент, знание истории, знание традиций</i>	<i>Гармония с собой, ощущение единства со своими сородичами, ощущение себя человеком</i>	<i>Их нет</i>
Тип 2. Позитивное или нейтральное отношение к патриотизму без дополнительной рефлексии (21,8% респондентов: 21,8% – в женской выборке, 21,7% – в мужской)			
<i>Любовь к Родине (ж., 18 лет)</i>	<i>Жизнь в стране; любовь к стране; защита страны</i>	-	-
<i>Любовь к Родине (ж., 22 года)</i>	<i>Довольствоваться тем, что имеешь; жить в России; прийти на помощь стране</i>	-	-
<i>Любовь к Родине (м., 21 год)</i>	<i>Любовь к родине; охрана территории; пропаганда России</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
<i>Преданность своей стране (м., 18 лет)</i>	<i>Самопожертвование; альтруизм; благотворительность</i>	<i>Я не знаю</i>	<i>Я не знаю</i>

Представления о патриотизме			
Патриотизм — это...	Проявляется в поведении	Позитивные стороны	Негативные стороны
Тип 3. Позитивное отношение к патриотизму с рефлексией преимуществ и возможных рисков (45,2% респондентов: 46,1% — в женской выборке, 41,9% — в мужской)			
Патриотизм — это поддержка Родины, готовность помочь ей в трудную минуту ради положительной цели, при этом способность мыслить самостоятельно, не слепо идя за всеми (ж., 19 лет)	Уважение прошлого страны; стремление к миру, избегание войн и смертей; здравый взгляд на происходящее	Шанс на изменение будущего страны	Часто под патриотизмом воспринимается полное согласие с государством
Любовь к стране, к культуре, к традициям страны, в которой живешь (ж., 20 лет)	Встать на стражу своей страны; беречь экологию страны; стараться изменить минусы страны	Человек старается делать многое во благо своей страны. Он помогает правительству в различных сферах жизни страны	Когда патриотизм навязывается обществу добровольно-принудительно, то у людей вырабатывается ненависть к патриотизму
Любовь к своей стране, принятие и понимание ее сильных сторон и ее недостатков (м., 19 лет)	Адекватная критика своей страны; общественные деяния, направленные на развитие патриотизма; трезвый взгляд на свою страну	Это объединяет людей в очень тяжелые времена и дает им надежду на лучшее	Люди могут стать фанатично настроены к любой критике в адрес своей страны
Когда ты видишь недостатки своей родины, говоришь о них, но при этом готов защищать свою родину, делать ее лучше (м., 20 лет)	Добросовестное исполнение своей работы; защита своей родины и граждан; преемственность традиций	Они есть, патриотизм — это здоровый взгляд на свою страну	Радикальность, в которую он может перейти
Тип 4. Негативное отношение к патриотизму (3,0% респондентов: 2,9% — в женской выборке, 3,5% — в мужской)			
Лицемерие (ж., 19 лет)	Не знаю	Не знаю	Непринятие других, агрессия
Механизм давления (ж., 21 год)	Агрессия к другим мнениям; слепота к правде	Нет	Патриотизм не работает так, как задумывался
Инструмент управления народом, навязанной им идеей, выгодной для некоторой группы элит (м., 20 лет)	Агрессивное навязывание; отрицание иного мнения; ксенофобия/национализм	Оккультное счастье	Слепота

Представления о патриотизме			
Патриотизм – это...	Проявляется в поведении	Позитивные стороны	Негативные стороны
Иллюзия, в которой живут люди (м., 25 лет)	В слепом подчинении; в вере; в жертвенности	Их нет	Слишком много жертв со стороны населения
Тип 5. Амбивалентное отношение к патриотизму (5,4% респондентов: 4,7% – в женской выборке, 7,7% – в мужской)			
Понятие, которое искали (ж., 21 год)	Забота о людях и о месте, где ты живешь; переживание за свою страну; переживания за будущее	Есть, наверное	Понимание его в том ключе, который транслируется государственными СМИ
Защита и привязанность к родине, традициям и людям, а также повод для очередной попойки (м., 20 лет)	Стремление улучшить страну; отстаивание традиций; защита страны	-	Ложные патриоты и попойки
Гордость за свою страну, государство, землю и народ. Но, к сожалению, от этого понятия ничего не осталось, кроме ненависти, боли, страданий и печали (м., 19 лет)	Быть открытым и приветливым к другим людям, желающим узнатъ побольше о нашей стране и культуре; знать свою историю, отличать настоящее от прошлого, быть терпимым к другим народам; гордиться своей культурой, страной, народом и их достижениями	Здравая гордость, любовь, самоотдача, защита близких и своей территории, готовность помочь людям вокруг	Ненависть, пропаганда, вред, ложь, боль

Первый тип (безусловное позитивное отношение к патриотизму) продемонстрировали 24,6% опрошенных. Критерии выделения данного типа отношения: респонденты перечислили положительные проявления патриотизма (ответ на первый и второй вопросы), отметили преимущества патриотизма (ответ на третий вопрос) и указали, что негативных сторон у патриотизма нет (ответ на четвертый вопрос) (табл. 2). Проявления патриотизма респонденты связали с любовью, преданностью, защитой, проявлением уважения к родине, народу, культуре, природе страны, с популяризацией России в общении с

представителями других стран, принятием страны такой, какая она есть.

Второй тип отношения (позитивное или нейтральное отношение к патриотизму без дополнительной рефлексии) продемонстрировали 21,8% респондентов (табл. 2). Критерии выделения данного типа отношения: респонденты отметили положительные проявления патриотизма при ответе на первый и второй вопросы, но затруднились ответить на третий и четвертый вопросы. Представления этих респондентов о проявлениях патриотизма сходны с представлениями опрошенных с первым типом отношения, доминирую-

щим ответом является «любовь к родине», ответы однозначные и краткие в сравнении с ответами респондентов из других групп (табл. 2). Это может быть признаком шаблонного восприятия патриотизма и, возможно, индифферентного отношения к нему, что проявляется в том числе в неготовности тратить время на размышления и развернутые ответы на вопросы о преимуществах и недостатках патриотизма.

Самая многочисленная группа (45,2% опрошенных) — группа респондентов, продемонстрировавших третий тип отношения к патриотизму (положительное отношение с рефлексией преимуществ и возможных рисков) (табл. 2). Критерии выделения данного типа отношения: респонденты отметили положительные проявления патриотизма при ответе на первый и второй вопросы, а также дали ответы на вопросы о возможных преимуществах и рисках патриотизма. Ответы этих респондентов наиболее развернутые и многосоставные. Студенты пишут о любви, преданности, восхищении, уважении к стране, природе и людям, о проявлении смелости в условиях защиты страны, но наряду с этим звучат темы признания проблем страны, желания изменить жизнь к лучшему, предпринимать конкретные действия по исправлению недостатков. Фигурируют также темы уважения к людям с другими взглядами, проявления критического мышления и стремления к миру. В качестве преимуществ патриотизма отмечается сплочение народа, повышение веры в хорошее будущее, возможность сделать страну лучше, повысить благополучие людей. В качестве рисков наиболее часто отмечается фанатизм, негативное отношение к другим странам, навязывание патриотизма.

Четвертый тип отношения (негативное отношение к патриотизму) продемонстрировали 3,0% опрошенных (табл. 2). Критерии выделения данного

типа отношения: в качестве проявлений патриотизма респонденты отметили отрицательные характеристики (ответы на первый и второй вопросы), указав при этом, что не видят в патриотизме позитивных сторон (ответ на третий вопрос), а видят в нем лишь недостатки (ответ на четвертый вопрос). Доминирующими темами в данном случае выступили темы слепой любви, взаимоотношения людей и власти, рассмотрение патриотизма в качестве манипулятивного инструмента.

Пятый (амбивалентный) тип отношения к патриотизму проявился у 5,4% опрошенных. Основным критерием выделения данного типа отношения стало наблюдаемое в ответах респондентов эмоционально заряженное двойственное отношение к патриотизму. В данном случае наиболее часто звучали темы истинного и ложного патриотизма, подмены понятий, акцентировалась тема взаимоотношения человека и государства (табл. 2).

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о невысокой субъективной значимости патриотической самоидентичности в структуре социальной идентичности российской студенческой молодежи. При этом достаточно высок процент студентов с флюктуирующей патриотической самоидентичностью (более трети респондентов), а также тех, кто ощущает себя патриотами очень слабо (десятая часть опрошенных) и не ощущает себя патриотами совсем (6,4%). Эти результаты подтверждают существование барьеров на пути формирования устойчивой патриотической самоидентичности у значительной части российской студенческой молодежи. Данные барьеры, с одной стороны, могут быть обусловлены недостаточно выстроенной внутренней позицией личности, лежащей в основе позитивной гражданской идентичности [21].

С другой стороны, социологи отмечают, что значимыми причинами, блокирующими патриотические чувства у российской молодежи, являются социальное неравенство, низкий уровень жизни, неуверенность и отсутствие институционального доверия [42]. Пониманию блокирующих факторов проявления патриотических чувств у части молодежи может способствовать анализ исследований, раскрывающих психологические предикторы переживаний гордости и стыда за страну [22; 28]. Так, психологами в апреле 2022 г. была выявлена категория молодых россиян, у которых чувство стыда за страну преобладает над чувством гордости [28]. Отличительные черты представителей данной группы — доминирующие моральные ценности свободы, пропорциональности и заботы [33] (в терминологии теории моральных оснований [35; 38]). В то же время результаты психологического исследования, проведенного в 2019 г. [22], подтверждают внутригрупповую неоднородность российской молодежи: обнаружены связи различных индивидуальных ценностей с доминирующими в сознании молодых россиян причинами для гордости и стыда за страну. На различия в политических взглядах и оценках у современных российских студентов указывают и преподаватели российских вузов, рассматривая это в том числе и как потенциально конфликтогенный внутригрупповой фактор при организации мероприятий по патриотическому воспитанию [7]. В нашем исследовании выявлено преобладающее позитивное отношение к патриотизму у молодых россиян. Негативное отношение к патриотизму проявилось у небольшого числа респондентов. Однако выявленное в выборке российской студенческой молодежи амбивалентное отношение к патриотизму (контекстуированное проблематикой взаимоотношений человека и государства) может являться следствием поляризации

российского общества в условиях СВО и признаком трансформации представлений о патриотизме у части российской молодежи. Однако данный вывод носит вероятностный характер и требует дополнительной эмпирической проверки.

У российской студенческой молодежи с различными типами отношения к патриотизму представления об этом феномене отражают как охранительное, так и гражданское измерения, что наблюдается также у представителей других поколений россиян [7]. В гражданском измерении патриотизма отражается необходимость знания и поддержки истории и культуры страны, традиций и обычаяев, важность деятельности на благо страны, а охранительное измерение связано с акцентированием значимости защиты исторически сложившейся ценностно-культурной системы от каких-либо внешних влияний [7]. Однако, согласно данным нашего исследования, для значительной части российской студенческой молодежи (практически для половины респондентов) характерно позитивное отношение к патриотизму с рефлексией его преимуществ и возможных рисков. Содержательный анализ представлений этих респондентов о патриотизме свидетельствует о том, что они во многом отражают описываемую социологами новую модель гражданственности молодежи [18; 41], ориентированной на повседневную реализацию. В рамках данной модели гражданственность артикулируется молодыми людьми через ответственность и неравнодушие к тому, что происходит вокруг, заботу и сопреживание, честность по отношению к себе и другим, умение самостоятельно мыслить, ориентацию на активность и деятельность на благо общества, а реализуется — «на расстоянии вытянутой руки», как конкретные действия, которые помогают сделать мир вокруг себя лучше [41].

Смещение акцентов с эмоционального на деятельностный в отношении патриотизма фиксируют у современной молодежи и другие исследователи [17; 18], «что может свидетельствовать о формировании более осознанной, конструктивной патриотической модели» [17, с. 259]. В данную модель органично интегрируется нетерпимость российской молодежи к коррупции и коррупционерам [12], обладающая в том числе мощным мотивационным эмиграционным потенциалом: обеспокоенность высоким уровнем коррупции (наряду с недовольством экономической ситуацией в стране) выступает ведущим эмиграционным мотивом для современной студенческой молодежи России (по данным, собранным в 2021 г.) [20].

Анализ указанных молодыми респондентами преимуществ патриотизма свидетельствует о том, что для большей части российской студенческой молодежи патриотизм выступает значимым фактором развития страны и самой личности. Однако при этом значительная часть студентов размышляет также о рисках и возможных трансформациях патриотизма, отражая тем самым и соответствующую научную проблематику. Чаще всего молодыми людьми высказываются опасения относительно возможного перехода патриотизма в национализм и фанатизм и, как следствие, проявления нетерпимости в отношении других стран и народов. В целом можно сделать вывод о том, что у значительной части российской молодежи существует запрос на формирование конструктивного гражданского патриотизма, предполагающего понимание рисков его возможной трансформации. Эти данные соотносятся и с результатами других современных исследований [16; 18]. Актуальной и отвергаемой для студенческой молодежи является тема навязывания патриотизма, о непродуктивности которой высказываются и преподава-

тели российских вузов [7]. В то же время не первый год в научном дискурсе идет речь о необходимости трансформации практик патриотического воспитания российской молодежи с учетом особенностей ее менталитета [42]. В текущих условиях исследователи особо подчеркивают необходимость поиска новых явлений и событий (помимо Великой Отечественной войны), способных выполнять интегрирующую функцию [7; 28]. Психологи при этом акцентируют внимание на значимости поиска «оснований для солидаризации общества не только в отношении к прошлому, но и в отношении к коллективному будущему» [28, с. 543]. В условиях текущей неопределенности, поляризации, а также внутригрупповой неоднородности молодежи и общества в целом нахождение и укрепление общих интеграционных (разделяемых всеми согражданами) оснований построения позитивного будущего страны может стать важным фактором укрепления приверженности стране, позитивной гражданской идентичности и патриотизма в условиях кризиса. Особенно актуально это с точки зрения интеграции и включения в процесс патриотического воспитания той части российской молодежи, у которой выявлено амбивалентное и негативное отношение к патриотизму.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, значимых для процесса организации эффективного патриотического воспитания современной российской студенческой молодежи. Однако формулируем эти выводы мы с учетом тех ограничений, которые присутствуют в работе: нерепрезентативность выборки, преобладание в ней респондентов женского пола, ограничения качественного анализа и специфический эмоционально-заряженный контекст сбора эмпирических данных в октябре 2022 г. Анализ субъек-

тивной значимости патриотической само-идентичности российской студенческой молодежи показывает, что она не выступает для значительной части студентов видом идентичности, способствующим удовлетворению ключевых потребностей в контексте теории мотивов конструирования идентичности. В то же время выявлено позитивное отношение значительной части молодежи к патриотизму, признание его ценности и положительного вклада в развитие личности и страны. Наряду с этим представления о патриотизме почти половины молодых респондентов отражают новую модель гражданственности молодежи и запрос на развитие конструктивного гражданского патриотизма с тщательной рефлексией его преимуществ и возможных рисков. Обнаруженный амбивалентный тип отношения к патриотизму может выступать маркером трансформации представлений о патриотизме у части студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества. Однако это предположение требует дополнительной эмпирической проверки. Значимым направлением будущих исследований является сравнительный анализ патриотической само-идентичности и отношения к патриотизму у российской молодежи и представителей других возрастных и поколенческих групп, в том числе у тех, кто выступает кураторами и наставниками современных студентов, агентами патриотического воспитания молодежи. Не менее ценным представляется и кросс-культурный анализ отношения к патриотизму у молодежи разных стран.

Патриотическое воспитание современной молодежи — непростая задача, требующая учета современного социально-исторического контекста, социально-психологических и поколенческих особенностей молодежи, ее неоднородности в отношении очень многих параметров. На основе интеграции результатов проведен-

ного исследования, а также результатов исследований, изложенных в обзоре данной статьи, представляем ниже те аспекты, учет которых позволит, на наш взгляд, повысить качество патриотического воспитания российской студенческой молодежи в текущих социально-исторических условиях. Важными аспектами организации патриотического воспитания российской студенческой молодежи, на наш взгляд, являются следующие:

- восприятие студентов не как объектов, а как субъектов патриотического воспитания;
- определение в условиях поляризации российского общества общих принимаемых всеми интеграционных оснований позитивной гражданской идентичности и патриотизма;
- приоритетная ориентация на воспитание у молодежи конструктивного гражданского патриотизма;
- четкость и ясность воспитательных целей, присутствие компонента межкультурной толерантности в содержании патриотического воспитания, конгруэнтность декларируемых целей воспитательным действиям;
- опора на прошлое страны с обращением к настоящему и конструированию общего желаемого будущего;
- реализация патриотического воспитания авторитетными для молодежи фигурами, ориентация на взаимодействие, сотрудничество, использование личных примеров патриотичного поведения;
- использование эффективных традиционных и новых форм патриотического воспитания с учетом особенностей российской молодежи и ее представлений о патриотизме и гражданственности;
- преодоление и профилактика дистанцирования молодежи от государства путем повышения институционального доверия у молодежи.

Литература

1. Антощук И.А. Сторонники специальной военной операции в Украине: социальное окружение и стратегии общения // СоциоДиггер. 2022. Июль. Том 3. Выпуск 7(19): Радикализация. Поляризация мнений и разрывы в коммуникации. С. 21–29.
2. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Проблема патриотизма и толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12(20). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/tuchena.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
3. Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Факторы формирования патриотических ценностей и установок у старших школьников (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Интеграция образования. 2022. Т. 26. № 3. С. 559–578. DOI:10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578
4. Гордякова О.В., Лебедев А.Н. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения молодых граждан России // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2017. М., 2017. С. 307–327.
5. Григорьев Д.С. От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма // Национальный психологический журнал. 2020. № 3(39). С. 48–60. DOI:10.11621/prj.2
6. Григорьева М.В., Шаров А.А., Загоричный А.И. Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 142–158. DOI:10.17759/sps.2022130109
7. Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А., Кузнецова И.М., Рыжова С.В., Фадеев П.В., Щеголькова Е.Ю., Эндрюшко А.А. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика. М: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. DOI:10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022
8. Жизнь по своим правилам. Аналитический обзор ВЦИОМ. 4 мая 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analyticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam> (дата обращения: 10.03.2023).
9. Журавлев А.Л., Юрьевич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.
10. Звоновский В.Б., Ходыгин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38–53. DOI:10.31857/S013216250021524-9
11. Иванова Е.А., Карнышева О.А. Особенности патриотической самоидентичности у городской и сельской молодежи Сибири // EUROPEAN SOCIAL SCIENCE JOURNAL. 2018. № 9. С. 395–401.
12. Китова Д.А. Психологические особенности отношения современной молодежи к коррупции // Наука. Культура. Общество. 2017. № 1. С. 38–49.
13. Колыкова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
14. Кулешова А.В. Поляризация взглядов по ключевым вопросам среди сторонников и противников СВО // СоциоДиггер. 2022. Июль. Том 3. Выпуск 7(19): Радикализация. Поляризация мнений и разрывы в коммуникации. С. 30–34.
15. Макушева М.О. «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян // СоциоДиггер. 2022. Июль. Том 3. Выпуск 7(19): Радикализация. Поляризация мнений и разрывы в коммуникации. С. 11–20.
16. Маленков В.В. Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 60–65. DOI:10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65

17. Маленков В.В., Печеркина И.Ф. Патриотическая самоидентификация в системе гражданских ориентаций молодежи // Социология. 2019. № 6. С. 249–262.
18. Мокерова Ю.В. Понятие родины и представление о патриотизме у учащейся молодежи (на примере Свердловской области) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 4(55). С. 39–49. DOI:10.26907/2079-5912.2022.4.39-49
19. Муращенкова Н.В. Социально-психологические детерминанты представлений молодежи об экстремизме и патриотизме: дисс. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2014. 310 с.
20. Муращенкова Н.В., Грищенко В.В., Ефременкова М.Н. Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений студенческой молодежи: кросс-культурный анализ. М., 2023. 304 с. DOI:10.17323/978-5-7598-2941-6
21. Мухина В.С., Мелков С.В. Внутренняя позиция личности как основа развития гражданской идентичности // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 1. С. 105–112. DOI:10.17759/chp.2022180110
22. Неврюев А.Н., Сычев О.А., Сареева И.Р. Чем гордится и чего стыдится молодежь в России? Роль базовых индивидуальных ценностей // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 3. С. 38–58. DOI:10.17759/sps.2021120304
23. Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.2078
24. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 11.01.2023).
25. Рыжова С.В. Эмоциональная составляющая российской идентичности: позитивный и негативный контексты // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 21–32. DOI:10.31857/S013216250019609-2
26. Санина А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 44–53.
27. Седова Н.Н. Мировоззренческие установки россиян: опыт эмпирического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 402–415. DOI:10.14515/monitoring.2022.6.2361
28. Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 3. С. 528–549. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549
29. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 163 с.
30. Юрьевич А.В. Психологическая многогранность патриотизма // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 86–94. DOI:10.31857/S020595920002253-4
31. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. New York: Harper & Row, 1950. 989 p.
32. Aydin E., Bagci S.C., Kelesoglu I. Love for the globe but also the country matter for the environment: Links between nationalistic, patriotic, global identification and pro-environmentalism // Journal of Environmental Psychology. 2022. Vol. 80. 101755. DOI:10.1016/j.jenvp.2021.101755
33. Braun V., Clarke V. Can I use TA? Should I use TA? Should I not use TA? Comparing reflexive thematic analysis and other pattern-based qualitative analytic approaches // Counselling and Psychotherapy in Research. 2021. Vol. 21(1). P. 37–47. DOI:10.1002/capr.12360
34. Davidov E. Measurement Equivalence of Nationalism and Constructive Patriotism in the ISSP: 34 Countries in a Comparative Perspective Political Analysis // Political Analysis. 2009. Vol. 17(1). P. 64–82. DOI:10.1093/pan/mpn014

35. *Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitz C., Mooijman M.* Moral foundations theory: On the advantages of moral pluralism over moral monism. In K. Gray, J. Graham (Eds.). *Atlas of Moral Psychology*. New York: The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
36. *Grigoryan L.K., Ponizovskiy V.* The three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia // *International Journal of Comparative Sociology*. 2018. Vol. 59(5–6). P. 403–427. DOI:10.1177/0020715218806037
37. *Hamada T., Shimizu M., Ebihara T.* Good patriotism, social consideration, environmental problem cognition, and pro-environmental attitudes and behaviors: a cross-sectional study of Chinese attitudes // *SN Applied Sciences*. 2021. No. 3. P. 361. DOI:10.1007/s42452-021-04358-1
38. *Harper C.A., Rhodes D.* Reanalysing the factor structure of the moral foundations questionnaire // *British Journal of Social Psychology*. 2021. Vol. 60(4). P. 1303–1329. DOI:10.1111/bjso.12452
39. *Huddy L., Khatib N.* American patriotism, national identity, and political involvement // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. No. 1. P. 63–77.
40. *Kuhn M.H., McPartland T.S.* An empirical investigation of self-attitudes // *American Sociological Review*. 1954. No. 19. P. 68–76. DOI:10.2307/2088175
41. *Nartova N.* Citizenship and Social Engagement of Youth in the Putin Era. In: Omelchenko E. (eds.). *Youth in Putin's Russia*. Palgrave Macmillan, Cham. 2021. P. 137–165. DOI:10.1007/978-3-030-82954-4_4
42. *Omelchenko D., Maximova S., Avdeeva G., Goncharova N., Noyanzina O., Surtseva O.* Patriotic Education and Civic Culture of Youth in Russia: Sociological Perspective // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 190. P. 364–371. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.05.012
43. *Schatz R.T., Staub E.* Manifestations of blind and constructive patriotism: Personality correlates and individual-group relations. In: Bar-Tal D., Staub E. (eds.). *Patriotism in the Lives of Individuals and Nations*. Chicago, IL: Nelson-Hall, 1997. P. 229–245.
44. *Vignoles V.L.* Identity Motives. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.). *Handbook of Identity Theory and Research*. Springer, New York, NY. 2011. P. 403–432. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_18
45. *Vignoles V.L., Schwartz S.J., Luyckx K.* Introduction: Toward an integrative view of identity. In S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (Eds.). *Handbook of identity theory and research*. New York: Springer. 2011. P. 1–27. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_1

References

1. Antoshchuk I.A. Storonniki spetsial'noi voennoi operatsii v Ukraine: sotsial'noe okruzhenie i strategii obshcheniya [Supporters of the special military operation in Ukraine: social environment and communication strategy]. *SotsioDigger = Sociodigger*, 2022. Iyul'. Vol. 3, no. 7(19): Radikalizatsiya. Polaryzatsiya mnenii i razryvy v kommunikatsii, pp. 21–29. (In Russ.).
2. Apollonov I.A., Tuchina O.R. Problema patriotizma i tolerantnosti v kontekste samoponimaniya etnokul'turnoi identichnosti [Problem of patriotism and tolerance in the context of self-understanding of ethno-cultural identity] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Issues*, 2012, no. 12(20). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/tuchena.pdf> (Accessed 13.02.2023). (In Russ.).
3. Aseev S.Yu., Shashkova Ya.Yu. Faktory formirovaniya patrioticheskikh tsennostei i ustanovok u starshikh shkol'nikov (na primere regionov Sibirsogo Federal'nogo okruga) [Factors in the Formation of Patriotic Values and Attitudes in High School Seniors (Case Study of Siberian Federal District)]. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*, 2022. Vol. 26, no. 3, pp. 559–578. DOI:10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578 (In Russ.).
4. Gordyakova O.V., Lebedev A.N. Chuvstvo patriotizma i tipy patrioticheskogo povedeniya molodykh grazhdan Rossii [Sense of patriotism and types of patriotic behavior of young citizens of Russia]. *Psichologicheskie i psichhoanaliticheskie issledovaniya. Ezhegodnik 2017 = Psychological and psychoanalytical research. Yearbook 2017*. Moscow, 2017, pp. 307–327. (In Russ.).

5. Grigor'ev D.S. Ot patriotizma k politicheskому totalitarizmu: rol' kollektivnogo nartsissizma [From patriotism to political totalitarianism: the role of collective narcissism]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2020, no. 3(39), pp. 48–60. DOI:10.11621/npj.2 (In Russ.).
6. Grigor'eva M.V., Sharov A.A., Zagranichnyi A.I. Struktura i motivatsiya sotsial'noi aktivnosti i ee sootnoshenie s grazhdanskim samosoznaniem molodezhi [The Structure of Social Activity and its Correlation with the Civic Consciousness of Young People]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 142–158. DOI:10.17759/sps.2022130109 (In Russ.).
7. Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseeva M.A., Kuznetsov I.M., Ryzhova S.V., Fadeev P.V., Shchegol'kova E.Yu., Endryushko A.A. Rossiiskaya identichnost' i mezhetnicheskie otnosheniya. Publichnyi diskurs i sotsial'naya praktika [Russian identity and inter-ethnic relations. Public discourse and social practice]. Moscow: FNISITs RAN, 2022. 434 p. DOI:10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022 (In Russ.).
8. Zhizn' po svoim pravilam. Analiticheskii obzor VTCIOM. 4 maya 2022 g. [Life by its own rules. Analytical review of VCIOM (Russian Public Opinion Research Center). May 4, 2022] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam> (Accessed 10.03.2023). (In Russ.).
9. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Patriotizm kak ob'ekt izucheniya psikhologicheskoi nauki [Patriotism as an object of study of psychological science]. *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological journal*, 2016. Vol. 37, no. 3, pp. 88–98. (In Russ.).
10. Zvonovskii V.B., Khodykin A.V. Otrazhenie kul'turnoi vlasti geopoliticheskogo narrativa v kollektivnykh predstavleniyakh rossiyan o spetsial'noi voennoi operatsii [Reflection of the Cultural Power of the Geopolitical Narrative in the Collective Perceptions of Russians about the Military Operation in Ukraine]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2022, no. 11, pp. 38–53. DOI:10.31857/S013216250021524-9 (In Russ.).
11. Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Osobennosti patrioticheskoi samoidentichnosti u gorodskoi i sel'skoi molodezhi Sibiri [Features Patriotic Identity at Urban and Rural Young People of Siberia]. *EUROPEAN SOCIAL SCIENCE JOURNAL*, 2018, no. 9, pp. 395–401. (In Russ.).
12. Kitova D.A. Psikhologicheskie osobennosti otnosheniya sovremennoi molodezhi k korruptsii [Psychological features of perception of corruption by modern youth]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*, 2017, no. 1, pp. 38–49. (In Russ.).
13. Kol'tsova V.A., Sosnin V.A. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy patriotizma i osobennosti ego vospitaniya v sovremennom rossiiskom obshchestve [Socio-psychological problems of patriotism and features of its education in modern Russian society]. *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological journal*, 2005. Vol. 26, no. 4, pp. 89–97. (In Russ.).
14. Kuleshova A.V. Polaryzatsiya vzglyadov po klyuchevym voprosam sredi storonnikov i protivnikov SVO [Polarization on key issues among supporters and opponents of the SMO]. *SotsioDigger = Sociodigger*. 2022. Iyul'. Vol. 3, no. 7(19): Radikalizatsiya. Polaryzatsiya mnenii i razryvy v kommunikatsii, pp. 30–34. (In Russ.).
15. Makusheva M.O. «Konflikt i solidarnost'». Kak konflikt Rossii i Ukrayny proetsiruetsya na obshchestvennoe mnenie rossiyan [«Conflict and solidarity». How the conflict between Russia and Ukraine is projected on the public opinion of Russians]. *SotsioDigger = Sociodigger*, 2022. Iyul'. Vol. 3, no. 7(19): Radikalizatsiya. Polaryzatsiya mnenii i razryvy v kommunikatsii, pp. 11–20. (In Russ.).
16. Malenkov V.V. Obraz patriotizma i grazhdansko-patrioticheskie orientatsii molodezhi [The image of patriotism and civil-patriotic orientations of youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiy = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022. Vol. 22, no. 1, pp. 60–65. DOI:10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65 (In Russ.).
17. Malenkov V.V., Pecherkina I.F. Patrioticeskaya samoidentifikatsiya v sisteme grazhdanskikh orientatsii molodezhi [Patriotic Self-identification In The System Of Civic Orientations Of Youth]. *Sotsiologiya [Sociology]*, 2019, no. 6, pp. 249–262. (In Russ.).

18. Mokerova Yu.V. Pomyatie rodiny i predstavlenie o patriotizme u uchashcheisya molodezhi (na primere Sverdlovskoi oblasti) [The Concepts Of The Motherland And Of Patriotism Among Young People (on The Example Of The Sverdlovsk Region)]. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik = Kazan social-humanitarian bulletin*, 2022, no. 4(55), pp. 39–49. DOI:10.26907/2079-5912.2022.4.39-49 (In Russ.).
19. Murashchenkova N.V. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty predstavlenii molodezhi ob ekstremizme i patriotizme: diss. ... kand. psikh. Nauk [Socio-psychological determinants of youth perceptions of extremism and patriotism. Ph. D. (psychology) diss.]. Smolensk, 2014. 310 p. (In Russ.).
20. Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Efremenkova M.N. Sotsial'no-psikhologicheskoe prostranstvo emigratsionnykh namerenii studencheskoi molodezhi: kross-kul'turnyi analiz [Socio-psychological space of emigration intentions of students: cross-cultural analysis]. Moscow, 2023. 304 p. DOI:10.17323/978-5-7598-2941-6 (In Russ.).
21. Mukhina V.S., Melkov S.V. Vnutrennyaya pozitsiya lichnosti kak osnova razvitiya grazhdanskoi identichnosti [Personality Inner Position as the Basis for Civic Identity Development]. *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 1, pp. 105–112. DOI:10.17759/chp.2022180110 (In Russ.).
22. Nevryuev A.N., Sychev O.A., Sarieva I.R. Chem gorditsya i chego styditsya molodezh' v Rossii? Rol' bazovyykh individual'nykh tsennostei [What are Young People in Russia Proud and Ashamed of? The Role of Basic Personal Values]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 38–58. DOI:10.17759/sps.2021120304 (In Russ.).
23. Omel'chenko E.L., Lisovskaya I.V. Molodezh' kak barometr budushchego? Molodezhnaya povestka v sovremennoi Rossii skvoz' mneniya ekspertov po molodezhnoi politike [Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Contemporary Russia as Viewed by Youth Policy Experts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 2, pp. 66–92. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.2078 (In Russ.).
24. Osnovy gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025] [Elektronnyi resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (Accessed 11.01.2023). (In Russ.).
25. Ryzhova S.V. Emotsional'naya sostavlyayushchaya rossiiskoi identichnosti: pozitivnyi i negativnyi konteksty [Emotional Component of the All-Russian Identity: Positive and Negative Contexts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2022, no. 4, pp. 21–32. DOI:10.31857/S013216250019609-2 (In Russ.).
26. Sanina A.G. Patriotizm i patrioticheskoe vospitanie v sovremennoi Rossii [Patriotism of Russians and patriotic education in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2016, no. 5, pp. 44–53. (In Russ.).
27. Sedova N.N. Mirovozzrencheskie ustanovki rossiyjan: opyt empiricheskogo analiza [Worldview Attitudes of Russians: Empirical Analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 6, pp. 402–415. DOI:10.14515/monitoring.2022.6.2361 (In Russ.).
28. Sychev O.A., Nestik T.A. Moral'nye osnovaniya styda i gordosti za svoyu stranu [Moral foundations for the feelings of shame and pride regarding the native country]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psichologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2022. Vol. 19, no. 3, pp. 528–549. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549 (In Russ.).
29. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: NIU VShE, 2011. 163 p. (In Russ.).
30. Yurevich A.V. Psichologicheskaya mnogogrannost' patriotizma [Psychological versatility of patriotism]. *Psichologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2018. Vol. 39, no. 6, pp. 86–94. DOI:10.31857/S020595920002253-4 (In Russ.).
31. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. New York: Harper & Row, 1950. 989 p.

32. Aydin E., Bagci S.C., Kelesoglu İ. Love for the globe but also the country matter for the environment: Links between nationalistic, patriotic, global identification and pro-environmentalism. *Journal of Environmental Psychology*, 2022. Vol. 80, 101755. DOI:10.1016/j.jenvp.2021.101755
33. Braun V., Clarke V. Can I use TA? Should I use TA? Should I not use TA? Comparing reflexive thematic analysis and other pattern-based qualitative analytic approaches. *Counselling and Psychotherapy in Research*, 2021. Vol. 21(1), pp. 37–47. DOI:10.1002/capr.12360
34. Davidov E. Measurement Equivalence of Nationalism and Constructive Patriotism in the ISSP: 34 Countries in a Comparative Perspective Political Analysis. *Political Analysis*, 2009. Vol. 17(1), pp. 64–82. DOI:10.1093/pan/mpn014
35. Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitz C., Mooijman M. Moral foundations theory: On the advantages of moral pluralism over moral monism. In Gray K., Graham J. (eds.). *Atlas of Moral Psychology*. New York: The Guilford Press, 2018, pp. 211–222.
36. Grigoryan L.K., Ponizovskiy V. The three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia. *International Journal of Comparative Sociology*, 2018. Vol. 59(5–6), pp. 403–427. DOI:10.1177/0020715218806037
37. Hamada T., Shimizu M., Ebihara T. Good patriotism, social consideration, environmental problem cognition, and pro-environmental attitudes and behaviors: a cross-sectional study of Chinese attitudes. *SN Applied Sciences*, 2021, no. 3, 361. DOI:10.1007/s42452-021-04358-1
38. Harper C.A., Rhodes D. Reanalysing the factor structure of the moral foundations questionnaire. *British Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 60(4), pp. 1303–1329. DOI:10.1111/bjso.12452
39. Huddy L., Khatib N. American patriotism, national identity, and political involvement. *American Journal of Political Science*, 2007. Vol. 51, no. 1, pp. 63–77.
40. Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes. *American Sociological Review*, 1954, no. 19, pp. 68–76. DOI:10.2307/2088175
41. Nartova N. Citizenship and Social Engagement of Youth in the Putin Era. In: Omelchenko E. (eds.). *Youth in Putin's Russia*. Palgrave Macmillan, Cham, 2021, pp. 137–165. DOI:10.1007/978-3-030-82954-4_4
42. Omelchenko D., Maximova S., Avdeeva G., Goncharova N., Noyanzina O., Surtseva O. Patriotic Education and Civic Culture of Youth in Russia: Sociological Perspective. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015. Vol. 190, pp. 364–371. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.05.012
43. Schatz R.T., Staub E. Manifestations of blind and constructive patriotism: Personality correlates and individual-group relations. In: Bar-Tal D., Staub E. (eds.). *Patriotism in the Lives of Individuals and Nations*. Chicago, IL: Nelson-Hall, 1997, pp. 229–245.
44. Vignoles V.L. Identity Motives. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.). *Handbook of Identity Theory and Research*. Springer, New York, NY, 2011, pp. 403–432. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_18
45. Vignoles V.L., Schwartz S.J., Luyckx K. Introduction: Toward an integrative view of identity. In Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (eds.). *Handbook of identity theory and research*. New York: Springer, 2011, pp. 1–27. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_1

Информация об авторах

Муращенко Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психологический педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Калинина Наталья Валентиновна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3619-7215>, e-mail: kalinata66@mail.ru

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ПГУ»), г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Кулеши Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ТОГУ»), г. Хабаровск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Маленова Арина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского» (ФГАОУ ВО «ОмГУ имени Ф.М. Достоевского»), г. Омск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

Малышев Иван Викторович, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4191-6555>, e-mail: iv.999@list.ru

Information about the authors

Nadezhda V. Murashchenkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Natalia V. Kalinina, Doctor of Psychology, Head of the Department of Psychology, The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3619-7215>, e-mail: kalinata66@mail.ru

Vsevolod V. Konstantinov, Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Elena V. Kulesh, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Arina Yu. Malenova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

Ivan V. Malyshев, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Pedagogical Psychology and Psychodiagnostics, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4191-6555>, e-mail: iv.999@list.ru

Получена 15.05.2023

Received 15.05.2023

Принята в печать 07.11.2023

Accepted 07.11.2023

Вклад оправдания системы в социальную сплоченность

Агадуллина Е.Р.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@gmail.com

Лавелина Д.Я.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Цель. Анализ вклада оправдания системы в социальную сплоченность.

Контекст и актуальность. Социальная сплоченность в России, как и во всем мире, снижается, несмотря на ее благоприятное воздействие на общество. В рамках теории оправдания системы есть все основания предполагать связь оправдания системы и социальной сплоченности, но эмпирической проверки проведено не было.

Дизайн исследования. В работе изучалась связь между оправданием системы и разными уровнями социальной сплоченности. В исследовании использовались шкала оправдания системы и методики для измерения переменных межличностного доверия, интенсивности социального взаимодействия, открытости новому, социального участия, институционального доверия и легитимности институтов. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный анализ и моделирование структурными уравнениями (SEM).

Участники. 819 россиян (52% женщин) от 18 до 83 лет ($M = 37,7$; $SD = 10,7$).

Методы (инструменты). Русскоязычная версия шкалы оправдания системы Дж. Джоста. Модель социальной сплоченности Г. Боттони.

Результаты. Модель социальной сплоченности была успешно протестирована на российской выборке, но переменные макроуровня не могут быть разделены и не позволяют сформировать второй фактор модели по типу измерения (объективное и субъективное). Оправдание системы значимо предсказывает все уровни социальной сплоченности. Регрессионная модель показала, что чем больше люди склонны оправдывать систему в целом, тем больше они доверяют окружающим, вовлекаются в различные групповые взаимодействия и позитивно оценивают деятельность институтов.

Основные выводы. Оправдание системы значимо положительно предсказывает социальную сплоченность на микроуровне, мезоуровне и макроуровне.

Ключевые слова: оправдание системы; теория оправдания системы; социальная сплоченность.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Для цитаты: Агадуллина Е.Р., Лавелина Д.Я. Вклад оправдания системы в социальную сплоченность // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140406>

The Contribution of the System Justification to Social Cohesion

Elena R. Agadullina

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@gmail.com

Daria I. Lavelina

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Objective. *Analysis of the contribution of the system justification to social cohesion.*

Background. *Social cohesion in Russia, as well as around the world, is declining, despite its beneficial impact on the society. In accordance with the System Justification theory, there is reason to assume a connection between the system justification and social cohesion, but no empirical verification has been carried out.*

Study design. *The study examined the relationship between the system justification and different levels of social cohesion. The study used the system justification scale and measurements of variables of interpersonal trust, density of social relationships, openness, social participation, institutional trust and legitimacy of institutions. The presence and nature of the relationship was verified through correlation analysis and structural equation modeling (SEM).*

Participants. *819 Russians (52% of women) from 18 to 83 years old ($M = 37,7$; $SD = 10,7$).*

Measurements. *Russian-language versions of the scales of system justification by J. Jost. G. Bottoni's model of social cohesion.*

Results. *The model of social cohesion was successfully tested on a Russian sample, but macro-level variables cannot be separated and do not allow the formation of the second factor of the model by type of measurement (objective and subjective). System justification significantly predicts all levels of social cohesion. The regression model showed that the more people tend to justify the system, the more they trust others, get involved in various group interactions and positively evaluate the institutional activities.*

Conclusions. *The system justification significantly positively predicts social cohesion at the micro, meso and macro levels.*

Keywords: *system justification; system justification theory; social cohesion.*

Funding. The reported study was funded by the Russian Federation Ministry of Science and Higher Education, grant agreement 075-15-2020-928.

For citation. Agadullina E.R., Lavelina D.I. The Contribution of the System Justification to Social Cohesion. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140406> (In Russ.).

Введение

Изучение общества связано с изучением его характеристик, среди которых социальная сплоченность является определяющей, без которой общество как таковое невозможно [4]. Высокая социальная сплоченность обычно рассматривается как позитивная черта социального устройства [33]. Она по-

зволяет смягчать бедность [31], больше инвестировать в общественную инфраструктуру, что в свою очередь снижает неравенство в доступе к медицинским услугам [11], а следовательно, и улучшает здоровье населения [13]. Сплоченность уменьшает неблагоприятные последствия стресса на психологическое и физическое состояние индивидов за

счет возможности получить социальную поддержку и уважение со стороны окружающих [22; 35], и в целом сплоченные общества считаются «сердечными» и лучше удовлетворяющими такие социальные потребности, как любовь, уважение и дружба [17]. С точки зрения политических решений повышение социальной сплоченности через увеличение гражданского участия в социальной, политической и экономической деятельности будет повышать благосостояние людей и способствовать их благополучию [16]. Именно из-за крайне благоприятного воздействия высокой социальной сплоченности на общество исследователи и политики обеспокоены его глобальным снижением [34]. Причины снижения социальной сплоченности политики и исследователи видят в глобализации, увеличении экономического неравенства [12], росте этнокультурного разнообразия, технологических изменениях, позволяющих людям быть менее привязанными к месту жительства, новых коммуникационных технологиях, изменяющих способ общения и выстраивания отношений [33], а также в переходе к современным постмодернистским западным обществам [18].

В настоящее время Россия характеризуется не только низкой сплоченностью, но и трендом на дальнейшую атомизацию общества [1]. Сравнительные исследования стран командой Ipsos поставили Россию на 19 из 27 мест в рейтинге по общему индексу сплоченности [14]. В этих условиях исследование социальной сплоченности становится крайне актуальным и значимым для лиц, принимающих решения в области внутренней политики страны.

Тем не менее у людей есть тенденция оправдывать систему и поддерживать статус-кво, даже если он им не выгоден.

Существуют разные варианты объяснения, почему люди оправдывают систему, но сам факт оправдания остается несомненным [30]. Теория оправдания системы (ТОС) использует это явление в качестве базового для объяснения всей системы социальных отношений [24]. В работе мы будем опираться на ТОС и рассмотрим ранее не изученный вклад оправдания системы в социальную сплоченность общества.

Социальная сплоченность

На данный момент в литературе не существует общепринятого понятия социальной сплоченности [10; 33], существующие же попытки измерить сплоченность не могут охватить весь смысл концепции и сводят социальную сплоченность к квазипонятию [41]. Одни авторы могут ограничиться использованием одной переменной (например, волонтерское участие) [37], другие постараются максимально охватить возможные проявления сплоченности (например, [1; 13]), третья попробуют обратиться к существующим моделям или реализовать собственную [34]. В итоге разные подходы могут сойтись на том, что социальная сплоченность — это многомерная концепция, которая включает в себя социальные изменения, принадлежность, устойчивость и интеграцию людей [41].

Г. Боттони [10] предлагает многомерную модель сплоченности, которая включает исследование сплоченности на уровне отношений между отдельными людьми (микроуровень), между отдельными людьми и группами (мезоуровень) и между отдельными людьми и институтами (макроуровень). Внутри каждого из уровней подразумевается два вида измерений: субъективное и объективное. На уровне операционализации микроуровень включает межличностное доверие

(субъективное измерение) и интенсивность социальных взаимодействий (объективное измерение); мезоуровень — открытость (субъективное измерение) и социальное участие (объективное измерение); макроуровень — институциональное доверие (субъективное измерение) и легитимность институтов (объективное измерение). Модель отличается строгой теоретической схемой и дала хорошие результаты на данных шестой волны Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS).

В связи с тем, что социальная сплоченность может являться агрегированным показателем устойчивости социальной системы, ее структуры, доминирующих в обществе социальных процессов [1], особую актуальность приобретает изучение факторов, которые способствуют поддержанию сплоченности. Одним из таких факторов является оправдание системы — тенденция рассматривать существующие социальные отношения как естественные и справедливые, тем самым закрепляя и оправдывая существующее неравенство.

Роль оправдания системы в социальной сплоченности

Жизнь человека в обществе сопровождается его включенностью в систему социальных отношений, иерархий, институтов, норм и традиций, негласных договоренностей и стереотипов. В рамках ТОС оправдание системы является необходимым для удовлетворения базовых потребностей и мотивов человека [24]. Во-первых, система создает условия для жизни, уменьшает экзистенциальную угрозу и страдания, тем самым удовлетворяя потребность человека в безопасности. Во-вторых, система помогает человеку структурировать мир, дает ему объяснительные модели и облегчает процесс познания, что удовлетворяет эписте-

мологические потребности. В-третьих, она удовлетворяет реляционные потребности, так как позволяет разделить социальную реальность с другими людьми и управлять социальными отношениями, что является ключевым положением теории для данной работы. Вне зависимости от положения в обществе человеку в большей или меньшей мере свойственны все перечисленные потребности, что способствует оправданию им статуса-кво.

Некоторые размышления исследователей [24] приводят к предположению, что стремление к устойчивости системы, несмотря на ее изменения и несовершенства, будет сигнализировать о приверженности к социальной гармонии, а значит, и социальной сплоченности. Так, возможно, что оправдание системы способствовало чувству легитимности и общественному согласию, и что сообщества, в которых не было внутренних разобщающих конфликтов, вероятно, были более жизнеспособны.

Социальное и экономическое неравенство приводит к сегрегации между людьми [15], увеличивает социальную дистанцию, чем косвенно может разрушать социальную сплоченность [39]. Кроме того, растущее неравенство может оказывать влияние на сплоченность через негативное влияние на общее доверие, демократические установки и участие в политической жизни, которые в том числе являются показателями социальной сплоченности [17; 32].

Оправдание системы уменьшает восприятие несправедливости общественного неравенства (несовершенства системы) и подталкивает к противодействию движениям и общественным инициативам, направленным на снижение неравенства [26]. Исследования показывают, что люди, оправдывающие систему, активнее присоединяются к общественным

движениям, ее поддерживающим [23; 42]. Те же, кто не оправдывает систему, поддерживают протестные и неформальные объединения [29], однако неизвестно, является ли эта связь более сильной, чем участие при оправдании системы. Более того, оправдание системы тесно связано с субъективным миром человека. Оправдывая систему, человек корректирует восприятие мира, событий и даже себя [26], поэтому, возможно, у человека будет отличаться связь с объективной и субъективной социальной сплоченностью. В стремлении удовлетворить реляционные потребности человек может оправдывать систему и тем самым закрывать потребности субъективно, тогда как на самом деле это может быть результатом «ложного сознания», и объективные показатели сплоченности будут существенно отличаться. Поэтому мы предполагаем, что большее оправдание системы будет приводить к более высоким показателям социальной сплоченности и с субъективной составляющей связь будет сильнее, чем с объективной. Ранее такие связи не были в исследовательском фокусе и изучались только как косвенные или промежуточные [32] или были предположены лишь теоретически [24].

Метод

В исследовании приняли участие 819 жителей России (52% женщин; $M_{возр} = 37,7; SD = 10,7$). 52% выборки составляют люди с законченным высшим образованием. Подавляющая доля выборки представлена русскими — 92%. Доля жителей Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области составляет 21% от общего числа респондентов.

Методики:

Оправдание системы было измерено при помощи шкалы оправдания систе-

мы Дж. Джоста [38], адаптированной для российской выборки [8]. Данная шкала оценивает веру в естественность и неизбежность неравенства. Шкала включает 5 суждений, например, «Сегодня в России большинство людей довольны тем, что имеют». Респонденты оценивали свое согласие по шкале от 1 (абсолютно не согласен/а) до 9 (абсолютно согласен/а).

Субъективные показатели сплоченности

Для измерения *межличностного доверия* были взяты три вопроса из Европейского опроса ценностей (European Social Survey, ESS). Например, «По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся только о себе?». Респонденты выбирали ответ по шкале от 1 (в большинстве случаев люди заботятся только о себе) до 11 (в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу).

Открытость также измерялась тремя вопросами из Европейского опроса ценностей (например, «Как Вы считаете, российская культурная жизнь подрывается или обогащается людьми, переехавшими жить в Россию из других стран?»). Респондент выбирал ответ по шкале от 1 (точно подрывается) до 11 (точно обогащается).

Институциональное доверие измерялось при помощи вопроса из Мирового опроса ценностей (World values survey, WVS) — «Ниже перечислены некоторые организации и общественные институты. Скажите, насколько Вы доверяете каждому из них?». Респонденты оценивали степень доверия к восьми социальным институтам (например, правительство, судебная система, полиция и т.д.) по 4-балльной шкале от «Совсем не доверяю» до «Полностью доверяю».

Объективные показатели сплоченности

Частота взаимодействий измерялась двумя вопросами из Европейского опроса ценностей, один из них: «Как много людей в Вашем окружении (если такие есть), с кем Вы можете обсудить личные и интимные вопросы?». Респонденты отвечали на вопросы по шкале от 0 (таких людей нет) до 6 (таких людей очень много).

Для измерения *социального участия* респонденту требовалось ответить, делал ли он что-либо из перечисленного ниже за последние 12 месяцев («Да» или «Нет»). В предложенном респонденту списке были, например, следующие формы социального участия: контактировали с политиком, правительственный или местным должностным лицом, подписывали петицию, бойкотировали определенный продукт или услугу компании, были волонтером или работали в благотворительной организации, были вовлечены в работу какого-либо клуба по интересам.

Легитимность институтов исследовалась при помощи вопроса «В целом насколько Вы удовлетворены тем, как в России работает...?». Далее респонденту последовательно предлагалось шесть социальных институтов для оценки. Оценка производилась по шкале от 1 (абсолютно не удовлетворен/а) до 11 (абсолютно удовлетворен/а).

Контрольные переменные

Субъективный социально-экономический статус также измерялся при помощи вопроса из Мирового опроса ценностей — лестницы МакАртура [7; 40]: «Представьте себе лестницу, где на самом верху находятся наиболее успешные люди — те, у кого больше денег, лучшее образование и самые престижные рабочие места. В самом низу находятся

люди в худшем положении, у которых мало денег, плохое образование и которые имеют непрестижную работу или являются безработными. Чем выше Вы находитесь на этой лестнице, тем ближе Вы к людям на самом верху, чем ниже Вы находитесь, тем ближе Вы к людям в самом низу». Респондентов просили определить свое положение на этой лестнице от 1 (в самом низу лестницы) до 11 (в самом верху лестницы).

Объективный социально-экономический статус оценивался через уровень дохода и образования. Доход измерялся при помощи вопроса «Каков примерно средний доход на человека в месяц в Вашей семье (с учетом зарплаты, пособий, выплат и иных возможных источников дохода)?». Респондентам предлагалось 15 опций, где первая опция предполагала доход менее 10000 рублей в месяц, вторая опция — доход от 10000 до 15000 рублей в месяц и т.д., последняя опция описывала доход более 200000 рублей в месяц.

Социально-демографический блок включал вопросы о гендерной принадлежности респондента, его возрасте, уровне образования, этнической принадлежности, религиозности и регионе проживания.

Результаты

Описательные статистики

и анализ корреляций

Результаты первичной обработки данных представлены в таблице и демонстрируют, что все переменные анализа складываются в свои шкалы и имеют достаточную внутреннюю согласованность (альфа Кронбаха). В целом все показатели социальной сплоченности коррелируют (коэффициент Пирсона) друг с другом, что свидетельствует о существовании единого конструкта. Исключением является переменная «социальное участие»,

которая отрицательно коррелирует с институциональным доверием ($r = -0,14$, $p < 0,001$) и легализацией социальных институтов ($r = -0,08$, $p < 0,05$), не связана с оправданием системы ($r = -0,03$, $p = 0,57$) и слабо связана с межличностным доверием ($r = 0,09$, $p < 0,05$).

Важно отметить, что субъективный социально-экономический статус связан со всеми показателями социальной сплоченности (как субъективными, так и объективными) (r от 0,16 до 0,41). Этот результат указывает на то, что субъективное позиционирование в социальной иерархии имеет важное значение для поддержания чувства сплоченности. При этом объективный социально-экономический статус (доход) связан только с объективными показателями сплоченности: частотой взаимодействия ($r = 0,18$, $p < 0,001$), социальным участием ($r = 0,17$, $p < 0,001$) и легитимностью институтов ($r = 0,08$, $p < 0,01$).

Тестирование модели проводилось при помощи моделирования структурными уравнениями (SEM) в Mplus версии 7.2 [28]. Все переменные, измерен-

ные более чем одним суждением, были вставлены в модель в качестве латентных, поскольку это позволяло лучше контролировать ошибки измерения. Для оценки качества модели использовались среднеквадратичная ошибка аппроксимации (RMSEA), индекс сравнительно-го соответствия (CFI), индекс Такера-Льюиса (TLI) и стандартизованный среднеквадратический остаток (SRMR) [21]. В тестируемой модели оправдание системы предсказывает социальную сплоченность на микро-, мезо- и макроуровне, объективный и субъективный социально-экономический статус добавлены в модель в качестве контрольных переменных.

Протестированная модель показала приемлемое соответствие данным, $\chi^2 (387) = 1209,56$, $p < 0,001$, RMSEA = 0,061, 95% CI [0,057, 0,065], SRMR = 0,056, CFI = 0,92, TLI = 0,91. Анализ индексов модификации показал, что существуют неучтенные ковариации между суждениями в измерениях легитимизации (leg2 и leg3; leg4 и leg5) и институционального доверия (InstTr2 и

Таблица
Описательная статистика и интеркорреляции основных переменных

	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>a</i>	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Оправдание системы	4,21	1,87	0,91								
2. Межличностное доверие	3,99	2,32	0,69	0,31***							
3. Открытость	5,27	2,25	0,89	0,24***	0,28***						
4. Институциональное доверие	2,50	0,65	0,90	0,74**	0,31***	0,21***					
5. Частота взаимодействий	2,78	1,40	0,66	0,24***	0,34***	0,13***	0,25***				
6. Социальное участие	1,36	1,44	0,61	-0,03	0,09*	0,12***	-0,14***	0,11***			
7. Легитимность	4,38	2,21	0,92	0,76***	0,35***	0,24***	0,87***	0,25***	-0,08*		
8. Доход	3,17	1,90		0,10*	0,07	0,04	0,05	0,18***	0,17***	0,08*	
9. Самокатегоризация	4,16	1,61		0,24***	0,20***	0,15***	0,20***	0,24***	0,16***	0,24***	0,41***

Примечания: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$, *M* — среднее, *SD* — стандартное отклонение, *a* — альфа Кронбаха.

InstTr3; InstTr4 и InstTr5). Данные вариации были добавлены в модель, так как относятся к внутренним связям внутри одного конструкта и могут отражать специфику восприятия индивидами вопросов. Например, ковариации между InstTr4 и InstTr5 (доверие правительству и парламенту) могут объясняться тем, что в целом граждане России слабо осведомлены о различиях в функциях данных институтов и могут «путать» или «объединять» их в своих представлениях [6].

Факторные нагрузки суждений в каждом компоненте социальной сплоченности показывают значимый вклад (p -value каждого суждения меньше 0,001). Самые низкие факторные нагрузки (от 0,35 до 0,52) характерны для измерения социального участия, что, вероятно, объясняет средние показатели согласованности данного конструкта и противоречивые связи социального участия с другими показателями социальной сплоченности. Среднее факторных нагрузок по остальным переменным составляет 0,78 со средней ошибкой –0,02.

Основные результаты модели представлены на рисунке. Как видно из представленных данных, оправдание системы, включающее в том числе преуменьшение и легитимизацию существующего уровня неравенства, последовательно предсказывает социальную сплоченность на микро-, мезо- и макроуровне. Чем выше оправдание системы, тем в большей степени респонденты считают, что в большинстве случаев люди стараются помогать и поддерживать друг друга, а также поддерживают близкие отношения с родными и друзьями ($B = 0,41, p < 0,001$). Кроме этого, оправдание системы вносит вклад в участие в политической или волонтер-

ской активности и открытость новому ($B = 0,30, p < 0,01$). Сильнее всего оправдание системы увеличивает доверие к различным социальным институтам и удовлетворенность их работой ($B = 0,86, p < 0,001$). В совокупности эти данные свидетельствуют о том, что восприятие системы напрямую связано с формированием отношений между отдельными людьми (микроуровень), отдельными людьми и социальными группами (мезоуровень) и между отдельными людьми и институтами (макроуровень). При этом вклад оправдания системы в макроуровень социальной сплоченности выше, чем вклад в микро- и мезоуровень.

Важно отметить, что при одновременном учете всех переменных в модели компоненты социальной сплоченности либо слабо (мезо- и микроуровень, микро- и макроуровень) связаны друг с другом при уровне значимости $p < 0,05$, либо совсем не связаны друг с другом (мезо- и макроуровень). Этот результат свидетельствует о том, что социальная сплоченность может рассматриваться как единый конструкт, включающий содержательно разные компоненты.

Оценка контрольных переменных показала, что повышение субъективного социально-экономического статуса (самокатегоризация в социальной иерархии) увеличивает готовность поддерживать и оправдывать систему ($B = 0,35, p < 0,001$). Рост объективного дохода не связан с увеличением готовности оправдывать систему ($B = 0,21, p = 0,27$) и восприятием легитимности институтов ($B = 0,42, p < 0,001$), при этом он положительно связан с социальным участием ($B = 0,09, p = 0,01$) и частотой социальных взаимодействий ($B = 0,14, p = 0,008$) – объективными измерениями микро- и мезоуровня.

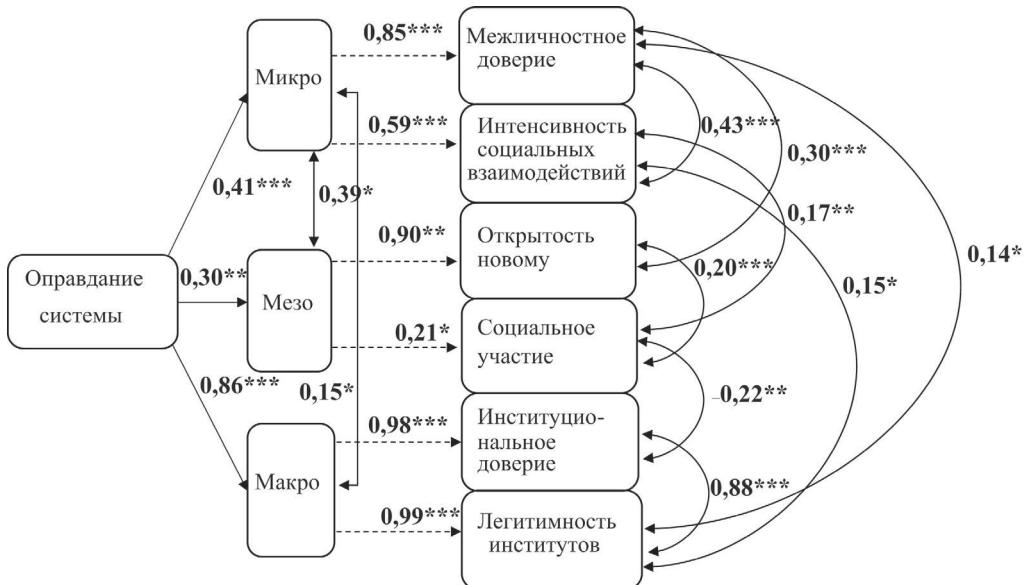

Рис. Схема модели и результаты ее тестирования: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что оправдание системы вносит существенный вклад в микро-, мезо- и макроуровень социальной сплоченности. При этом мезоуровень сплоченности в меньшей степени связан с особенностями восприятия и поддержания существующего уровня неравенства в обществе.

Одно из возможных объяснений данного результата может быть связано с особенностями операционализации социального участия. Так, результаты исследования показали, что социальное участие в целом отражает крайне низкую активность людей: доля ответов об участии сильно меньше доли неучастия – только 19% респондентов сообщили о том, что они проявляют какую-то форму социальной или политической активности. Анализ результатов седьмой волны Мирового опроса ценностей (World Values Survey) [40] показывает,

что доля ответов, отражающих участие в аналогичных измерениях, для мира составляет 17%, для России – 5%. Таким образом, низкое социальное участие не является уникальным показателем для российской выборки (по крайней мере, в ситуациях, когда речь идет об используемом способе измерения данного конструктора). Вероятно, способы измерения социального участия требуют доработки и создания инструментария, способного более дифференцированно фиксировать особенности социальной и политической активности индивидов. Кроме того, небольшой вклад социального участия в сплоченность может свидетельствовать о том, что представления россиян о «единстве» остаются в плоскости ощущения и переживания, но не выходят в плоскость действий. Социально одобряемыми моделями поведения все еще остаются политика невмешательства и представления о «хате с краю» [3]. Идея «маленького

человека», от которого ничего не зависит, часто приводит к тому, что реальные действия людей могут быть не связаны с их представлениями о сплоченности или с уровнем оправдания системы. Для межличностных отношений и отношений человека и группы больший вклад вносят именно субъективные составляющие, тогда как измерения на макроуровне коррелируют так сильно, будто для самих людей нет разницы между доверием институтам и удовлетворенностью их работой. Таким образом, можно сделать вывод, что в России социальная сплоченность проявляется преимущественно субъективно: люди чувствуют связь друг с другом и доверяют государственным институтам, но это очень слабо связано с реальными действиями (объективными компонентами сплоченности).

При этом существенный вклад в субъективные компоненты сплоченности (в частности, уровни межличностного и институционального доверия) вносит готовность оправдывать статус-кво. Представление о том, что существующая система отношений между социальными группами оправдана и справедлива, а уровень неравенства в обществе низкий в силу «естественноти» устоявшихся социальных отношений, приводит к увеличению доверия к различным социальным институтам. Оправдывая систему, человек реализует потребность в принадлежности к группе и обществу [20], в результате чего корректирует свое восприятие [25] в сторону формирования представлений об «общем» для всех видений мира. Именно это представление способствует поддержанию сплоченности на субъективном уровне, так как, с одной стороны, создает устойчивый фундамент для доверительных отношений между людьми и социальными институтами, а с другой стороны, преувеличивает роль со-

циальных институтов в поддержании системы и преуменшает роль собственных действий. Социальные институты, в свою очередь, через массовые каналы распространения информации подчеркивают роль социальных институтов в поддержании стабильности и обеспечении безопасности [2], что способствует развитию социальной сплоченности вокруг увеличения доверия данным институтам [27].

Данные показывают, что представления индивидов о собственном положении в социальной иерархии существенно увеличивают поддержку системы и институциональное доверие. Это еще раз подтверждает значение субъективных переживаний в формировании доверия. Несмотря на то, что большинство людей переоценивают свое социальное положение [19], эта особенность восприятия трансформируется в поддержку системы и доверие институтам. Представление людей о самих себе часто основывается на результате социального сравнения, в процессе которого «позитивные отличия» от других групп позволяют поддерживать позитивную социальную идентичность [36]. Если существующая система социальных отношений позволяет индивиду «позитивно» отличаться от других людей, люди такую систему поддерживают и оправдывают.

Что касается объективных показателей социально-экономического статуса, то результаты указывают на то, что уровень дохода индивидов связан с социальным участием и частотой взаимодействий: люди, имеющие высокие доходы, в большей степени готовы участвовать в различных видах социальной активности и политической деятельности, а также поддерживать более «плотные» социальные связи. Эти данные в целом подтверждают, что высокий доход предполагает людям больше свободы для дей-

ствий, не направленных напрямую на реализацию базовых потребностей, так как повышает их политическую самоэффективность (веру в то, что цели могут быть достигнуты) [5]. Таким образом, можно сделать вывод, что субъективные и объективные показатели экономического статуса в разной степени связаны с поддержанием социальной сплоченности.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы:

1. Оправдание системы, способствующее поддержанию и легитимизации существующего уровня неравенства, вносит значимый вклад в социальную сплоченность на микроуровне (отношения между индивидами), мезоуровне (отношения между отдельными людьми и группами) и макроуровне (отношение между индивидами и социальными институтами).

2. Оправдание системы сильнее всего связано с поддержкой различных социальных институтов и удовлетворенностью их работой и достаточно слабо связано с участием индивидов в различных формах социальной активности (например, политической или волонтерской деятельности).

3. Модель социальной сплоченности — сложного многомерного конструктора — с операционализацией Боттони была успешно протестирована на российской выборке, однако некоторые отличия от оригинальной модели показывают переменные макроуровня, которые не могут быть полноценно разделены и не позволяют сформировать второй фактор модели по типу измерения (объективное и субъективное).

Доход индивидов (объективный социально-экономический статус) значимо предсказывает объективные (поведенческие)

паттерны социальной сплоченности. Так, люди с высоким уровнем дохода в большей степени готовы принимать участие в волонтерской деятельности и политической активности. При этом представление человека о своем месте в социальной иерархии (субъективный социально-экономический статус) предсказывает и объективные, и субъективные показатели социальной сплоченности, внося существенный вклад в усиление межличностного и институционального доверия.

Одним из ограничений исследования выступает некоторое методико-теоретическое смешение, вызванное измерениями сплоченности на макроуровне, которые могут использоваться другими исследователями как самостоятельные измерения оправдания системы. Близость измерений, с одной стороны, подтверждает наше представление о глубокой связности изучаемых явлений, но с другой — препятствует точной интерпретации полученных результатов. В дальнейшем необходимо проанализировать связь социальной сплоченности с другими социальными явлениями для повышения внешней валидности методики и уточнения выводов. Также более общее ограничение связано с индивидуальным уровнем анализа. Оправдание системы оценивается на уровне индивидуализма и является скорее индивидуалистичной характеристикой, но социальную сплоченность можно измерять и на межгрупповом уровне, и на институциональном, что требует дальнейших методологических исследований по созданию нового инструментария. Также в будущих исследованиях необходимо провести кросс-культурные сравнения, которые позволят выделить контекстуальные факторы, влияющие на общие модели социальной сплоченности.

Литература

1. Божок Н.С., Зайцев Д.В., Кононенко Р.В., Красильников П.Н., Печенкин В.В., Суркова И.Ю., ... Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная сплоченность как категория темпорализма в контексте современности. М.: Вариант, 2017. 462 с.
2. Каминченко Д.И. Интернет-СМИ и социальные медиа: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2021. Том 40. № 4. С. 417–430.
3. Курбангалиева Е.Ш. Гражданское общество и активизм: этапы, проблемы и развики // СоциоДиггер. Ежегодник ВЦИОМ. М.: ВЦИОМ, 2021. Том 2. № 3(8). С. 5.
4. Подвойский Д.Г. И снова о формуле доверия: немного школьной теории // СоциоДиггер. Ежегодник ВЦИОМ. М.: ВЦИОМ, 2021. Том 2. № 1-2. С. 5–18.
5. Сарieva I.R. Политическая самоэффективность: теоретические подходы и актуальные исследования // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2019. Том 12. № 64. DOI:10.54359/ps.v12i64.231
6. Штейнбух А.Г. О возможностях доверия между властью и обществом // СоциоДиггер. Ежегодник ВЦИОМ. М.: ВЦИОМ, 2021. Том 2. № 1-2. С. 62–63.
7. Adler N., Adler N.E., Epel E.S., Castellazzo G., Ickovics J.R. Relationship of Subjective and Objective Social Status With Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women // Health Psychology. 2000. Vol. 19. № 6. P. 586–592. DOI:10.1037/0278-6133.19.6.586
8. Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I. How Do Russians Perceive and Justify the Status Quo: Insights from Adapting the System Justification Scales // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. № 717838. DOI:10.3389/fpsyg.2021.717838
9. Anderson C., Kraus M.W., Galinsky A.D., Keltner D. The Local-Ladder Effect: Social Status and Subjective Well-Being // Psychological Science. 2012. Vol. 23. № 7. P. 764–771. DOI:10.1177/0956797611434537
10. Bottoni G. Validation of a social cohesion theoretical framework: a multiple group SEM strategy // Quality & Quantity. 2018. Vol. 5. № 3. P. 1081–1102. DOI:10.1007/s11135-017-0505-8
11. Boxall A.M., Short S.D. Political economy and population health: is Australia exceptional? // Australia and New Zealand health policy. 2006. Vol. 3. № 1. P. 1–4. DOI:10.1186/1743-8462-3-6
12. Chan J., To H.P., Chan E. Reconsidering social cohesion: Developing a definition and analytical framework for empirical research // Social indicators research. 2006. Vol. 75. № 2. P. 273–302. DOI:10.1007/s11205-005-2118-1
13. Chuang Y.C., Chuang K.Y., Yang T.H. Social cohesion matters in health // International journal for equity in health. 2013. Vol. 12. № 1. P. 1–12. DOI:10.1186/1475-9276-12-87
14. Colledge M., Martyn C. Social cohesion is under assault globally. Ipsos. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/en/social-cohesion-pandemic-age-global-perspective/> (дата обращения: 15.05.2023).
15. Côté S., Kraus M.W., Carpenter N.C., Piff P.K., Beermann U., Keltner D. Social affiliation in same-class and cross-class interactions // Journal of Experimental Psychology: General. 2017. Vol. 146. № 2. P. 269–285. DOI:10.1037/xge0000258
16. Delhey J., Dragolov G. Happier together. Social cohesion and subjective well-being in Europe // International Journal of Psychology. 2016. Vol. 51. № 3. P. 163–176.
17. Delhey J., Boehnke K., Dragolov G., Ignácz Z.S., Larsen M., Lorenz J., Koch M. Social cohesion and its correlates: A comparison of Western and Asian societies // Comparative Sociology. 2018. Vol. 17. № 3–4. P. 426–455. DOI:10.1163/15691330-12341468
18. Elchardus M., De Keere K. Social control and institutional trust: Reconsidering the effect of modernity on social malaise // The social science journal. 2013. Vol. 50. № 1. P. 101–111.
19. Evans M.D., Kelley J. Subjective social location: Data from 21 nations // International Journal of Public Opinion Research. 2004. Vol. 16. P. 3–38. DOI:10.1093/ijpor/16.1.3

20. *Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T.* Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes // *Social Cognition*. 2012. Vol. 30. № 6. P. 669–688. DOI:10.1521/soco.2012.30.6.669
21. *Hu L., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 1999. Vol. 6. № 1. P. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
22. *Jen M.H. et al.* Trustful societies, trustful individuals, and health: An analysis of self-rated health and social trust using the World Value Survey // *Health & place*. 2010. Vol. 16. № 5. P. 1022–1029. DOI:10.1016/j.healthplace.2010.06.008
23. *Jost J.T., Becker J., Osborne D., Badaan V.* Missing in (collective) action: Ideology, system justification, and the motivational antecedents of two types of protest behavior // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26. № 2. P. 99–108. DOI:10.1177/0963721417690633
24. *Jost J.T., Sapolsky R.M., Nam H.H.* Speculations on the evolutionary origins of system justification // *Evolutionary Psychology*. 2018. Vol. 16. № 2. DOI:10.1177/1474704918765342
25. *Kay A.C., Friesen J.* On social stability and social change: Understanding when system justification does and does not occur // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 2. № 6. P. 360–364. DOI:10.1177/0963721411422059
26. *Kay A.C., Zanna M.P.* A contextual analysis of the system justification motive and its societal consequences // *Social and psychological bases of ideology and system justification*. 2009. P. 158–181. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195320916.003.007
27. *McCombs M., Valenzuela S.* Setting the agenda: Mass media and public opinion. England: Polity Press, 2020. 248 p.
28. *Muthén L.K., Muthén B.O.* MPlus user's guide. Seventh. Edition. Los Angeles, CA: Muthén & Muthén, 2012. 856 p.
29. *Osborne D., Jost J.T., Becker J.C., Badaan V., Sibley C.G.* Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 2. P. 244–269. DOI:10.1002/ejsp.2522
30. *Owuamalam C.K., Rubin M., Spears R.* Is a system motive really necessary to explain the system justification effect? A response to Jost (2019) and Jost, Badaan, Goudarzi, Hoffarth, and Mogami (2019) // *British Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 58. № 2. P. 393–409.
31. *Phillips D.* Social cohesion, social exclusion and social quality // *ESPAnt Conference*, Copenhagen. 2003. P. 1–31.
32. *Rodríguez-Bailón R., Sánchez-Rodríguez Á., García-Sánchez E., Petkanopoulou K., Willis G.B.* Inequality is in the air: Contextual psychosocial effects of power and social class // *Current opinion in psychology*. 2020. Vol. 33. P. 120–125. DOI:10.1016/j.copsyc.2019.07.004
33. *Schiefer D., Van der Noll J.* The essentials of social cohesion: A literature review // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 132. № 2. P. 579–603. DOI:10.1007/s11205-016-1314-5
34. *Schmeets H., Te Riele S.* Declining social cohesion in the Netherlands? // *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 115. № 2. P. 791–812. DOI:10.1007/s11205-013-0234-x
35. *Swerissen H., Crisp B.R.* The sustainability of health promotion interventions for different levels of social organization // *Health promotion international*. 2004. Vol. 19. № 1. P. 123–130. DOI:10.1093/heapro/dah113
36. *Tajfel H., Billig M.G., Bundy R.P., Flament C.* Social categorization and intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*. 1971. Vol. 1. № 2. P. 149–178.
37. *Taylor-Gooby P.* The civil society route to social cohesion // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2012. Vol. 32. № 7/8. P. 368–385. DOI:10.1108/01443331211249002
38. *Thompson E.P., Jost J.T.* Group-based dominance and opposition to equality as independent predictors of self-esteem, ethnocentrism, and social policy attitudes among African Americans and European American // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2000. Vol. 36. P. 209–232.

39. Van de Werfhorst H.G., Salverda W. Consequences of economic inequality: Introduction to a special issue // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2012. Vol. 30. № 4. P. 377–387. DOI:10.1016/j.rssm.2012.08.001
40. World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 3.0. // *Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B.* (eds.). 2022. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>. (дата обращения: 15.05.2023).
41. Yassim M. The wicked problem of social cohesion: moving ahead // *Journal of Social Marketing*. 2019. Vol. 9. № 4. P. 507–521. DOI:10.1108/JSOCM-12-2018-0162
42. Yeung A.W.Y., Kay A.C., Peach J.M. Anti-feminist backlash: The role of system justification in the rejection of feminism // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2014. Vol. 17. № 4. P. 474–484. DOI:10.1177/1368430213514121

References

1. Bozhok N.S., Zajcev D.V., Kononenko R.V., Krasilnikov P.N., Pechenkin V.V., Surkova I.YU., ... Yarskaya-Smirnova E.R. Sotsial'naya splochennost' kak kategoriya temporalizma v kontekste sovremennosti [Social cohesion as a category of temporalism in the context of modernity]. Moscow: Variant, 2017. 462 p. (In Russ.).
2. Kaminchenko D.I. Internet-SMI i sotsial'nye media: analiz informatsionnykh povestok dnya [Internet media and social media: analysis of information agendas]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya = Issues in journalism, education, linguistics*, 2021. Vol. 40, no. 4, pp. 417–430. (In Russ.).
3. Kurbangaleeva E.SH. Grazhdanskoe obshchestvo i aktivizm: etapy, problemy i razvilkii [Civil society and activism: stages, problems and forks]. *SotsioDigger. Ezhegodnik VTsIOM [SocioDigger]*. Moscow: VCIOM, 2021. Vol. 2, no. 3(8), p. 5. (In Russ.).
4. Podvojskij D.G. I snova o formule doveriya: nemnogo shkol'noi teorii [And again about the formula of trust: a little school theory]. *SotsioDigger. Ezhegodnik VTsIOM [SocioDigger]*. Moscow: VCIOM, 2021. Vol. 2, no. 1-2, pp. 5–18. (In Russ.).
5. Sarieva I.R. Politicheskaya samoeffektivnost': teoreticheskie podkhody i aktual'nye issledovaniya [Political self-efficacy: theoretical approaches and current research]. *Psichologicheskie issledovaniya: elektronnyj nauchnyj zhurnal = Psychological Studies*, 2019. Vol. 12, no. 64. DOI:10.54359/ps.v12i64.231 (In Russ.).
6. Steinbuch A.G. O vozmozhnostyakh doveriya mezhdru vlast'yu i obshchestvom [About the possibilities of trust between the government and society]. *SotsioDigger. Ezhegodnik VTsIOM [SocioDigger]*. Moscow: VCIOM, 2021. Vol. 2, no. 1–2, pp. 62–63. (In Russ.).
7. Adler N., Adler N.E., Epel E.S., Castellazzo G., Ickovics J.R. Relationship of Subjective and Objective Social Status With Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women. *Health Psychology*, 2000. Vol. 19, no. 6, pp. 586–592. DOI:10.1037/0278-6133.19.6.586
8. Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I. How Do Russians Perceive and Justify the Status Quo: Insights from Adapting the System Justification Scales. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, no. 717838. DOI:10.3389/fpsyg.2021.717838
9. Anderson C., Kraus M.W., Galinsky A.D., Keltner D. The Local-Ladder Effect: Social Status and Subjective Well-Being. *Psychological Science*, 2012. Vol. 23, no. 7, pp. 764–771. DOI:10.1177/0956797611434537
10. Bottoni G. Validation of a social cohesion theoretical framework: a multiple group SEM strategy. *Quality & Quantity*, 2018. Vol. 5, no. 3, pp. 1081–1102. DOI:10.1007/s11135-017-0505-8
11. Boxall A.M., Short S.D. Political economy and population health: is Australia exceptional? *Australia and New Zealand health policy*, 2006. Vol. 3, no. 1, pp. 1–4. DOI:10.1186/1743-8462-3-6
12. Chan J., To H.P., Chan E. Reconsidering social cohesion: Developing a definition and analytical framework for empirical research. *Social indicators research*, 2006. Vol. 75, no. 2, pp. 273–302. DOI:10.1007/s11205-005-2118-1

13. Chuang Y.C., Chuang K.Y., Yang T.H. Social cohesion matters in health. *International journal for equity in health*, 2013. Vol. 12, no. 1, pp. 1–12. DOI:10.1186/1475-9276-12-87
14. Colledge M., Martyn C. Social cohesion is under assault globally. Ipsos. 2020 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ipsos.com/en/social-cohesion-pandemic-age-global-perspective/> (Accessed 15.05.2023).
15. Côté S., Kraus M.W., Carpenter N.C., Piff P.K., Beermann U., Keltner D. Social affiliation in same-class and cross-class interactions. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2017. Vol. 146, no. 2, pp. 269–285. DOI:10.1037/xge0000258
16. Delhey J., Dragolov G. Happier together. Social cohesion and subjective well-being in Europe. *International Journal of Psychology*, 2016. Vol. 51, no. 3, pp. 163–176.
17. Delhey J., Boehnke K., Dragolov G., Ignácz Z.S., Larsen M., Lorenz J., Koch M. Social cohesion and its correlates: A comparison of Western and Asian societies. *Comparative Sociology*, 2018. Vol. 17, no. 3–4, pp. 426–455. DOI:10.1163/15691330-12341468
18. Elchardus M., De Keere K. Social control and institutional trust: Reconsidering the effect of modernity on social malaise. *The social science journal*, 2013. Vol. 50, no. 1, pp. 101–111.
19. Evans M.D., Kelley J. Subjective social location: Data from 21 nations. *International Journal of Public Opinion Research*, 2004. Vol. 16, pp. 3–38. DOI:10.1093/ijpor/16.1.3
20. Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T. Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes. *Social Cognition*, 2012. Vol. 30, no. 6, pp. 669–688. DOI:10.1521/soco.2012.30.6.669
21. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
22. Jen M.H. et al. Trustful societies, trustful individuals, and health: An analysis of self-rated health and social trust using the World Value Survey. *Health & place*, 2010. Vol. 16, no. 5, pp. 1022–1029. DOI:10.1016/j.healthplace.2010.06.008
23. Jost J.T., Becker J., Osborne D., Badaan V. Missing in (collective) action: Ideology, system justification, and the motivational antecedents of two types of protest behavior. *Current Directions in Psychological Science*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 99–108. DOI:10.1177/0963721417690633
24. Jost J.T., Sapolsky R.M., Nam H.H. Speculations on the evolutionary origins of system justification. *Evolutionary Psychology*, 2018. Vol. 16, no. 2. 1474704918765342. DOI:10.1177/1474704918765342
25. Kay A.C., Friesen J. On social stability and social change: Understanding when system justification does and does not occur. *Current Directions in Psychological Science*, 2011. Vol. 2, no. 6, pp. 360–364. DOI:10.1177/0963721411422059
26. Kay A.C., Zanna M.P. A contextual analysis of the system justification motive and its societal consequences. *Social and psychological bases of ideology and system justification*, 2009, pp. 158–181. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195320916.003.007
27. McCombs M., Valenzuela S. Setting the agenda: Mass media and public opinion. England: Polity Press, 2020. 248 p.
28. Muthén L.K., Muthén B.O. MPlus user's guide. Seventh. Edition. Los Angeles, CA: Muthén & Muthén, 2012. 856 p.
29. Osborne D., Jost J.T., Becker J.C., Badaan V., Sibley C.G. Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 2, pp. 244–269. DOI:10.1002/ejsp.2522
30. Owuamalam C.K., Rubin M., Spears R. Is a system motive really necessary to explain the system justification effect? A response to Jost (2019) and Jost, Badaan, Goudarzi, Hoffarth, and Mogami (2019). *British Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 58, no. 2, pp. 393–409.
31. Phillips D. Social cohesion, social exclusion and social quality. *ESPAAnet Conference, Copenhagen*, 2003, pp. 1–31.

32. Rodríguez-Bailón R., Sánchez-Rodríguez Á., García-Sánchez E., Petkanopoulou K., Willis G.B. Inequality is in the air: Contextual psychosocial effects of power and social class. *Current opinion in psychology*, 2020. Vol. 33, pp. 120–125. DOI:10.1016/j.copsyc.2019.07.004
33. Schiefer D., Van der Noll J. The essentials of social cohesion: A literature review. *Social Indicators Research*, 2017. Vol. 132, no. 2, pp. 579–603. DOI:10.1007/s11205-016-1314-5
34. Schmeets H., Te Riele S. Declining social cohesion in the Netherlands? *Social Indicators Research*, 2014. Vol. 115, no. 2, pp. 791–812. DOI:10.1007/s11205-013-0234-x
35. Swerissen H., Crisp B.R. The sustainability of health promotion interventions for different levels of social organization. *Health promotion international*, 2004. Vol. 19, no. 1, pp. 123–130. DOI:10.1093/heapro/dah113
36. Tajfel H., Billig M.G., Bundy R.P., Flament C. Social categorization and intergroup behavior. *European Journal of Social Psychology*, 1971. Vol. 1, no. 2, pp. 149–178.
37. Taylor-Gooby P. The civil society route to social cohesion. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2012. Vol. 32, no. 7/8, pp. 368–385. DOI:10.1108/01443331211249002
38. Thompson E.P., Jost J.T. Group-based dominance and opposition to equality as independent predictors of self-esteem, ethnocentrism, and social policy attitudes among African Americans and European American. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2000. Vol. 36, pp. 209–232.
39. Van de Werfhorst H.G., Salverda W. Consequences of economic inequality: Introduction to a special issue. *Research in Social Stratification and Mobility*, 2012. Vol. 30, no. 4, pp. 377–387. DOI:10.1016/j.rssm.2012.08.001
40. World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 3.0. In Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (eds.). 2022. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (Accessed 15.05.2023).
41. Yassim M. The wicked problem of social cohesion: moving ahead. *Journal of Social Marketing*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 507–521. DOI:10.1108/JSOCM-12-2018-0162
42. Yeung A.W.Y., Kay A.C., Peach J.M. Anti-feminist backlash: The role of system justification in the rejection of feminism. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2014. Vol. 17, no. 4, pp. 474–484. DOI:10.1177/1368430213514121

Информация об авторах

Агадуллина Елена Рафиковна, кандидат психологических наук, научный сотрудник департамента «Психология», ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@gmail.com

Лавелина Дарья Яковлевна, бакалавр психологии, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Information about the authors

Elena R. Agadullina, PhD in Psychology, researcher, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@gmail.com

Daria I. Lavelina, Bachelor of Psychology, Research intern of the Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Получена 15.05.2023

Received 15.05.2023

Принята в печать 13.11.2023

Accepted 13.11.2023

Процедурная справедливость как фактор отношения к политической системе: роль экономического положения страны

Гулевич О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Цель. Анализ связи между воспринимаемой процедурной справедливостью в политической сфере, воспринимаемым экономическим положением страны и отношением к политической системе в России.

Контекст и актуальность. Предыдущие исследования показали, что воспринимаемая процедурная справедливость политиков и политических институтов улучшает отношение к ним, удовлетворенность их деятельностью и согласие с их решениями. Более того, соблюдение норм процедурной справедливости способно компенсировать негативное воздействие экономических трудностей. Однако эти исследования имеют несколько ограничений, связанных с выборкой и методиками, которые были учтены в данном исследовании.

Участники. В исследовании приняли участие 8520 жителей России ($N_1 = 3193$, $N_2 = 3237$, $N_3 = 2090$).

Дизайн исследования. Респонденты принимали участие в онлайн-опросе, который проводился на платформе YandexToloka. В ходе исследования было проведено три замера: первый состоялся в сентябре 2022 года, второй и третий – в ноябре 2022 года.

Методы. Участники заполняли методики для измерения воспринимаемой процедурной справедливости политиков и политических институтов, воспринимаемого экономического положения страны и отношения к российской политической системе (оправдания системы, доверия федеральным политическим институтам и эмоций по отношению к политической системе).

Результаты. Исследование показало, что как воспринимаемая процедурная справедливость, так и воспринимаемое экономическое положение страны были позитивно связаны с отношением к политической системе. Однако оценки экономического положения и процедурной справедливости взаимодействовали между собой: чем ниже респонденты оценивали экономическое положение страны, тем большее значение они придавали воспринимаемой процедурной справедливости.

Основные выводы. Наличие у россиян возможности повлиять на политические решения, соблюдение равенства прав и уважительное отношение со стороны представителей власти поддерживает политическую систему, в рамках которой это происходит. Это становится особенно важным в те моменты, когда страна сталкивается с экономическими трудностями.

Ключевые слова: процедурная справедливость; политическая справедливость; отношение к политической системе; оправдание системы; политическое доверие; экономическое развитие.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Для цитаты: Гулевич О.А. Процедурная справедливость как фактор отношения к политической системе: роль экономического положения страны // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 105–119. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140407>

Procedural Justice as a Factor of Attitudes Toward the Political System: the Role of the Country's Economic Situation

Olga A. Gulevich

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Objective. The aim of the study is to analyze the relationship between perceived procedural justice in the political sphere, the perceived economic situation of the country, and attitudes toward the political system in Russia.

Background. Previous research has shown that the perceived procedural justice of politicians and political institutions improve attitudes toward them, satisfaction with their actions, and agreement with their decisions. Furthermore, adherence to procedural justice norms can offset the negative impact of economic problems. However, these studies have several limitations related to the sample and the method, which were taken into account in our study.

Participants. In the study, 8520 Russian citizens participated ($N_1 = 3193$, $N_2 = 3237$, $N_3 = 2090$).

Study design. Respondents participated in an online survey conducted on the YandexToloka platform. The study involved three measurements: the first measurement took place in September 2022, and the second and third measurements were conducted in November 2022.

Measurements. Respondents filled out questionnaires to measure perceived procedural justice in politics, perceived economic situation, and attitude toward the Russian political system (social system justification, trust in federal political institutions, and emotion toward the political system).

Results. The study showed that both perceived procedural justice and the perceived economic situation of the country were positively related to the attitude toward the Russian political system. However, assessments of economic situation and procedural justice interacted with each other: the lower respondents rated the country's economic situation, the stronger the relationship between perceived procedural justice and attitude toward the political system.

Conclusions. Russians' ability to influence political decisions, the observance of equal rights, and respectful treatment by government representatives support the political system within which these occur. This becomes especially important during times when the country faces economic difficulties.

Keywords: procedural justice; political justice; attitude toward the political system; system justification; political trust; economic development.

Funding. HSE University Basic Research Program, 2023.

For citation: Gulevich O.A. Procedural Justice as a Factor of Attitudes Toward the Political System: the Role of the Country's Economic Situation. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 105–119. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140407> (In Russ.).

Введение

На протяжении жизни люди постоянно взаимодействуют с окружающими. Чем сильнее они удовлетворены этим взаимодействием, тем лучше они относятся к партнерам и тем больше готовы продолжить эти отношения. Поэтому исследователи проявляют большой инте-

рес к факторам, оказывающим влияние на эту удовлетворенность. В частности, некоторые специалисты обращают внимание на позитивность и справедливость взаимодействия [24]. В целом люди больше довольны взаимодействием, которое привело к позитивному для них результату (например, получению боль-

шого материального вознаграждения) и воспринимается как справедливое.

Общее представление о справедливости взаимодействия. Соблюдение справедливости играет важную роль в оценке взаимодействия, которое происходит в рамках бизнес-организаций, а также правовых и политических институтов. В таких организациях люди, обладающие большей властью — «авторитеты» (например, руководители, полицейские, судьи, избранные или назначенные политики), принимают решения и предпринимают действия по отношению к людям, обладающим меньшей властью — « рядовым участникам» (например, сотрудникам организаций, людям, которые стали жертвой или подозреваются в совершении преступлений, гражданам страны в целом).

Исследователи выделяют два вида справедливости: справедливость результата и справедливость процесса. Справедливость результата включает дистрибутивную (распределительную) справедливость, которая воплощается в распределении материальных ресурсов (например, денег, возможностей, привилегий), и ретрибутивную (карательную) справедливость, которая воплощается в наказании за нарушение норм (выговоры, штрафы и т.д.). Справедливость процесса или, как ее чаще называют, процедурная справедливость касается правил и процедур, в рамках которых «авторитеты» распределяют ресурсы между « рядовыми участниками» [23; 26].

Многочисленные исследования показали, что соблюдение процедурной справедливости влияет на отношение к «авторитетам», их решениям и организациям, в которых они работают. Например, метаанализы исследований, проведенных в правовом контексте, продемонстрировали, что чем выше гражда-

не оценивают справедливость действий полицейских и судей, тем сильнее они удовлетворены взаимодействием с представителями правовых институтов, тем более законными считают действия этих представителей, тем больше согласны с принятыми решениями и тем больше готовы сотрудничать с полицией и судами в будущем [5; 6].

Кроме того, метаанализы исследований, проведенных в организациях, показали, что чем выше сотрудники оценивают справедливость действий руководителей, тем более позитивно они воспринимают отдельных сотрудников и организацию в целом, тем больше удовлетворены деятельностью руководителей, тем лучше выполняют свои профессиональные обязанности, тем больше готовы продолжать работу в своей организации и тем меньше думают об увольнении, когда организация переживает «трудные времена» [8-10; 30]. И наконец, аналогичные закономерности были обнаружены в политическом контексте ([15], подробнее см. ниже).

Однако соблюдение процедурной справедливости взаимодействует с позитивностью результата: люди обращают большее внимание на справедливость процесса вынесения решения, когда результат неизвестен или неблагоприятен для них. Более того, соблюдение процедурной справедливости способно компенсировать негативное влияние плохого результата [7]. Эта закономерность хорошо изучена в деловом, но не в политическом контексте. Поэтому цель данного исследования — это изучение взаимосвязи между воспринимаемой процедурной справедливостью в политической сфере, воспринимаемым экономическим положением страны и отношением к политической системе.

Нормы процедурной справедливости. Для того, чтобы оценить процедур-

ную справедливость взаимодействия, люди руководствуются определенными принципами. За последние пять десятилетий исследователи создали несколько классификаций, описывающих такие нормы [9; 17; 18; 23; 26]. Каждая классификация включает несколько правил, которые затрагивают: а) процесс принятия решений и б) отношение «авторитетов» к « рядовым участникам ». Хотя классификации состоят из разного количества норм и « привязаны » к разным формам взаимодействия (например, организационному, правовому, политическому), они основаны на сходных принципах.

Например, Колкитт и коллеги [9], изучавшие восприятие справедливости в бизнес-организациях, провели различие между собственно процедурной, информационной и межличностной справедливостью. Собственно процедурная справедливость включает правила, соблюдение которых дает « рядовым участникам » возможность повлиять на решения и гарантирует беспристрастное отношение со стороны « авторитета »; информационная справедливость — нормы, соблюдение которых обеспечивает « рядовым участникам » полную и честную информацию о том, как будет приниматься решение; межличностная справедливость — нормы, соблюдение которых гарантирует вежливое и уважительное отношение « авторитета » к « рядовым участникам ».

В то же время Тайлер [23], изучавший правовое и политическое взаимодействие, выделил четыре нормы процедурной справедливости: право голоса (люди, относительно которых принимается решение, могут участвовать в процедуре его принятия); нейтральность (« авторитет », принимающий решение, ведет себя честно и беспристрастно); уважение (« авторитет » относится к « рядовым

участникам » с уважением); надежность (« авторитет » заботится о « рядовых участниках » и учитывает их интересы). Таким образом, в модели Тайлера первая и вторая нормы соответствуют процедурной и частично информационной справедливости, а третья норма соответствует межличностной справедливости по классификации Колкитта.

Для измерения воспринимаемой процедурной справедливости используются два вида вопросов. В одном случае респондентов просят оценить, насколько процедура взаимодействия соответствует определенным нормам. В другом случае им предлагают либо оценить процедуру по шкале от « полностью несправедливо » до « полностью справедливо », либо заявить о согласии или несогласии с тем, что « процедура была справедливой ». Таким образом, в первом случае респонденты оценивают взаимодействие по критериям, которые были сформулированы исследователями, а во втором случае они руководствуются собственным представлением о процедурной справедливости.

Роль процедурной справедливости в политической сфере. Процедурная справедливость вызывает большой интерес у исследователей, занимающихся политическими процессами. Анализ научной литературы позволяет выделить два основных подхода к изучению процедурной справедливости в политическом контексте.

Первый подход делает акцент на политических институтах. Исследователи, работающие в рамках этого подхода, анализируют связь между особенностями политических институтов, которые существуют в стране, и отношением людей к политической системе [4; 11; 14]. Они оценивают, как политики получают свои должности (избрание vs. назначение);

насколько избирательная система позволяет сформировать органы власти, отражающие интересы разных групп населения; как принимаются важные политические решения (решением представителей власти vs. на референдумах); каков уровень коррупции в стране и т.д. Сторонники этого подхода исходят из того, что люди выражают более позитивное отношение к политической системе, в которой институты соответствуют нормам процедурной справедливости.

Второй подход принимает во внимание субъективные оценки граждан. Исследователи, которые работают в рамках этого подхода, анализируют связь между воспринимаемой процедурной справедливостью и отношением к политической системе. Сначала они просят участников оценить процедурную справедливость конкретных представителей государственной власти (например, мэра города, депутата, президента) или коллегиальных органов управления. Затем они спрашивают респондентов об их отношении к этим представителям власти, политическим институтам, в которых эти люди работают, решениям, которые они принимают, а также измеряют готовность участников к политическим действиям (например, голосованию на выборах или уличным акциям).

Исследования, проведенные в рамках второго подхода, показали, что воспринимаемая процедурная справедливость связана с отношением к отдельным представителям власти и политическим институтам, а также с готовностью к политическим действиям. В частности, недавний метаанализ, в котором рассматривались данные, полученные в шестидесяти девяти выборках [15], продемонстрировал, что воспринимаемая процедурная справедливость положительно связана с отношением к по-

литикам, политическим институтам и политической системе у людей разного возраста и в странах с разными (демократическими vs. авторитарными) политическими режимами.

Кроме того, другой метаанализ показал, что низкая оценка справедливости является одной из четырех ключевых переменных, которые побуждают людей участвовать в политических протестах [3]. К сожалению, авторы использованных в метаанализе исследований не проводили различие между справедливостью процедуры и справедливостью результата. Как следствие, мы не можем уверенно утверждать, что негативная связь между воспринимаемой справедливостью и участием в протестах объясняется особенностями процедуры, а не распределением вознаграждения или наказания.

Справедливость процедуры и позитивность результата. Многие исследователи полагают, что оценка процедурной справедливости — это универсальный фактор, который оказывает влияние на разных людей и в разных ситуациях. Однако некоторые исследователи считают, что связь воспринимаемой процедурной справедливости с отношением к людям и организациям зависит от позитивности результата. Для объяснения этого взаимодействия они привлекают несколько теорий (см. обзор в [7]), среди которых теория личного интереса и теория ценности группы.

Согласно теории личного интереса [22], участники социального взаимодействия стараются получить выгодный для себя результат. Они пытаются достичь этой цели как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Однако долгосрочный оптимизм может компенсировать текущие неудачи: человек, который потерпел неудачу, реагирует на нее менее

негативно, если уверен, что сможет улучшить свое положение в будущем. Соблюдение процедурной справедливости способствует формированию у « рядовых участников» долгосрочного оптимизма. Поэтому люди, потерпевшие неудачу, обращают большее внимание на соблюдение процедурной справедливости, чем люди, получившие выгодный результат.

В то же время, согласно теории ценности группы [25], люди ценят свои отношения с другими людьми, группами, организациями и общественными институтами, поскольку эти сообщества позволяют им удовлетворить важные психологические потребности (например, сформировать представление и позитивное отношение к себе). Справедливые процедуры позволяют людям удовлетворить потребности в самоидентификации и самоуважении, поэтому они обращают меньшее внимание на позитивность результата. В то же время несправедливые процедуры блокируют удовлетворение этих потребностей, поэтому люди ориентируются на позитивность результата «здесь и сейчас».

Большинство исследований, посвященных взаимодействию между воспринимаемой справедливостью процедуры и позитивностью результата, было проведено в организационном контексте — при выполнении рабочих заданий в экспериментальной лаборатории или на рабочем месте. Метаанализ этих исследований показал, что воспринимаемая процедурная справедливость сильнее связана с реакциями людей, которые получили негативный результат (например, маленькое вознаграждение), чем с реакциями тех, кто получил позитивный результат [7]. Благодаря этому соблюдение процедурной справедливости позволяет компенсировать негативный эффект неприятного результата.

Кроме того, в последнее время было получено несколько доказательств взаимодействия между позитивностью результата и справедливостью процедуры в политической сфере. Например, анализ данных Европейского социального исследования [19; 20] показал, что чем лучше работала экономика и чем более справедливо вели себя представители власти, тем более позитивно граждане относились к политикам и тем больше были удовлетворены тем, как работает демократия. Однако воспринимаемая процедурная справедливость взаимодействовала с уровнем развития экономики: чем хуже было состояние экономики, тем сильнее воспринимаемая процедурная справедливость представителей власти была связана с отношением к политической системе.

Аналогичные результаты были получены в другом исследовании, участники которого оценивали процедурную справедливость социальных служб (здравоохранения, ухода за детьми, ухода за пожилыми людьми и т.д.), качество работы этих служб и доверие к политическим институтам (общий индекс доверия парламенту, правительству, политическим партиям) [12]. Оказалось, что воспринимаемая процедурная справедливость и удовлетворенность результатом были позитивно связаны с политическим доверием. Однако воспринимаемая справедливость процесса оказывала большее влияние при низкой удовлетворенности результатом. Таким образом, процедурно справедливые действия властей частично компенсировали негативное влияние плохой работы социальных служб и экономических трудностей.

Ограничения предыдущих исследований. Исследования продемонстрировали, что воспринимаемая процедурная справедливость взаимодействует с вос-

принимаемой позитивностью результата. Однако эти работы имеют несколько ограничений. Во-первых, большинство исследований было проведено в деловом контексте, где люди выполняли конкретное задание, общались с «авторитетами» лицом к лицу и получали (или не получали) личное вознаграждение. В то же время известно мало исследований, проведенных в политическом контексте, где люди нередко получают информацию о деятельности представителей власти от окружающих, а позитивность (или негативность) результата не всегда очевидна.

Во-вторых, предыдущие исследования проводились в европейских странах с демократическими политическими режимами, но мы не знаем, насколько интересующая нас закономерность сохраняется в авторитарных государствах. Немногочисленные сравнительные исследования, в которых рассматривалась связь воспринимаемой процедурной справедливости с отношением к политической системе, дали двойственные результаты. С одной стороны, они показали, что воспринимаемая процедурная справедливость [15; 16] связана с позитивным отношением к политической системе в странах с разными политическими режимами. С другой стороны, в демократических государствах связь между процедурной справедливостью и политическим доверием сильнее, чем в авторитарных [16].

И наконец, в-третьих, международные опросы, данные которых используются в крупномасштабных исследованиях, не рассчитаны на изучение

воспринимаемой процедурной справедливости. Поэтому исследователи учитывают данные, полученные с помощью очень простых методик, и группируют разнородные по содержанию показатели. Например, авторы упомянутого выше исследования [19; 20] под восприятием непредубежденности понимали оценку беспристрастности судов и свободу выборов; под восприятием уважения — оценку того, насколько правительство объясняет свои решения, а под восприятием надежности — доверие к парламенту. Эти ограничения были учтены в этом исследовании.

Текущее исследование. В данном исследовании принимали участие жители России¹. В ходе исследования были проверены две гипотезы. Ождалось, что воспринимаемая процедурная справедливость будет положительно связана с отношением к политической системе (гипотеза 1). Однако эта связь будет модерироваться воспринимаемой позитивностью результата: чем ниже будет оценка результата, тем сильнее будет связь между воспринимаемой процедурной справедливостью и отношением к политической системе (гипотеза 2). Под воспринимаемой процедурной справедливостью понималось восприятие поведения политиков и политических институтов как соответствующего или не соответствующего нормам процедурной справедливости, а под воспринимаемой позитивностью результата — оценка экономического положения страны.

Для проверки этих гипотез в разные периоды 2022 года были проведены три

¹ Международные индексы, отражающие степень соблюдения гражданских прав и политических свобод [13; 21; 29], говорят о том, что в настоящее время Россия относится к числу государств с низкой оценкой по этим параметрам, т.е. является страной с авторитарным политическим режимом. С процедурой расчета индексов можно более подробно ознакомиться на соответствующих сайтах.

замера. В этих замерах использовались разные методики для измерения воспринимаемой позитивности результата (субъективная оценка текущего экономического положения страны или страх перед возможными экономическими трудностями) и воспринимаемой процедурной справедливости (субъективная оценка поведения политиков или политических институтов). Это дало возможность проанализировать устойчивость обнаруженных эффектов в разные периоды времени и при использовании разных методик.

Метод

Выборка исследования. Участники исследования были набраны через ресурс Yandex-Toloka. Первый замер был проведен в сентябре 2022 года, второй и третий замеры – в ноябре 2022 года. В первом замере приняли участие 3193 человека; 1601 человек называли себя мужчинами, а 1592 – женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 80 лет ($M = 39,4$, $SD = 13,9$). Во втором замере приняли участие 3237 человека; 1619 человек называли себя мужчинами, а 1618 – женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 84 лет ($M = 39,5$, $SD = 14,0$). В третьем замере приняли участие 2090 человек; 1043 человека называли себя мужчинами, а 1047 – женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 77 лет ($M = 39,6$, $SD = 13,8$).

Методы и процедура исследования

Все участники подписывали информированное онлайн-согласие. Потенциальные респонденты получали онлайн-ссылку на опросник, размещенный на внешнем сервисе 1ka.si, что позволяло обеспечить полную анонимность. В ходе исследования не собиралась никакая информация, которая позволяла бы определить личность респондента. Опросник включал

в себя методики для измерения воспринимаемой процедурной справедливости, воспринимаемого экономического положения страны и отношения к политической системе. Для того чтобы проверить уровень вовлеченности респондентов в работу, в опросник были включены вопросы на внимание. После завершения опроса участники, которые ответили на все пункты и дали правильные ответы на проверочные вопросы, получали по 20 центов.

Воспринимаемая процедурная справедливость. В замерах 1 и 2 использовался следующий вопрос: «Ниже перечислено несколько параметров, по которым страны различаются между собой. Насколько, по вашему мнению, эти особенности выражены в России?». Для расчета показателя воспринимаемой процедурной справедливости использовалось пять критериев: «уровень коррупции» (процедурная справедливость/нейтральность); «верховенство права и равенства всех граждан перед законом» (процедурная справедливость/нейтральность); «политические свободы (свобода собраний, выражения убеждений и возможность создания политических объединений)» (процедурная справедливость/право голоса); «независимость и свобода СМИ» (процедурная справедливость/право голоса); «честность и конкурентность выборов» (процедурная справедливость/право голоса и нейтральность). Для ответа использовалась 7-балльная шкала (от 1 – очень слабо до 7 – очень сильно). При расчете общего показателя пункты 2–5 рассматривались как прямые, а пункт 1 – как обратный ($\alpha_1 = 0,90$, $\alpha_2 = 0,89$).

Кроме того, в замерах 1 и 3 использовался русскоязычный опросник [1], который состоял из одиннадцати пунктов: пять пунктов отражали процедурную справедливость, три пункта – межличностную справедливость и три пункта – информа-

ционную справедливость. Респондентов просили указать степень согласия или несогласия с тем, что российские политики придерживаются этих принципов при общении с гражданами. Использовалась 7-балльная шкала (от 1 – совершенно не согласен до 7 – совершенно согласен). В ходе анализа был рассчитан общий индекс ($\alpha_1 = 0,97$, $\alpha_2 = 0,98$).

Воспринимаемое состояние экономики. В замерах 1 и 2 использовался упомянутый выше вопрос: «Ниже перечислено несколько параметров, по которым страны различаются между собой. Насколько, по вашему мнению, эти особенности выражены в России?». Однако в данном случае рассматривался параметр «уровень экономического развития». Для ответа использовалась 7-балльная шкала (от 1 – очень слабо до 7 – очень сильно).

Кроме того, в замерах 1 и 3 использовался вопрос для измерения воспринимаемой экономической угрозы: «Скажите, пожалуйста, в какой мере вас беспокоит, что в России уже происходят или произойдут в ближайшем будущем следующие явления/события? При отвete используйте шкалу от 1 – совершенно не беспокоит до 5 (в первом замере) или 7 (в третьем замере) – очень сильно беспокоит, вызывает страх». В данном случае учитывались реакции респондентов на два пункта: «повышение цен и обнищание людей» и «экономический кризис, спад производства». При обработке результатов рассчитывался общий показатель ($\alpha_1 = 0,82$, $\alpha_2 = 0,88$).

Отношение к политической системе. Для того чтобы получить комплексное представление об отношении людей к политической системе, мы использовали три показателя: общее оправдание системы, эмоции по отношению к политической системе и доверие политическим институтам.

Для измерения оправдания системы использовалась русскоязычная методика [2]. Она состояла из пяти утверждений, отражающих отношение человека к тому, что происходит в стране в целом. Ответы на эти утверждения респонденты оценивали по 7-балльной шкале, выражая степень согласия или несогласия (от 1 – совершенно не согласен до 7 – совершенно согласен). Все пункты были прямыми.

Для измерения эмоций в отношении политической системы респонденты отвечали на вопрос: «В какой степени вы испытываете следующие эмоции, когда вы думаете о политической системе, которая существует в современной России?». Участники указывали степень, в которой они испытывают три позитивных (радость, гордость, энтузиазм) и три негативных (возмущение, отвращение и презрение) эмоции по 7-балльной шкале (от 1 – практически или совсем не испытываю до 7 – испытываю очень сильно). Позитивные эмоции рассматривались как прямые, а негативные эмоции – как обратные пункты.

Доверие к политическим институтам измерялось с помощью трех утверждений. Респондентам предлагалось оценить степень доверия к трем федеральным политическим институтам: президенту, правительству и Федеральному Собранию (Совету Федерации и Государственной Думе). Они оценивали уровень доверия на 7-балльной шкале (от 1 – совсем не доверяю до 7 – полностью доверяю). Все пункты были прямыми.

Конфирматорный факторный анализ, проведенный в статистическом пакете Jamovi, показал, что модель, в которой четыре субфактора – общее оправдание системы, позитивные эмоции, негативные эмоции (обратные значения) и политическое доверие – были связаны между собой, удовлетворительно со-

ответствует данным: $CFI = 0,95 - 0,97$; $TLI = 0,94 - 0,96$; $RMSEA = 0,08 - 0,10$; $SRMR = 0,04 - 0,04$. Поэтому в ходе дальнейшего анализа мы рассчитывали общий показатель отношения к политической системе ($\alpha_1 = 0,96$, $\alpha_2 = 0,96$, $\alpha_3 = 0,96$).

Результаты

Обработка результатов проводилась в статистическом пакете Jamovi. Описательная статистика и корреляции представлены в табл. 1. Они говорят о том, что воспринимаемая процедурная справедливость политиков (замер 1, первая часть и замер 3) и политических институтов (замер 1, вторая часть и замер 2) были позитивно связаны с отношением к российской политической системе. Кроме того, воспринимаемый уровень экономического развития был позитивно связан с ним, а экономические страхи — негативно.

Для проверки гипотез был использован линейный регрессионный анализ; его результаты представлены в табл. 2. Все замеры показали, что воспринимаемый уровень экономического развития позитивно предсказывает отношение к политической системе, а экономические страхи — негативно. Кроме того, воспринимаемая справедливость политиков и политических институтов в целом позитивно предсказывает отношение к российской политической системе. Эти результаты подтверждают гипотезу 1.

Однако связь между воспринимаемой процедурной справедливостью и отношением к политической системе модерируется воспринимаемой экономической ситуацией в стране. В частности, воспринимаемая процедурная справедливость сильнее связана с отношением к политической системе у людей, которые низко оценивают экономическое развитие страны и испытывают сильный страх от экономических

трудностей, чем у людей, которые высоко оценивают экономическое развитие и испытывают слабый страх. Эти результаты подтверждают гипотезу 2.

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы анализировали связь между воспринимаемой процедурной справедливостью, воспринимаемой экономической ситуацией в стране и отношением к политической системе. Мы предположили, что соблюдение процедурной справедливости в политической сфере улучшает отношение к политической системе, и этот эффект сильнее выражен, когда человек низко оценивает экономическое положение страны. Иными словами, соблюдение процедурной справедливости способно, по крайней мере, частично компенсировать негативное влияние экономических трудностей на отношение к политической системе.

Ранее подобные исследования проводились в других странах. Однако данное исследование имеет несколько отличий. Во-первых, большинство предыдущих исследований были проведены в деловом контексте и касались общения с конкретными людьми, а в данном исследовании рассматривались закономерности, возникающие на уровне страны. Во-вторых, предыдущие исследования, посвященные процедурной справедливости в политике, проводились в странах с демократическими политическими режимами, а данное исследование было проведено в стране с авторитарным режимом.

И наконец, в прошлых исследованиях для измерения воспринимаемой процедурной справедливости использовались относительно простые методики, которые не всегда точно отражали эти теоретические конструкты. В то же время в данном исследовании были использо-

Таблица 1

Описательная статистика и корреляции

Шкала	Переменные	<i>M</i>	<i>SD</i>	1	2	3
<i>Замер 1 (первая часть)</i>						
1–7	1. Воспринимаемая справедливость институтов	3,29	1,40	—		
1–7	2. Воспринимаемое экономическое развитие	3,81	1,45	0,711	—	
1–7	3. Отношение к политической системе	3,86	1,46	0,808	0,672	—
<i>Замер 2</i>						
1–7	1. Воспринимаемая справедливость институтов	3,24	1,39	—		
1–7	2. Воспринимаемое экономическое развитие	3,74	1,46	0,724	—	
1–7	3. Отношение к политической системе	3,72	1,47	0,674	0,456	—
<i>Замер 1 (вторая часть)</i>						
1–7	1. Воспринимаемая справедливость политиков	3,49	1,42	—		
1–5	2. Воспринимаемая экономическая угроза	4,05	0,87	-0,404	—	
1–7	3. Отношение к политической системе	3,86	1,46	0,868	-0,416	—
<i>Замер 3</i>						
1–7	1. Воспринимаемая справедливость политиков	3,54	1,55	—		
1–7	2. Воспринимаемая экономическая угроза	5,32	1,55	-0,353	—	
1–7	3. Отношение к политической системе	3,71	1,53	0,861	-0,409	—

Примечание. Все корреляции значимы на уровне 0,001.

Таблица 2

Регрессионный анализ

Переменные	<i>b</i>	
	Замер 1	Замер 2/3
Intercept	0,290***	0,169*
Воспринимаемая справедливость институтов (ВСИ)	0,673***	0,700***
Воспринимаемое экономическое развитие (ВЭР)	0,186***	0,182***
ВСИ * ВЭР	-0,067***	-0,062***
Adjusted R ²	0,677	0,716
Intercept	2,010***	1,895***
Воспринимаемая справедливость политиков (ВСП)	0,833***	0,815***
Воспринимаемая экономическая угроза (ВЭУ)	-0,087***	-0,126***
ВСП * ВЭУ	0,031***	0,029**
R ²	0,759***	0,755

Примечания. *** – $p \leq 0,001$, ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$.

зованы две разные методики для измерения процедурной справедливости в политике, содержание которых соответствовало теоретическим моделям, а

также сложная методика для измерения отношения к политической системе, которая включала когнитивные и эмоциональные элементы.

Это исследование позволило сделать три основных вывода. Во-первых, воспринимаемое экономическое состояние страны позитивно связано с отношением к политической системе. Этот результат соответствует данным международных исследований, которые продемонстрировали, что чем более позитивно граждане оценивают эффективность национальной экономики, тем больше они доверяют политическим институтам [27; 28]. Важность этого фактора следует из «рационального» подхода к изучению политического доверия, согласно которому люди больше доверяют политической системе, которая, по их мнению, работает в их интересах.

Во-вторых, воспринимаемая справедливость политиков и политических институтов позитивно связана с отношением к политической системе. Более того, этот фактор вносит больший вклад, чем воспринимаемое состояние экономики. Этот результат соответствует данным метаанализа [15] и международных опросов [19; 20], проведенных в странах с демократическими политическими режимами. Таким образом, процедурная справедливость если не универсальный, то, по крайней мере, широко распространенный фактор, предсказывающий отношение к представителям власти.

И наконец, процедурная справедливость взаимодействует с воспринимаемым состоянием экономики. Воспринимаемая процедурная справедливость сильнее связана с отношением к политической системе у людей, которые дают низкую оценку экономическому состоянию страны, чем у тех, кто дает высокую оценку. Этот результат соответствует данным метаанализа, проведенного в деловой сфере [7], и немногочисленных политических исследований, проведенных в европейских странах [12; 19; 20], что го-

ворит в пользу широкой распространенности обнаруженного эффекта.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в понимание процессов, происходящих в современном российском обществе. В официальном российском дискурсе широко распространена идея о кардинальном отличии россиян от жителей европейских и североамериканских стран. В то же время данное исследование продемонстрировало, что суждения россиян подчиняются тем же закономерностям, что суждения жителей европейских государств. Более того, дополнительный анализ не выявил устойчивого различия в связях между воспринимаемой процедурной справедливостью, воспринимаемым состоянием экономики и отношением к политической системе у представителей разных социально-демографических групп.

В целом это означает, что, с одной стороны, свободная публичная дискуссия по острым социальным, экономическим и политическим вопросам, а также свободные и честные выборы могут увеличить количество негативных оценок в адрес представителей власти и способствовать поляризации мнений. С другой стороны, наличие у людей возможности публично высказать свое мнение и повлиять на политические решения, равенство прав и уважение со стороны представителей власти — это те условия, которые помогают сохранить устойчивость политической системы в сложных экономических обстоятельствах.

Заключение

Исследование показало, что воспринимаемая процедурная справедливость — вера в возможность повлиять на политические решения, а также непредубежденное отношение и уважение со стороны представителей власти — это важный фактор, ко-

торый предсказывает отношение к политикам и политическим институтам. Тот факт, что эта закономерность воспроизводилась в разные периоды времени и при использовании разных методик, говорит в пользу ее устойчивости. Тем не менее это исследование имеет несколько ограничений.

Во-первых, большинство исследователей рассматривает процедурную справедливость как единый конструкт, поэтому в данном исследовании вычислялись общие индексы процедурной справедливости. Однако один из метаанализов, посвященных организационной справедливости, показал, что разные компоненты, описывающие справедливость процесса, по-разному связаны с оценками и поведением людей [9]. Таким образом, в будущих исследованиях можно проанализировать, как разные компоненты процедурной справедливости связаны с отношением к политической системе, и насколько эти связи модерируются оценкой экономического состояния страны.

Во-вторых, в большинстве исследований, посвященных процедурной справедливости в политической сфере, рассматривалась воспринимаемая справедливость одного — городского, регионального или федерального — уровня власти. В данном исследовании респондентов просили оценить справедливость либо российских политиков, либо политических институтов вообще. Таким образом, в будущих исследованиях можно сравнить, как воспринимаемая справедливость предсказывает отноше-

ние к представителям муниципальной, региональной и федеральной власти, и насколько эти связи модерируются оценкой экономического состояния страны.

В-третьих, в данном исследовании не фиксировалось, кому люди приписывают ответственность за возникновение и решение экономических проблем. Можно предположить, что низкая оценка экономического положения страны усиливает связь между воспринимаемой процедурной справедливостью и отношением к политической системе, когда люди приписывают ответственность за возникновение и/или решение экономических проблем представителям действующей власти. Таким образом, в будущих исследованиях можно проанализировать, как атрибуция ответственности влияет на взаимодействие между процедурной справедливостью и позитивностью результата.

И наконец, в-четвертых, данное исследование было кросс-секционным, а не экспериментальным. С одной стороны, это дало возможность измерить отношение респондентов к текущей ситуации, но с другой — не позволило сделать однозначные причинно-следственные выводы. Таким образом, в будущих исследованиях можно варьировать воспринимаемую справедливость политиков или политических институтов (например, описывать гипотетических политических акторов, которые соответствуют или не соответствуют нормам справедливости) и/или воспринимаемое экономическое положение страны.

Литература/References

1. Гулевич О.А., Гусева В.В. Методика для измерения процедурной справедливости в политической сфере // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2023. В печати.

Gulevich O., Guseva V.A. Metodika dlya izmereniya protsedurnoi spravedlivosti v politicheskoi sfere [Methodology to measure procedural justice in the political sphere]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2023. In print.

2. *Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I.* How Do russians perceive and justify the status quo: Insights from adapting the system justification scales // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 717838. DOI:10.3389/fpsyg.2021.717838
3. *Agostini M., van Zomeren M.* Toward a comprehensive and potentially cross-cultural model of why people engage in collective action: A quantitative research synthesis of four motivations and structural constraints // *Psychological Bulletin*. 2021. Vol. 147. № 7. P. 667–700. DOI:10.1037/bul0000256
4. *Anderson C.J., Tverdova Y.V.* Corruption, political allegiances, and attitudes toward government in contemporary democracies // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 47. № 1. P. 91–109. DOI:10.1111/1540-5907.00007
5. *Bolger P.C., Walters G.D.* The relationship between police procedural justice, police legitimacy, and people's willingness to cooperate with law enforcement: A meta-analysis // *Journal of Criminal Justice*. 2013. Vol. 60. P. 93–99. DOI:10.1016/j.jcrimjus.2019.01.001
6. *Bolger M.A., Lytle D.J., Bolger P.C.* What matters in citizen satisfaction with police: A meta-analysis // *Journal of Criminal Justice*. 2021. Vol. 72. P. 101760. DOI:10.1016/j.jcrimjus.2020.101760
7. *Brockner J., Wiesenfeld B.M.* An integrative framework for explaining reactions to decisions: Interactive effects of outcomes and procedures // *Psychological Bulletin*. 1996. Vol. 120. № 2. P. 189–208. DOI:10.1037/0033-2909.120.2.189
8. *Cohen-Charash Y., Spector P.E.* The role of justice in organizations: A meta-analysis // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2001. Vol. 86. № 2. P. 278–321. DOI:10.1006/obhd.2001.2958
9. *Colquitt J.A., Conlon D.E., Wesson M.J., Porter C.O., Ng K.Y.* Justice at the Millennium: A meta-analytic review of 25 years of organizational justice research // *Journal of Applied Psychology*. 2001. Vol. 86. № 3. P. 425–445. DOI:10.1037/0021-9010.86.3.425
10. *Colquitt J.A., Scott B.A., Rodell J.B., Long D.M., Zapata C.P., Conlon D.E., Wesson M.J.* Justice at the Millennium, a decade later: A meta-analytic test of social exchange and affect-based perspectives // *Journal of Applied Psychology*. 2013. Vol. 98. № 2. P. 199–236. DOI:10.1037/a0031757
11. *Dahlberg S., Holmberg S.* Democracy and bureaucracy: How their quality matters for popular satisfaction // *West European Politics*. 2014. Vol. 37. № 3. P. 515–537. DOI:10.1080/01402382.2013.830468
12. *de Blok L., Kumlin S.* Losers' Consent in changing welfare states: Output dissatisfaction, experienced voice and political distrust // *Political Studies*. 2022. Vol. 70. № 4. P. 867–886. DOI:10.1177/0032321721993646
13. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/> (дата обращения: 13.11.2023).
14. *Gilley B.* The Determinants of state legitimacy: Results for 72 countries // *International Political Science Review*. 2006. Vol. 27. № 1. P. 47–71. DOI:10.1177/0192512106058634
15. 15. *Gulevich O., Borovikova J., Rodionova M.* The relationship between political procedural justice and attitudes toward the political system: A meta-analysis // *Political Psychology*. 2023. Online first. DOI:10.1111/pops.12936
16. *Gulevich O., Chernov D.* Political efficacy as a factor of attitude toward the political system: Comparison between democratic and authoritarian regimes. Unpublished manuscript.
17. *Leventhal G.S., Karuza J., Fry W.R.* Beyond fairness: A theory of allocation preferences // *Justice and Social Interaction*. 1980. Vol. 3. № 1. P. 167–218. DOI:10.4236/jss.2015.31009
18. *Lind E.A., Tyler T.R.* The social psychology of procedural justice. New York: Plenum Press, 1988.
19. *Magalhães P.C.* Economic evaluations, procedural fairness, and satisfaction with democracy // *Political Research Quarterly*. 2016. Vol. 69. № 3. P. 522–534. DOI:10.1177/1065912916652
20. *Magalhães P.C., Aguiar-Conraria L.* Procedural fairness, the economy, and support for political authorities // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. № 1. P. 165–181. DOI:10.1111/pops.12500
21. The Polity Project. URL: <https://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (дата обращения: 13.11.2023).

22. *Thibaut J.W., Walker L.* Procedural justice: a psychological analysis. L. Erlbaum Associates, Hillsdale, 1975.
23. *Tyler T.R.* Justice theory // Handbook of theories of social psychology: Volume Two (SAGE Social Psychology Program) (1st ed.) / Ed. by P.V.A.M. Lange, A.W. Kruglanski, T.E. Higgins. SAGE Publications Ltd., 2011.
24. *Tyler T.R., Blader S.L.* The Group Engagement Model: Procedural justice, social identity, and cooperative behavior // Personality and Social Psychology Review. 2003. Vol. 7. № 4. P. 349–361. DOI:10.1207/S15327957PSPR0704_07
25. *Tyler T.R., Lind E.A.* A Relational Model of Authority in groups // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 115–191. DOI:10.1016/S0065-2601(08)60283-X
26. *Tyler T.R., van der Toorn J.* Social justice // The Oxford handbook of political psychology: Second Edition (Oxford Handbooks) (2nd ed.) / Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
27. *van der Meer T.W.G.* Democratic input, macroeconomic output and political trust // Handbook on political trust / Ed. by S. Zmerli, T.W.G. van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017. P. 270–284.
28. *van der Meer T.W.G.* Economic performance and political trust // The Oxford handbook of social and political trust / Ed. by E.M. Uslaner. Oxford: Oxford University Press, 2018.
29. Varieties of Democracy (V-Dem) [Электронный ресурс]. URL: <https://v-dem.net/> (дата обращения: 13.11.2023).
30. *Whitman D.S., Caleo S., Carpenter N.C., Horner M.T., Bernerth J.B.* Fairness at the collective level: A meta-analytic examination of the consequences and boundary conditions of organizational justice climate // Journal of Applied Psychology. 2012. Vol. 97. № 4. P. 776–791. DOI:10.1037/a0028021

Информация об авторах

Гулевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией политико-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Sciences in Social Psychology, Professor, the Head of Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Получена 01.09.2023

Received 01.09.2023

Принята в печать 14.11.2023

Accepted 14.11.2023

Связь социального доверия и беспокойства о будущем в сравнительной кросс-культурной перспективе

Фабрикант М.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация;

Белорусский государственный университет (БГУ),

г. Минск, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5707-2943>, e-mail: marharyta.fabrykant@gmail.com

Цель. Анализ связи между социальным доверием и беспокойством в отношении наступления различных негативных обстоятельств в будущем.

Контекст и актуальность. Переживания нестабильности и неопределенности побуждают пересмотреть роль социального доверия. Важно выяснить, является ли социальное доверие самостоятельным фактором, ослабляющим беспокойство в отношении будущего, или лишь эффектом обладания другими ресурсами.

Дизайн исследования. В работе изучались основные эффекты социального доверия на беспокойство в отношении наступления различных негативных обстоятельств и эффекты интеракции доверия с другими ресурсами. Наличие значимых эффектов и их направление проверялись посредством многоуровневого ординального логистического регрессионного анализа.

Участники. Данные 7 волн Всемирного исследования ценностей, собранные в 2017–2021 гг. в 62 странах. Размеры страновых выборок варьируют от 1000 до 3200.

Методы (инструменты). Пункты анкеты Всемирного исследования ценностей – индикаторы генерализованного социального доверия и беспокойства в отношении различных негативных обстоятельств, а также социально-демографические переменные. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности.

Результаты. Социальное доверие ослабляет беспокойство в отношении будущего. Этот эффект является самостоятельным и проявляется при контроле по уровню обладания другими ресурсами. Выявлен отрицательный эффект интеракции между социальным доверием и другими ресурсами.

Основные выводы. Социальное доверие ослабляет беспокойство о будущем и усиливает аналогичный эффект для индикаторов обладания другими ресурсами.

Ключевые слова: социальное доверие; беспокойство о будущем; генерализованное доверие.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Фабрикант М.С. Связь социального доверия и беспокойства о будущем в сравнительной кросс-культурной перспективе // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 120–134. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140408>

Effect of Social Trust on Worry about the Future in Comparative Cross-Cultural Perspective

Marharyta S. Fabrykant

HSE University, Moscow, Russia; Belarusian State University, Minsk, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5707-2943>, e-mail: marharyta.fabrykant@gmail.com

Objective. *Analysis of the effect of social trust on anxiety regarding the occurrence of various negative circumstances in the future.*

Background. *Experiences of instability and uncertainty prompt us to reconsider the role of social trust. It is important to determine whether social trust is an independent factor that reduces anxiety about the future, or only an effect of the possession of other resources.*

Study design. *The study examined the main effects of social trust on anxiety regarding the occurrence of various negative circumstances and the interaction effects of trust with other resources. The presence of significant effects and their direction were tested using multilevel ordinal logistic regression analysis.*

Participants. *Data from Wave 7 of the World Values Survey, collected 2017–2021 in 62 countries. Country sample sizes range from 1000 to 3200.*

Measurements. *Items from the World Values Survey are indicators of generalized social trust and anxiety regarding various negative circumstances, as well as sociodemographic variables. GDP per capita at purchasing power parity.*

Results. *Social trust reduces anxiety about the future. This effect is independent and manifests itself when controlling for the level of possession of other resources. There also exists a negative interaction effect between social trust and other resources.*

Conclusions. *Social trust reduces anxiety about the future and enhances a similar effect for indicators of the possession of other resources.*

Keywords: *social trust; worry about the future; generalized trust.*

Funding. This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

For citation. Fabrykant M.S. Effect of Social Trust on Worry about the Future in Comparative Cross-Cultural Perspective. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 120–134. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140408> (In Russ.).

Введение

На протяжении последних десятилетий феномен доверия вызывает к себе повышенный интерес в социальных науках [1; 16]. Доверие представляет собой важнейший ресурс для повседневного функционирования в обществе в условиях неопределенности. Эти условия при ближайшем рассмотрении оказываются привычным и лишь оттого незаметным фоном в современных (модерных) обществах [3], где основная часть потреб-

ностей удовлетворяется посредством товаров и услуг, подавляющее большинство которых произведено незнакомыми людьми, недоступными для индивидуального контроля отдельно взятого человека. Существование современных обществ требует достаточно высокого уровня социального и институционального доверия, а дальнейшее развитие – еще более высокого уровня доверия, позволяющего осуществлять современные проекты с людьми, выходящими за пре-

делы ингруппы (не связанными узами родства или многолетней дружбы), если они обладают необходимыми ресурсами и компетенциями, и при этом не нести больших трансактных издержек, направленных на поддержание механизмов контроля над соблюдением взятых на себя обязательств [19]. В теориях модернизации высокий уровень социального доверия — доверия к людям в целом — рассматривается как один из атрибутов наиболее модернизированных обществ. Это подтверждается рядом эмпирических исследований [8; 13; 14], в которых была выявлена статистически значимая связь между уровнем социального доверия и ВВП на душу населения страны.

Вместе с тем направление этой связи до сих пор остается неясным [3]. Хотя социальное доверие, стимулируя сотрудничество и предпринимательскую инициативу, способно выступать одной из движущих сил экономического роста, справедливо также и обратное. Рост — или, для кросс-секционных межстратновых сравнений, более высокий уровень — экономического благополучия закономерно создает основания для более высокого уровня доверия, поскольку обеспечивает более комфортные жизненные условия, в которых существует больше возможностей обеспечить себе желаемые условия жизни за счет собственных усилий, а не за счет манипулятивного использования других людей в своих целях, то есть злоупотребления доверием. Например, на индивидуальном уровне М. Брандт, Г. Уэзерелл и П. Хенри обнаружили, что при положительной связи между доверием и уровнем дохода влияние уровня дохода на доверие существенно сильнее, чем обратное влияние [4]. Закономерно, что люди с более высоким уровнем дохода обладают большими ресурсами для того, чтобы в случае, если кто-то

сможет злоупотребить их доверием, разрешить возникшие вследствие этого проблемы и минимизировать последствия, поэтому могут позволить себе больше доверять людям вместо того, чтобы остерегаться любой неудачи, которая для людей с более низким доходом может оказаться фатальной. С другой стороны, социальное доверие у людей с более высоким доходом может быть одним из проявлений более высокого доверия к миру, в котором они обладают достаточно комфортными жизненными условиями.

Большое число проведенных в последние годы исследований связи доверия с тревогой, а также влияния этой связи на готовность к определенному поведению посвящены состоянию общества в ситуации пандемии COVID-19. Пандемия не только резко актуализировала вопрос о беспокойстве в отношении будущего — решений и их последствий в условиях неопределенности — и социального доверия в различных его видах и измерениях, но и создала уникальные условия для эмпирических исследований, в ряде которых были продемонстрированы противоречивые и, казалось бы, парадоксальные результаты. Так, в исследовании Е.И. Рассказовой и А.Ш. Тхостова было обнаружено, что доверие (в данном случае институциональное доверие, а именно — доверие к системе здравоохранения) оказывает одновременно и положительный, и отрицательный эффект на готовность к вакцинированию, причем объяснение этого эффекта заключается в связи доверия с тревогой. Те, кто меньше доверяют системе здравоохранения, с одной стороны, испытывают большее беспокойство в отношении последствий болезни, что повышает их мотивацию вакцинироваться, чтобы предотвратить болезнь, но, с другой стороны, испытывают также большее беспокойство в

отношении самой вакцинации, что, разумеется, снижает их готовность вакцинироваться. В обоих случаях наблюдается отрицательный эффект доверия на тревогу, однако поведенческие последствия могут быть противоположными [2]. Исследование, проведенное в Омане, также показало отрицательное влияние доверия к экспертом в области здравоохранения на беспокойство в отношении пандемии в тех его проявлениях, которые составляют содержание ряда конспирологических теорий, однако это влияние было зафиксировано только в ряде регионов — предположительно, по мнению авторов, более близких к столице как источнику большинства экспертовых оценок, которые легли в основу правительственные мер по противодействию пандемии [12]. Проведенное в Китае исследование обнаружило положительную связь доверия и отрицательную — тревоги с резильентностью. При этом посредством моделирования структурными уравнениями было выявлено, что именно доверие снижает тревогу и тем самым опосредованно повышает резильентность [20]. В Турции также была выявлена отрицательная связь между уровнем доверия и тревогой, однако эта связь оказалась относительно слабой и варьирующей в зависимости от ряда опосредующих факторов, как социально-демографических, так и личностно-психологических [18]. Этот же эффект, но уже во временной перспективе продемонстрировало исследование, проведенное в Италии: зафиксированное во время локдаунов снижение доверия было особенно сильно выраженным у респондентов с более высоким уровнем тревоги [11]. Качественное исследование, проведенное в Дании, выявило, что доверие, причем как институциональное, так и межличностное, было одной из трех ключевых стратегий, которые

использовались родителями младших школьников для совладания с тревогой, связанной с необходимостью направлять детей в школу, когда большинство других организаций еще были закрыты или работали дистанционно [10]. Китайское лонгитюдное исследование продемонстрировало рост доверия к медикам в ходе пандемии, поскольку транслируемый в масс-медиа положительный образ врачей смог преодолеть отрицательный эффект тревоги и страха; в этом исследовании также зафиксирован отрицательный эффект, однако только до тех пор, пока не проявилось воздействие опосредующих факторов [7].

Отдельную группу проведенных в последние годы исследований связи доверия с тревогой составляют исследования, направленные на изучение экономического поведения в период пандемии. Так, проведенное в странах с наиболее высоким ВВП на душу населения исследование связи тревоги в отношении пандемии с уровнем доверия к ситуации на финансовых рынках показало, что решающую роль в величине этого эффекта играл ряд страновых опосредующих факторов, прежде всего — характер предпринимаемых в каждой стране мер по борьбе с пандемией [6]. Проведенное в Иордании исследование связи доверия с тревогой в отношении онлайн-покупок, которые для многих стали не выбором на основе индивидуальных предпочтений, а вынужденной мерой в условиях пандемии, показало, что сила этой связи существенно варьирует в зависимости от индивидуальных значений трех из четырех культурных синдромов по Г. Хофстеде — индивидуализма-коллективизма, дистанции власти и избегания неопределенности [9]. Эти вариации в характере связи приводят к тому, что доверие одного и того же уровня по-разному проявляется в поведении пользователей приложений

интернет-магазинов. С другой стороны, австралийское исследование отношения к путешествиям в период пандемии выявило робастный отрицательный эффект доверия в его различных измерениях на беспокойство по поводу возможных рисков, связанных с решением путешествовать в период пандемии. По мнению авторов исследования, именно повышение доверия вместо прямой конфронтации с тревогой представляет собой один из наиболее эффективных способов воздействия на клиентов, которое может быть предпринято для продвижения услуг турагентств [17].

Таким образом, в большинстве исследований последних лет был выявлен отрицательный эффект доверия на тревогу, причем в большинстве рассмотренных работ именно доверие рассматривается как причина, а тревога — как следствие. Вместе с тем этот эффект существенно варьируется в зависимости от большого числа опосредующих факторов, а надежность выводов вызывает сомнения в связи с тем, что большинство результатов получено на данных, собранных в отдельных странах либо непрезентативных категориях стран (как, например, страны с наиболее высоким ВВП на душу населения). Различные условия жизни в этих странах не только ставят под сомнение кросс-культурную презентативность, но и не позволяют дать ответ на вопрос, основано ли доверие на объективных для него основаниях в виде располагаемых ресурсов или же, напротив, используется как более доступная компенсация недостатка этих объективных ресурсов. В связи с этим возникает вопрос, что из себя представляет доверие — один из ресурсов, позволяющий функционировать в условиях неопределенности, или, напротив, роскошь — потенциальную уязвимость, которую можно позволить себе лишь при наличии достаточного количества других ресурсов? Этот вопрос особенно значим

применительно к неопределенности в отношении возможности наступления значимых негативных обстоятельств, способных существенно изменить все течение жизни. Люди, обладающие более высоким уровнем доверия, во-первых, склонны ниже оценивать вероятность наступления таких негативных обстоятельств (по крайней мере тех из них, которые так или иначе вызваны действиями других людей: считать других людей достойными доверия означает, помимо прочего, что они, скорее всего, не совершают поступков, которые могут привести к таким негативным последствиям), во-вторых, склонны в большей степени полагать, что даже в случае наступления таких обстоятельств могут рассчитывать на готовность и способность других людей прийти на помощь, благодаря которой негативные последствия наступления этих обстоятельств окажутся менее выраженными, а сами эти обстоятельства, как следствие, менее опасными и менее достойными тревоги. В связи с этим можно предположить, что социальное доверие обладает собственным механизмом уменьшения беспокойства и выступает в этом плане как самостоятельный ресурс: те, кто обладают более высоким уровнем доверия, испытывают меньше беспокойства не только потому, что обладают более высоким уровнем дохода и живут в более экономически благополучных странах. Это позволяет нам сформулировать первую гипотезу данного исследования следующим образом.

Гипотеза 1. Уровень социального доверия отрицательно связан со степенью беспокойства в отношении наступления различных негативных обстоятельств; этот эффект является самостоятельным и не обусловлен положительной связью уровня доверия с обладанием другими ресурсами.

Помимо непосредственного воздействия на степень беспокойства социаль-

ное доверие может оказывать опосредующее воздействие на эффект других ресурсов. Так, для того, чтобы люди с более высоким уровнем дохода полагали себя способными минимизировать последствия наступления негативных жизненных обстоятельств, помимо собственно высокого дохода важно еще и представление о том, что в этих новых, изменившихся обстоятельствах высокий доход, во-первых, сохранится, во-вторых, не утратит своей значимости как средство преодоления трудностей. Это представление опять-таки требует некоторого уровня социального доверия. Поэтому мы выдвигаем следующую гипотезу.

Гипотеза 2. Социальное доверие усиливает отрицательный эффект других ресурсов на степень беспокойства в отношении наступления различных негативных обстоятельств.

Метод

Выборка исследования. Для проверки гипотез были использованы данные Всемирного исследования ценностей. Сбор данных новейшей на сегодняшний день 7 волны Всемирного исследования ценностей осуществлялся в 2017–2021 гг. в следующих 62 странах: Австралия, Андорра, Аргентина, Армения, Бангладеш, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Гватемала, Германия, Гонконг, Греция, Зимбабве, Египет, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Казахстан, Канада, Кения, Кипр, Китай, Колумбия, Киргизстан, Ливан, Ливия, Макао, Малайзия, Мальдивы, Марокко, Мексика, Монголия, Мьянма, Нигерия, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Пакистан, Перу, Пуэрто-Рико, Россия, Румыния, Сербия, Сингапур, Словакия, Соединенное Королевство, США, Таджикистан, Таиланд, Тунис, Турция, Украина, Уругвай, Филиппины, Чехия, Чили, Эквадор, Эфиопия, Южная

Корея, Япония. Объем страновых выборок составил от 1000 на Кипре до 3200 в Индонезии.

Методы исследования. База данных Всемирного исследования ценностей содержит ряд индикаторов ситуативной тревожности — блок вопросов о беспокойстве относительно возможности наступления в будущем определенных негативных обстоятельств. Респондентам предлагалось ответить на вопрос «В какой степени Вас беспокоит...» относительно каждого из следующих негативных обстоятельств: «вероятность потерять работу или не найти работы»; «невозможность дать детям хорошее образование»; «что [страна] окажется втянута в войну»; «террористические атаки»; «гражданская война в [стране]». Для ответа на каждую часть этого вопроса предлагались следующие варианты: «очень беспокоит», «довольно сильно беспокоит», «не очень беспокоит» и «совсем не беспокоит».

Генерализованное доверие представлено во Всемирном исследовании ценностей следующим вопросом: «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?» с вариантами ответа «Большинству можно доверять» и «Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми».

С использованием этих переменных были построены две серии многоуровневых ординальных логистических регрессионных моделей с использованием языка программирования R. В первой серии каждый из индикаторов ситуативной тревожности выступил в качестве зависимой переменной, а генерализованное доверие — в качестве независимой переменной. Поскольку обе переменные являются субъективными, можно предположить возможность эндогенности. Од-

нако, как показано в рассмотренных нами исследованиях, именно доверие выступает в качестве независимой переменной. Кроме того, уровень доверия является более общей характеристикой и, следовательно, первичен по отношению к беспокойству в отношении отдельных событий. Помимо этих переменных в модель были включены следующие контрольные переменные: возраст (полных лет), пол (дихотомия «мужской/женский»), образование (уровень образования по международной шкале ISCED, перекодированной в дихотомию, отражающую наличие либо отсутствие у респондента высшего образования), уровень дохода (самооценка уровня дохода по 10-балльной шкале, перекодированной организаторами Всемирного исследования ценностей в классификацию по трем уровням дохода — «высокому», «среднему» и «низкому») и натуральный логарифм ВВП на душу населения по параметру покупательной способности (из базы данных Всемирного банка). Эта серия моделей позволяет проверить первую гипотезу. Для проверки второй гипотезы во второй серии в каждую из этих моделей были добавлены эффекты интеракции ге-

нерализованного доверия с образованием, уровнем дохода и ВВП на душу населения.

Результаты

На рисунке представлены общие, по всему массиву, распределения частот для каждого из 5 индикаторов ситуативной тревожности. Как видно из приведенных данных, распределения, отражающие общий уровень беспокойства, для различных обстоятельств различаются не очень сильно. Наибольшая доля респондентов обеспокоена тем, что не сможет дать своим детям хорошее образование (чуть больше 66% тех, кого это «очень беспокоит» и «довольно сильно беспокоит»), наименьшая — тем, что в стране может начаться гражданская война (56,3%).

В табл. 1 приведены модели, отражающие эффект генерализованного доверия на каждый из 5 индикаторов ситуативной тревожности. Как следует из регрессионных коэффициентов, эффект генерализованного доверия во всех моделях статистически значимый и отрицательный: те, кто полагают, что людям в целом можно доверять, испытывают меньше беспокойства относительно каждого из рассматри-

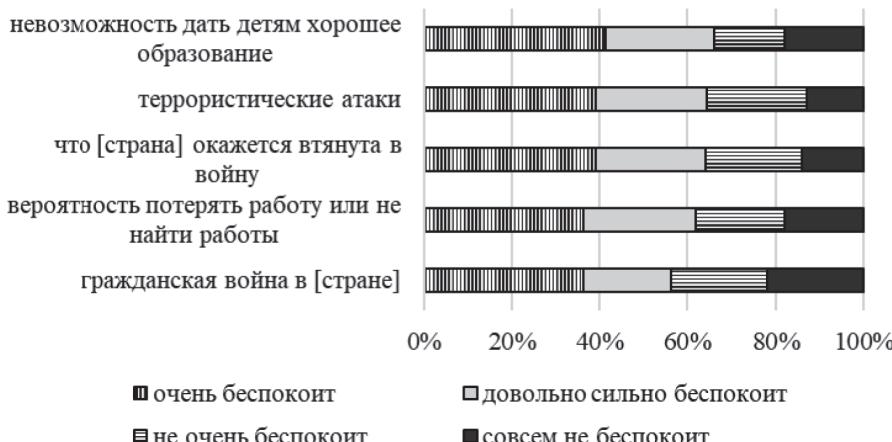

Рис. Уровень беспокойства в отношении наступления различных негативных обстоятельств

ваемых негативных обстоятельств, чем те, кто предпочитают доверию осторожность. Этот эффект оказался особенно сильным для беспокойства в отношении возможности гражданской войны и террористических атак. Как и предполагалось, этот эффект оказался значимым даже с контролем по переменным, которые положительно связаны с социальным доверием, — уровнем образования и уровнем доходов. Их эффекты также оказались отрицательными во всех моделях: меньше беспокойства испытывают респонденты с высшим

образованием и со средним и особенно высоким, а не низким уровнем дохода.

В табл. 2 представлены модели с эффектами интеракции. Для правильной интерпретации важно учесть, что в моделях с интеракциями основные эффекты для каждой из переменных, из которых образован термин интеракции, обозначают не влияние этой независимой переменной как таковое, а только влияние этой переменной в том случае, когда значение другой независимой переменной, входящей в тот же термин интеракции, равно 0. Со-

Таблица 1

Многоуровневые ординальные логистические регрессионные модели эффектов генерализованного доверия на беспокойство в отношении различных негативных обстоятельств

Независимые переменные	Беспокойство: ве- роятность потерять работу или не найти работы	Беспокойство: не- возможность дать детям хорошее об- разование	Беспокойство: что [страна] окажется втянута в войну	Беспокойство: террористические атаки	Беспокойство: гражданская война в [стране]
Предикторы индивидуального уровня					
генерализованное доверие	-0,287***	-0,297***	-0,263***	-0,352***	-0,384***
возраст	-0,024***	-0,021***	0,001	0,002***	-0,003***
пол женский (опорное значение — мужской)	0,003	0,085***	0,246***	0,227***	0,260***
образование высшее	-0,080***	-0,071***	-0,136***	-0,122***	-0,193***
уровень дохода:					
средний	-0,249***	-0,183***	-0,150***	-0,087***	-0,134***
высокий	-0,451***	-0,344***	-0,247***	-0,151***	-0,228***
Предикторы странового уровня					
ВВП на душу населения	-0,512	-0,747***	-0,632***	-0,594***	-0,878***
2log Likelihood	-103785,87	-94439,05	-99476,62	-101196,52	-94676,35
AIC	207593,75	188900,09	198975,25	202415,04	189374,71
BIC	207696,6	189002,6	199078,1	202518,1	189477,2
N1	84620	82490	85367	86270	82054
N2	62	62	62	62	60

Примечание: *** — $p < 0,001$.

ответственно, основной эффект доверия в моделях с интеракцией, представленных здесь, — это эффект доверия для респондентов без высшего образования и с низким уровнем дохода, проживающих в стране с нулевым ВВП на душу населения. Поскольку последнее (страна с нулевым ВВП на душу населения) является чисто гипотетической возможностью, основной эффект здесь, в отличие от моделей, представленных в табл. 1, может интерпретироваться не самостоятельно, но только в сочетании с эффектами интеракции.

Как и предполагалось, все значимые эффекты интеракции оказались отрицательными. Статистически значимый отрицательный эффект интеракции генерализованного доверия с высшим образованием обнаружен в моделях с беспокойством относительно потери работы, невозможности дать детям хорошее образование и гражданской войны. Это означает, что среди респондентов с высшим образованием разница в уровне беспокойства относительно этих обстоятельств между теми, кто склонен доверять людям,

и теми, кто предпочитает осторожность, сильнее, чем среди респондентов без высшего образования. Значимый отрицательный эффект интеракции доверия с уровнем дохода обнаружен только для высокого, но не среднего уровня дохода в моделях, где зависимые переменные — беспокойство в отношении невозможности дать детям хорошее образование и относительно гражданской войны. Это означает, что для респондентов с высоким уровнем дохода отрицательный эффект генерализованного доверия на уровень беспокойства выражен сильнее, чем для представителей иных категорий по доходу. Значимый отрицательный эффект интеракции доверия с ВВП на душу населения выявлен в моделях с беспокойством в отношении вероятности потерять работу или не найти работы, террористических атак и гражданской войны. Это означает, что чем выше ВВП на душу населения страны, тем сильнее в этой стране отрицательная связь генерализованного доверия с уровнем беспокойства относительно каждого из этих обстоятельств.

Таблица 2

Многоуровневые ординальные логистические регрессионные модели эффектов интеракции генерализованного доверия с другими ресурсами на беспокойство в отношении различных негативных обстоятельств

Независимые переменные	Беспокойство: вероятность потерять работу или не найти работы	Беспокойство: невозможность дать детям хорошее образование	Беспокойство: что [страна] окажется втянута в войну	Беспокойство: террористические атаки	Беспокойство: гражданская война в [стране]
Предикторы индивидуального уровня					
генерализованное доверие	0,559***	0,132*	0,081	0,274	0,792***
возраст	-0,024***	-0,021***	0,001	0,002***	-0,003
пол женский (опорное значение — мужской)	0,002	0,084***	0,276***	0,227***	0,259***

Независимые переменные		Беспокойство: вероятность потерять работу или не найти работы	Беспокойство: не-возможность дать детям хорошее образование	Беспокойство: что [страна] окажется втянута в войну	Беспокойство: террористические атаки	Беспокойство: гражданская война в [стране]
образование высшее	0,240	0,220	-0,035	-0,072	0,183	
уровень дохода:						
средний	-0,045	0,059	0,148	0,023	-0,090	
высокий	-0,171	0,492***	0,267	0,052	0,383**	
Предикторы странового уровня						
ВВП на душу населения	-0,182**	-0,693***	-0,576***	-0,321*	-0,367*	
Эффекты интеракции						
Доверие * высшее образование	-0,060*	-0,054*	-0,019	-0,009	-0,070*	
Доверие * средний уровень дохода	-0,040	-0,047	-0,057	-0,021	-0,008	
Доверие * высокий уровень дохода	-0,053	-0,158**	-0,102	-0,038	-0,115*	
Доверие * ВВП на душу населения	-0,063***	-0,010	-0,011	-0,053**	-0,092***	
2log Likelihood	-103776,42	-94432,78	-99474,02	-101192,37	-94658,91	
AIC	207582,84	188895,56	198978,04	202414,74	189347,82	
BIC	207723	189035,4	199118,4	202555,2	189487,5	
N1	84620	82490	85367	86270	82054	
N2	63	63	62	62	60	

Примечания: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты позволили подтвердить обе гипотезы. Для всех пяти негативных обстоятельств, беспокойство в отношении которых было изучено, обнаружен значимый отрицательный эффект социального доверия, который проявляется не вследствие, а помимо эффектов других ресурсов. Эффект социального доверия является столь же универсальным по отношению к особенностям различных негативных обстоятельств, что и эффекты других

ресурсов индивидуального уровня, и более универсальным, чем эффект ВВП на душу населения страны. Это означает, что люди с более высоким уровнем социального доверия испытывают меньше беспокойства в отношении различных негативных обстоятельств не потому (или, по крайней мере, не только потому), что располагают большим объемом ресурсов, способных помочь им при необходимости минимизировать последствия наступления этих обстоятельств, но и вследствие собственной внутрен-

ней логики доверия к людям, которое, вероятно, трансформируется в доверие к поступкам других людей и их последствиям, благодаря чему наступление различных негативных обстоятельств выглядит менее вероятным.

Вместе с тем, в отличие от других ресурсов, таких как образование и доход, доверие имеет амбивалентную природу. С одной стороны, связанное с более высоким социальным доверием меньшее беспокойство позволяет перераспределить усилия в настоящем, направив их в большей степени на развитие и в меньшей — на прямое предотвращение негативных обстоятельств и косвенное предотвращение их негативных последствий — хеджирование рисков. По сути, речь идет о мотивации достижения успеха в противовес мотивации избегания неудачи. Таким образом, социальное доверие выступает в качестве механизма перераспределения и аллокации других ресурсов. Однако, с другой стороны, в случае наступления негативных обстоятельств, роль социального доверия, в отличие от других ресурсов, представляется неоднозначной. Если за выявленным нами отрицательным эффектом социального доверия на беспокойство в отношении различных обстоятельств скрывается преимущественно механизм уменьшения беспокойства посредством представления о возможности рассчитывать на помочь других людей в случае наступления таких обстоятельств, то в тех случаях, когда эти обстоятельства действительно наступают, люди с более высоким уровнем социального доверия будут более настойчиво и активно обращаться за помощью, а также, возможно, сами будут в большей степени склонны оказывать помочь другим (безотносительно индивидуальных различий в склонности к просоциальному

поведению), рассчитывая на взаимность. В этом смысле социальное доверие будет способствовать более эффективному использованию всех имеющихся ресурсов в тяжелой жизненной ситуации. Напротив, если основной механизм отрицательного эффекта социального доверия на беспокойство в отношении наступления негативных обстоятельств заключается в оценке вероятности наступления таких обстоятельств как достаточно низкой, чтобы не слишком сильно об этом беспокоиться, то в случае реального наступления таких обстоятельств именно люди с более высоким уровнем доверия, напротив, могут оказаться наименее подготовленными. Ошибка в суждении, став очевидной, может привести к подрыву доверия к самим себе и резкому уменьшению самоэффективности, что, в отличие от первого рассмотренного механизма эффекта доверия, воспрепятствует эффективному использованию имеющихся ресурсов. Выявление того, который из этих механизмов преобладает, представляется перспективным направлением для дальнейших исследований роли социального доверия в период социальной турбулентности.

Вторая гипотеза исследования также нашла свое подтверждение. Все статистически значимые эффекты интеракции доверия и других ресурсов оказались отрицательными, то есть усиливающими основной отрицательный эффект. Это означает, что высшее образование, высокий уровень дохода и проживание в более экономически благополучной стране сильнее ослабляют беспокойство в отношении наступления различных негативных обстоятельств у людей с более высоким уровнем социального доверия. Гипотетически можно было бы представить себе и противоположный эффект интеракции — а именно, в том случае,

если бы социальное доверие играло компенсаторную функцию. В этом случае люди, в большей мере обладающие другими ресурсами, могли бы испытывать меньше беспокойства благодаря большей способности с помощью этих ресурсов компенсировать негативные последствия, а люди, не обладающие этими ресурсами, были бы вынуждены прибегать к социальному доверию как своего рода эрзац-ресурсу, поскольку в противном случае им пришлось бы жить в состоянии постоянного сильного беспокойства. Напротив, обнаруженный нами отрицательный эффект интеракции указывает на то, что социальное доверие не просто позволяет уменьшить уровень эмоционального напряжения, но усиливает эффекты других ресурсов, вероятнее всего, поскольку именно общество, в котором большинство людей достойны доверия, позволяет более эффективно распоряжаться другими ресурсами, в том числе для минимизации последствий различных негативных обстоятельств.

Выводы

1. Социальное доверие способствует уменьшению уровня беспокойства в отношении наступления различных негативных жизненных обстоятельств, как и обладание различными ресурсами, способными минимизировать негативные последствия наступления этих обстоятельств.

2. Этот эффект социального доверия является самостоятельным и не объясняется положительной корреляцией между

уровнем социального доверия и объемом располагаемых ресурсов, таких как уровень доходов.

3. Помимо непосредственного ослабления уровня беспокойства социальное доверие также способствует более слабому уровню беспокойства у людей, располагающих большим объемом других ресурсов. Это может быть связано с тем, что доверие означает помимо прочего представления о способности эффективно использовать эти ресурсы для минимизации негативных последствий.

4. Перспективным направлением дальнейших исследований является выяснение того, чем преимущественно обусловлен отрицательный эффект социального доверия на уровень беспокойства — более низкой оценкой вероятности наступления этих обстоятельств или более высокой оценкой возможности рассчитывать на помощь других людей, если эти обстоятельства все-таки наступят. От ответа на этот вопрос зависит то, насколько эффективно социальное доверие как фактор перераспределения других ресурсов в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Еще одно значимое направление дальнейших исследований — изучение эффектов доверия на беспокойство с временным лагом, когда станут доступны необходимые для этого данные для достаточного количества стран. Это позволит дать кросс-культурное валидное эмпирическое обоснование тезиса, что именно влияние доверия на беспокойство преобладает над обратным влиянием.

Литература

1. Донцов А.И., Перельгина Е.Б., Зотова О.Ю., Мостиков С.В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 21–34. DOI:10.17759/sps.2018090202
2. Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Отношение к здоровью и готовность к лечению в ситуации пандемии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 1. С. 3–30. DOI:10.11621/vsp.2023.01.01

3. Татарко А.Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 3. С. 28–41.
4. Almakaeva A., Welzel C., Ponarin E. Human empowerment and trust in strangers: The multilevel evidence // Social Indicators Research. 2018. Vol. 139. P. 923–962. DOI:10.1007/s11205-017-1724-z
5. Brandt M.J., Wetherell G., Henry P.J. Changes in income predict change in social trust: A longitudinal analysis // Political Psychology. 2015. Vol. 36. № 6. P. 761–768. DOI:10.1111/pops.12228
6. Cerquetti R., Ficcadenti V. Anxiety about the pandemic and trust in financial markets // The Annals of Regional Science. 2023. P. 1–52. DOI:10.1007/s00168-023-01243-0
7. Chen Y., Wu J., Ma J., Zhu H., Li W., Gan Y. The mediating effect of media usage on the relationship between anxiety/fear and physician–patient trust during the COVID-19 pandemic // Psychology & Health. 2022. Vol. 37(7). P. 847–866. DOI:10.1080/08870446.2021.1900573
8. Delhey J., Newton K., Welzel C. How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem // American sociological review. 2011. Vol. 76. № 5. P. 786–807. DOI:10.1177/0003122411420817
9. Faqih K.M. Internet shopping in the Covid-19 era: Investigating the role of perceived risk, anxiety, gender, culture, and trust in the consumers’ purchasing behavior from a developing country context // Technology in Society. 2022. Vol. 70. P. 1–15. DOI:10.1016/j.techsoc.2022.101992
10. Fersch B., Schneider-Kamp A., Breidahl K.N. Anxiety and trust in times of health crisis: How parents navigated health risks during the early phases of the COVID-19 pandemic in Denmark // Health, Risk & Society. 2022. Vol. 24(1-2). P. 36–53. DOI:10.1080/13698575.2022.2028743
11. Gualano M.R., Moro G.L., Voglino G., Bert F., Siliquin R. Is the pandemic leading to a crisis of trust? Insights from an Italian nationwide study // Public Health. 2022. Vol. 202. P. 32–34.
12. Khalaf M.A., Shehata A.M. Trust in information sources as a moderator of the impact of COVID-19 anxiety and exposure to information on conspiracy thinking and misinformation beliefs: a multilevel study // BMC psychology. 2023. Vol. 11(1). DOI:10.1186/s40359-023-01425-7
13. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. № 4. P. 1251–1288. DOI:10.1162/003355300555475
14. Kondo J., Li D., Papanikolaou D. Trust, collaboration, and economic growth // Management Science. 2021. Vol. 67. № 3. P. 1825–1850. DOI:10.1287/mnsc.2019.3545
15. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. 1996. Trust in large organizations // American Economic Review. 1996. Vol. 87. № 2. P. 333–338.
16. Mikucka M., Sarracino F., Dubrow J.K. When does economic growth improve life satisfaction? Multilevel analysis of the roles of social trust and income inequality in 46 countries, 1981–2012 // World Development. 2017. Vol. 93. P. 447–459. DOI:10.1016/j.worlddev.2017.01.002
17. Quintal V., Sung B., Lee S. Is the coast clear? Trust, risk-reducing behaviours and anxiety toward cruise travel in the wake of COVID-19 // Current Issues in Tourism. 2022. Vol. 25(2). P. 206–218. DOI:10.1080/13683500.2021.1880377
18. Saygili M., Numanoglu R. Trust in the healthcare system and social coronavirus anxiety; a study in the Turkish society // Journal of Basic and Clinical Health Sciences. 2022. Vol. 6(2). P. 528–538.
19. Spadaro G., Molho C., Van Prooijen J.W., Romano A., Mosso C.O., Van Lange P.A. Corrupt third parties undermine trust and prosocial behaviour between people // Nature human behaviour. 2023. Vol. 7. № 1. P. 46–54. DOI:10.1038/s41562-022-01457-w
20. Yue H., Huang Y., Zhang H., Fang M., Chen G. Insights from China: Understanding the Impact of Community Resilience and Government Trust in Psychological Resilience and Anxiety during COVID-19 // Frontiers in Public Health. Vol. 11, 1298269. DOI:10.3389/fpubh.2023.1298269

References

1. Dontsov A.I., Perelygina E.B., Zotova O.Yu., Mostikov S.V. Doverie kak faktor psihologicheskoy bezopasnosti v mezhnacional'nom vzaimodejstvii [Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction]. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 21–34. DOI:10.17759/sps.2018090202 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Otnoshenie k zdorov'ju i gotovnost' k lecheniju v situacii pandemii [Attitude to health and readiness for treatment in the situation of pandemic]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sereiia 14. Psikhologiya [Lomonosov Psychology Journal]*, 2023. Vol. 1, pp. 3–30. DOI:10.11621/vsp.2023.01.01 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Tatarko A.N. Mezhlichnostnoe doverie kak faktor social'no-ekonomiceskogo razvitiya [Interpersonal Trust as a Factor of Socio|Economic Development]. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2014. Vol. 5, no. 3, pp. 28–41. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Almakaeva A., Welzel C., Ponarin E. Human empowerment and trust in strangers: The multilevel evidence. *Social Indicators Research*, 2018. Vol. 139, pp. 923–962. DOI:10.1007/s11205-017-1724-z
5. Brandt M.J., Wetherell G., Henry P.J. Changes in income predict change in social trust: A longitudinal analysis. *Political Psychology*, 2015. Vol. 36, no. 6, pp. 761–768. DOI:10.1111/pops.12228
6. Cerqueti R., Ficcadenti V. Anxiety about the pandemic and trust in financial markets. *The Annals of Regional Science*, 2023, pp. 1–52. DOI:10.1007/s00168-023-01243-0
7. Chen Y., Wu J., Ma J., Zhu H., Li W., Gan Y. The mediating effect of media usage on the relationship between anxiety/fear and physician–patient trust during the COVID-19 pandemic. *Psychology & Health*, 2022. Vol. 37(7), pp. 847–866. DOI:10.1080/08870446.2021.1900573
8. Delhey J., Newton K., Welzel C. How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem. *American sociological review*, 2011. Vol. 76, no. 5, pp. 786–807. DOI:10.1177/0003122411420817
9. Faqih K.M. Internet shopping in the Covid-19 era: Investigating the role of perceived risk, anxiety, gender, culture, and trust in the consumers' purchasing behavior from a developing country context. *Technology in Society*, 2022. Vol. 70, pp. 1–15. DOI:10.1016/j.techsoc.2022.101992
10. Fersch B., Schneider-Kamp A., Breidahl K.N. Anxiety and trust in times of health crisis: How parents navigated health risks during the early phases of the COVID-19 pandemic in Denmark. *Health, Risk & Society*, 2022. Vol. 24, no. 1-2, pp. 36–53. DOI:10.1080/13698575.2022.2028743
11. Gualano M.R., Moro G.L., Voglino G., Bert F., Siliquin R. Is the pandemic leading to a crisis of trust? Insights from an Italian nationwide study. *Public Health*, 2022. Vol. 202, pp. 32–34.
12. Khalaf M.A., Shehata A.M. Trust in information sources as a moderator of the impact of COVID-19 anxiety and exposure to information on conspiracy thinking and misinformation beliefs: a multilevel study. *BMC psychology*, 2023. Vol. 11, no. 1. DOI:10.1186/s40359-023-01425-7
13. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997. Vol. 112, no. 4, pp. 1251–1288. DOI:10.1162/003355300555475
14. Kondo J., Li D., Papanikolaou D. Trust, collaboration, and economic growth. *Management Science*, 2021. Vol. 67, no. 3, pp. 1825–1850. DOI:10.1287/mnsc.2019.3545
15. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. 1996. Trust in large organizations. *American Economic Review*, 1996. Vol. 87, no. 2, pp. 333–338.
16. Mikucka M., Sarracino F., Dubrow J.K. When does economic growth improve life satisfaction? Multilevel analysis of the roles of social trust and income inequality in 46 countries, 1981–2012. *World Development*, 2017. Vol. 93, pp. 447–459. DOI:10.1016/j.worlddev.2017.01.002
17. Quintal V., Sung B., Lee S. Is the coast clear? Trust, risk-reducing behaviours and anxiety toward cruise travel in the wake of COVID-19. *Current Issues in Tourism*, 2022. Vol. 25, no. 2, pp. 206–218. DOI:10.1080/13683500.2021.1880377

18. Saygili M., Numanoglu R. Trust in the healthcare system and social coronavirus anxiety; a study in the Turkish society. *Journal of Basic and Clinical Health Sciences*, 2022. Vol. 6, no. 2, pp. 528–538.
19. Spadaro G., Molho C., Van Prooijen J.W., Romano A., Mosso C.O., Van Lange P.A. Corrupt third parties undermine trust and prosocial behaviour between people. *Nature human behavior*, 2023. Vol. 7, no. 1, pp. 46–54. DOI:10.1038/s41562-022-01457-w
20. Yue H., Huang Y., Zhang H., Fang M., Chen G. Insights from China: Understanding the Impact of Community Resilience and Government Trust in Psychological Resilience and Anxiety during COVID-19. *Frontiers in Public Health*. Vol. 11. DOI:10.3389/fpubh.2023.1298269

Информация об авторах

Фабрикант Маргарита Сауловна, кандидат психологических наук, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований массового сознания Экспертного института, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5707-2943>, e-mail: marharyta.fabrykant@gmail.com

Information about the authors

Marharyta S. Fabrykant, PhD in Psychology, PhD in Sociology, Leading Research Fellow, Laboratory for Comparative Studies in Mass Consciousness, Expert Institute, HSE University, Moscow, Russia; Associate Professor, Chair of Social and Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5707-2943>, e-mail: marharyta.fabrykant@gmail.com

Получена 30.09.2023

Received 30.09.2023

Принята в печать 21.11.2023

Accepted 21.11.2023

Моральные основания как факторы социально-экономических ожиданий россиян

Сычев О.А.

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ), г. Бийск, Российской Федерации
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Нестик Т.А.

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российской Федерации
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Цель. Анализ связи социально-экономических ожиданий россиян с моральными основаниями и социально-демографическими характеристиками.

Контекст и актуальность. Теория моральных оснований оказалась весьма плодотворным подходом к анализу психологических факторов политических взглядов и предпочтений, однако вопрос о связи моральных оснований с социально-экономическими ожиданиями в прошлых исследованиях не рассматривался.

Дизайн исследования. Использовался корреляционный дизайн, данные получены в результате опроса репрезентативной выборки российских граждан.

Участники. Выборка включает 1600 жителей 82 регионов России, опрошенных Институтом психологии РАН совместно с ВЦИОМ в феврале 2023 года, 55% мужчин и 45% женщин в возрасте от 18 до 93 лет.

Методы (инструменты). Анкета, опросник моральных оснований и составленный для этого исследования опросник, измеряющий: ожидания социальной поддержки, военных побед и милитаризации общественной жизни, справедливости, экономического роста, а также потребительские ожидания.

Результаты. Установлено, что ожидания военных побед и перевода общественной жизни на «военные рельсы» в значительной мере определяются приверженностью этике сообщества, в то время как ожидания справедливости и экономического роста связаны с этикой автономии. Ожидания социальной поддержки зависят как от этики автономии, так и от этики сообщества. Высокие потребительские ожидания относительно доступности товаров и услуг в сочетании с меньшей выраженностью ожиданий военного характера определяются приверженностью моральному основанию «свобода». Моральные основания опосредуют связь ожиданий с социально-демографическими факторами: возрастом, полом, образованием, доходом, типом населенного пункта. Наиболее ярко это проявляется в том, что позитивный эффект возраста на ожидания военных побед полностью опосредован более выраженной у лиц старшего возраста этикой сообщества.

Основные выводы. Этика сообщества, этика автономии и моральное основание «свобода» не только раскрывают психологические основы предпочтения различных политических идеологий, но и в значительной мере объясняют общественные идеалы граждан, выражющиеся в их конкретных социально-экономических ожиданиях.

Ключевые слова: социально-экономические ожидания; образ будущего страны; социально-демографические факторы; моральные основания; этика автономии; этика сообщества; свобода.

Для цитаты: Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания как факторы социально-экономических ожиданий россиян // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140409>

Moral Foundations as Factors of Socio-Economic Expectations of Russians

Oleg A. Sychev

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Timofei A. Nestik

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Objective. *Analysis of the relationship of socio-economic expectations of Russians with moral foundations and socio-demographic characteristics.*

Background. *Moral foundations theory has proved to be a very fruitful approach to the analysis of psychological factors of political views and preferences, but the problem of the relations between moral foundations and socio-economic expectations has not been considered in past studies.*

Study design. *A correlation design was used, the data were obtained in a survey of a representative sample of Russian citizens.*

Participants. *The sample includes 1600 residents of 82 regions of Russia surveyed by the Institute of Psychology of RAS and VCIOM (Russia Public Opinion Research Center) in February 2023, 55% of men and 45% of women aged 18 to 93 years.*

Measurements. *A demographic questionnaire, moral foundations questionnaire and a questionnaire compiled for this study to measure socio-economic expectations, measuring expectations of: social support, military victories and militarization of public life, justice, economic growth and consumer expectations.*

Results. *It is established that the expectations of military victories and placing the economy and public life on a war-footing are largely determined by the commitment to ethics of community, the ethics of autonomy supports the expectations of justice and economic growth. Expectations of social support depend on both the ethics of autonomy and the ethics of community. Adherence to the “liberty” moral foundation is combined with a decrease in military expectations and an increase in consumer expectations regarding the availability of goods and services. Moral foundations mediate the relationship of expectations with socio-demographic factors: age, gender, education, income, type of settlement. This is most evident in the relatively large positive effect of age on expectations of military victories which is completely mediated by the higher ethics of community among older people.*

Conclusions. *The ethics of community, the ethics of autonomy and the “liberty” moral foundation not only reveal the psychological basis of political and ideological preferences, but also largely explain the social ideals of citizens expressed in their specific socio-economic expectations.*

Keywords: socio-economic expectations; the image of the country's future; socio-demographic factors; moral foundations; ethics of autonomy; ethics of community; liberty.

For citation: Sychev O.A., Nestik T.A. Moral Foundations as Factors of Socio-Economic Expectations of Russians. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140409> (In Russ.).

Введение

Одной из наиболее изученных форм социальных ожиданий является социальный оптимизм, в максимально общей форме отражающий генерализованные позитивные ожидания в отношении социальных изменений и убеждение в способности своей группы к преодолению трудностей [3]. Наряду с такими общими ожиданиями позитивных или негативных социальных изменений интерес представляют более конкретные в своем содержании представления о возможном будущем своего сообщества, которые характеризуют его желательное социально-экономическое состояние — социально-экономические ожидания.

Такие ожидания опираются на личные идеалы и ценности, которые, несмотря на общую культурную основу, по-разному преломляются в индивидуальном сознании. Важное место среди них занимают нравственные ценности, отражающие нормы и идеалы отношений людей друг с другом и обществом в целом. С целью анализа индивидуальных различий в нравственной сфере, способных оказывать влияние на социальные ожидания, имеет смысл обратиться к теории моральных оснований (далее — ТМО), продемонстрировавшей значение моральных ценностей для социально-политических взглядов и предпочтений [6; 12; 20]. Центральное понятие этой теории — моральные основания — используется для обозначения относительно независимых модулей моральной сферы, обеспечивающих критерии моральной оценки. В современной версии этой теории выделяется шесть основных моральных оснований [7]:

1. Забота/вред (включая осуждение физического или эмоционального вреда и поощрение сочувствия, заботы о благополучии других людей, помощи нуждающимся).

2. Равенство/неравенство (одобрение равного или неравного распределения ресурсов и вознаграждений).

3. Пропорциональность/непропорциональность (одобрение распределения ресурсов и вознаграждений с учетом или без учета вклада каждого).

4. Лояльность группе/предательство (осуждение предательства своей группы, ее интересов и поощрение преданности своим близким, стране и народу, патриотизма).

5. Уважение/неуважение (осуждение неуважительного отношения к традициям, признанным авторитетам, власти и поощрение уважения, готовности подчиняться им).

6. Праведность/деградация (осуждение противоестественных, отвратительных поступков и поощрение ориентации на святыни, одобрение праведных, богоугодных поступков, сакрального отношения к телу).

Немного ранее вместо моральных оснований равенства и пропорциональности в теории учитывалось только одно: справедливость [13]. Сейчас список моральных оснований также не рассматривается как завершенный: к числу весьма вероятных кандидатов в моральные основания, по мнению авторов ТМО, относится свобода/притеснение [17].

Результаты проведенных на основе этой теории исследований (см. обзор в [6]) показывают, что различие между людьми с консервативными и либеральными убеждениями заключается в том, насколько важна для них этика сообщества, включающая нормы и ценности, поощряющие преданность своей группе (моральное основание «лояльность»), уважение ее традиций и лидеров (уважение), почитание святынь и стремление к нравственной чистоте (праведность).

Для лиц с либеральными убеждениями этика сообщества значительно менее важна, чем этика автономии, отражающая нормы и ценности, направленные на защиту благополучия и прав личности (моральные основания «забота» и «справедливость»). При этом для консерваторов этика сообщества имеет не меньшее значение, чем этика автономии — их профиль моральных оснований является равномерным, в отличие от диспропорционального профиля либералов. Следовательно, в основе либеральной морали лежит исключительное внимание к защите благополучия и прав личности, в то время как в консервативной морали наряду с этим не меньшее внимание уделяется защите интересов группы. Это проявляется в том, что в ситуациях противоречия интересов личности и группы либералы на основе этики автономии обычно делают выбор в пользу личности, в то время как консерваторы с учетом норм этики сообщества нередко отдают предпочтение групповым интересам. Следует отметить, что субъективная важность этики автономии и сообщества аналогичным образом проявляется в различных культурах, в том числе тех, где ось либерализма-консерватизма не играет существенной роли в политической жизни [6].

Этика сообщества связана с негативным отношением к членам аутгрупп (например, к прибывающим в страну мигрантам [15]), с патриотизмом, национализмом и внешнеполитической установкой на вооруженное соперничество [6; 19]. В ситуации межгосударственного конфликта все это может служить основой для воинственных настроений и стремления решать конфликт преимущественно военным путем. Экстраполяция этих выводов на ситуацию, в которой сейчас находится

ся наше общество, позволяет предположить, что этика сообщества будет поддерживать ожидания усиления военных действий вплоть до успешного военного решения конфликта. Разумно ожидать, что именно этика сообщества, выдвигающая на первый план отстаивание интересов своей группы в противостоянии с другими за счет поддержания порядка и сплочения, будет выступать основой для ожиданий дальнейшего усиления военных действий и перевода общественной и экономической жизни на «военные рельсы» (милитаризации).

Основанная на эмпатии [25] этика автономии ожидаемо связана с озабоченностью социальными проблемами бедности, неравенства, несправедливости [6; 22], что является базой для стремления к переустройству общества более справедливым образом, с большей заботой о слабых и неимущих. Во внешнеполитической сфере этика автономии показывает связь с установкой на мирное международное сотрудничество [6; 19]. В текущей ситуации это может проявляться в связи этики автономии с ожиданиями более справедливого общественного устройства, роста социальной поддержки со стороны государства. Характерный для этики автономии приоритет ценностей жизни, благополучия людей и связанный с ней установки на мирное международное сотрудничество может проявляться в ожиданиях прекращения специальной военной операции (далее — СВО) и мирного урегулирования конфликта.

Разнообразие профилей моральных оснований, вероятно, определяется не только преобладанием этики автономии или этики сообщества. В некоторых исследованиях рассматривается еще одно возможное моральное основание

— свобода, которое может составлять нравственную основу либертарианской идеологии, придающей центральное значение свободе от вмешательства других людей и осуждающей любое принуждение и насилие [17]. Для лиц с либертарианскими взглядами все моральные основания не более, а зачастую менее важны, чем для либералов и консерваторов, однако они намного выше ценят свободу в экономической сфере и возможность свободного выбора образа жизни. К числу особенностей, отличающих таких людей от тех, кто придерживается других идеологических взглядов и моральных ценностей, относится их высокая ориентация на гедонистические ценности [17]. Проявления этого морального основания в текущей ситуации могут найти свое выражение в ожиданиях роста возможностей потребления различных товаров и услуг в соответствии с гедонистической ориентацией таких людей. Кроме того, свойственные им принципиальное отвержение принуждения и насилия, стремление к личной свободе, противоречащее необходимости подчинения общим интересам в ситуации мобилизации общества, могут выражаться в ожиданиях прекращения СВО, мирного урегулирования и отсутствии военных ожиданий.

Теория моральных оснований использовалась ранее в исследовании представлений о прошлом страны и общества, в частности, о том, какие события являются поводом для переживания чувств стыда или гордости за страну [5]. В зависимости от моральных оснований ранее рассматривался социальный оптимизм (как обобщенные позитивные ожидания в отношении будущего страны) и его динамика в кризисной ситуации (на примере СВО) [3]. Было установлено, что устойчивость со-

циального оптимизма поддерживается одновременно как этикой автономии, так и этикой сообщества, в то время как слабость моральных оснований сочетается с тенденцией к снижению социального оптимизма в трудных ситуациях [3]. Хотя это исследование показало, что моральные основания разного типа помогают сохранять позитивные социальные ожидания (оптимизм), его результаты не дают сведений о том, существуют ли различия в конкретном содержании социальных ожиданий у лиц с различным профилем моральных оснований. Остается открытым вопрос о том, каких именно позитивных социальных событий в будущем ожидают люди с разными моральными основаниями, как образ будущего страны соотносится с их моральными ценностями и нормами. В этой связи проблемой данного исследования стал вопрос о моральных основаниях конкретных представлений, отражающих образ желаемого будущего страны в текущих условиях.

С учетом неоднократно наблюдавшихся ранее связей социальных уставновок и моральных оснований с полом, возрастом и другими характеристиками респондентов (например, [10; 11; 21]) анализ связи между этими явлениями необходимо осуществлять при контроле социально-демографических характеристик (СДХ). Из прошлых исследований известно, что для женщин несколько важнее моральные основания этики автономии: «забота» [13; 21; 27; 28], «равенство» [7], а также моральное основание «праведность» [7; 27], в то время как мужчины выше ценят моральные основания «пропорциональность», «loyalność», «уважение» [7; 13; 16], хотя подобные различия плохо воспроизводятся и показывают довольно слабую величину. Некоторые исследования

также указывают на то, что возраст прямо связан с моральными основаниями, в первую очередь, с этикой сообщества [11; 16], однако результаты недавнего метаанализа приводят к выводу о том, что подобный эффект является очень слабым [9]. Немногочисленные данные о связи образования с моральными основаниями указывают на то, что более образованные в меньшей мере придерживаются моральных оснований этики сообщества [10; 16; 28] и больше поддерживают моральное основание «свобода» [27; 28]. Данные о значении для моральных оснований экономического статуса или дохода, а также проживания в сельской местности или городах разного размера также немногочисленны, при этом обратная связь с этикой сообщества была обнаружена как для размера населенного пункта [27; 28], так и для уровня дохода семьи [27].

Ранее были продемонстрированы связи СДХ с идеологическими предпочтениями и убеждениями, имеющими значение для социально-экономических ожиданий. К примеру, показана связь возраста с идеально-политическими предпочтениями: россияне старше 45 лет в большинстве случаев отдают предпочтение традиционалистским взглядам, в то время как молодежь до 35 лет демонстрирует большую склонность к либеральным [4]. В хорватском исследовании было показано, что пол, возраст, образование и доход являются статистически значимыми коррелятами отношения к текущим экономическим проблемам и роли государства в экономической жизни [10]. Из прошлых зарубежных исследований известно, что пол и возраст сказываются на отношении к военным действиям [2], так что их важно контролировать в нашем исследовании, учитывая ожидания, связанные с СДХ.

Социальные ожидания, связанные с СДХ. При этом непосредственные (в отличие от опосредованных через моральные основания) эффекты СДХ на социально-экономические ожидания сложно прогнозировать ввиду слабой изученности последних.

Таким образом, можно предполагать, что моральные основания являются важным фактором социально-экономических ожиданий россиян. Вероятно, что СДХ россиян (возраст, пол, образование, доход, тип/размер населенного пункта) связаны с ожиданиями как опосредованно через моральные основания, так и непосредственно, что свидетельствует о необходимости их учета. Вместе с тем, несмотря на важность моральных оснований и СДХ для социально-экономических ожиданий, логично предположить, что некоторые ожидания, отражающие безусловные, полезные для всех без исключения блага, могут иметь всеобщий характер.

На основе этих предположений были выдвинуты следующие эмпирические гипотезы:

1. Моральные основания связаны с социально-экономическими ожиданиями россиян.

1а. Этика сообщества поддерживает ожидания военных побед и милитаризации общественной жизни.

1б. Этика автономии поддерживает ожидания социальной поддержки населения и справедливости, ослабляя ожидания военных побед и милитаризации.

1в. Моральное основание «свобода» поддерживает потребительские ожидания и ослабляет ожидания милитаризации и военных побед.

2. Социально-демографические особенности респондентов связаны с моральными основаниями, через которые они оказывают влияние на социально-экономические ожидания.

2а. Возраст прямо связан с этикой сообщества и опосредованно через нее — с ожиданиями военных побед.

2б. Образование, уровень дохода и тип (размер) населенного пункта обратно связаны с этикой сообщества и опосредованно через нее — с ожиданиями военных побед.

2в. Пол связан с этикой автономии и опосредованно через нее — с соответствующими ей ожиданиями социальной поддержки и справедливости.

3. Существуют всеобщие социально-экономические ожидания, относительно независимые от моральных оснований и СДХ, примером которых являются ожидания социально-экономического развития страны.

Метод

Выборку составили 1600 жителей 82 регионов России, принявших участие в онлайн-опросе, проведенном ИП РАН совместно с ВЦИОМ в феврале 2023 года. Из них 828 (55%) мужчин и 772 (45%) женщин, возраст опрошенных находился в пределах от 18 до 93 лет (среднее значение $M = 46,32$; стандартное отклонение $SD = 15,05$).

Методики. Для оценки моральных оснований использовался сокращенный русскоязычный вариант пересмотренного опросника моральных оснований (MFQ-2) [5; 7]. Данная версия была составлена авторами на основе полного русскоязычного варианта [5] путем отбора пунктов, показывающих наибольшую согласованность друг с другом внутри шкал. В результате в сокращенную версию вошло 21 утверждение, согласие с каждым из которых необходимо оценить по пятибалльной шкале. Они образуют три шкалы этики автономии (забота, равенство, пропорциональность), три шкалы этики сообщества (лояльность,

уважение, праведность) и дополнительную шкалу морального основания «свобода». Результаты конфирматорного факторного анализа модели с семью коррелирующими между собой факторами указывают на ее отличное соответствие данным: $\chi^2 = 587,79$; $df = 168$; $p < 0,001$; $CFI = 0,966$; $TLI = 0,958$; $SRMR = 0,036$; $RMSEA = 0,040$; 90%-ный доверительный интервал (ДИ) для RMSEA: 0,036–0,043; $PCLOSE = 1$. Несколько меньший, но также приемлемый уровень соответствия данным показывает двухуровневая модель, в которой шкалы заботы, равенства и пропорциональности объединяются в фактор этики автономии, а факторы лояльности, уважения и праведности — в фактор этики сообщества, при этом оба фактора второго уровня свободно коррелируют с фактором морального основания «свобода». Показатели соответствия такой модели составили: $\chi^2 = 793,06$; $df = 180$; $p < 0,001$; $CFI = 0,950$; $TLI = 0,942$; $SRMR = 0,054$; $RMSEA = 0,046$; 90%-ный ДИ для RMSEA: 0,043–0,049; $PCLOSE = 0,971$; $N = 1597$. Внутренняя согласованность (α Кронбаха) шкал моральных оснований лежит в пределах 0,70–0,90 за исключением шкалы свободы, для которой значение коэффициента составило 0,61.

С целью оценки социально-экономических ожиданий был составлен опросник из 19 утверждений, отражающих некоторые типичные социальные и экономические ожидания как представления о желательном будущем социально-экономического состояния страны. При подготовке утверждений для опросника авторы предполагали, что социально-экономические ожидания, характеризующие разные варианты коллективного образа будущего страны, могут охватывать усиление милитаризации страны и связанную с ней надежду на военную по-

беду в ходе СВО, форсированное социально-экономическое развитие страны, укрепление социальной справедливости, включая борьбу с коррупцией, усиление социальной поддержки населения и рост потребительских возможностей (доступности услуг и товаров). Текст утверждений приведен в табл. 1. В первой части опросника испытуемых просили оценить по 11-балльной шкале (от 0 – признаком улучшения ситуации для меня «точно не является» до 10 – «точно является») 12 вариантов ответов на вопрос: «В какой степени указанные ниже возможные в 2023 году события будут для Вас признаком улучшения ситуации в стране?». Ответы на такой вопрос демонстрируют, является ли указанное в утверждении *будущее событие желательным* или нет, что позволяет оценить степень приверженности каждому из перечисленных в опроснике ожиданий. Чтобы акцентировать внимание респондента на экономическом характере возможных будущих событий, во второй части требовалось аналогичным образом оценить 7 вариантов ответов на вопрос: «В какой степени указанные ниже возможные в 2023 году события будут для Вас признаком улучшения *экономической* ситуации в стране?». Результаты анализа структуры и внутренней согласованности шкал этого опросника рассмотрены в следующем разделе.

На основе ответов на соответствующие вопросы анкеты оценивались следующие СДХ: пол (1 – мужской, 2 – женский); возраст (полных лет); образование (порядковая шкала от 1 – образование начальное или ниже до 6 – два и более высших образования, ученая степень); доход (порядковая шкала в соответствии с выбранным вариантом ответа от 1 – мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты до 6 – мы можем позволить себе практически все; ма-

шину, квартиру, дачу и многое другое); тип населенного пункта (использовалась порядковая шкала по возрастанию численности населения: от 1 – село до 7 – город с численностью жителей миллион и более человек).

Анализ данных. В ходе статистического анализа результатов с помощью программ SPSS 27, RStudio 2023.03.0 и Mplus 8.7 были проведены эксплораторный факторный анализ (ЭФА) и моделирование структурными уравнениями, вычислены показатели внутренней согласованности шкал, описательные статистики и корреляции. С учетом большого количества проведенных статистических тестов и значительного объема выборки, чтобы выделить наиболее существенные эффекты и сгладить негативные последствия множественных сравнений, в качестве статистически значимых рассматривались эффекты, значимые при $p \leq 0,001$.

Так как для решения задач данного исследования потребовалась оценка широкого круга социально-экономических ожиданий, которые не рассматривались подробно в прошлых исследованиях, для их измерения был составлен набор отражающих предполагаемые ожидания утверждений. Чтобы выяснить эмпирическую структуру взаимосвязанных ожиданий, был проведен ЭФА с использованием метода «Минимальных остатков» и облического вращения факторов «Облимин». В качестве границы величины факторных нагрузок, позволяющей говорить о вхождении переменной в фактор, использовалось значение 0,4 с учетом того, что значения в пределах 0,3–0,4 рассматриваются как представляющие практический интерес [8; 26] и нередко используются в качестве границ при решении подобных задач. Выявленные в ходе ЭФА факторы социально-экономических ожиданий далее использовались в качестве зависимых переменных.

В ходе последующего анализа для проверки гипотез о связи ожиданий с моральными основаниями и СДХ использовался метод структурного моделирования, преимущества которого в данной ситуации связаны с возможностью проверить предположения об опосредованных зависимостях, одновременно учитывая сложные взаимосвязи между независимыми переменными (что не позволяет сделать медиационный анализ). Это полезно ввиду того, что моральные основания показывают существенные корреляции друг с другом, что осложняет оценку их собственных эффектов. Также по причине сложности связей между моральными основаниями в модели использовались агрегированные переменные этики сообщества и этики автономии, что позволило сосредоточиться на наиболее общих и существенных последствиях морали, оставляя за пределами данного исследования сложные вопросы моделирования ее внутренней структуры.

В процессе структурного моделирования использовался метод максимального правдоподобия с робастной оценкой стандартных ошибок (MLR). В качестве ориентиров для оценки соответствия модели данным использовались следу-

ющие рекомендации [23]: значение стандартизованного среднеквадратического остатка (SRMR) должно быть менее 0,08; значение среднеквадратической ошибки аппроксимации (RMSEA) и границы ее доверительного интервала не должны превышать 0,08 (предпочтительно не выше 0,05); величина сравнительного индекса согласия (CFI) и индекса согласия Такера-Льюиса (TLI) должна быть не менее 0,95. Для оценки статистической значимости опосредованных эффектов в модели использовался бутстреп-анализ (5000 выборок).

Результаты

Для анализа структуры социально-экономических ожиданий был проведен ЭФА. Пригодность данных для применения этой процедуры подтверждается значениями критерия Бартлетта ($\chi^2(171) = 10286,61, p \leq 0,001$) и Кайзера-Майера-Олкина (КМО = 0,87). На основе результатов параллельного анализа было выделено пять факторов, в общей сложности объясняющих 49% дисперсии (табл. 1). Коэффициенты корреляции между выделенными факторами лежат в пределах от -0,20 до 0,51.

Таблица 1
Результаты эксплораторного факторного анализа опросника социальных и экономических ожиданий россиян

Утверждения опросника	Нагрузки по выделенным факторам				
	1	2	3	4	5
Социальные ожидания					
1. Увольнение деятелей культуры, журналистов и ученых, не согласных с политикой государства	0,83	-0,04	0,03	-0,03	0,02
2. Военные победы России	0,79	0,07	-0,10	0,06	-0,04
3. Избрание ветеранов специальной военной операции в органы законодательной и исполнительной власти	0,79	0,03	0,06	-0,07	0,04
4. Резкое усиление государственного регулирования экономики	0,58	-0,02	0,13	0,23	-0,14

Утверждения опросника	Нагрузки по выделенным факторам				
	1	2	3	4	5
5. Увеличение бюджета на научно-технологическое развитие страны	0,08	0,73	0,01	-0,05	-0,02
6. Увеличение бюджета на развитие инфраструктуры (строительство и ремонт дорог, газопроводов, электросетей и т.п.)	0,06	0,58	-0,04	0,14	0,07
7. Мощное развитие малого и среднего бизнеса	-0,02	0,43	0,07	-0,08	0,24
8. Резкое увеличение бюджета на здравоохранение и образование	-0,09	0,59	0,14	0,12	-0,01
9. Знаковые кадровые перестановки в высших органах власти	0,08	-0,08	0,57	-0,04	0,12
10. Примеры эффективной борьбы с коррупцией в высших органах власти	0,04	0,13	0,54	0,06	0,02
11. Увеличение налога на богатых (введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц)	0,20	0,00	0,41	0,15	-0,07
12. Введение мер, направленных на обеспечение равенства всех перед законом	-0,10	0,28	0,50	0,03	-0,06
Экономические ожидания					
13. Заметное снижение цен на товары первой необходимости	0,01	0,01	0,02	0,79	-0,01
14. Снижение стоимости услуг ЖКХ	-0,02	-0,01	-0,03	0,78	0,00
15. Снижение стоимости топлива	0,04	0,02	-0,01	0,69	0,06
16. Повышение размера пенсий	0,02	0,10	0,09	0,57	0,07
17. Устранение дефицита импортных товаров и запчастей в России	-0,04	0,05	0,04	0,23	0,40
18. Восстановление туристического бизнеса, доступность поездок за рубеж	-0,13	-0,03	0,05	0,07	0,72
19. Открытие новых кафе и ресторанов	0,15	0,07	-0,05	-0,04	0,67
Собственные значения	2,48	1,78	1,34	2,42	1,33
Доля объясняемой дисперсии	0,13	0,09	0,07	0,13	0,07

Примечание. Полужирным шрифтом выделены факторные нагрузки, равные или превышающие по модулю 0,4.

Первый фактор, включающий утверждения, отражающие ожидание военных побед с возрастанием роли ветеранов СВО в обществе, усиление государственного регулирования экономики и ужесточение позиций в отношении несогласных, был обозначен как «Милитаризация и военные победы» (показатель внутрен-

ней согласованности α Кронбаха составил 0,86). Второй фактор, объединяющий ожидание увеличения бюджета на научно-технологическое развитие, совершенствование инфраструктуры, здравоохранение и образование, а также развитие малого и среднего бизнеса, может быть интерпретирован как «Экономиче-

ское развитие» (α Кронбаха = 0,73). Третий фактор, который можно обозначить как «Справедливость», охватывает ожидание кадровых перестановок во власти, борьбу с коррупцией, увеличение налога на богатых и обеспечение равенства всех граждан перед законом (α Кронбаха = 0,66). Четвертый фактор — «Социальная поддержка» — включает ожидание снижения цен на товары первой необходимости, топливо, услуги ЖКХ, повышение размера пенсий (α Кронбаха = 0,82). Последний фактор отражает ожидания роста доступности различных товаров и услуг, поэтому он получил название «Потребительские ожидания» (α Кронбаха = 0,65).

Для анализа взаимных связей между всеми измеренными показателями был проведен корреляционный анализ (табл. 2), результаты которого показывают наличие множества ожидаемых связей между переменными. Далее была составлена структурная модель, где в качестве зависимых переменных выступали пять факторов социально-экономических ожиданий, свободно коррелирующих между собой. Среди вероятных предикторов ожиданий рассматривались все пять социально-демографических показателей, а также три моральных показателя: этика автономии (образованный путем усреднения из шкал заботы, равенства и пропорциональности), этика сообщества (из шкал лояльности, уважения и праведности) и моральное основание «свобода». В модель были включены все возможные зависимости ожиданий от моральных оснований и СДХ, а также все возможные зависимости моральных оснований от СДХ. Между показателями моральных оснований допускались все возможные ковариации, как и между всеми СДХ.

Оценка модели (см. рисунок) показала ее хорошее соответствие данным: $\chi^2 = 120$;

$df = 254$; $p < 0,001$; $CFI = 0,916$; $TLI = 0,887$; $SRMR = 0,050$; $RMSEA = 0,046$; 90%-ный ДИ для $RMSEA$: 0,043–0,049; $PCLOSE = 0,989$. При интерпретации этих значений следует учитывать, что если $RMSEA$ базовой модели, равная для этой модели 0,138, не превышает 0,158, то величина инкрементных индексов согласия (CFI и TLI) неинформативна для оценки соответствия модели данным [18], так что их не следует учитывать. Величина других индексов согласия ($SRMR$ и $RMSEA$) в нашем случае позволяет сделать вывод об отличном соответствии модели данным.

Представленная на рисунке модель подтверждает предположение о зависимости социально-экономических ожиданий от моральных оснований и СДХ. Рассматривая роль моральных оснований, можно констатировать, что ожидания социальной поддержки прямо связаны как с этикой автономии, так и с этикой сообщества. Ожидания военных побед и милитаризации показывают тесную прямую связь с этикой сообщества, в то время как их связь с моральным основанием «свобода» является обратной. Ожидания справедливости и экономического развития страны прямо связаны с этикой автономии, в то время как потребительские ожидания показывают прямую связь с моральным основанием «свобода» и обратную — с этикой сообщества.

СДХ показывают как непосредственные эффекты, представленные на рисунке, так и опосредованные через моральные основания (табл. 3). Так, ожидания социальной поддержки непосредственно связаны с полом (будучи более свойственными для женщин) и обратно связаны с доходом. При этом статистически значимыми также являются опосредованные через моральные основания обратные эффекты образования, дохода, типа населенного пункта и прямой эффект возраста.

Таблица 2

Описательная статистика и коэффициенты корреляции Пирсона показателей социально-экономических ожиданий, моральных оснований и социально-демографических характеристик респондентов

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
<i>Социально-экономические ожидания</i>																		
1. Милитаризация и военные победы	—																	
2. Экономическое развитие	0,21*	—																
3. Справедливость	0,32*	0,47*	—															
4. Социальная поддержка	0,30*	0,40*	0,40*	—														
5. Потребительские ожидания	-0,11*	0,32*	0,16*	0,23*	—													
<i>Моральные ожидания</i>																		
6. Забота	0,18*	0,19*	0,18*	0,20*	0,11*	—												
7. Равенство	0,26*	-0,02	0,21*	0,27*	-0,03	0,24*	—											
8. Пропорциональность	0,25*	0,17*	0,25*	0,21*	0,04	0,29*	0,20*	—										
9. Доверие	0,76*	0,11*	0,14*	0,22*	-0,15*	0,24*	0,18*	0,27*	—									
10. Уважение	0,67*	0,12*	0,18*	0,29*	-0,13*	0,29*	0,29*	0,33*	0,29*	—								
11. Праведность	0,50*	0,13*	0,19*	0,29*	-0,05	0,38*	0,33*	0,29*	0,53*	0,64*	—							
12. Свобода	-0,42*	0,05	0,01	-0,02	0,23*	0,13*	-0,01	0,09	-0,38*	-0,27*	-0,13*	—						
13. Этика автономии	0,33*	0,14*	0,30*	0,33*	0,05	0,70*	0,78*	0,62*	0,31*	0,43*	0,47*	0,09*	—					
14. Этика сообщества	0,74*	0,13*	0,19*	0,30*	-0,13*	0,35*	0,31*	0,34*	0,88*	0,98*	0,91*	0,83*	-0,30*	0,46*	—			
<i>Социально-демографические характеристики</i>																		
15. Возраст	0,29*	0,05	0,11*	0,08	-0,06	0,10*	-0,10*	0,14*	0,40*	0,29*	0,25*	-0,08	0,04	0,37*	—			
16. Уровень дохода	-0,03	0,02	-0,07	-0,19*	0,07	-0,03	-0,26*	-0,05	-0,01	-0,07	-0,13*	0,01	-0,19*	-0,08	-0,01	—		
17. Уровень образованности	-0,12*	-0,03	-0,05	-0,10*	0,01	-0,06	-0,14*	-0,01	-0,08	-0,11*	-0,14*	0,02	-0,11*	-0,12*	0,05	0,17*	—	
18. Тип населенного пункта	-0,20*	0,03	0,01	-0,09*	0,10*	-0,09*	-0,16*	-0,09*	-0,23*	-0,24*	-0,22*	0,09*	-0,17*	-0,26*	-0,13*	0,12*	0,14*	—
19. Пол (1 – М, 2 – Ж)	0,07	0,06	-0,04	0,14*	0,04	0,04	0,06	-0,05	0,04	0,04	0,03	-0,06	0,04	0,04	-0,02	-0,14*	0,07	-0,02
Среднее значение	5,56	8,34	8,04	8,65	6,32	3,81	2,71	4,38	3,99	3,85	3,34	3,95	3,63	3,73	46,32	3,17	4,72	4,50
Стандартное отклонение	3,17	1,66	1,85	1,78	2,41	0,78	1,03	0,63	1,16	0,93	1,10	0,70	0,58	0,93	15,05	0,93	0,84	2,17

*Примечание.** — $p < 0,001$, номера столбцов соответствуют номерам переменных в строках.

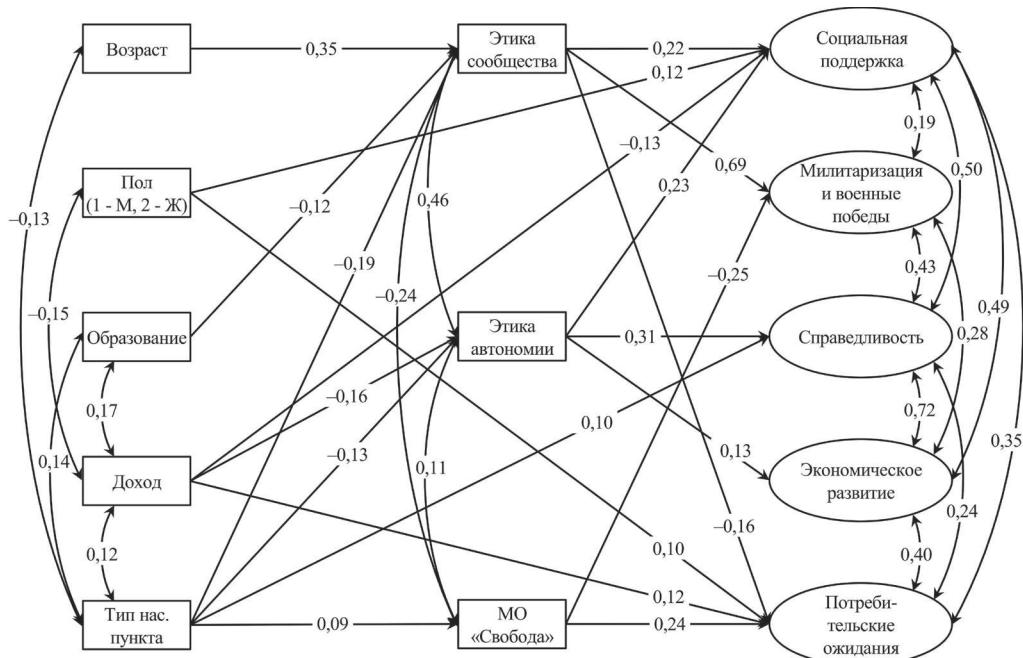

Рис. Структурная модель связей социально-демографических характеристик, моральных оснований и социально-экономических ожиданий россиян (для упрощения рисунка индикаторы факторов, остатки и статистически незначимые пути опущены, все приведенные путевые коэффициенты статистически значимы при $p < 0,001$, МО — моральное основание)

Непосредственных эффектов СДХ на ожидания милитаризации и побед не обнаружилось, но статистически значимы оказались опосредованные через этику сообщества прямой эффект возраста и обратные эффекты образования и типа населенного пункта (последний опосредован также и моральным основанием «свобода»). Ожидания справедливости показали непосредственную прямую связь с типом населенного пункта, однако она компенсируется обратной опосредованной через этику автономии связью этих переменных — этот факт соответствует отсутствию связи между ними на уровне парных корреляций (табл. 2). Статистически значимым является опосредованный через этику автономии

обратный эффект дохода на ожидания справедливости. Ожидания экономического развития страны не показали статистически значимых связей с СДХ, что означает их равную представленность во всех демографических группах.

Непосредственные связи потребительских ожиданий с характеристиками респондентов указывают, что они несколько более свойственны женщинам и лицам с высокими доходами. При этом статистически значимыми являются также опосредованные через этику сообщества прямой эффект типа населенного пункта и обратный — возраста. Следовательно, потребительские ожидания несколько выше в больших городах и несколько ниже у лиц старшего возраста.

Таблица 3

Опосредованные эффекты социально-демографических характеристик на социально-экономические ожидания

Зависимая переменная	Медиатор	Предиктор	Коэффициент	Станд. ошибка	Уровень значимости
Ожидание социальной поддержки	Этика сообщества	Возраст	0,078	0,014	< 0,001
Ожидание социальной поддержки	Этика сообщества	Образование	-0,026	0,007	< 0,001
Ожидание социальной поддержки	Этика автономии	Доход	-0,036	0,007	< 0,001
Ожидание социальной поддержки	Все (сумма)	ТНП	-0,074	0,011	< 0,001
Ожидание социальной поддержки	Этика сообщества	ТНП	-0,044	0,009	< 0,001
Ожидание социальной поддержки	Этика автономии	ТНП	-0,030	0,007	< 0,001
Милитаризация и военные победы	Этика сообщества	Возраст	0,239	0,017	< 0,001
Милитаризация и военные победы	Этика сообщества	Образование	-0,079	0,016	< 0,001
Милитаризация и военные победы	Все (сумма)	ТНП	-0,156	0,018	< 0,001
Милитаризация и военные победы	Этика сообщества	ТНП	-0,134	0,016	< 0,001
Милитаризация и военные победы	МО «свобода»	ТНП	-0,022	0,007	< 0,001
Справедливость	Этика автономии	ТНП	-0,042	0,010	< 0,001
Справедливость	Этика автономии	Доход	-0,049	0,010	< 0,001
Экономическое развитие	Этика автономии	ТНП	-0,017	0,006	0,006
Экономическое развитие	Этика автономии	Доход	-0,020	0,007	0,003
Потребительские ожидания	Этика сообщества	Возраст	-0,057	0,014	< 0,001
Потребительские ожидания	Этика сообщества	Образование	0,019	0,006	0,002
Потребительские ожидания	Все (сумма)	ТНП	0,054	0,011	< 0,001
Потребительские ожидания	Этика сообщества	ТНП	0,032	0,009	< 0,001
Потребительские ожидания	МО «свобода»	ТНП	0,022	0,007	0,003

Примечания: МО – моральное основание, ТНП – тип населенного пункта.

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтверждают гипотезу о важной роли моральных оснований в социально-экономических ожиданиях россиян. Моральные основания также опосредуют влияние СДХ на ожидания.

Гипотеза 1а полностью подтвердилась: этика сообщества поддерживает ожидания милитаризации общества и

военных побед, что хорошо соответствует не только основанным на ТМО гипотезам, но и результатам прошлых исследований моральных оснований внешнеполитических установок россиян [6]. Вместе с тем обнаружились и другие эффекты этики сообщества на ожидания, которые было сложно предположить на основе прошлых данных. В частности, этика сообщества также поддерживает

ет ожидания социальной поддержки и обратно связана с потребительскими ожиданиями. Объяснить связь с ожиданиями социальной поддержки помогает полностью опосредованный через этику сообщества эффект возраста на подобные ожидания. Следовательно, такая связь объясняется тем, что этика сообщества более выражена у старших и пожилых людей, многие из которых зависимы от социальной поддержки (в форме пособий, пенсий и пр.). Меньшая склонность к потребительским ожиданиям у лиц с выраженной этикой сообщества также объясняется подобным опосредованным эффектом: высокие потребительские ожидания более свойственны молодежи, выросшей в период относительного экономического благополучия и изобилия.

Гипотеза 1б подтвердилась частично: этика автономии, более выраженная у жителей малых населенных пунктов и лиц с невысокими доходами, поддерживает ожидания справедливости и социальной поддержки (наряду с этикой сообщества). Этот вывод хорошо согласуется с прошлыми данными о связи этики автономии с озабоченностью вопросами бедности и социальной справедливости [6; 22]. В то же время не подтвердился негативный эффект этики сообщества на ожидания военных побед и милитаризации. При этом в полном соответствии с гипотезой 1в ожидания прекращения СВО и мирного урегулирования конфликта (отражающиеся в низкой поддержке ожиданий милитаризации и военных побед) поддерживаются моральным основанием «свобода».

Заслуживает особого внимания тот факт, что этика автономии не оказывает влияния на военные ожидания, как можно было бы предполагать с учетом полученных ранее данных о ее связи с установкой на мирное международное сотрудничество [19]. Этика автономии,

связанная с заботой о благополучии людей и справедливом отношении к каждому, не распространяется нашими респондентами на связанный с СВО ущерб здоровью и благополучию многих затронутых этим событием лиц, по-видимому, в силу ряда причин. Может иметь значение тот факт, что ущерб благополучию соотечественников (участников СВО, лиц, проживающих в прифронтовых территориях, и т.п.) представляется нашим респондентам как не очень существенный, временный либо оправданный некоторыми высшими целями, достижение которых компенсирует страдания. При этом довольно выраженная прямая связь между этикой сообщества и этикой автономии означает, что многие опрошенные, поддерживающие одновременно и те, и другие ценности, могут не распространять нравственные нормы заботы на мирных жителей страны-противника (то есть прибегать к моральной эксклюзии [14; 24] с использованием механизмов отчуждения моральной ответственности [1]). Вероятно также, что для части опрошенных связанные с СВО события являются слишком далекими, не затрагивающими их непосредственный круг интересов, что в некоторой мере способствует выводу этих событий за пределы моральной сферы, их переносу из эмоционально-нравственной в абстрактную внешнеполитическую плоскость. Наконец, возможно, что большинство опрошенных считают военное решение конфликта единственным и самым верным путем к восстановлению мирной и благополучной жизни во всех затронутых этим конфликтом странах и регионах.

Гипотеза 1в подтвердилась полностью: моральное основание «свобода» не только снижает склонность к ожиданиям милитаризации и военных побед, но и поддерживает при этом потребительские ожидания.

Тот факт, что моральное основание «свобода» показало прямую связь с потребительскими ожиданиями, хорошо согласуется с данными о наибольшей выраженности гедонистических ценностей у либертарианцев в сравнении с теми, кто придерживается иных политических идеологий и моральных ценностей [17]. При этом данное моральное основание оказалось единственным обратным фактором ожиданий милитаризации и военных побед. Этот факт, с одной стороны, может отражать общее не-приятие насилия и военной дисциплины у тех, кто высоко ценит личную свободу. С другой стороны, такие люди могут чувствовать большую свободу в выражении противоречащей официальной и непопулярной антивоенной позиции.

Гипотеза 2а также полностью подтвердилась: более выраженной этикой сообщества у лиц старшего возраста объясняется их склонность к ожиданиям милитаризации и военных побед. Эффект возраста на этику сообщества в нашей выборке оказался довольно ощутимым (парная корреляция между ними составила 0,37) в отличие от результатов метаанализа [9], где подобный эффект оценивался как очень слабый. Это может означать, что существуют специфические для нашей страны различия между поколениями в одобрении этики сообщества, которые в меньшей мере характерны для других стран. Таким образом, люди старшего возраста в нашей стране отличаются существенно большим одобрением этики сообщества, что выражается у них в ожиданиях военного решения конфликта на Украине.

Гипотеза 2б подтвердила частично: уровень образования и размер населенного пункта демонстрируют обратный эффект на ожидания милитаризации и военных побед. Иными словами, для более образованных людей и жителей крупных городов этика сообщества имеет меньшее

значение, что, в свою очередь, выражается в меньшей склонности к ожиданиям военных побед и милитаризации. Однако подобного ожидавшегося эффекта в отношении дохода не обнаружилось.

Гипотеза 2в не подтвердилась: вопреки ожиданиям и результатам прошлых исследований [13; 21; 27; 28] пол не показал связи ни с одним из моральных оснований. Соответственно, отсутствуют предполагавшиеся опосредованные эффекты пола на ожидания, хотя при этом обнаружились непосредственные слабые эффекты, указывающие на большую выраженность ожиданий социальной поддержки и потребительских ожиданий у женщин. Ранее был показан эффект пола на экономические установки [10]. Однако с учетом малочисленности подобных данных и небольшой величины эффектов в нашем исследовании можно сказать, что выводы о связи пола с такими ожиданиями являются предварительными и нуждаются в проверке в ходе дальнейших исследований.

Гипотеза 3 подтвердила частично: ожидания экономического развития страны показали довольно слабую связь с этикой автономии при отсутствии связей с другими моральными показателями и СДХ. Ожидания экономического развития, занимая второе место по выраженности (после ожиданий социальной поддержки), могут рассматриваться как всеобщие, поскольку их выраженность не показывает связи с СДХ и лишь очень слабо зависит от моральных оснований.

Наряду с рассмотренными выше связями результаты структурного моделирования продемонстрировали также ряд других довольно слабых по величине эффектов, однако их интерпретация представляет небольшой интерес ввиду низкой величины и, следовательно, малого практического значения, а также в связи с трудностями теоретического обоснова-

ния. Углубленный анализ и уточнение подобных эффектов могут составлять одну из перспектив данного исследования.

Таким образом, большинство эмпирических гипотез частично или полностью подтвердились, позволяя сделать вывод о том, что различные социально-экономические ожидания россиян действительно связаны с моральными основаниями и социально-демографическими характеристиками. При этом существуют также всеобщие социально-экономические ожидания, относительно независимые от моральных оснований и СДХ, примером которых являются ожидания социально-экономического развития страны.

Полученные результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение. В теоретическом плане представляется существенным продемонстрированный в работе вклад моральных оснований в конкретные представления о желательном направлении развития российского общества, что дополняет полученные ранее данные об их связи с идеологическими предпочтениями [6; 12; 17; 20; 21]. Интерес представляют также новые результаты, раскрывающие роль морального основания «свобода», ранее почти не рассматривавшегося в российских исследованиях. Эти результаты показывают, что дополнение списка моральных оснований позволяет получить более глубокие и детальные представления относительно психологических факторов социально-политических взглядов и ожиданий россиян.

В практическом плане представляется интерес обнаруженная сильная зависимость милитаристских ожиданий от этики сообщества. Можно полагать, что культивирование этики сообщества через СМИ способствует укреплению подобных ожиданий. Вместе с тем возможное недостаточное удовлетворение таких ожиданий может привести к разо-

чарованию общества в проводимом политическом курсе. Последствия такого разочарования сложно спрогнозировать с уверенностью, однако исторический опыт свидетельствует о вероятном обращении политически активной части населения к хорошо соответствующим этике сообщества авторитарным идеологиям и радикальным политическим взглядам. Важным с практической точки зрения также представляется вывод о высокой выраженности и всеобщем характере ожиданий форсированного экономического развития страны, отражающих, таким образом, наиболее актуальные запросы общества.

Ограничения исследования связаны, в первую очередь, с конкретным содержанием социально-экономических ожиданий, вызванных текущей ситуацией в российском обществе. Это, безусловно, в некоторой мере ограничивает возможности переноса наших выводов на общества, находящиеся в иных социальных и политических условиях. Тем не менее обнаруженные тенденции представляются вполне объяснимыми и хорошо соответствующими теоретическим положениям, так что можно ожидать аналогичных результатов в любом другом обществе при некотором уточнении конкретного содержания соответствующих ожиданий. Подобная проверка воспроизводимости результатов в разных сообществах относится к числу наиболее интересных перспектив данного исследования.

Выводы

Социально-экономические ожидания, отражающиеся в представлениях о желательных и нежелательных будущих событиях в стране, связаны с моральными нормами и ценностями разного типа. Этика сообщества, этика автономии и моральное основание «свобода» не только рас-

крывают морально-ценностные основы предпочтения различных политических идеологий, но и в значительной мере объясняют общественные идеалы граждан, выражющиеся в их конкретных социально-экономических ожиданиях. Получен-

ные результаты, дополняя выводы из прошлых исследований, убеждают в том, что психологические основы политических взглядов, общественных идеалов и социально-экономических ожиданий коренятся в сфере моральных норм и ценностей.

Литература

1. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. № 4. С. 23–39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402
2. Неврюев А.Н., Сареева И.Р. Как узнать, кто и почему (не) одобряет войну? Современные исследования отношения к войне // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 80–93. DOI:10.17759/jmfp.2022110108
3. Нестик Т.А. Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 5–17. DOI:10.31857/S020595920026152-3
4. Петухов В.В. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4(32). С. 25–43. DOI:10.19181/snsp.2020.8.4.7654
5. Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 3. С. 528–549. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549
6. Сычев О.А. Теория моральных оснований: современный взгляд на психологические факторы политических убеждений // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 5–22. DOI:10.17759/sps.2023140101
7. Atari M., Haidt J., Graham J., Koleva S., Stevens S.T., Dehghani M. Morality Beyond the WEIRD: How the Nomological Network of Morality Varies Across Cultures // Journal of Personality and Social Psychology. Advance online publication. 2023. DOI:10.1037/pspp0000470
8. Bandalos D.L., Finney S.J. Factor Analysis: Exploratory and Confirmatory // The Reviewer's Guide to Quantitative Methods in the Social Sciences / Eds. G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller. New York, London: Routledge, 2018. P. 98–122.
9. Castilla-Estevez D., Blázquez-Rincón D. Age and Moral Foundations: A Meta-Analytic Approach // The Spanish Journal of Psychology. 2021. Vol. 24. P. e41. DOI:10.1017/SJP.2021.35
10. Erceg N., Galić Z., Bubić A. The psychology of economic attitudes—moral foundations predict economic attitudes beyond socio-demographic variables // Croatian Economic Survey. 2018. Vol. 20. № 1. P. 37–70. DOI:10.15179/ces.20.1.2
11. Friesen A. Generational Change? The Effects of Family, Age, and Time on Moral Foundations // The Forum. 2019. Vol. 17. № 1. P. 121–140. DOI:10.1515/for-2019-0005
12. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96. № 5. P. 1029–1046. DOI:10.1037/a0015141
13. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366–385. DOI:10.1037/a0021847
14. Hadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: Moral exclusion fills the gap // International Journal of Intercultural Relations. 2018. Vol. 64. P. 67–76. DOI:10.1016/j.ijintrel.2018.03.006

15. Hadarics M., Kende A. The Dimensions of Generalized Prejudice within the Dual-Process Model: the Mediating Role of Moral Foundations // Current Psychology. 2018. Vol. 37. № 4. P. 731–739. DOI:10.1007/s12144-016-9544-x
16. Harper C.A., Hogue T.E. The role of intuitive moral foundations in Britain's vote on EU membership // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2019. Vol. 29. № 2. P. 90–103. DOI:10.1002/casp.2386
17. Iyer R., Koleva S., Graham J., Ditto P., Haidt J. Understanding libertarian morality: The psychological dispositions of self-identified libertarians // PloS ONE. 2012. Vol. 7. № 8. P. e42366. DOI:10.1371/journal.pone.0042366
18. Kenny D.A. Measuring Model Fit [Электронный ресурс]. URL: <http://www.davidakenny.net/cm/fit.htm> (дата обращения: 22.08.2020).
19. Kertzer J.D., Powers K.E., Rathbun B.C., Iyer R. Moral Support: How Moral Values Shape Foreign Policy Attitudes // The Journal of Politics. 2014. Vol. 76. № 3. P. 825–840. DOI:10.1017/S0022381614000073
20. Kivikangas J.M., Fernández-Castilla B., Järvelä S., Ravaja N., Lönnqvist J.-E. Moral foundations and political orientation: Systematic review and meta-analysis // Psychological Bulletin. 2021. Vol. 147. № 1. P. 55–94. DOI:10.1037/bul0000308
21. Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // Journal of Research in Personality. 2012. Vol. 46. № 2. P. 184–194. DOI:10.1016/j.jrp.2012.01.006
22. Low M., Wui M.G.L. Moral Foundations and Attitudes Towards the Poor // Current Psychology. 2016. Vol. 35. № 4. P. 650–656. DOI:10.1007/s12144-015-9333-y
23. Mueller R.O., Hancock G.R. Structural Equation Modeling // The Reviewer's Guide to Quantitative Methods in the Social Sciences / Eds. G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller. New York, London: Routledge, 2018. P. 445–456.
24. Passini S., Morselli D. Construction and Validation of the Moral Inclusion/Exclusion of Other Groups (MIEG) Scale // Social Indicators Research. 2017. Vol. 134. № 3. P. 1195–1213. DOI:10.1007/s11205-016-1458-3
25. Strupp-Levitsky M., Noorbaloochi S., Shipley A., Jost J.T. Moral “foundations” as the product of motivated social cognition: Empathy and other psychological underpinnings of ideological divergence in “individualizing” and “binding” concerns // PLOS ONE. 2020. Vol. 15. № 11. P. e0241144. DOI:10.1371/journal.pone.0241144
26. Watkins M. Exploratory Factor Analysis: A Guide to Best Practice // Journal of Black Psychology. 2018. Vol. 44. № 3. P. 219–246. DOI:10.1177/0095798418771807
27. Welsch H. Moral Foundations and Voluntary Public Good Provision: The Case of Climate Change // Ecological Economics. 2020. Vol. 175. P. 106696. DOI:10.1016/j.ecolecon.2020.106696
28. Yalçındağ B., Özkan T., Cesur S., Yilmaz O., Tepe B., Piyale Z.E., Biten A.F., Sunar D. An Investigation of Moral Foundations Theory in Turkey Using Different Measures // Current Psychology. 2019. Vol. 38. № 2. P. 440–457. DOI:10.1007/s12144-017-9618-4

References

1. Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., Sorokina Yu.L. Otchuzhdenie moral'noi otvetstvennosti: psichologicheskii konstrukt i metody ego izmereniya [Moral Disengagement: The Psychological Construct and its Measurement]. *Vestnik St. Peterburgskogo universiteta. Psichologiya = Vestnik of St Petersburg University. Series 16. Psychology and Education*, 2016, no. 4, pp. 23–39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402 (In Russ.).
2. Nevryuev A.N., Sarieva I.R. Kak uznat', kto i pochemu (ne) odobryaet voinu? Sovremennye issledovaniya otnosheniya k voine [How do you know who (dis)approves of war and why? Modern Studies of Attitudes to War]. *Sovremennaya zarubezhnaya psichologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 80–93. DOI:10.17759/jmfp.2022110108 (In Russ.).

3. Nestik T.A. Sotsial'nyi optimizm rossiyan v usloviyakh krizisa: rezul'taty longityudnogo issledovaniya [Social Optimism of Russians in a Crisis: Results of a Longitudinal Study]. *Psichologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2023. Vol. 44, no. 3, pp. 5–17. DOI:10.31857/S020595920026152-3 (In Russ.).
4. Petukhov V.V. Ideino-politicheskie predpochteniya rossiyan: smena diskursa [Ideological and Political Preferences of the Russians: Changing of the Discourse]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and social'naya praktika*, 2020. Vol. 8, no. 4(32), pp. 25–43. DOI:10.19181/snsn.2020.8.4.7654 (In Russ.).
5. Sychev O.A., Nestik T.A. Moral'nye osnovaniya styda i gordosti za svoyu stranu [Moral Foundations for the Feelings of Shame and Pride Regarding the Native Country]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psichologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2022. Vol. 19, no. 3, pp. 528–549. DOI:10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549 (In Russ.).
6. Sychev O.A. Teoriya moral'nykh osnovanii: sovremennyi vzygnyad na psikhologicheskie faktory politicheskikh ubezhdenii [Moral Foundations Theory: Modern View on the Psychological Factors of Political Beliefs]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 5–22. DOI:10.17759/sps.2023140101 (In Russ.).
7. Atari M., Haidt J., Graham J., Koleva S., Stevens S.T., Dehghani M. Morality Beyond the WEIRD: How the Nomological Network of Morality Varies Across Cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*, Advance online publication, 2023. DOI:10.1037/pspp0000470
8. Bandalos D.L., Finney S.J. Factor Analysis: Exploratory and Confirmatory. In Hancock G.R., Stapleton L.M., Mueller R.O. (eds.). *The Reviewer's Guide to Quantitative Methods in the Social Sciences*. New York, London: Routledge, 2018, pp. 98–122.
9. Castilla-Estévez D., Blázquez-Rincón D. Age and Moral Foundations: A Meta-Analytic Approach. *The Spanish Journal of Psychology*, 2021. Vol. 24, pp. e41. DOI:10.1017/SJP.2021.35
10. Erceg N., Galić Z., Bubić A. The psychology of economic attitudes—moral foundations predict economic attitudes beyond socio-demographic variables. *Croatian Economic Survey*, 2018. Vol. 20, no. 1, pp. 37–70. DOI:10.15179/ces.20.1.2
11. Friesen A. Generational Change? The Effects of Family, Age, and Time on Moral Foundations. *The Forum*, 2019. Vol. 17, no. 1, pp. 121–140. DOI:10.1515/for-2019-0005
12. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 96, no. 5, pp. 1029–1046. DOI:10.1037/a0015141
13. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, pp. 366–385. DOI:10.1037/a0021847
14. Hadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: Moral exclusion fills the gap. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018. Vol. 64, pp. 67–76. DOI:10.1016/j.ijintrel.2018.03.006
15. Hadarics M., Kende A. The Dimensions of Generalized Prejudice within the Dual-Process Model: the Mediating Role of Moral Foundations. *Current Psychology*, 2018. Vol. 37, no. 4, pp. 731–739. DOI:10.1007/s12144-016-9544-x
16. Harper C.A., Hogue T.E. The role of intuitive moral foundations in Britain's vote on EU membership. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2019. Vol. 29, no. 2, pp. 90–103. DOI:10.1002/casp.2386
17. Iyer R., Koleva S., Graham J., Ditto P., Haidt J. Understanding libertarian morality: The psychological dispositions of self-identified libertarians. *PloS ONE*, 2012. Vol. 7, no. 8, pp. e42366. DOI:10.1371/journal.pone.0042366
18. Kenny D.A. Measuring Model Fit. URL: <http://www.davidakenny.net/cm/fit.htm> (Accessed 22.08.2020).
19. Kertzer J.D., Powers K.E., Rathbun B.C., Iyer R. Moral Support: How Moral Values Shape Foreign Policy Attitudes. *The Journal of Politics*, 2014. Vol. 76, no. 3, pp. 825–840. DOI:10.1017/S0022381614000073

20. Kivikangas J.M., Fernández-Castilla B., Järvelä S., Ravaja N., Lönnqvist J.-E. Moral foundations and political orientation: Systematic review and meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 2021. Vol. 147, no. 1, pp. 55–94. DOI:10.1037/bul0000308
21. Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 2012. Vol. 46, no. 2, pp. 184–194. DOI:10.1016/j.jrp.2012.01.006
22. Low M., Wui M.G.L. Moral Foundations and Attitudes Towards the Poor. *Current Psychology*, 2016. Vol. 35, no. 4, pp. 650–656. DOI:10.1007/s12144-015-9333-y
23. Mueller R.O., Hancock G.R. Structural Equation Modeling. In Hancock G.R., Stapleton L.M., Mueller R.O. (eds.). *The Reviewer's Guide to Quantitative Methods in the Social Sciences*. New York, London: Routledge, 2018, pp. 445–456.
24. Passini S., Morselli D. Construction and Validation of the Moral Inclusion/Exclusion of Other Groups (MIEG) Scale. *Social Indicators Research*, 2017. Vol. 134, no. 3, pp. 1195–1213. DOI:10.1007/s11205-016-1458-3
25. Strupp-Levitsky M., Noorbaloochi S., Shipley A., Jost J.T. Moral “foundations” as the product of motivated social cognition: Empathy and other psychological underpinnings of ideological divergence in “individualizing” and “binding” concerns. *PLOS ONE*, 2020. Vol. 15, no. 11, pp. e0241144. DOI:10.1371/journal.pone.0241144
26. Watkins M. Exploratory Factor Analysis: A Guide to Best Practice. *Journal of Black Psychology*, 2018. Vol. 44, no. 3, pp. 219–246. DOI:10.1177/0095798418771807
27. Welsch H. Moral Foundations and Voluntary Public Good Provision: The Case of Climate Change. *Ecological Economics*, 2020. Vol. 175, pp. 106696. DOI:10.1016/j.ecolecon.2020.106696
28. Yalçındağ B., Özkan T., Cesur S., Yilmaz O., Tepe B., Piyale Z.E., Biten A.F., Sunar D. An Investigation of Moral Foundations Theory in Turkey Using Different Measures. *Current Psychology*, 2019. Vol. 38, no. 2, pp. 440–457. DOI:10.1007/s12144-017-9618-4

Информация об авторах

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГГПУ), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Information about the authors

Oleg A. Sychev, PhD in Psychology, Senior Researcher of Research Department, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Timofei A. Nestik, Doctor of Psychology, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestik@gmail.com

Получена 03.10.2023

Received 03.10.2023

Принята в печать 21.11.2023

Accepted 21.11.2023

Психологические ресурсы личности при переживании жизненных ситуаций разной степени неопределенности

Одинцова М.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Лубовский Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Кузьмина Е.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3488-2622>, e-mail: kuzminaei@mgppu.ru

Цель. Изучение специфики психологических ресурсов лиц, переживающих жизненные вызовы разной степени неопределенности.

Контекст и актуальность. Неопределенность является фундаментальной характеристикой современного мира. Любая жизненная ситуация обладает той или иной степенью неопределенности и способствует активизации психологических ресурсов личности, от которых зависит успешность сопротивления.

Дизайн исследования. В работе проанализированы типы жизненных вызовов, выделены группы лиц, по-разному оценивающих степень неопределенности жизненных вызовов, и изучена специфика выраженности психологических ресурсов (эмоциональных, мотивационных, инструментальных, ресурсов устойчивости) в зависимости от степени неопределенности жизненных вызовов.

Участники. В исследовании приняли участие 1248 человек в возрасте от 18 до 76 лет ($31,09 \pm 12,59$), из них 297 (23,8%) мужчин, 175 (14,0%) лиц с инвалидностью.

Методы. Социобиографическая анкета с открытым вопросом об актуальной трудной жизненной ситуации (ТЖС), которую требовалось оценить по 10-балльной шкале Лайкерта: 1) уровень ее сложности, 2) выраженность эмоций, сопровождающих ее; «Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации» (Е.В. Битюцкая, А.А. Корнеев); Тест жизнестойкости (Е.Н. Осин, Е.И. Рассказова); Методика самоактивации (М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова); Методика COPE (Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин).

Результаты. Семь типов вызовов переживаются как жизненные ситуации разной степени неопределенности. Респонденты чаще относят глобальный вызов к очень сложным и сложным ситуациям неопределенности; вызов утраты – к сложным. Вызов болезни, вызов отношений, вызов материальных трудностей примерно в сорока процентах случаев оцениваются как очень сложные ситуации неопределенности и примерно в трети – как сложные либо простые. Вызов самопроектированию и вызов профессиональной деятельности чаще оцениваются или как очень сложные ситуации неопределенности, или как простые. Очень сложные и сложные ситуации неопределенности оцениваются как менее контролируемые, сложные – как самые неразрешимые.

Основные выводы. Психологическими ресурсами в ситуациях разной степени неопределенности являются эмоциональные переживания, жизнестойкость, самоактивация и различные стили совладания. Снижение степени неопределенности жизненной ситуации повышает ресурсы жизнестойкости и самоактивации.

Ключевые слова: вызов; степень неопределенности; трудные жизненные ситуации; эмоциональные переживания; жизнестойкость; самоактивация; копинг-стратегии; психологические ресурсы.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00820, <https://www.rscf.ru/project/22-28-00820/>, ФГБОУ ВО МГППУ.

Для цитаты: Одинцова М.А., Лубовский Д.В., Кузьмина Е.И. Психологические ресурсы личности при переживании жизненных ситуаций разной степени неопределенности // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 156–177. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140410>

Psychological Resources of the Individual when Living Life Situations of Varying Degrees of Uncertainty

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Dmitry V. Lubovsky

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Elena I. Kuzmina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3488-2622>, e-mail: kuzminaei@mgppu.ru

Objective. *The study of the psychological resources' specifics of persons experiencing life challenges with varying degrees of uncertainty.*

Context and relevance. *Uncertainty is a fundamental characteristic of the modern world. Any life situation has a certain degree of uncertainty and contributes to the activation of psychological resources of the individual, on which the success of coping depends.*

Research Design. *The paper analyzes the types of life challenges, identifies groups of people who differently assess the degree of life challenges' uncertainty and studies the specifics of the severity of psychological resources (emotional, motivational, instrumental, sustainability resources) depending on the degree of life challenges' uncertainty.*

Participants. *The study involved 1248 people aged 18 to 76 years ($31,09 \pm 12,59$), including 297 (23,8%) men, 175 (14,0%) persons with disabilities.*

Methods. *A socio-biographic questionnaire with an open question about an actual difficult life situation (TS), which needed to be evaluated on a 10-point Likert scale: 1) the level of its complexity; 2) the intensity of the emotions accompanying it. "Subjective assessment of a difficult life situation" (E.V. Bityutskaya, A.A. Korneev); Resilience test (E.N. Osin, E.I. Rasskazova); Self-activation technique (M.A. Odintsova, N.P. Radchikova); COPE technique (E.I. Rasskazova, T.O. Gordeeva, E.N. Osin).*

Results. *Seven types of challenges are experienced as life situations with varying degrees of uncertainty. Respondents more often attribute the global challenge as a very complex and complex situations of uncertainty; the challenge of loss – as a complex situations. The challenge of illness, the challenge of*

relationships, the challenge of material difficulties in about forty percent of cases are assessed as very difficult situations of uncertainty and about a third – as complex or simple. The challenge to self-design and the challenge of professional activity are more often assessed either as very complex situations of uncertainty, or as simple. Very complex and complex situations of uncertainty are assessed as less controllable, complex ones as the most intractable.

Conclusions. *Psychological resources in situations of varying degrees of uncertainty are emotional experiences, resilience, self-activation and various coping styles. The lower the degree of uncertainty of the life situation, the more pronounced are the resources of resilience and self-activation.*

Keywords: challenge; degree of uncertainty; difficult life situations; emotional experiences; resilience; self-activation; coping strategies; psychological resources.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSCF), project number 22-28-00820 (Psychological resources of socially vulnerable groups in the face of modern challenges (on the example of people with disabilities and their families), <https://www.rscf.ru/project/22-28-00820/>).

For citation: Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Kuzmina E.I. Psychological Resources of the Individual when Living Life Situations of Varying Degrees of Uncertainty. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 156–177. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140410> (In Russ.).

Введение

Вызовы неопределенности становятся естественной частью жизни современного человека, основными источниками изменений жизненных ситуаций и сопутствующих им изменений личности [11]. Поток жизненных ситуаций как вызовов присутствует в нашей повседневности и вне повседневности, в наших отношениях с другими, к самому себе, к деятельности и т.д. В научной литературе вызов связывается с трудными жизненными ситуациями [20], испытанием [40], «проверкой на прочность» [31], возможностями личности для его преодоления [33] и т.д. Концепция вызова встроена в основные дискурсы позитивной психологии [31; 33], предлагается рабочее определение вызова: «Это ситуация, задача или проблема, которые являются трудными, новыми, представляют возможность проверки навыков или ресурсов и интерпретируются как возможность или трансформируются в нее» [31, с. 3]. Схожее определение вызова дается отечественными авторами: «вызов – это психологическая задача, включающая разные ситуации, события

и требования рости под задачу, требования своевременности качественного адекватного ответа (готовность оценить, осознать, понять ситуацию и ее сигналы и ответить на нее)» [38, с. 57].

Вызов и угроза анализируются как два полюса одного измерения, оценивание которых происходит непрерывно на основе субъективных оценок требований ситуации и личностных ресурсов [40]. При угрозе сложность ситуации оценивается как превышающая ресурсы для ее преодоления, что заставляет человека быть более бдительным, при вызове ресурсы соответствуют требованиям ситуации или превышают их, что побуждает человека быть настойчивым [40].

Чаще всего вызов рассматривается вместе с категорией неопределенности как основополагающей характеристикой современного мира [1; 19], «стабильной нестабильностью» [13], «потоком неопределенных ситуаций» [2] и считается центральной проблемой социальной психологии личности. «Поток неопределенных ситуаций» в психологии трактуется как «совокупность обстоятельств,

субъективно оцениваемых как непредсказуемые, неконтролируемые, непривычные, противоречивые и/или заключающие в себе множество выборов и/или высокую степень риска» [27, с. 424], как неоднозначность, сложность, непредсказуемость, неконтролируемость, энтропия [35]. Основные признаки трудных жизненных ситуаций неопределенности, выделенные разными авторами, постоянно дополняются — противоречивость информации, неопределенность будущего, трудности в прогнозировании, непонятность [15], новизна [2; 3] и т.д.

Как видим, неопределенность является не сводимой к нулю фундаментальной характеристикой современного мира [14; 39], модусом человеческого бытия, и не только в переломные исторические периоды [13]. Любая трудная жизненная ситуация обладает той или иной степенью неопределенности (например, простая, сложная, очень сложная [39]), что отражается в субъективных оценках таких ситуаций [4; 41] и является одним из определяющих факторов реакций людей на них [30], способствует формированию тех или иных стратегий ответа [34].

При анализе стратегий ответа людей на вызовы неопределенности особое внимание уделяется психологическим ресурсам [32; 33], которые делают нас способными принять даже вызов прецельной неопределенности, противостоять ему и развиваться [33].

Среди психологических ресурсов личности для преодоления вызовов неопределенности выделяют самоэффективность, толерантность к неопределенности, субъективную витальность, жизнестойкость [21]; эмпатию, готовность к риску, оптимизм [18]; антихрупкость, личностный рост, копинг-стратегии [8]; надежду, ощущение ценности собственной жизни [13]; восприятие неопределенности

как источника экзистенциального опыта [22]; саморегуляцию [17]; веру в свободу, устойчивость [33] и т.д.

В ряде исследований подчеркивается роль эмоций при преодолении неопределенности трудных жизненных ситуаций. Как пишут М. Шульц и О. Зинн (M. Schulz, J.O. Zinn), ссылаясь на Томаса Фукса, «без эмоционального контакта мир замирает в пустом существовании, в мертвой фактичности» [42, с. 225]. Поэтому эмоции, которыми сопровождаются жизненные вызовы разной степени неопределенности, могут также рассматриваться в качестве психологического ресурса. Это и эмоциональная креативность [28], состояния мобилизации, уверенности, интереса, волнения, радости, удивления [33]; положительные интеллектуальные эмоции [37]; умеренный уровень негативных эмоций, которые стимулируют на поиск и понимание противоречивой информации [43], и серьезный опыт негативного переживания переломного жизненного события как стимул для перехода на новый уровень развития [6]. Сильные негативные эмоции относят к «промежуточным стратегиям» и рассматривают как разумную реакцию [44] на трудные жизненные ситуации неопределенности.

Иными словами, как положительные, так и отрицательные эмоции, обладающие стимулирующим эффектом и сопровождающие ситуации неопределенности, могут стать психологическими ресурсами для их преодоления.

Как видим, среди стратегий ответа на вызовы неопределенности выделяют множество способов взаимодействия людей с ситуациями неопределенности, вводится термин «стратегия проживания неопределенности» [27, с. 426]. Однако более привычным представляется термин «стратегия переживания неопре-

деленности», где понятие переживания используется в значении, предложенном в работах Ф.Е. Василюка [7] для обозначения внутренней активности личности по преодолению трудной ситуации, в том числе ситуации неопределенности.

Так как все многообразие психологических ресурсов при переживании ситуации неопределенности требует комплексного переосмыслиния [3], Т.В. Черноусова [27] предлагает выделить когнитивный (субъективные оценки ситуации как неопределенной), эмоциональный (спектр эмоций, сопровождающих ситуацию), мотивационный (внутренняя побудительная активность личности, ресурс самоактивации [23]) и конативный (инструментальные ресурсы по Д.А. Леонтьеву [33]) компоненты, что согласуется с предшествующими исследованиями [23; 38]. Кроме этого, в исследованиях обращается особое внимание на ресурс психологической устойчивости (жизнестойкости) к неопределенности [21; 33]. В данном исследовании жизнестойкость и самоактивация рассматриваются как личностные ресурсы совладания с трудными жизненными ситуациями неопределенности, а копинг-стратегии и копинг-стили — как инструментальные ресурсы.

Итак, исследования трудных жизненных ситуаций-вызовов показали, что они обладают разной степенью неопределенности и требуют активизации психологических ресурсов личности. Кроме того, как справедливо утверждает Н.Н. Толстых, «человека надо научиться видеть не в ситуации даже, а в более широком контексте, точнее, в разных контекстах» [26, с. 30]. Исходя из принципа контекстуальности, который требует «учета пространственно-временных координат изучаемой феноменологии и индивидуальной “чувствительности” личности к ситуационным факторам» [12, с. 36], **целью** нашего исследования стало изуче-

ние специфики психологических ресурсов лиц, переживающих жизненные вызовы разной степени неопределенности.

Исследовательские задачи:

1. Выделить жизненные ситуации-вызовы и проанализировать частоту их упоминания респондентами.

2. Выявить группы лиц, по-разному оценивающих неопределенность жизненных вызовов, проанализировать различия в распределении респондентов по типу вызова, полу, наличию инвалидности.

3. Проанализировать различия психологических ресурсов в зависимости от разной степени неопределенности жизненных вызовов.

Мы предположили, что психологические ресурсы личности при переживании трудных жизненных ситуаций различаются в зависимости от степени неопределенности ситуации.

Метод

Схема проведения исследования. Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью Яндекс-форм в период с 2022 по 2023 гг. и было одобрено Этическим комитетом МГППУ (протокол от 15.03.2022 № 12). Процедура занимала 25–30 минут.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 1248 россиян в возрасте от 18 до 76 лет ($31,09 \pm 12,59$). Среди них 297 (23,8%) мужчин, 175 лиц с инвалидностью (14,0%). Большая часть выборки (52,6%) с высшим образованием, 1,8% — имеют кандидатскую степень, 28,1% — со средним образованием, 17,6% — со средним специальным образованием, 44,6% — работают, 38,5% — учатся, 8,3% — совмещают учебу с работой, 8,5% — не работают (в декретном отпуске или на пенсии). Более чем по трети респондентов холосты (39,1%) или в браке (34,9%), 16,4% — состоят в отношениях,

6,0% — в разводе, 3,3% — в гражданском браке, 0,2% — не указали супружеский статус. Имеют детей 45,0% выборки.

Методы исследования. Для выявления субъективных оценок жизненных вызовов инструкции всех методик были соотнесены с конкретной жизненной ситуацией, на которую указали сами респонденты. В исследованиях Е.В. Битюцкой [4] и коллег установлено, что реакции людей на те или иные трудные жизненные ситуации зависят от того, как человек оценивает ситуацию, поэтому были использованы:

1. Анкета (пол, возраст, семейный статус, образование, наличие детей, наличие/отсутствие инвалидности). Далее необходимо было выделить актуальную трудную жизненную ситуацию (ТЖС), написать о ней и оценить по 10-балльной шкале, пользуясь набором характеристик: трудная, значимая, стрессовая, непредсказуемая, бесконтрольная, неразрешимая, непонятная, неопределенная, неожиданная (α Кронбаха общего уровня трудности 0,889). Предлагалось ответить на вопрос: «Какие эмоции вызвала у Вас эта ситуация? (страдание, стресс, грусть, страх, тревога, тоска, сострадание к себе, жалость к себе, обида, злость, любопытство, интерес, сомнение, удивление, стыд, вина)» (α Кронбаха общего уровня эмоциональных реакций 0,865) и оценить выраженность каждой из них по 10-балльной шкале.

2. Методика «Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации» [4] для выделения групп, переживающих разную степень неопределенности жизненных вызовов. В данной методике перечислены признаки неопределенности, названные большинством исследователей [3; 15; 28; 33; 34; 37], методика содержит 32 пункта и включает 8 субшкал: общие признаки ТЖС; неподконтрольность ситуации; непонятность ситуации; необходимость быстрого активного реагирова-

ния; затруднения в принятии решения; трудности прогнозирования ситуации; отрицательные эмоции; перспектива будущего (α Кронбаха от 0,578 до 0,764).

Для выявления психологических ресурсов переживания указанной ситуации использовались:

3. Тест жизнестойкости [24], 24 пункта, включает субшкалы вовлеченности, контроля, принятия риска (α Кронбаха общего показателя 0,950).

4. Методика самоактивации [23], 18 пунктов, включает субшкалы самостоятельности, психологической активности, физической активности и общего уровня самоактивации (α Кронбаха общего показателя 0,892).

5. Методика COPE [25], 60 пунктов, включает 15 субшкал, которые образуют три копинг-стиля: когнитивно-поведенческий (α Кронбаха 0,847), социально-эмоциональный (α Кронбаха 0,841), избегающий (α Кронбаха 0,794).

Методы обработки данных: кластерный анализ методом k-средних, критерий Краскела—Уоллиса, эксплораторный факторный анализ (ЭФА) методом главных компонент с последующим вращением Варимакс, однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты

На основе предшествующих исследований [4; 36; 38] экспертами, которыми выступили авторы данной статьи, были выделены трудные жизненные ситуации-вызовы:

1) Вызов болезни (своя болезнь/инвалидность, болезни членов семьи) ($N = 240 / 19,2\%$, ср. возраст $33,0 \pm 11,9$).

2) Вызов отношениям (разводы, конфликты, предательство и т.п.) ($N = 343 / 27,5\%$, ср. возраст $29,14 \pm 12,0$).

3) Вызов утраты (смерть близких) ($N = 151 / 12,1\%$, ср. возраст $33,4 \pm 14,7$).

4) Вызов материальному благополучию (недостаток денежных средств) ($N = 175 / 14,0\%$, ср. возраст $34,2 \pm 12,0$).

5) Глобальный вызов (специальная военная операция на Украине и все, что с ней связано: мобилизация, переезд в другую страну, участие друзей и близких в СВО) ($N = 112 / 9,0\%$, ср. возраст $34,1 \pm 13,3$).

6) Вызов самопроектированию, понимаемый как способность «конструировать собственное экзистенциональное содержание в том направлении, которое соответствует ощущению собственной аутентичности» [9, с. 19] ($N = 106 / 8,5\%$, ср. возраст $26,8 \pm 10,9$).

7) Вызов профессиональной деятельности (проблемы на работе, учебе) ($N = 121 / 9,7\%$, ср. возраст $26,4 \pm 10,9$).

Чаще всего респонденты упоминали жизненные ситуации, обусловленные неблагоприятными отношениями, затем вызов болезни, материальные трудности, проблемы на работе/учебе, глобальный вызов, связанный с СВО, на последнем месте по частоте упоминания — вызов самопроектированию. Результаты показали, что вызов самопроектированию и вызов профессиональной деятельности чаще волнуют более молодых респондентов.

Степень неопределенности жизненной ситуации (относительно простая, сложная, очень сложная) определялась по совокупности субъективных оценок описанной респондентами ситуации на основе методики «Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации», шкалы которой были предварительно нормированы через z-значения. Затем был проведен кластерный анализ методом k-средних, который позволил выделить три кластера по степени неопределенности жизненных вызовов (рис. 1).

В первую группу ($N = 509$) вошли лица, высоко оценившие общую трудность си-

туации, ее непонятность, необходимость быстрого реагирования, затруднения в принятии решения, отрицательные эмоции, неясность перспектив будущего (переживающие очень сложную ситуацию неопределенности). Вторая группа ($N = 401$) состоит из респондентов, оценивших трудность ситуации, ее непонятность, затруднения в принятии решений, отрицательные эмоции и перспективу будущего ниже, чем первая группа, но выше, чем третья, а неподконтрольность ситуации выше двух других групп (переживающие сложную ситуацию неопределенности). Третью группу ($N = 338$) составили лица, оценившие ситуацию как умеренно трудную (оценки по общим признакам ТЖС, ее неподконтрольности, непонятности, затруднениям в принятии решений и перспективы будущего ниже, чем в других группах), но так же умеренно прогнозируемую, как оценили ее две другие группы (переживающие относительно простую ситуацию неопределенности).

Ответы на вопросы анкеты дали дополнительную информацию о субъективном образе ТЖС, представленном в индивидуальном сознании. Переживающие очень сложную ситуацию неопределенности выше других оценили ее значимость, стрессогенность, трудность, непредсказуемость, непонятность и неопределенность. Группе, переживающей сложную ситуацию неопределенности, свойственны более высокие оценки по всем характеристикам жизненной ситуации в отличие от группы, переживающей относительно простую ситуацию неопределенности, и такие же высокие оценки бесконтрольности и неожиданности ситуации, как у первой группы, а по характеристике «неразрешимость ситуации» — самые высокие оценки в сравнении с первой и третьей группами (табл. 1).

По-разному была оценена и неопределенность различных жизненных вызовов

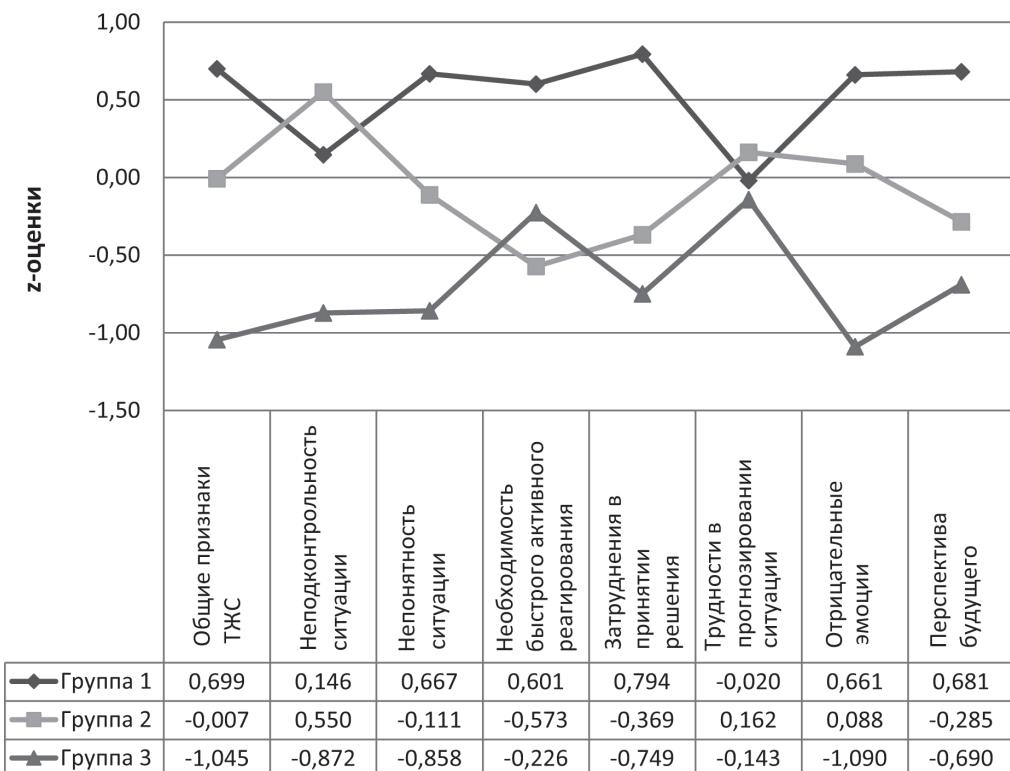

Рис. 1. Кластерный анализ методом k-средних (z-значения): группа 1 — переживающие очень сложную ситуацию неопределенности; группа 2 — переживающие сложную ситуацию неопределенности; группа 3 — переживающие относительно простую ситуацию неопределенности

Таблица 1
Различия содержательных характеристик трудных жизненных ситуаций
в зависимости от принадлежности к группам

Характеристики трудной жизненной ситуации-вызыва	Группы, переживающие жизненную ситуацию неопределенности $M (SD)$			Критерий Краскела-Уоллиса, уровень значимости различий p
	очень сложную	сложную	относительно простую	
Характеристики жизненной ситуации				
Трудная	8,5 (1,6)	8,0 (1,9)	6,3 (2,4)	197,7; $p = 0,000$
Значимая	9,2 (1,4)	8,5 (1,8)	7,1 (2,6)	180,7; $p = 0,000$
Стрессовая	8,8 (1,6)	8,4 (1,9)	6,3 (2,6)	233,18; $p = 0,000$
Непредсказуемая	7,5 (2,7)	6,9 (2,9)	5,2 (3,0)	112,58; $p = 0,000$
Бесконтрольная	7,1 (2,7)	7,1 (2,9)	4,7 (3,0)	135,3; $p = 0,000$
Неразрешимая	6,0 (2,9)	6,6 (3,0)	3,7 (2,8)	176,2; $p = 0,000$

Характеристики трудной жизненной ситуации-вызыва	Группы, переживающие жизненную ситуацию неопределенности M (SD)			Критерий Краскела-Уоллиса, уровень значимости различий p
	очень сложную	сложную	относительно простую	
Непонятная	6,3 (3,1)	5,2 (3,0)	4,0 (2,8)	109,6; $p = 0,000$
Неопределенная	6,4 (2,9)	5,3 (3,0)	3,9 (2,7)	136,1; $p = 0,000$
Неожиданная	6,8 (3,2)	6,6 (3,2)	4,9 (3,3)	66,77; $p = 0,000$

Примечание: M — среднее арифметическое; SD — стандартное отклонение.

($\chi^2 = 89,902, p = 0,000$). Данные представлены на рис. 2. На этом фоне выделяется глобальный вызов, который более половины респондентов переживают как очень сложную ситуацию неопределенности и более трети — как сложную, а также вызов утраты, который в 60% случаев переживается как сложная ситуация неопределенности.

Группы, переживающие жизненные ситуации разной степени неопределенности, различаются по полу, наличию инвалидности (табл. 2). Большинство

женщин оценивают жизненные ситуации неопределенности как очень сложные либо сложные, как и большая часть условно здоровых респондентов. Большинство лиц с инвалидностью оценивают такие ситуации либо как очень сложные, либо как относительно простые.

Спектр эмоциональных реакций на жизненные вызовы, которые предлагалось оценить, был широк. Использование эксплораторного факторного анализа (ЭФА) методом главных компонент с по-

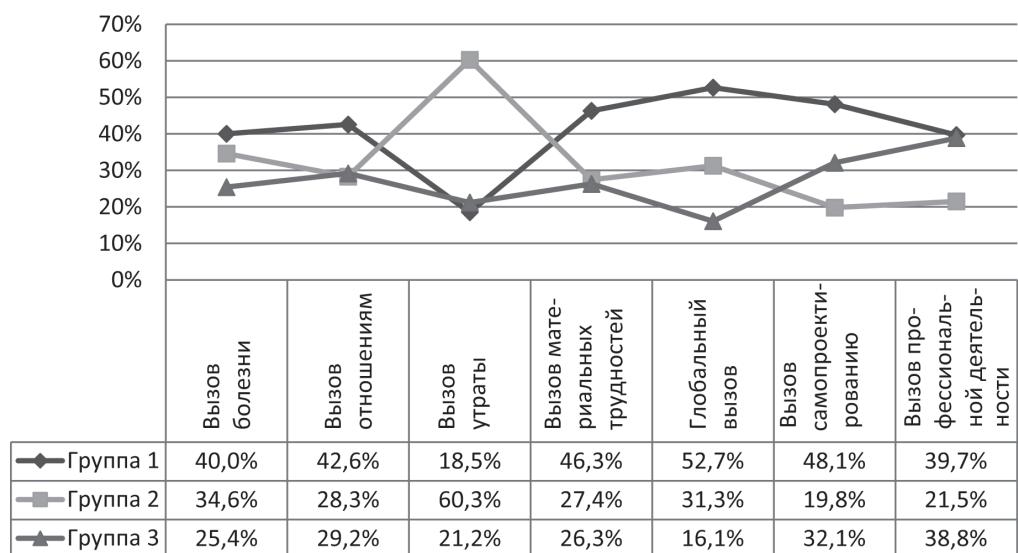

Рис. 2. Различия в оценках неопределенности жизненных вызовов (%): группа 1 — переживающие очень сложную ситуацию неопределенности; группа 2 — переживающие сложную ситуацию неопределенности; группа 3 — переживающие относительно простую ситуацию неопределенности

Таблица 2

Различия между группами в зависимости от пола и наличия инвалидности

Пол, наличие инвалидности, значения χ^2 , уровень значимости различий p	Группы, переживающие жизненную ситуацию неопределенности как:		
	очень сложную	сложную	относительно простую
Мужчины	36,0%	29,0%	35,0%
Женщины	42,3%	33,1%	24,6%
Значение χ^2 и уровень значимости различий p	$\chi^2 = 12,44, p = 0,002$		
Здоровые	40,7%	33,6%	25,7%
С инвалидностью	41,1%	23,4%	35,4%
Значение χ^2 и уровень значимости различий p	$\chi^2 = 10,038, p = 0,007$		

следующим вращением Варимакс (общая дисперсия 65,42%) позволило выделить 4 группы эмоциональных переживаний, сопровождающих жизненную ситуацию:

1) переживания страданий (22,9% дисперсии), куда вошли субъективные оценки степени выраженности страданий, стресса, грусти, страха, тревоги, тоски;

2) переживание несправедливости (16,7% дисперсии): сострадание к себе, жалость к себе, обида, злость;

3) интеллектуальные эмоции (14,9% дисперсии): любопытство, интерес, сомнение, удивление;

4) самокритические эмоции (10,82% дисперсии): вина и стыд.

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что эмоциональные пере-

живания, сопровождающие жизненные ситуации разной степени неопределенности, проявляются по-разному. Наиболее выражены переживания страданий, несправедливости и самокритические эмоции у группы, переживающей очень сложные ситуации неопределенности в отличие от второй и третьей групп. И если оценки по эмоциям несправедливости, страданий, самокритических эмоций имели в основном тенденцию к снижению со снижением степени неопределенности ситуации, то интеллектуальные эмоции более высоко оцениваются теми, кто переживает очень сложную ситуацию неопределенности (табл. 3).

Далее были проанализированы общие показатели ресурсов устойчивости (жиз-

Таблица 3

Различия в эмоциях у лиц, переживающих ситуации разной степени неопределенности

Эмоциональные переживания	Кластер	<i>M</i> (<i>SD</i>)	Значение <i>F</i>	Уровень значимости различий <i>p</i>
Переживания страданий	1	8,0 (1,8)	188,5	0,000
	2	7,5 (1,8)		
	3	5,5 (2,3)		
Переживания несправедливости	1	6,4 (2,4)	79,31	0,000
	2	5,3 (2,4)		
	3	4,3 (2,4)		

Эмоциональные переживания	Кластер	<i>M (SD)</i>	Значение <i>F</i>	Уровень значимости различий <i>p</i>
Самокритические эмоции	1	5,2 (3,1)	57,26	0,000
	2	3,7 (2,6)		
	3	3,2 (2,6)		
Интеллектуальные эмоции	1	4,7 (2,4)	47,78	0,000
	2	3,4 (1,9)		
	3	3,7 (2,2)		

Примечания: *M* – среднее арифметическое; *SD* – стандартное отклонение; 1 – переживающие очень сложную ситуацию неопределенности; 2 – переживающие сложную ситуацию неопределенности; 3 – переживающие относительно простую ситуацию неопределенности.

нестойкость), самоактивации и инструментальных ресурсов (копинг-стили).

Методика СОРЭ выявляет 15 копинг-стратегий, которые образуют разные копинг-стили. Для выделения копинг-стилей использовался эксплораторный факторный анализ (ЭФА) методом главных компонент с последующим вращением Варимакс (общая дисперсия 51,56%). Выделено 3 стиля совладания: когнитивно-поведенческий (18,3% дисперсии), социально-эмоциональный (17,09% дисперсии) и избегающий (16,1% дисперсии). Когнитивно-поведенческий стиль совладания включил такие копинг-стратегии, как позитивное переформулирование и личностный рост, юмор, планирование, активное совладание, подавление конкурирующей деятельности, принятие. Социально-эмоциональный стиль – использование эмоциональной поддержки, использование

инструментальной поддержки, концентрацию на эмоциях и их активное выражение, обращение к религии. Избегающий стиль – поведенческий уход, отрицание, мысленный уход, использование успокоительных, сдерживающие совладания.

Группы, по-разному оценившие степень неопределенности жизненных ситуаций, различаются по всем стилям совладания. Социально-эмоциональное и избегающее совладание характерны при переживании очень сложных ситуаций неопределенности. Когнитивно-поведенческий стиль совладания наиболее распространен при очень сложных и простых ситуациях неопределенности. Обнаружены различия между группами и в психологических ресурсах жизнестойкости и самоактивации, которые в большей степени свойственны переживающим относительно простые ситуации неопределенности (табл. 4).

Таблица 4
Различия психологических ресурсов лиц, переживающих ситуации разной степени неопределенности

Психологические личностные и инструментальные ресурсы	Кластер	<i>M (SD)</i>	Значение <i>F</i>	Уровень значимости различий <i>p</i>
Жизнестойкость	1	38,4 (13,1)	59,29	0,000
	2	42,9 (12,7)		
	3	48,1 (11,7)		

Психологические личностные и инструментальные ресурсы	Кластер	M (SD)	Значение F	Уровень значимости различий p
Самоактивация	1	42,3 (10,8)	33,00	0,000
	2	44,0 (10,2)		
	3	48,1 (9,8)		
Когнитивно-поведенческое совладание	1	11,8 (2,2)	7,98	0,000
	2	11,4 (2,0)		
	3	12,0 (1,9)		
Социально-эмоциональное совладание	1	11,3 (2,5)	36,44	0,000
	2	10,4 (2,3)		
	3	9,9 (2,2)		
Избегающее совладание	1	9,3 (1,9)	42,200	0,000
	2	8,7 (1,8)		
	3	8,1 (1,6)		

Примечания: M — среднее арифметическое; SD — стандартное отклонение; 1 — переживающие очень сложную ситуацию неопределенности; 2 — переживающие сложную ситуацию неопределенности; 3 — переживающие относительно простую ситуацию неопределенности.

Отдельного внимания заслуживает анализ психологических ресурсов совладания, используемых в ситуации глобального вызова, в сравнении с другими вызовами. Для этого были выделены общие показатели жизнестойкости, самоактивации, трех стилей совладания, данные по которым были предварительно нормированы в силу их разного диапазона (рис. 3). При глобальном вызове наиболее выраженным становится социально-эмоциональный стиль совладания, затем, в порядке убывания, когнитивно-поведенческий, самоактивация, жизнестойкость и на последнем месте показатели избегающего совладания. Социально-эмоциональное совладание в наибольшей степени используется людьми при переживании глобального вызова, в наименьшей — при совладании с вызовом самопроектирования. При этом все оптимальные психологические ресурсы совладания с глобальным вызовом выше, чем при переживании других типов вызовов.

Обсуждение результатов

В настоящее время в науке прослеживается тенденция к замене категорий «проблема», «угроза» категорией «вызов», что свидетельствует о существенном изменении установок общественного сознания по отношению к ТЖС. Растет уверенность в том, что проблемы, которые осмысливаются как вызовы, в принципе разрешимы [32]. Среди разрешимых проблем в порядке убывания упоминаются вызовы отношениям, вызов болезни, вызов материальных трудностей, вызов профессиональной деятельности, глобальный вызов, связанный с СВО, и вызов самопроектированию. Дифференцированный подход к анализу жизненных ситуаций в зависимости от субъективных оценок образа ТЖС, а также в зависимости от степени их неопределенности (относительно простые, сложные, очень сложные) позволил дать содержательные характеристики разным типам жизненных вызовов. Очень сложная ситуация

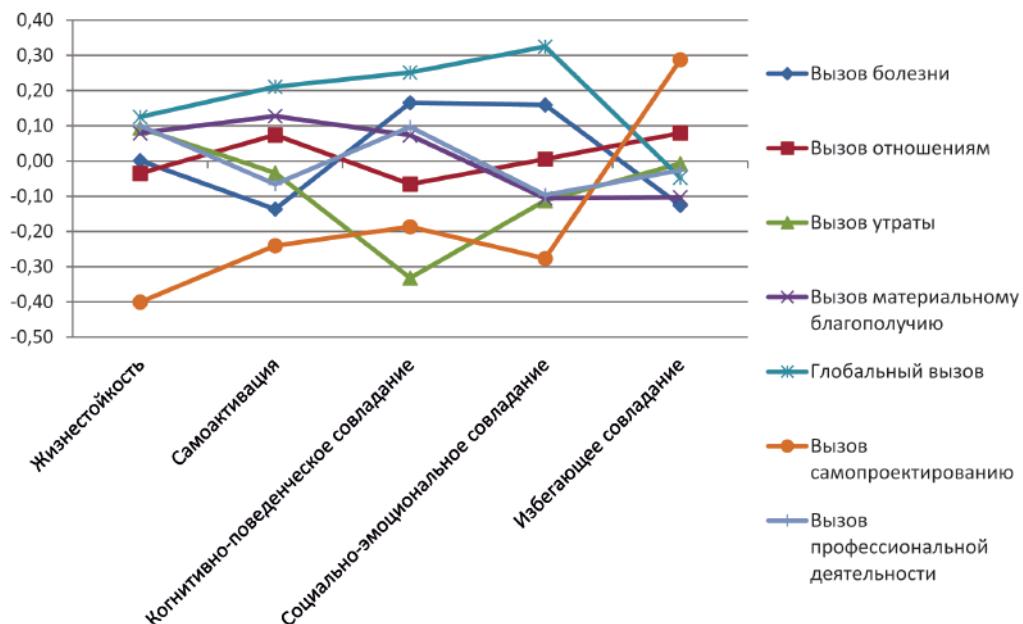

Рис. 3. Психологические ресурсы совладания с разными типами вызовов (z-значения)

неопределенности высоко оценивается по показателям стрессогенности, трудности, непредсказуемости и неожиданности, выше среднего — по критериям непонятности и неопределенности. Сложная ситуация неопределенности характеризуется высокой стрессогенностью, трудностью, непредсказуемостью, неразрешимостью, бесконтрольностью и неожиданностью, средними оценками непонятности и неопределенности. Относительно простой ситуации неопределенности респонденты дают умеренные оценки трудности, стрессогенности, непредсказуемости, неожиданности, бесконтрольности, непонятности и неопределенности, ниже всего она оценивается по критерию неразрешимости. Для всех групп респондентов жизненная ситуация, которую они выделяли, является высоко значимой. На фоне разных оценок выделяются глобальный вызов, который большинством респон-

дентов переживается как очень сложная и сложная ситуация неопределенности, вызов утраты — как сложная ситуация неопределенности.

Для большинства здоровых респондентов трудные жизненные ситуации неопределенности являются очень сложными или сложными, а для большинства лиц с инвалидностью характерны крайние оценки: либо такая ситуация оценивается как очень сложная, либо как относительно простая. Возможно, это связано с тем, является ли инвалидность врожденной или приобретенной. Одна и та же трудная жизненная ситуация неопределенности может быть относительно простой при врожденной инвалидности и очень сложной — при приобретенной. Большинство женщин характеризуют жизненные ситуации неопределенности как очень сложные или сложные, а большинство мужчин — как очень сложные или относительно простые.

В трудных жизненных ситуациях разной степени неопределенности активизируются различные психологические ресурсы личности. Среди них необходимо выделить эмоциональные переживания, выступающие катализатором совладания с вызовами разной степени неопределенности. Страдания считаются наиболее распространенным сильным негативным эмоциональным переживанием [10], которое вместе с тем сопутствует посттравматическому росту и устойчивости [29]. Они наиболее выражены у лиц, переживающих очень сложную и сложную ситуации неопределенности. Переживание несправедливости возникает на фоне незаслуженного отношения, задевающего чувство достоинства, и вызывает неуравновешенное психическое состояние. Важную роль в этих переживаниях играет обида «как негативное последствие нежелательного несоответствия действий окружающих нашим ожиданиям, угрожающее нашей Я-концепции и социальной идентичности при невозможности выражения или недостаточности соответствующих эмоций и действий» [5, с. 34]. Обида сопровождается сочувствием, жалостью к себе и последующим гневом по отношению к обидчикам. Переживание несправедливости менее интенсивно, чем страдания, но так же наиболее выражено у лиц, оценивающих ситуацию неопределенности как очень сложную и сложную.

Еще менее интенсивны «самокритические» эмоции, которые предполагают постоянную «оценку моральной ценности и пригодности индивидуального “Я” в сообществе» [16, с. 177] и наиболее выражены у лиц, оценивающих ситуацию неопределенности как очень сложную.

Интеллектуальные эмоции, активизирующие мыслительную деятельность при столкновении с непонятным явлени-

ем, по интенсивности схожи с самокритическими и наиболее выражены у лиц, оценивающих ситуацию неопределенности как очень сложную.

Таким образом, все виды эмоциональных переживаний имеют наибольшую интенсивность у лиц, переживающих ситуацию неопределенности как очень сложную. С одной стороны, они могут препятствовать совладанию с ситуацией неопределенности, а с другой — как показано многими авторами [6; 29; 44], являясь «промежуточными стратегиями» [44], становятся разумными реакциями на многочисленные трудные жизненные ситуации неопределенности. Считается, что эмоции средней интенсивности могут действовать как «советчики» [44]. Средняя интенсивность всех типов эмоциональных переживаний характерна переживающим относительно простые и сложные ситуации неопределенности. «Советчиками» для лиц, переживающих очень сложные ситуации неопределенности, могут стать эмоциональные переживания несправедливости и самокритические эмоции также в силу их средней интенсивности. При этом интеллектуальные эмоции становятся особенно актуальными при очень высокой степени неопределенности ТЖС, среди которых глобальный вызов, поскольку побуждают к анализу информации, благодаря чему повышается степень ясности ситуации. Оценка ситуации неопределенности как относительно простой сочетается с более выраженными жизнестойкостью и самоактивацией и более низкими показателями социально-эмоционального и избегающего совладания. Когнитивно-поведенческий стиль совладания наиболее характерен при переживании очень сложной и относительно простой трудной жизненной ситуации неопределенности. Он является доминирующим

для всей выборки, в сравнении с другими стилями. Данный стиль совладания имеет большое значение для понимания неопределенности жизненных вызовов и поиска ресурсов для совладания с ними. Более детальный анализ позволил обнаружить, что, несмотря на редкое упоминание глобального вызова в качестве актуальной ТЖС, он переживается людьми как очень сложная и сложная ситуация неопределенности, при этом активизирующая все психологические ресурсы для преодоления. Дальнейшие исследования на расширенных выборках помогут понять зависимость тех или иных психологических ресурсов совладания от двух факторов: от типа вызова и степени его неопределенности.

Ограничениями данного исследования являются широкий возрастной диапазон выборки и преобладание в ней женщин, выделение обобщенных групп ТЖС. Более достоверные данные могут быть получены при расширении выборки и при очном проведении исследования. Требуется и учет давности ситуаций-вызовов.

Заключение

Таким образом, существует необходимость не только в анализе различных вызовов современности, но и в изучении степени их неопределенности и возможностей личности для преодоления. В перспективе нужно изучить степень неопределенности при более дробной дифференциации жизненных вызовов. Например, степень неопределенности вызова болезни может быть разной в зависимости от врожденного/приобретенного характера заболевания, возраста, продолжительности болезни. Глобальный вызов также может быть дифференцирован по типам (участие близких в СВО, переезд в другую страну и т.д.), ко-

торые могут сопровождаться разной степенью неопределенности. Это касается и других типов вызовов, которые будут изучаться в дальнейшем.

Выводы

1. Выделено семь типов жизненных вызовов, переживаемых как ситуации разной степени неопределенности. Чаще всего упоминается вызов отношениям, реже — глобальный вызов, связанный с СВО, и вызов самопроектированию. При этом глобальный вызов переживается как очень сложная и сложная ситуация неопределенности; вызов утраты — как сложная, вызов болезни, вызов отношениям, вызов материальных трудностей примерно в сорока процентах случаев — как очень сложные ситуации неопределенности и примерно в трети случаев — как сложные либо простые. Вызов самопроектированию и вызов профессиональной деятельности чаще оцениваются или как очень сложные ситуации неопределенности, или как простые.

2. Оценки значимости, трудности, стрессогенности, непредсказуемости, непонятности, неопределенности, неожиданности ситуации ниже при более низкой степени неопределенности ситуации в целом. Очень сложная и сложная ситуации неопределенности оцениваются как менее контролируемые. Сложные ситуации неопределенности — как самые неразрешимые. Женщины оценивают жизненные ситуации неопределенности как очень сложные и сложные, а мужчины — либо как очень сложные, либо как простые.

3. Эмоциональные переживания в связи с ситуациями неопределенности имеют разную интенсивность. Наиболее выражены переживания страданий, далее, по убыванию — переживания несправедливости, самокритические эмоции, интеллектуальные эмоции. Наибольшую

интенсивность они имеют у группы, переживающей очень сложные ситуации неопределенности, наименьшую — у переживающих относительно простые.

4. Психологическими ресурсами переживания ситуаций разной степени неопределенности являются жизнестойкость, самоактивация и разные стили совладания. Ресурсы жизнестойкости и самоактивации более выражены в ситуациях с меньшей степенью неопределен-

ности. Когнитивно-поведенческий стиль совладания является наиболее часто используемым всеми группами, реже используется социально-эмоциональное совладание, еще реже — избегающее совладание.

5. При переживании глобального вызова доминирует социально-эмоциональный стиль совладания, а все психологические ресурсы значительно выше, чем при других типах вызовов.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. № 8(40). DOI:10.54359/ps.v8i40.550
2. Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 3. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/604/701> (дата обращения: 10.11.2023).
3. Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 760–771. DOI:10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771
4. Битюцкая Е.В., Корнеев А.А. Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации: диагностика и структура // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 145–161.
5. Бреслав Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения к его отсутствию // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 1. С. 27–42. DOI:10.17323/1813-8918-2020-1-27-42
6. Бызова В.М., Аванесян М.О. Переживание субъективной неопределенности и готовность к изменениям // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 3(137). С. 103–111. DOI:10.25730/VSU.7606.20.044
7. Василюк Ф.Е. К истории понятия переживания // Научная школа Л.С. Выготского: традиции и инновации: материалы международного симпозиума. М., 27–28 июня 2016 года. М.: БУКИВЕДИ, 2016. С. 114–122.
8. Виндекер О.С., Клименских М.В. Психометрические грани антихрупкости: толерантность к неопределенности, жизнестойкость и рост // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 107–122. DOI:10.21702/grj.2016.3.7
9. Водяха С.А., Водяха Ю.Е., Симбирцева Н.А., Шалагина Е.В. Вызовы времени: самопроектирование молодежи как междисциплинарная задача // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 1. С. 15–20.
10. Грицков Ю.В. Страдание как сущностное свойство человеческой ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1(9). С. 49–54. DOI:10.21603/2542-1840-2019-3-1-49-54
11. Гришина Н.В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 126–138. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.202
12. Гришина Н.В. Человек в отношениях с окружающим миром: описания контекста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 22–39. DOI:10.11621/vsp.2022.03.03

13. Ермолаева М.В. Надежда как ресурс совладания с жизненным вызовом неопределенности // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 2(63). С. 8–20.
14. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3–20.
15. Ковальчук Д.Ф., Гребенникова В.М., Бонкало Т.И. Признаки и основные характеристики ситуации неопределенности: систематический обзор // Обзор педагогических исследований. 2023. Т. 5. № 1. С. 185–191.
16. Кольцова Л.С. Чувства вины и стыда как психологическая проблема у девушек-студенток // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 1А. С. 172–180. DOI:10.34670/AR.2022.18.48.035
17. Краснорядцева О.М., Найман А.Б. Психосемантические маркеры дефицитарности компонентов саморегуляции в ситуациях нарастающей неопределенности // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85. С. 190–204. DOI:10.17223/17267080/85/10
18. Крюкова Е.А., Корнилова Т.В. Эмпатия и отношение к неопределенности и риску у российских врачей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 3. С. 331–346. DOI:10.21638/spbu16.2022.306
19. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 2. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/555/291> (дата обращения: 10.11.2023).
20. Милявская Н.Б., Лик Е. Вызовы как заимствованный англо-американский регулятивный концепт // Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка. 2019. С. 127–142.
21. Моспан А.Н. Совладание со стрессом неопределенности // Человек. 2023. Т. 34. № 2. С. 40–51. URL: <https://chelovek-journal.ru/s023620070025530-0-1/>. DOI:10.31857/S023620070025530-0
22. Мохов В.А., Бабушкина С.Л. Роль экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределенности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 26–46. DOI:10.28995/2073-6398-2022-2-26-46
23. Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка методики самоактивации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 12. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/316/589> (дата обращения: 10.11.2023).
24. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
25. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
26. Толстых Н.Н. Социальная психология развития: интеграция идей Л.С. Выготского и А.В. Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103
27. Черноусова Т.В. Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа // Психология человека и образования. 2022. Т. 4. № 4. С. 421–434.
28. Шестова М.А. Связь эмоциональной сферы и толерантности к неопределенности с продуктивными стратегиями принятия решений // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психологопедагогические науки». 2021. Т. 18. № 3. С. 145–156. DOI:10.17673/vsgtu-pps.2021.3.10
29. Arredondo A.Y., Caparrs B. Positive Facets of Suffering, Meaningful Moments, and Meaning Fulfilment: A Qualitative Approach to Positive Existential Issues in Trauma-Exposed University Students // Psychological Studies. 2023. Vol. 68. P. 13–23. DOI:10.1007/s12646-022-00698-z

30. *Breakwell G.M.* Mistrust, uncertainty and health risks // Contemporary Social Science. 2020. Vol. 15. № 5. P. 504–516. DOI:10.1080/21582041.2020.1804070
31. *Horikoshi K.* The positive psychology of challenge: Towards interdisciplinary studies of activities and processes involving challenges // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.1090069
32. *Kaldewey D.* The Grand Challenges Discourse: Transforming Identity Work in Science and Science Policy // Minerva. 2018. Vol. 56. № 2. P. 161–182. DOI:10.1007/s11024-017-9332-2
33. *Leontiev D., Mospan A., Osin E.* Positive personality resources as buffers against psychological reactions to uncertainty // Current Psychology. 2022. DOI:10.1007/s12144-022-03879-1
34. *Lucas C.M., Pacheco L.S., Costa P., Lawthom R., Coimbra J.* Factorial validity and measurement invariance of the uncertainty response scale // Psychology, reflection and criticism. 2019. Vol. 32. № 23. DOI:10.1186/s41155-019-0135-2
35. *Massazza A., Kienzler H., Al-Mitwalli S., Tamimi N., Giacaman R.* The association between uncertainty and mental health: a scoping review of the quantitative // literature, Journal of Mental Health. 2023. Vol. 32. № 2. P. 480–491. DOI:10.1080/09638237.2021.2022620
36. *McGinnis D.* Resilience, Life Events, and Well-Being During Midlife: Examining Resilience Subgroups // Journal of Adult Development. 2018. № 25. P. 198–221. DOI:10.1007/s10804-018-9288-y
37. *Moriss J., Tupitsa E., Dodd H.F., Hirsch C.R.* Uncertainty Makes Me Emotional: Uncertainty as an Elicitor and Modulator of Emotional States // Frontiers in psychology. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.777025
38. *Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Ivanova P.A., Guseva E.S.* Special Characteristics of the Resilience of Russian Families in the Face of Modern Challenges (A Preliminary Study) // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. Vol. 15. № 3. P. 56–74. DOI:10.11621/pir.2022.0304
39. *Roo de G.* Knowing in Uncertainty: On Epistemic Conditions Differentiated for Situations in Varying Degrees of Uncertainty, the Distinction Between Hierarchical and Flat Ontology, and the Necessary Merger With the Axiological Domain of Values // The Planning Review. 2021. Vol. 57. № 2. P. 90–111. DOI:10.1080/02513625.2021.1981016
40. *Sassenberg K., Scholl A.* Linking regulatory focus and threat—challenge: transitions between and outcomes of four motivational states // European Review of Social Psychology. 2019. Vol. 30. № 1. P. 174–215. DOI:10.1080/10463283.2019.1647507
41. *Sawhney G., Michel J.S.* Challenge and Hindrance Stressors and Work Outcomes: the Moderating Role of Day-Level Affect // Journal Business and Psychology. 2022. № 37. P. 389–405. DOI:10.1007/s10869-021-09752-5
42. *Schulz M., Zinn J.O.* Rationales of risk and uncertainty and their epistemological foundation by new phenomenology // Journal of Risk Research. 2023. Vol. 26. № 3. P. 219–232. DOI:10.1080/1369877.2022.2162105
43. *Sinha T.* Enriching problem-solving followed by instruction with explanatory accounts of emotions // Journal of the Learning Sciences. 2022. Vol. 31. № 2. P. 151–198. DOI:10.1080/10508406.2021.1964506
44. *Zinn J.O.* ‘In-between’ and other reasonable ways to deal with risk and uncertainty: A review article // Health, risk and society. 2016. Vol. 18. № 7-8. P. 348–366. DOI:10.1080/13698575.2016.1269879

References

1. Asmolov A.G. Psikhologija sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobrazija [Modern psychology: challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psichologicheskie issledovaniia = Psychological Studies*, 2015, no. 8(40). DOI:10.54359/ps.v8i40.550 (In Russ.).
2. Belinskaja E.P. Neopredelennost' kak kategorija sovremennoi sotsial'noi psikhologii lichnosti [Uncertainty as a category of modern social psychology of personality] [Elektronnyi resurs].

- Psikhologicheskie issledovaniia = Psychological Studies*, 2014. Vol. 7, no. 36, p. 3. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/604/701> (Assessed 10.11.2023). (In Russ.).
3. Belinskaya E.P. Sovladanie s trudnostiami v epokhu neopredelennosti i global'nykh riskov: osnovnye issledovatel'skie trendy [Coping in Times of Uncertainty and Global Risks: The Main Research Trends]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2022. Vol. 24, no. 6, pp. 760–771. DOI:10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771 (In Russ.).
 4. Bitiutskaia E.V., Korneev A.A. Subektivnoe otsenivanie trudnoi zhiznennoi situatsii: diagnostika i struktura [Subjective assessment of a difficult life situation: diagnostics and structure]. *Voprosy psichologii = Questions of Psychology*, 2021. Vol. 67, no. 4, pp. 145–161. (In Russ.).
 5. Breslav G.M. Obida kak predmet psikhologicheskogo izucheniiia: ot proshcheniiia k ego otsutstviiu [Resentment as the Subject-Matter of Psychological Study: From Forgiveness to the Lack of Forgiveness]. *Psichologiiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2020. Vol. 17, no. 1, pp. 27–42. DOI:10.17323/1813-8918-2020-1-27-42 (In Russ.).
 6. Byzova V.M., Avanesian M.O. Perezhivanie subektivnoi neopredelennosti i gotovnost' k izmeneniiam [Experiencing subjective uncertainty and being ready for change]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University*, 2020, no. 3(137), pp. 103–111. DOI:10.25730/VSU.7606.20.044 (In Russ.).
 7. Vasilyuk F.E. K istorii poniatiya perezhivaniya [On the history of the concept of perezhivaniye]. Nauchnaya shkola L.S. Vygotskogo: traditsii i innovatsii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [L.S. Vygotsky Scientific School: Traditions and innovations: materials of the International symposium]. Moscow, June 27–28, 2016. Moscow, BUKIVEDI Publ. 2016, pp. 114–122. (In Russ.).
 8. Vindeker O.S., Klimenskikh M.V. Psikhometricheskie grani antikhrupkosti: tolerantnost' k neopredelennosti, zhiznestoikost' i rost [Psychometric facets of antifragility: tolerance of ambiguity, hardness, and growth]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*, 2016. Vol. 13, no. 3, pp. 107–122. DOI:10.21702/rpj.2016.3.7 (In Russ.).
 9. Vodiakha S.A., Vodiakha Iu.E., Simbirtseva N.A., SHalagina E.V. Vyzovy vremeni: samoproektirovaniye molodezhi kak mezhdisciplinarnaya zadacha [Challenges of the time: self-designing of youth as an interdisciplinary task]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye = Society, environment, development*, 2021, no. 1, pp. 15–20. (In Russ.).
 10. Gritskov Iu.V. Stradanie kak sushchnostnoe svoistvo chelovecheskoi situatsii [Suffering as an ontological property of the human condition]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2019. Vol. 3, no. 1(9), pp. 49–54. DOI:10.21603/2542-1840-2019-3-1-49-54 (In Russ.).
 11. Grishina N.V. «Samoizmeneniia» lichnosti: vozmozhnoe i neobkhodimoe [“Self-Changes” of the Personality: Possible and Necessary]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psichologiiia i pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 126–138. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.202 (In Russ.).
 12. Grishina N.V. Chelovek v otnosheniakh s okruzhaiushchim mirom: opisaniia konteksta [Man in relations with the environment: context descriptions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 14. Psichologiiia = Moscow university psychology bulletin*, 2022, no. 3, pp. 22–39. DOI:10.11621/vsp.2022.03.03 (In Russ.).
 13. Ermolaeva M.V. Nadezhda kak resurs sovladaniia s zhiznennym vyzovom neopredelennosti [Hope as a resource for coping with the life challenge of uncertainty]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniiia = Actual problems of psychological knowledge*, 2023, no. 2(63), pp. 8–20. (In Russ.).
 14. Zinchenko V.P. Tolerantnost' k neopredelennosti: novost' ili psikhologicheskaiia traditsiia [Tolerance of ambiguity: the news or a psychological tradition?]. *Voprosy psichologii = Approaches to Psychology*, 2007, no. 6, pp. 3–20. (In Russ.).

15. Koval'chuk D.F., Grebennikova V.M., Bonkalo T.I. Priznaki i osnovnye kharakteristiki situatsii neopredelennosti: sistematiceskii obzor [Signs and main characteristics of uncertainty: a systematic review]. *Obzor pedagogicheskikh issledovanii = Review of Pedagogical Research*, 2023. Vol. 5, no. 1, pp. 185–191. (In Russ.).
16. Kol'tsova L.S. CHuvstva viny i styda kak psikhologicheskaiia problema u devushek-studentok [Guilt and shame as a psychological problem for female students]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia = Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2022. Vol. 11, no. 1A, pp. 172–180. DOI:10.34670/AR.2022.18.48.035 (In Russ.).
17. Krasnoriatseva O.M., Naiman A.B. Psikhosemanticheskie markery defitsitarnosti komponentov samoregulatsii v situatsiakh narastaiushchei neopredelennosti [Psychosemantic markers of deficiency in self-regulation components during situations of increasing uncertainty]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2022, no. 85, pp. 190–204. DOI:10.17223/17267080/85/10 (In Russ.).
18. Kriukova E.A., Kornilova T.V. Empatiia i otnoshenie k neopredelennosti i risku u rossiiskikh vrachei [Empathy and attitude to uncertainty and risk-readiness. in Russian doctors]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 331–346. DOI:10.21638/spbu16.2022.306 (In Russ.).
19. Leont'ev D.A. Vyzov neopredelennosti kak tsentral'naia problema psikhologii lichnosti [Challenge to uncertainty as the central problem of personality psychology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniia = Psychological Studies*, 2015. Vol. 8, no. 40, p. 2. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/555/291> (Assessed 10.11.2023). (In Russ.).
20. Miliavskaiia N.B., Lik E. Vyzovy kak zaimstvovannyi anglo-amerikanskii regulativnyi kontsept [Challenges as a borrowed Anglo-American regulatory concept]. *Svoe vs chuzhoe v diskursivnykh praktikakh sovremennoego russkogo iazyka = Own vs aliens in the modern Russian language discursive practices*, 2019, pp. 127–142. (In Russ.).
21. Mospan A.N. Covladanie so stressom neopredelennosti [Coping with Stress of Uncertainty]. *Chelovek = Person*, 2023. Vol. 34, no. 2, pp. 40–51. URL: <https://chelovek-journal.ru/s023620070025530-0-1/> DOI:10.31857/S023620070025530-0 (In Russ.).
22. Mokhov V.A., Babushkina S.L. Rol' ekzistentsial'nogo optya v perezhivanii situatsii neopredelennosti [The role of existential experience in processing uncertainty]. *Vestnik RGGU. Seriya Psichologiya. Pedagogika. Obrazovanie = RGGU Bulletin. Psychology. Pedagogics. Education Series*, 2022, no. 2, pp. 26–46. DOI:10.28995/2073-6398-2022-2-26-46 (In Russ.).
23. Odintsova M.A., Radchikova N.P. Razrabotka metodiki samoaktivatsii lichnosti [Development of a methodology for personality self-activation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniia = Psychological Studies*, 2018. Vol. 11, no. 58, p. 12. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/316> (Assessed 10.11.2023). (In Russ.).
24. Osin E.N., Rasskazova E.I. Kratkaia versiia testa zhiznestoikosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primenenie v organizatsionnom kontekste [A short version of the resilience test: psychometric characteristics and application in an organizational context]. *Vestnik Mosk. un-ta Ser. 14. Psichologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2013, no. 2, pp. 147–165. (In Russ.).
25. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Koping-strategii v strukture deiatel'nosti i samoregulatsii: psikhometricheskie kharakteristiki i vozmozhnosti primeneniia metodiki Cope [Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and possibilities of using the Cope test]. *Psichologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 1, pp. 82–118. (In Russ.).
26. Tolstykh N.N. Sotsial'naia psikhologiiia razvitiia: integratsiia idei L.S. Vygotskogo i A.V. Petrovskogo [Social Psychology of Development: Integrating the Ideas of L.S. Vygotsky and A.V. Petrovsky]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiiia = Cultural-Yistorical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103 (In Russ.).

27. Chernousova T.V. Strategii prozhivaniia situatsii neopredelennosti kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo analiza [Strategies of responding to uncertainty as a subject of socio-psychological analysis]. *Psichologija cheloveka i obrazovaniia = Psychology in Education*, 2022. Vol. 4, no. 4, pp. 421–434. (In Russ.).
28. Shestova M.A. Sviazi emotsional'noi sfery i tolerantnosti k neopredelennosti s produktivnymi strategiiami priniatiia reshenii [Relationship between emotional sphere, tolerance of uncertainty and productive decision-making strategies]. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. Seriya Psichologo-pedagogicheskie nauki = Vestnik of Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 145–156. DOI:10.17673/vsgtu-pps.2021.3.10 (In Russ.).
29. Arredondo A.Y., Caparrs B. Positive Facets of Suffering, Meaningful Moments, and Meaning Fulfilment: A Qualitative Approach to Positive Existential Issues in Trauma-Exposed University Students. *Psychological Studies*, 2023. Vol. 68, pp. 13–23. DOI:10.1007/s12646-022-00698-z
30. Breakwell G.M. Mistrust, uncertainty and health risks. *Contemporary Social Science*, 2020. Vol. 15, no. 5, pp. 504–516. DOI:10.1080/21582041.2020.1804070
31. Horikoshi K. The positive psychology of challenge: Towards interdisciplinary studies of activities and processes involving challenges. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.1090069
32. Kaldewey D. The Grand Challenges Discourse: Transforming Identity Work in Science and Science Policy. *Minerva*, 2018. Vol. 56, no. 2, pp. 161–182. DOI:10.1007/s11024-017-9332-2
33. Leontiev D., Mospan A., Osin E. Positive personality resources as buffers against psychological reactions to uncertainty. *Current Psychology*, 2022. DOI:10.1007/s12144-022-03879-1
34. Lucas Casanova M., Pacheco L.S., Costa P., Lawthom R., Coimbra J. Factorial validity and measurement invariance of the uncertainty response scale. *Psychology, reflection and criticism*, 2019. Vol. 32, no. 23. DOI:10.1186/s41155-019-0135-2
35. Massazza A., Kienzler H., Al-Mitwalli S., Tamimi N., Giacaman R. The association between uncertainty and mental health: a scoping review of the quantitative literature. *Journal of Mental Health*, 2023. Vol. 32, no. 2, pp. 480–491. DOI:10.1080/09638237.2021.2022620
36. McGinnis D. Resilience, Life Events, and Well-Being During Midlife: Examining Resilience Subgroups. *Journal of Adult Development*, 2018, no. 25, pp. 198–221. DOI:10.1007/s10804-018-9288-y
37. Morrise J., Tupitsa E., Dodd H.F., Hirsch C.R. Uncertainty Makes Me Emotional: Uncertainty as an Elicitor and Modulator of Emotional States. *Frontiers in psychology*, 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsyg.2022.777025
38. Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Ivanova P.A., Gusarova E.S. Special Characteristics of the Resilience of Russian Families in the Face of Modern Challenges (A Preliminary Study). *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022. Vol. 15, no. 3, pp. 56–74. DOI:10.11621/pir.2022.0304
39. Roo de G. Knowing in Uncertainty: On Epistemic Conditions Differentiated for Situations in Varying Degrees of Uncertainty, the Distinction Between Hierarchical and Flat Ontology, and the Necessary Merger With the Axiological Domain of Values. *The Planning Review*, 2021. Vol. 57, no. 2, pp. 90–111. DOI:10.1080/02513625.2021.1981016
40. Sassenberg K., Scholl A. Linking regulatory focus and threat–challenge: transitions between and outcomes of four motivational states. *European Review of Social Psychology*, 2019. Vol. 30, no. 1, pp. 174–215. DOI:10.1080/10463283.2019.1647507
41. Sawhney G., Michel J.S. Challenge and Hindrance Stressors and Work Outcomes: the Moderating Role of Day-Level Affect. *Journal Business and Psychology*, 2022, no. 37, pp. 389–405. DOI:10.1007/s10869-021-09752-5
42. Schulz M., Zinn J.O. Rationales of risk and uncertainty and their epistemological foundation by new phenomenology. *Journal of Risk Research*, 2023. Vol. 26, no. 3, pp. 219–232. DOI:10.1080/13669877.2022.2162105

43. Sinha T. Enriching problem-solving followed by instruction with explanatory accounts of emotions. *Journal of the Learning Sciences*, 2022. Vol. 31, no. 2, pp. 151–198. DOI:10.1080/10508406.2021.1964506

44. Zinn J.O. 'In-between' and other reasonable ways to deal with risk and uncertainty: A review article. *Health, risk and society*, 2016. Vol. 18, no. 7-8, pp. 348–366. DOI:10.1080/13698575.2016.1269879

Информация об авторах

Одintsova Мария Антоновна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Лубовский Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Кузьмина Елена Ивановна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3488-2622>, e-mail: kuzminaei@mgppu.ru

Information about the authors

Maria A. Odintsova, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Head of the Chair of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Dmitry V. Lubovsky, PhD in Psychology, Professor of the UNESCO department “Cultural and historical Psychology of Childhood”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Elena I. Kuzmina, Senior Lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3488-2622>, e-mail: kuzminaei@mgppu.ru

Получена 13.09.2023

Received 13.09.2023

Принята в печать 01.12.2023

Accepted 01.12.2023

Влияние пролонгированной стрессовой ситуации на мировоззренческие установки, особенности мышления и моральные решения

Медведева Т.И.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6012-2152>, e-mail: medvedeva.ti@gmail.com

Ениколовов С.Н.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Бойко О.М.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2895-807X>, e-mail: olga.m.boyko@gmail.com

Воронцова О.Ю.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0001-5698-676X>, e-mail: okvorontsova@inbox.ru

Чудова Н.В.

ФГУ «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»

Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0001-9306-1280>, e-mail: nchudova@gmail.com

Рассказова Е.И.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Цель. Оценка результатов влияния пролонгированной стрессовой ситуации на мировоззренческие установки, особенности мышления и моральные решения.

Контекст и актуальность. Ситуация пандемии может рассматриваться как модельная стрессовая ситуация. Оценка ее влияния позволяет предсказать последствия переживания обществом высокого уровня стресса в ситуации опасности и/или неопределенности.

Дизайн исследования. Сравнивались уровень дистресса, моральные решения, базисные убеждения, особенности мышления до пандемии и в условиях пандемии. Использовались методы дисперсионного анализа, критерий Краскела-Уоллиса, корреляционный анализ.

Участники. «Моральные дилеммы» $N = 621$ (23,4% мужчин), возраст $- 33,7 \pm 11,32$; Опросник конструктивного мышления $N = 700$ (20,7% мужчин), возраст $- 31,55 \pm 9,7$; Шкала базисных убеждений $N = 412$ (18,2% мужчин), возраст $- 35,6 \pm 11,2$.

Методы. «Моральные дилеммы», «Шкала базисных убеждений личности», Опросник конструктивного мышления «OKM97», «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» SCL-90R.

Результаты. Во время пандемии выше уровень переживаемого дистресса, ниже способность различать личное и «дистанктное» насилие, ниже показатели конструктивного мышления и эмоционального совладания. Снижены убеждение в доброжелательности, справедливости мира, ценность собственного «Я». Все эти изменения связаны с высоким уровнем дистресса.

Основные выводы. Стressовая ситуация привела к изменению в моральных решениях. Изменение не было связано напрямую с базисными убеждениями и особенностями мышления и является следствием «эмоционального отстранения» от стрессовой ситуации.

Ключевые слова: конструктивное мышление; базисные убеждения; стресс; моральные решения; моральные дилеммы, COVID-19.

Для цитаты: Медведева Т.И., Ениколов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Чудова Н.В., Рассказова Е.И. Влияние пролонгированной стрессовой ситуации на мировоззренческие установки, особенности мышления и моральные решения // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 178–193. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140411>

The Influence of Prolonged Stressful Situation on World Assumptions, Peculiarities of Thinking and Moral Decisions

Tatiana I. Medvedeva

Mental Health Research Center, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6012-2152>, e-mail: medvedeva.ti@gmail.com

Sergey N. Enikolopov

Mental Health Research Center, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Olga M. Boyko

Mental Health Research Center, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2895-807X>, e-mail: olga.m.boyko@gmail.com

Oksana Yu. Vorontsova

Mental Health Research Center, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5698-676X>, e-mail: okvorontsova@inbox.ru

Natalia V. Chudova

Federal State Institution “Federal Research Center “Informatics and Management” of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9306-1280>, e-mail: nchudova@gmail.com

Elena I. Rasskazova

Mental Health Research Center, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Objective. The study of the influence of prolonged stressful situation on world assumptions, peculiarities of thinking and moral decisions.

Background. The pandemic situation can be considered as a model stressful situation. The assessment of its impact makes it possible to predict the consequences of society experiencing a high level of stress in a situation of danger and/or uncertainty.

Study design. The level of distress, moral decisions, world assumptions, and peculiarities of thinking before the pandemic and in the conditions of the pandemic were compared. Methods of variance analysis, the Kraskal-Wallace criterion, and correlation analysis were used.

Participants. "Moral dilemmas" $N = 621$ (23,4% of men), age – $33,7 \pm 11,32$; *Constructive thinking questionnaire* $N = 700$ (20,7% of men), age – $31,55 \pm 9,7$; *Scale of basic beliefs* $N = 412$ (18,2% of men), age – $35,6 \pm 11,2$.

Measurements. "Moral dilemmas", "World Assumptions Scale" (WAS), "Constructive Thinking Inventory" (CTI), *Symptom Check List-90-Revised (SCL-90R)*.

Results. During the pandemic, the level of distress experienced is higher, the ability to distinguish between personal and "distant" violence is lower, and indicators of constructive thinking and emotional coping are lower. The belief in benevolence, justice of the world, the value of one's own self is reduced. All these changes are associated with a high level of distress.

Conclusions. The stressful situation led to a change in moral decisions. The change was not directly related to basic beliefs and thinking patterns and is a consequence of "emotional detachment" in stressful situation.

Keywords: constructive thinking; world assumptions; stress; moral decisions; moral dilemmas, COVID-19.

For citation: Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Boyko O.M., Vorontsova O.Yu., Chudova N.V., Rasskazova E.I. The Influence of Prolonged Stressful Situation on World Assumptions, Peculiarities of Thinking and Moral Decisions. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo* = Social Psychology and Society, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 178–193. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140411>

Введение

Множество исследований отмечают рост уровня дистресса во время пандемии COVID-19 [1; 3; 6; 19; 21; 22; 23; 28; 29]. Ситуация пандемии может рассматриваться как модельная стрессовая ситуация. Оценка результатов ее влияния на мировоззренческие установки людей, особенности мышления позволяет предсказать последствия переживания обществом высокого уровня стресса в ситуации опасности и/или неопределенности. А также дает возможность оценить, как изменения мировоззренческих установок и способов осмыслиения происходящих событий отражаются в процессах принятия решений, в том числе моральных.

Моральный выбор – это решение, при котором мы оцениваем наши собственные действия или действия других людей на основе норм и ценностей. Моральные решения являются сложными и противоречивыми, поскольку они содержат выбор между двумя нежелательными альтернативами, вызывающими негативную эмоциональную реакцию. Для изучения процесса принятия моральных решений

широко используются моральные дилеммы. В моральной дилемме человеку предлагается представить себя в сложной ситуации, в которой он должен выбирать между двумя противоречащими друг другу ценностями или убеждениями. Например, в ответ на сценарий моральной дилеммы можно пожертвовать жизнью одного человека, чтобы спасти жизни четырех или пяти других людей (утилитарный ответ на моральную дилемму), или не предпринимать никаких действий, что приведет к гибели всех (деонтологический ответ). Согласно принципу деонтологии вредное действие запрещено и аморально независимо от его результата, в то время как утилитарный принцип определяет «мораль действия» с точки зрения его результата. Было представлено несколько теорий, объясняющих индивидуальные различия в принятии моральных решений. Модель двойного процесса, предложенная Дж. Грином (J. Greene), подчеркивает влияние двух процессов – как аффективных, так и когнитивных – на моральные суждения [13]. Если автоматические аффективные про-

цессы и эмоциональные реакции станут доминирующими в процедуре принятия решений, вероятно, будет иметь место деонтологическое суждение, на основе эмоций. Однако если более контролируемые когнитивные процессы приведут человека, принимающего решение, к выбору наибольшего блага, возникнет утилитарное моральное суждение.

Способ причинения вреда другому человеку или группе лиц, который может даже привести к смерти индивида, позволяет различать дилеммы с точки зрения того, являются ли они личностными или безличностными [15]. В личностных моральных дилеммах серьезный физический вред другому человеку или группе лиц наносится непосредственно испытуемым. Дилеммы, связанные с причинением косвенного вреда, классифицируются как безличностные. Личностные дилеммы вызывают более сильный эмоциональный ответ, чем безличностные, и эмоциональные процессы играют более важную роль при принятии решения в личностных дилеммах. Один из самых известных примеров безличностной дилеммы — дилемма «Вагонетки», в которой нужно повернуть руль вагонетки и направить ее на одного рабочего, чтобы спасти пятерых. Среди личностных дилемм — «дилемма Толстяка» (иногда называют дилемма «Моста»), в которой нужно лично столкнуть на рельсы незнакомого человека, чтобы спасти пятерых рабочих. То есть в личностных дилеммах предлагается сделать выбор в пользу личного насилия, а в безличностных — в пользу косвенного или «дистантного» насилия ради спасения других людей.

Влияние стресса на принятие моральных решений изучается исследователями достаточно давно, но до пандемии они были в основном сосредоточены на влиянии острого стресса, часто лабора-

торно вызванного, и большинство исследователей приходили к выводу, что в условиях стресса количество утилитарных выборов в личностных дилеммах уменьшается [13; 30]. Авторы полагают, что полученные ими результаты совпадают с исследованиями, указывающими на то, что принятие решений в личностных и высоко эмоционально значимых моральных дилеммах в состоянии стресса способствует быстрому автоматическому ответу (в этом случае уменьшая шансы утилитарных ответов). В то время как меньшее беспокойство и рациональный поиск информации способствуют утилитарным ответам. В самом начале пандемии в ряде исследований были получены аналогичные результаты [24], свидетельствующие об уменьшении положительных утилитарных выборов в личностных моральных дилеммах в условиях стресса. Однако обсуждались и другие результаты [2], которые показывали увеличение количества личностных выборов во время пандемии, и делались попытки объяснить это противоречие разнонаправленной реакцией на стрессовую ситуацию.

В условиях пандемии появилась возможность исследовать влияние длительного стресса на принятие моральных решений. Большинство исследований во время пандемии сосредоточено на проблеме принятия моральных решений работниками здравоохранения, так как именно им пришлось принимать важные решения, связанные с жизнью и смертью других людей. Эти исследования, в частности, показали [16], что наблюдение за страданиями пациентов вызывало эмоциональный стресс у медицинского персонала, и это мешало им наилучшим образом работать в интересах пациента. В результате у части врачей цинизм и отстраненность стали типичными стратегиями совладания. Исследование с

использованием моральных дилемм показало, что стресс был важным фактором в предсказании увеличения количества утилитарных выборов в личностных моральных дилеммах среди медицинского персонала [10; 20]. Результаты исследований показали, что работники, не связанные со здравоохранением, также одобряли более утилитарные решения во время пандемии COVID-19 [26].

Особенности мышления являются важным фактором, способствующим или мешающим эффективному совладанию со стрессом. Конструктивное мышление определяется как способность решать проблемы в повседневной жизни с минимальными затратами в условиях стресса. Автор концепции и методики конструктивного мышления С. Эпштейн [25] подчеркивал связь переживания стресса и уровня конструктивного мышления. Связь между ними была продемонстрирована экспериментально с помощью лабораторно вызванного стресса; оказалось, что переживание стресса людьми с низкими показателями конструктивного мышления было значимо выше. В других исследованиях также подтверждается связь более высокого уровня стресса с низким уровнем конструктивного мышления [27]. Одно из объяснений автора концепции состоит в том, что неконструктивно мыслящие люди, находясь в стрессовой ситуации, мыслят способами, которые в большей степени вызывают стресс, и, соответственно, имеют больше негативных реакций, чем конструктивно мыслящие люди. Это позволяет предполагать, что во время пандемии и других потенциально стрессогенных ситуаций можно ожидать более высокого уровня стресса у людей со сниженным конструктивным мышлением, а также, что уровень стресса может оказывать влияние на преобладающие способы мышления.

У каждого человека в процессе его развития формируются «базисные убеждения» о мире и себе самом, с помощью которых человек интерпретирует реальность, управляет ею, они помогают сохранять доверие к миру и целостность собственной личности в травмирующей стрессовой ситуации [18]. Согласно теории Р. Янофф-Бульман (R. Janoff-Bulman) «базисные убеждения — это имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе», которые влияют на поведение человека, его мышление и эмоциональные состояния [7]. Основными такими убеждениями являются уверенность в справедливости мира, уверенность в его доброжелательности, а также уверенность в собственной ценности. Эти мировоззренческие установки позволяют ставить цели, целенаправленно действовать и проявлять моральную свободу воли. Теория также утверждает, что травматический опыт способен разрушить эти основополагающие убеждения, противореча их логике — «теория разрушенных убеждений» (Shattered Assumption Theory) [17]. Без этих жизненно важных организующих убеждений человек остается глубоко дезориентированным, недоверчивым, хващающимся за новые способы справляться с требованиями и готовым придавать им новый смысл.

Дезориентация может проявляться в том числе в «моральной дезориентации» [12], для описания которой часто используется термин «морального ущерба» (moral injury), который является реакцией на разрушение основополагающих моральных убеждений и последующую неспособность адекватно оценивать этические проблемы и формировать моральную идентичность. «Моральный ущерб» (moral injury) — это диссонирующее переживание, которое следует за осоз-

нанием острого несоответствия между моральными убеждениями и своим поведением или поведением других людей. Моральный ущерб можно определить как реакцию на последствия проступков или нарушений, вызванных тем, что человек совершает действия или не в состоянии предотвратить действия, или вынужден пережить опыт изменения мнения о том, что является правильным, со стороны людей, принимающих решения. Расхождение между тем, что было пережито, и тем, что считалось морально верным, порождает форму морально-психологической адаптации, проявляющейся в изменении моральной идентичности.

Целью исследования была оценка результатов влияния пролонгированной стрессовой ситуации на мировоззренческие установки, особенности мышления и моральные решения.

Метод

Схема проведения исследования. Репонденты заполняли методики для оценки уровня переживаемого дистресса, моральных решений, базисных убеждений, особенностей мышления.

Методы исследования. Тест «Моральные дилеммы», который представлял из себя выборку из 30 дилемм, предложенных Дж. Грином с соавторами [14], переведенных на русский язык. Испытуемому предлагается представить себя в сложной ситуации и сделать выбор, который может вызвать конфликт между моральными убеждениями и представлениями о справедливости, общем благе или выгоде. Дилеммы делятся на 3 группы: «нейтральные» дилеммы, «безличностные», «личностные». В нашем исследовании использовались показатели: «количество личностных выборов» — оценивающее способность лично совершить насилие над другим человеком ради спасения

других, «соотношение личностных и безличностных» — для оценки различия личного или «дистанционного» насилия испытуемым. *«Шкала базисных убеждений личности»* (World Assumptions Scale — WAS), адаптация О.А. Кравцовой [8]. Опросник включает следующие шкалы: «Благосклонность мира», «Доброта людей», «Справедливость мира», «Контролируемость мира», «Случайность как принцип распределения происходящих событий», «Ценность собственного Я», «Степень самоконтроля», «Степень удачи или везения» и три обобщающие шкалы: «Общее отношение к благосклонности окружающего мира», «Общее отношение к осмыслинности мира», «Убеждение относительно собственной ценности, способности управления событиями и везения»; *«Опросник конструктивного мышления «OKM97»* [4] — адаптация опросника «Constructive Thinking Inventory — CTI» [11], *«Опросник выраженности психопатологической симптоматики SCL-90R (Symptom Check List-90-Revised)*, в адаптации Н.В. Тарабриной [9], в исследовании использовался показатель «Индекс тяжести наличного дистресса».

Выборка исследования. Анализировались и сравнивались данные, полученные до начала пандемии (данные получены для методик «Моральные дилеммы», «Опросник конструктивного мышления» и «Шкала базисных убеждений» в 2011—2019 годах, для опросника SCL-90-R — в 2017 году) и во время пандемии (данные получены начиная с июня 2020 года и до мая 2021 года). Выборки не различались по социodemографическим показателям, за исключением «моральных дилемм», которые во время пандемии выполнили более молодые испытуемые. В табл. 1 приведены размеры выборок, показатели среднего возрас-

та, пола респондентов, а также значения критериев, использованных при оценке различий выборок, и уровень статистической значимости различий.

Результаты

Для анализа результатов использовались следующие методы: для сравнения гомогенных выборок использовался дисперсионный анализ ANOVA; для устранения влияния возраста для части показателей использовался дисперсионный анализ с ковариатой «возраст»; для негомогенных выборок использовался критерий Краскела-Уоллиса; для корреляционного анализа использовался метод Спирмена.

Для оценки переживаемого симптоматического психологического дистресса

был использован параметр «Индекс тяжести наличного дистресса» опросника SCL-90-R, который составил $1,46 \pm 0,44$ и $1,64 \pm 0,5$ до пандемии и во время пандемии соответственно. Показатель дистресса во время пандемии стал значимо выше (дисперсионный анализ ANOVA $F = 25,19$ при $p < 0,00$).

Корреляционный анализ показал значимую связь показателей мышления, базисных убеждений и моральных дилемм с уровнем переживаемого дистресса (табл. 2).

Результаты сравнения выполнения теста «моральные дилеммы» до пандемии и во время стрессовой ситуации пандемии показали, что средние значения групп различаются по параметрам «личностные выборы» и «соотношение личностных и безличностных выборов». Однако

Таблица 1

Размеры выборок, показатели среднего возраста и пола респондентов

	До пандемии	Во время пандемии	Значения критерия	Значимость различий
Моральные дилеммы ($N = 621$)				
Количество испытуемых	335	286		
Возраст	$35,16 \pm 10,88$	$32,11 \pm 11,63$	$F = 11,402$	0,001
% мужчин в выборке	23,3%	23,4%	<i>Chi-Square</i> = 0,002	0,521
Опросник конструктивного мышления ($N = 700$)				
Количество испытуемых	579	121		
Возраст	$32,77 \pm 12,1$	$30,9 \pm 14,0$	$F = 2,235$	0,135
% мужчин в выборке	23,0%	20,7%	<i>Chi-Square</i> = 0,681	0,237
Шкала базисных убеждений личности ($N = 412$)				
Количество испытуемых	292	120		
Возраст	$34,98 \pm 11,2$	$36,16 \pm 13,6$	$U = 17272$	0,721
% мужчин в выборке	34,6%	18,2%	<i>Chi-Square</i> = 11,012	0,000
SCL-90-R ($N = 706$)				
Количество испытуемых	503	203		
Возраст	$34,98 \pm 11,2$	$36,16 \pm 13,6$	$F = 1,196$	0,275
% мужчин в выборке	39,4%	38,5%	<i>Chi-Square</i> = 0,50	0,445

Примечания. F – критерий Фишера; U – критерий Манна-Уитни; *Chi-Square* – критерий Хи-квадрат.

Таблица 2

Результаты анализа связи показателей дистресса с моральными дилеммами, особенностями мышления, базисными убеждениями (корреляции Спирмена)

Опросник конструктивного мышления «ОКМ97»							
	Общая шкала конструктивного мышления	Эмоциональное совладание	Эзотерическое мышление	Поведенческое совладание	Категорическое мышление	Наивный оптимизм	Личностно-суверное мышление
Индекс тяжести наличного дистресса	-0,48**	-0,52**	0,08~	-0,13**	0,35**	-0,01	0,42**
Моральные дилеммы							
	Нейтральные	Безличностные		Личностные		Соотношение личностных и безличностных	
Индекс тяжести наличного дистресса	0,06	-0,04		0,07		0,09*	
Шкала базисных убеждений личности							
	Общее отношение к благосклонности окружающего мира	Общее отношение к осмысленности мира	Убеждение относительно собственной ценности	Ценность собственного «Я» (SW)	Степень самоконтроля (SC)	Степень удачи или везения (L)	
Индекс тяжести наличного дистресса	-0,35**	-0,33**	-0,35**	-0,33**	-0,03	-0,18~	

Примечания. Уровень статистической значимости: ~ – $p < 0,5$; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

корреляционный анализ показал, что оба этих параметра тесно связаны с возрастом (коэффициенты корреляции Спирмена $r = -0,358^{**}$ и $r = -0,315^{**}$ для «личностных дилемм» и «соотношения личностных и безличностных дилемм» соответственно при уровне значимости $p < 0,001$), возраст в группе, которая отвечала на вопросы моральных дилемм, был ниже. Поэтому дополнительно был проведен дисперсионный анализ с использованием «возраста»

как ковариаты. Результат показал, что, несмотря на влияние возраста, параметр «соотношение личностных и безличностных выборов» статистически значимо выше во время пандемии (табл. 3).

Сравнение показателей «Опросника конструктивного мышления» до пандемии и во время пандемии показало значимое снижение показателей конструктивного мышления, эмоционального совладания и на уровне статистической

Таблица 3

Сравнения средних значений показателей теста «моральные дилеммы» до пандемии и во время пандемии

«Моральные дилеммы»	До пандемии (N = 335)	Во время пандемии (N = 286)	Критерий и значимость различий	Критерий и значимость различий с учетом «возраста»
Нейтральные	5,39 ± 0,92	5,54 ± 0,99	F = 4,009; p = 0,046	F = 3,251; p = 0,072
Безличностные	4,95 ± 1,48	4,70 ± 1,55	F = 4,200; p = 0,041	F = 6,209; p = 0,013
Личностные	3,26 ± 1,99	3,60 ± 2,09	F = 4,351; p = 0,037	F = 0,926; p = 0,336
Соотношение личностных и безличностных	0,67 ± 0,41	0,81 ± 0,54	F = 13,286; p < 0,000	F = 7,780; p = 0,005

Примечание. F — критерий Фишера.

тенденции наивного оптимизма во время пандемии (табл. 4). В то же время повысились показатели категорического мышления и личностно-суеверного мышления.

Сравнение базисных убеждений до пандемии и во время пандемии показало снижение обобщенных показателей по шкалам «благосклонности окружающего мира» и «справедливости окружающего мира», при этом ощущение собственной ценности значимо не изменилось (табл. 5).

Так как группы статистически не различались по возрасту и различались по полу (в группе «во время пандемии» было меньше мужчин), для сравнения параметров, связанных с полом

(«справедливость окружающего мира» ниже у женщин), был использован анализ с фактором «пол» для этого параметра. Двухфакторный дисперсионный анализ с фактором, отражающим время тестирования (до пандемии и во время пандемии), и фактором пола показал, что фактор пола не оказывает влияния на результат сравнения выборок (фактор пола $F = 2,225$, $p = 0,269$), взаимодействие факторов также отсутствует ($F = 2,223$, $p = 0,137$).

Подробное рассмотрение подшкал обобщенной шкалы «Убеждение относительно собственной ценности» показало, что значимое снижение есть по шкалам «Степень самоконтроля» и «Ценность

Таблица 4

Результаты сравнения средних показателей «Опросника конструктивного мышления» до пандемии и во время пандемии

Опросник конструктивного мышления «ОКМ97»	До пандемии (N = 579)	Во время пандемии (N = 121)	Критерий и значимость различий
Общая шкала конструктивного мышления	103,42 ± 15,83	99,40 ± 17,89	F = 8,208; p = 0,004
Эмоциональное совладание	90,13 ± 17,67	85,51 ± 20,19	F = 8,678; p = 0,003
Категорическое мышление	35,75 ± 7,64	37,18 ± 9,07	F = 4,465; p = 0,035
Наивный оптимизм	36,52 ± 6,74	35,48 ± 6,50	F = 3,159; p = 0,076
Личностно-суеверное мышление	10,49 ± 3,22	11,58 ± 3,64	F = 14,447; p = 0,000

Примечание. F — критерий Фишера.

Таблица 5

Результаты сравнения средних показателей «Шкалы базисных убеждений личности» до пандемии и во время пандемии

Шкала базисных убеждений личности	До пандемии (N = 292)	Во время пандемии (N = 120)	Критерий и значимость различий
Общее отношение к благосклонности окружающего мира	16,18 ± 3,40	15,32 ± 3,38	$F = 6,368; p = 0,012$
Общее отношение к осмысленности и справедливости мира	14,49 ± 2,37	12,94 ± 2,59	$F = 41,689; p < 0,000$
Убеждение относительно собственной ценности	16,08 ± 2,46	15,73 ± 2,40	$F = 2,058; p = 0,152$
Степень самоконтроля	11,926 ± 2,713	11,182 ± 2,324	$F = 7,887; p = 0,005$
Ценность собственного «Я»	17,342 ± 3,385	15,860 ± 4,192	$F = 17,581; p < 0,000$
Степень удачи и везения	14,96 ± 3,75	14,88 ± 3,60	$F = 0,047; p = 0,828$

Примечание. F — критерий Фишера.

собственного Я», но не выявлено различий по шкале «Степень удачи и везения».

Корреляционный анализ не показал наличия связи моральных дилемм с базисными убеждениями и с параметрами мышления, за исключением «наивного оптимизма», более низкие показатели которого связаны с более высокими показателями «соотношения личностных и безличностных выборов» ($r = -0,132$).

Обсуждение результатов

Результаты анализа показали, что высокий уровень дистресса связан со снижением значений базисных убеждений о благосклонности мира, осмысленности мира, ценности собственного Я (табл. 2), также высокий уровень дистресса связан с более низкими показателями конструктивного мышления, эмоционального совладания и пр. и изменением в принятии моральных решений.

В моральных дилеммах выявлен рост «соотношения личностных и безличностных выборов». Это соотношение меняется за счет уменьшения безличностных выборов и роста личностных (хотя статистическая значимость роста личностных

выборов не была выявлена на полученных данных). Параметр «соотношение личностных и безличностных выборов» показывает, что в целом люди стали меньше различать личное и «дистанционное» насилие, именно этот показатель использовался автором методики «Моральные дилеммы» Дж. Грином (J.D. Greene) для выявления особенностей принятия моральных решений людьми с различными видами психопатологий. Для таких людей свойственно неразличение личного и «дистанционного» насилия, соответственно, у них параметр «соотношение личностных и безличностных выборов» приближается к 1. Поэтому одним из объяснений увеличения «соотношения личностных и безличностных выборов» по мере развития пандемии может быть усиление психопатологической симптоматики на фоне переживаемого стресса [2].

Однако другие исследования особенностей моральных решений во время пандемии показывают, что увеличение личностных выборов и соотношения личностных и безличностных может быть результатом действия способов совладания с длительным стрессом — цинизм и

отстраненность стали важными стратегиями совладания во время пандемии [16]. Подтверждением этой гипотезы может служить ранее показанная связь личностных выборов и «соотношения личностных и безличностных» с таким копингом, как «мысленный уход» [5], который и означает «отстраненность», использование различных видов активности для отвлечения от неприятных мыслей, связанных с проблемой. Это помогает сохранить эмоциональное равновесие, подавить неприятные переживания, эмоционально отстраниться от ситуации. Можно ожидать рост таких способов совладания, как мысленное отстранение, обесценивание собственных переживаний, выбрасывание негативных мыслей из головы, отказ размышлять и глубоко задумываться о случившемся в ситуации пролонгированного стресса и, как следствие, недооценку значимости и возможностей действенно-го преодоления проблемных ситуаций.

Анализ показал снижение уровня конструктивного мышления, измеряемого при помощи опросника конструктивного мышления «ОКМ97» во время стрессовой ситуации пандемии. Уровень конструктивного мышления, в соответствии с теорией автора опросника С. Эпштейна (S. Epstein), связан с устойчивостью к стрессу. Более низкий уровень конструктивного мышления отражает более низкую устойчивость к стрессу. Общая шкала «конструктивного мышления» состоит из подшкал. Основной вклад, по мнению автора концепции С. Эпштейна, вносит «эмоциональное совладание», которое отражает способность людей справляться с неприятной ситуацией без развития стресса, так как у них стабильная самооценка, они не склонны все принимать близко к сердцу, не особенно чувствительны к неодобрению, отказам или к собственным промахам. Они не застrevают на прошлых

неудачах, не переживают о настоящих и не беспокоятся о будущих. Эта способность характеризуется не столько склонностью к мышлению, порождающему положительные эмоции, сколько склонностью к избеганию мышления, порождающего отрицательные эмоции. И в нашем исследовании показано, что одновременно со снижением способности к эмоциональному совладанию во время пандемии снижается самооценка (параметр «ценность собственного Я» в методике «базисных убеждений»).

На фоне снижения способности к эмоциональному совладанию повышение показателей «категорического мышления» и «личностно-суеверного мышления» отражает неадаптивные способы мышления и отношения к ситуации, которые могут способствовать усилению переживаемого стресса. Шкала «категорического мышления» измеряет склонность людей видеть мир только как «черный или белый», без различия деталей. Ригидность мыслительных процессов и максимализм делают таких людей предвзятыми, быстро раздражающими и злящими при столкновении с ситуациями, не вписывающимися в их стереотипы. С другой стороны, развитое категорическое мышление способствует принятию быстрых решений и моментальным решительным действиям.

Шкала «личностно-суеверного» мышления определяет, насколько люди склонны к личным суевериям типа «если желать чего-то слишком сильно, именно это и не даст случиться желаемому» и «если случится что-то хорошее, вслед за ним непременно произойдет что-то плохое». Снижение общего отношения к осмысленности мира, а именно — ощущения контроля и справедливости окружающего мира (Шкала базисных убеждений личности) приводит к поискам защиты от ощущения неопределенности. И повышенное личностно-суеверное мышление дает эту защиту, позволяет избе-

жать слишком сильного расстройства из-за неудач благодаря уничтожению всяческих надежд и энтузиазма.

Во время пандемии снизилось убеждение в благосклонности и осмысленности мира. Суммарная шкала «убеждение относительно собственной ценности» не изменилась, однако ее составные части показали значимое снижение, а именно — «степень самоконтроля» и «ценность собственного Я».

Таким образом, исследование показало изменение мировоззренческих установок и способов мышления в стрессовой ситуации, а также возможных поведенческих решений (изменение в решениях на основе морали). Отсутствие корреляционных связей между моральными решениями и показателями мышления и базисных убеждений, а также корреляционная связь всех этих методик с уровнем дистресса позволяют сделать вывод, что изменение в моральных решениях не связано напрямую с изменением мировоззренческих установок и способов мышления, а, по-видимому, является независимым способом совладания со стрессовой ситуацией, близким к копингу избегания эмоционального травмирования.

Выводы

Ситуация пандемии может рассматриваться как модельная ситуация проявления стресса и позволяет предсказать аналогичные последствия

переживания обществом стресса в ситуации опасности и/или неопределенности.

Стресс, переживаемый во время пандемии, привел к изменению базисных убеждений о справедливости мира, его доброжелательности, а также о ценности собственного «Я». Также показано изменение особенностей мышления — снижение уровня конструктивного мышления за счет снижения способности к эмоциональному совладанию, увеличению категоричности, увеличению личностных суеверий.

Стрессовая ситуация пандемии привела к изменению в моральных решениях, проявилось снижение способности к различению личного и «дистанционного» насилия. Изменение в принятии моральных решений не было связано напрямую с изменением базисных убеждений и особенностей мышления и, вероятно, является частью копинга «эмоционального отстранения» от стрессовой ситуации.

Ограничения исследования. В исследовании не использовались методы статистического анализа, которые позволили бы делать выводы о причинно-следственных связях изучаемых явлений и изменений. Дальнейшим направлением исследований может быть использование моделирования структурными уравнениями для того, чтобы сделать более корректные выводы о влиянии стресса во время пандемии COVID-19 на выявленные психологические изменения.

Литература

1. Екимова В.И., Розенова М.И., Литвинова А.В. [и др.]. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 27–38. DOI:10.17759/jmfp.2021100103
2. Ениколовов С.Н., Медведева Т.И., Бойко О.М. [и др.]. Принятие моральных решений во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 22–43. DOI:10.11621/vsp.2020.04.02
3. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Исследования психического состояния людей в условиях пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 48–56. DOI:10.17759/jmfp.2021100105

4. Лебедев С.В., Ениколов С.Н. Адаптация методик исследования посттравматических стрессовых расстройств // Психологическая диагностика. 2004. № 3. С. 19–38.
5. Медведева Т.И., Ениколов С.Н., Бойко О.М. [и др.]. Моральные решения, особенности мышления и копинги во время пандемии // Коченовские чтения-2020. Психология и право в современной России (Москва, 11-13 ноября 2020 г.). М.: МГППУ, 2020. С. 40–42.
6. Мосолов С.Н. Длительные психические нарушения после перенесенной острой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 // Современная терапия психических расстройств. 2021. № 3. С. 2–23. DOI:10.21265/PSYRPH.2021.31.25.001
7. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира. Теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2012. 204 с.
8. Солдатова Г.У. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. 112 с.
9. Тарабрин Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001. 272 с.
10. Borhan H., Golbabaei S., Jameie M. et al. Moral Decision-Making in Healthcare and Medical Professions During the COVID-19 Pandemic // Trends in Psychology. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 210–230. DOI:10.1007/s43076-021-00118-7
11. Epstein S. CTI: Constructive Thinking Inventory: professional manual. Lutz, FL: Psychological Assessment Resources, 2001. 59 p.
12. Fleming W.H. Complex Moral Injury: Shattered Moral Assumptions // J Relig Health. 2022. Vol. 61. No. 2. P. 1022–1050. DOI:10.1007/s10943-022-01542-4
13. Greene J.D. Why are VMPFC patients more utilitarian? A dual-process theory of moral judgment explains // Trends Cogn Sci. 2007. Vol. 11. No. 8. P. 322–323. DOI:10.1016/j.tics.2007.06.004
14. Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D. et al. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // Neuron. 2004. Vol. 44. No. 2. P. 389–400. DOI:10.1016/j.neuron.2004.09.027
15. Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E. et al. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // Science. 2001. Vol. 293. No. 5537. P. 2105–2108. DOI:10.1126/science.1062872
16. Guraya S.S., Menezes P., Lawrence I.N. et al. Evaluating the impact of COVID-19 pandemic on the physicians' psychological health: A systematic scoping review // Front Med (Lausanne). 2023. Vol. 10. P. 1071537. DOI:10.3389/fmed.2023.1071537
17. Janoff-Bulman R. Shattered assumptions: towards a new psychology of trauma. New York, Toronto: Free Press; Maxwell Macmillan Canada; Maxwell Macmillan International, 1992. 256 p.
18. Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events. In: Snyder C.R. (eds.). Coping: The psychology of what works. N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. 305–323.
19. Mahmud S., Mohsin M., Dewan M.N. et al. The global prevalence of depression, anxiety, stress, and insomnia among general population during COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis // Trends in Psychology. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 143–170. DOI:10.1007/s43076-021-00116-9
20. Mazza M., Attanasio M., Pino M.C. et al. Moral Decision-Making, Stress, and Social Cognition in Frontline Workers vs. Population Groups During the COVID-19 Pandemic: An Explorative Study // Front Psychol. 2020. Vol. 11. P. 588159. DOI:10.3389/fpsyg.2020.588159
21. Minervini G., Franco R., Marrapodi M.M. et al. The association between COVID-19 related anxiety, stress, depression, temporomandibular disorders, and headaches from childhood to adulthood: a systematic review // Brain Sciences. 2023. Vol. 13. No. 3. P. 481. DOI:10.3390/brainsci13030481
22. Pancani L., Marinucci M., Aureli N. et al. Forced Social Isolation and Mental Health: A Study on 1,006 Italians Under COVID-19 Lockdown // Front Psychol. 2021. Vol. 12. P. 663799. DOI:10.3389/fpsyg.2021.663799
23. Robinson E., Sutin A.R., Daly M. et al. A systematic review and meta-analysis of longitudinal cohort studies comparing mental health before versus during the COVID-19 pandemic in 2020 // J Affect Disord. 2022. Vol. 296. P. 567–576. DOI:10.1016/j.jad.2021.09.098
24. Romero-Rivas C., Rodriguez-Cuadrado S. Moral decision-making and mental health during the COVID-19 pandemic. 2020. DOI:10.31234/osf.io/8whkg

25. Scheuer E., Epstein S. Constructive thinking, reactions to a laboratory stressor, and symptoms in everyday life // Anxiety, Stress, and Coping. 1997. Vol. 10. No. 3. P. 269–303. DOI:10.1080/10615809708249305
26. Schiffer A.A., O'Dea C.J., Saucier D.A. Moral decision-making and support for safety procedures amid the COVID-19 pandemic // Pers Individ Dif. 2021. Vol. 175. P. 110714. DOI:10.1016/j.paid.2021.110714
27. Stacciarini J.M., Troccoli B.T. Occupational stress and constructive thinking: health and job satisfaction // J Adv Nurs. 2004. Vol. 46. No. 5. P. 480–487. DOI:10.1111/j.1365-2648.2004.03022.x
28. Wang C., Pan R., Wan X. et al. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China // Int J Environ Res Public Health. 2020. Vol. 17. No. 5. DOI:10.3390/ijerph17051729
29. Wu T., Jia X., Shi H. et al. Prevalence of mental health problems during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis // J Affect Disord. 2021. Vol. 281. P. 91–98. DOI:10.1016/j.jad.2020.11.117
30. Youssef F.F., Dookeeram K., Basdeo V. et al. Stress alters personal moral decision making // Psychoneuroendocrinology. 2012. Vol. 37. No. 4. P. 491–498. DOI:10.1016/j.psyneuen.2011.07.017

References

- Ekimova V.I., Rozenova M.I., Litvinova A.V. [idr.]. Travmatizatsiya strakhom: psikhologicheskie posledstviya pandemii COVID-19 [The Fear Traumatization: Psychological Consequences of COVID-19 Pandemic]. Sovremennaia zarubezhnaia psikhologii = Journal of Modern Foreign Psychology, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 27–38. DOI:10.17759/jmfp.2021100103 (In Russ.).
- Enikolopov S.N., Medvedeva T.I., Boiko O.M. [i dr.]. Prinyatie moral'nykh reshenii vo vremya pandemii COVID-19 [Moral decision-making during COVID-19 pandemic]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 = Moscow University Psychology Bulletin. Psichologiya, 2020, no. 4, pp. 22–43. DOI:10.11621/vsp.2020.04.02 (In Russ.).
- Kochetova Yu.A., Klimakova M.V. Issledovaniya psikhicheskogo sostoyaniya lyudei v usloviyakh pandemii COVID-19 [Psychological State Researches in the Context of the COVID-19 Pandemic]. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 48–56. DOI:10.17759/jmfp.2021100105 (In Russ.).
- Lebedev S.V., Enikolopov S.N. Adaptatsiya metodik issledovaniya posttraumaticeskikh stressovykh rasstroistv [Adaptation of research methods for posttraumatic stress disorders]. Psichologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics, 2004. Vol. 3, pp. 19–38. (In Russ.).
- Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Boiko O.M. [i dr.]. Moral'nye resheniya, osobennosti myshleniya i kopingi vo vremya pandemii [Moral decisions, peculiarities of thinking and coping during the pandemic]. Kochenovskie chteniya-2020. Psichologiya i pravo v sovremennoi Rossii (Moskva, 11-13 noyabrya 2020 g.) [Kochenov readings-2020. Psychology and Law in Modern Russia]. Moscow: Publ. MGPPU, 2020, pp. 40–42. (In Russ.).
- Mosolov S.N. Dlitel'nye psikhicheskie narusheniya posle perenesennoi ostrooi koronavirusnoi infektsii SARS-CoV-2 [Long-term psychiatric sequelae of SARS-CoV-2 infection]. Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstroistv = Current Therapy of Mental Disorders, 2021, no. 3, pp. 2–23. DOI:10.21265/PSYPH.2021.31.25.001 (In Russ.).
- Padun M.A., Kotel'nikova A.V. Psichicheskaya travma i kartina mira: Teoriya, empiriya, praktika [Mental trauma and the picture of the world: Theory, empiricism, practice]. Moscow: Publ. IP RAS, 2012. 206 p. (In Russ.).
- Soldatova G.U. Praktikum po psikhodiagnostike i issledovaniyu tolerantnosti lichnosti. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, 2003. 112 p.
- Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttraumaticeskogo stressa [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. SPb: Piter, 2001. 272 p. (In Russ.).

10. Borhany H., Golbabaei S., Jameie M. et al. Moral Decision-Making in Healthcare and Medical Professions During the COVID-19 Pandemic. *Trends in Psychology*, 2023. Vol. 31, no. 1, pp. 210–230. DOI:10.1007/s43076-021-00118-7
11. Epstein S. CTI: Constructive Thinking Inventory: professional manual. Lutz, FL: Psychological Assessment Resources, 2001. 59 p.
12. Fleming W.H. Complex Moral Injury: Shattered Moral Assumptions. *J Relig Health*, 2022. Vol. 61, no. 2, pp. 1022–1050. DOI:10.1007/s10943-022-01542-4
13. Greene J.D. Why are VMPFC patients more utilitarian? A dual-process theory of moral judgment explains. *Trends Cogn Sci.*, 2007. Vol. 11, no. 8, pp. 322–323. DOI:10.1016/j.tics.2007.06.004
14. Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D. et al. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*, 2004. Vol. 44, no. 2, pp. 389–400. DOI:10.1016/j.neuron.2004.09.027
15. Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E. et al. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment. *Science*, 2001. Vol. 293, no. 5537, pp. 2105–2108. DOI:10.1126/science.1062872
16. Guraya S.S., Menezes P., Lawrence I.N. et al. Evaluating the impact of COVID-19 pandemic on the physicians' psychological health: A systematic scoping review. *Front Med (Lausanne)*, 2023. Vol. 10, pp. 1071537. DOI:10.3389/fmed.2023.1071537
17. Janoff-Bulman R. Shattered assumptions: towards a new psychology of trauma. New York, Toronto: Free Press; Maxwell Macmillan Canada; Maxwell Macmillan International, 1992. 256 p.
18. Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events. In: Snyder C.R. (eds.). *Coping: The psychology of what works*. N.Y.: Oxford University Press, 1999, pp. 305–323.
19. Mahmud S., Mohsin M., Dewan M.N. et al. The global prevalence of depression, anxiety, stress, and insomnia among general population during COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *Trends in Psychology*, 2023. Vol. 31, no. 1, pp. 143–170. DOI:10.1007/s43076-021-00116-9
20. Mazza M., Attanasio M., Pino M.C. et al. Moral Decision-Making, Stress, and Social Cognition in Frontline Workers vs. Population Groups During the COVID-19 Pandemic: An Explorative Study. *Front Psychol.*, 2020. Vol. 11, pp. 588159. DOI:10.3389/fpsyg.2020.588159
21. Minervini G., Franco R., Marrapodi M.M. et al. The association between COVID-19 related anxiety, stress, depression, temporomandibular disorders, and headaches from childhood to adulthood: a systematic review. *Brain Sciences*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 481. DOI:10.3390/brainsci13030481
22. Pancani L., Marinucci M., Aureli N. et al. Forced Social Isolation and Mental Health: A Study on 1,006 Italians Under COVID-19 Lockdown. *Front Psychol.*, 2021. Vol. 12, pp. 663799. DOI:10.3389/fpsyg.2021.663799
23. Robinson E., Sutin A.R., Daly M. et al. A systematic review and meta-analysis of longitudinal cohort studies comparing mental health before versus during the COVID-19 pandemic in 2020. *J Affect Disord*, 2022. Vol. 296, pp. 567–576. DOI:10.1016/j.jad.2021.09.098
24. Romero-Rivas C., Rodríguez-Cuadrado S. Moral decision-making and mental health during the COVID-19 pandemic. 2020. DOI:10.31234/osf.io/8whkg
25. Scheuer E., Epstein S. Constructive thinking, reactions to laboratory stressor, and symptoms in everyday life. *Anxiety, Stress, and Coping*, 1997. Vol. 10, no. 3, pp. 269–303. DOI:10.1080/10615809708249305
26. Schiffer A.A., O'Dea C.J., Saucier D.A. Moral decision-making and support for safety procedures amid the COVID-19 pandemic. *Pers Individ Dif*, 2021. Vol. 175, pp. 110714. DOI:10.1016/j.paid.2021.110714
27. Stacciarini J.M., Troccoli B.T. Occupational stress and constructive thinking: health and job satisfaction. *J Adv Nurs*, 2004. Vol. 46, no. 5, pp. 480–487. DOI:10.1111/j.1365-2648.2004.03022.x
28. Wang C., Pan R., Wan X. et al. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China. *Int J Environ Res Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 5. DOI:10.3390/ijerph17051729
29. Wu T., Jia X., Shi H. et al. Prevalence of mental health problems during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *J Affect Disord*, 2021. Vol. 281, pp. 91–98. DOI:10.1016/j.jad.2020.11.117

30. Youssef F.F., Dookeeram K., Basdeo V. et al. Stress alters personal moral decision making. *Psychoneuroendocrinology*, 2012. Vol. 37, no. 4, pp. 491–498. DOI:10.1016/j.psyneuen.2011.07.017

Информация об авторах

Медведева Татьяна Игоревна, научный сотрудник, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6012-2152>, e-mail: medvedeva.ti@gmail.com

Ениколовов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, профессор, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Бойко Ольга Михайловна, научный сотрудник, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2895-807X>, e-mail: olga.m.boyko@gmail.com

Воронцова Оксана Юрьевна, научный сотрудник, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5698-676X>, e-mail: okvorontsova@inbox.ru

Чудова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГУ «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9306-1280>, e-mail: nchudova@gmail.com

Рассказова Елена Игоревна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Information about the authors

Tatiana I. Medvedeva, Research Associate, Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6012-2152>, e-mail: medvedeva.ti@gmail.com

Sergey N. Enikolopov, PhD, Associate Professor, Head of Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Olga M. Boyko, Research Associate, Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2895-807X>, e-mail: olga.m.boyko@gmail.com

Oksana Yu. Vorontsova, Research Associate, Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5698-676X>, e-mail: okvorontsova@inbox.ru

Natalia V. Chudova, PhD, Senior Researcher, Federal State Institution “Federal Research Center “Informatics and Management” of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9306-1280>, e-mail: nchudova@gmail.com

Elena I. Rasskazova, PhD, Senior Researcher, Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Получена 28.09.2023

Received 28.09.2023

Принята в печать 29.11.2023

Accepted 29.11.2023

Роль мировоззренческих убеждений и толерантности к неопределенности в обращении за эзотерическими услугами

Антонова Н.А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8902>, e-mail: antonova.natalia11@gmail.com

Ерицян К.Ю.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Усачева Н.М.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8722-3976>, e-mail: usachevanm@gmail.com

Цель. Оценка взаимосвязи использования эзотерических услуг, толерантности к неопределенности и мировоззренческих убеждений о случайности и детерминированности.

Контекст и актуальность. Эзотерические практики представляют сегодня значительный сектор услуг, на который есть спрос в России и мире. При этом предикторы обращения к ним до сих пор слабо изучены. В основном психологические исследования сконцентрированы на изучении веры в паранормальное или сверхъестественное, тогда как сопутствующим поведенческим практикам уделяется существенно меньше внимания.

Дизайн исследования. Кросс-секционное опросное исследование.

Участники. Взрослое население России ($N = 1498$, мужской пол – 47%). Использована квотная выборка онлайн-панели, позволяющая представить взрослое население России в контексте половозрастного состава и презентации городского и сельского населения. Средний возраст составил 41,6 лет ($SD = 12,72$).

Методы (инструменты). Русскоязычные версии шкал толерантности к неопределенности (*MSTAT-I*) и веры в свободу/детерминизм (*FAD-Plus*), оценка социально-демографических и поведенческих параметров с помощью опросных методов.

Результаты. Обращение за эзотерическими услугами связано с рядом мировоззренческих убеждений и более распространено среди женщин и людей с высокой религиозностью. Вопреки выдвинутой гипотезе не обнаружено взаимосвязи обращения за эзотерическими услугами и толерантности к неопределенности.

Основные выводы. Обращение за эзотерическими услугами тесно связано с мировоззренческими убеждениями. Вера в детерминизм (как фаталистический, так и научный) может являться фасилитатором обращения за подобными услугами, тогда как вера в непредсказуемость и свободу отрицательно связана с использованием подобных услуг.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности; мировоззренческие убеждения; религиозность; эзотерические практики.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-01792, <https://rscf.ru/project/22-28-01792/>.

Для цитаты: Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Усачева Н.М. Роль мировоззренческих убеждений и толерантности к неопределенности в обращении за эзотерическими услугами // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 194–209. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140412>

The Role of Ideological Beliefs and Tolerance for Uncertainty in Seeking Esoteric Services

Natalia A. Antonova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8902>, e-mail: antonova.natalia11@gmail.com

Ksenia Yu. Eritsyan

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Nina M. Usacheva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0001-8722-3976>, e-mail: usachevanm@gmail.com

Objective. Assessing the relationship between the use of esoteric services, tolerance for uncertainty and beliefs unpredictability and determinism.

Background. Esoteric practices today represent a significant market sector worldwide and in Russia. At the same time, predictors of use of such services are still poorly studied. Most psychological research has focused on beliefs in the paranormal or supernatural, while much less attention has been paid to associated behavioral practices.

Study design. Cross-sectional survey study.

Participants. Adult population of Russia ($N = 1498$, 47% males). A quota sample of an online panel was used to represent the adult population of Russia in terms of gender and age composition and representation of the urban and rural population. Mean age 41,6 years old ($SD = 12,72$).

Measurements. Russian-language versions of tolerance to uncertainty (MSTAT-I) and belief in freedom/determinism (FAD-Plus) scales, assessment of socio-demographic and behavioral parameters using survey methods.

Results. Seeking esoteric services is associated with a range of beliefs about determinism and unpredictability and is more common among women and people with high religiosity. Contrary to the hypothesis put forward, no relationship was found between seeking esoteric services and tolerance of uncertainty.

Conclusions. Seeking esoteric services is closely related to beliefs about the world: belief in determinism (both fatalistic and scientific) may be a facilitator of the use of such services, while beliefs in unpredictability and freedom are negatively associated with the use of such services.

Keywords: tolerance to uncertainty; beliefs; religiosity; esoteric practices.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-01792, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01792/>.

For citation: Antonova N.A., Eritsyan K.Yu., Usacheva N.M. The Role of Ideological Beliefs and Tolerance for Uncertainty in Seeking Esoteric Services. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 194–209. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140412> (In Russ.).

Введение

Эзотерические и паранормальные практики представляют сегодня значительный сектор услуг, на который есть спрос в России [4] и мире [15]. При этом предикторы обращения к ним до сих пор слабо изучены [1]. В основном психологические исследования сконцентрированы на изучении веры в паранормальное или сверхъестественное [16], тогда как сопутствующим поведенческим практикам уделяется существенно меньше внимания. В данной работе мы исследуем психологические функции обращения к эзотерическим практикам и выдвигаем гипотезу об их использовании как одной из стратегий совладания с неопределенностью.

Неопределенность — основополагающая характеристика современного мира [2; 5]. Она является частым атрибутом среды, в которой функционирует человек. При этом, как отмечают авторы Д.А. Леонтьева и А.Н. Моспан [6], она «является одним из наиболее сложных для определения феноменов в психологии». Так называемая объективная неопределенность сопряжена с ситуацией, когда результат еще объективно не известен. Одновременно неопределенность можно рассматривать как характеристику уникальной картины мира человека, а не столько как характеристику мира вообще [6]. В таком случае зачастую говорят о субъективной неопределенности, подразумевая наличие дефицита информации у человека о ситуации (человек знает, что есть что-то, чего он не знает), который требует от человека дополнительного информационного поиска.

В недавней работе Р. Пелиссари (R. Pelissari) с коллегами [30] на основе

системного анализа работы расширили диапазон видов неопределенности с позиций психологии принятия решений (multi-criteria decision making or multi-criteria decision analysis, MCDM/MCDA): неопределенность из-за двусмысленности/неоднозначности, неопределенность из-за случайности/стochasticity и неопределенность из-за частичной/недостающей информации.

Понимание индивидуальных различий (когнитивных, эмоциональных и поведенческих) в реакции людей на неопределенность и поиск предикторов реакции на неопределенность становятся все более важными направлениями исследований в области психологии и социальных наук.

Одним из широко обсуждаемых личностно-психологических предикторов реакции на неопределенность является толерантность к неопределенности. Несмотря на то, что единая концептуализация ее как психологического феномена пока отсутствует [22], в целом под ней понимают тенденцию рассматривать двусмысленные, неопределенные, подверженные множеству противоречивых интерпретаций стимулы или ситуации как приемлемые, а не угрожающие [12; 27].

Эмпирические исследования показывают, что интолерантность (нетерпимость) к неопределенности может провоцировать беспокойство и тревогу. Она зачастую рассматривается как ключевой поддерживающий фактор при генерализованном тревожном расстройстве. Однако, согласно более поздним исследованиям, интолерантность к неопределенности играет важную роль и при других эмоциональных расстройствах

(например, [14; 23]). Неспособность людей переносить неопределенность была предиктором проблем с психическим здоровьем во время первой волны COVID-19, и это было опосредовано их реакциями на преодоление трудностей [31]. На сегодняшний день разработан ряд трансдиагностических моделей интолерантности к неопределенности в сфере здоровья [17; 19]. Эти модели предполагают, что способность человека переносить неопределенность, вероятно, будет влиять на то, как он реагирует на ситуацию, какие использует копинги для сопротивления. Стратегии сопротивления с ситуацией неопределенности могут включать как эффективные копинги (например, принятие, сбережение ресурсов, внимательность ко всему спектру информации, извлечение выгоды, обращение за помощью и пр.), так и иррациональные (уклонение от принятия решений, избегание или игнорирование ситуации и прочее).

Одной из возможных стратегий сопротивления с неопределенностью может выступать стратегия поиска помощи (help-seeking behavior). Обращение за помощью может быть разным. Люди для решения жизненных проблем могут обращаться как к профессионалам (например, к профессиональным медикам, психологам, юристам и т.д.), так и к альтернативным, неконвенциональным специалистам (например, к гадалкам, астрологам, народным целителям и пр.). В ситуации высокой неопределенности, например, связанной с масштабными социально-политическими изменениями, конвенциональные специалисты могут быть бессильны в предсказании будущего и снижении напряженности, тогда как эзотерические практики, напротив, декларируют наличие таких возможностей. Обращение к эзотерическим практикам, таким образом, может быть связано с

низкой толерантностью к неопределенности, особенно в период социальной нестабильности.

Мировоззренческие убеждения о принципиальной неопределенности или, напротив, детерминированности жизненных событий также могут быть важным сопутствующим предиктором обращения за эзотерическими услугами. Д.Л. Паулус и Дж.М. Кэри (D.L. Paulhus и J.M. Carey) [29] выделяют следующие независимые ключевые убеждения о мире, которые могут быть релевантны для данного случая. Во-первых, это вера в случайность/неопределенность — принципиальную непознаваемость и неконтролируемость будущего. Другие три вида убеждений, напротив, подразумевают возможность некоторого контроля и/или познаваемость. Вера в свободу воли сопряжена с убеждением, что люди несут ответственность за свои действия, и может пониматься как способность руководить своим выбором [13]. Вера в фаталистический детерминизм предполагает, что действия человека не имеют значения, потому что «у судьбы уже есть план для каждого из нас», она заставляет людей интерпретировать причинные объяснения как неизбежные. Научный детерминизм предполагает веру в существование научных объяснений происходящего (биологическую, генетическую, физическую этиологию и прочее). Одно из распространенных представлений о научном детерминизме состоит в том, что при совершенном знании законов природы все будущие события можно предсказать на основе предыдущих событий. При этом логика научной причинно-следственной связи не предполагает фатализм.

Представление о функциональности эзотерических практик и возможности обращения за ними можно рассматривать

вать как составляющую мировоззренческих убеждений. В таком случае вера в фаталистический детерминизм должна положительно ассоциироваться с такими практиками, поскольку они могут выступать стратегией получения доступа к реально существующим, но скрытым знаниям. В свою очередь вера в научный детерминизм должна иметь негативную ассоциацию с эзотерическими практиками, поскольку те противоречат современным научным представлениям. Вера в случайность также не должна способствовать обращению к провайдерам эзотерических услуг либо по причине отрицания самого существования причинно-следственных связей, либо убежденности в случайном характере самих прогнозов. Убеждения о свободе воли могут быть связаны с обращением к эзотерическим практикам двояко: с одной стороны, представление о возможности самостоятельно руководить своими выборами может противоречить идеям самого существования эзотерических практик, особенно тех, которые связаны с познанием или управлением будущим. В то же время вера в ответственность за собственное будущее, напротив, может приводить к желанию использовать все возможные средства для достижения целей, включая использование неконвенциональных методов.

На данный момент отсутствуют эмпирические данные, проверяющие гипотезу о связи мировоззренческих убеждений о неопределенности, свободе и различных формах детерминированности, а также толерантности к неопределенности и использовании эзотерических практик. В нашем исследовании мы стремимся закрыть этот пробел и выдвигаем ряд гипотез:

Г1. Толерантность к неопределенности выступает барьером обращения к эзотерическим практикам.

Г2. Мировоззренческие убеждения связаны с опытом и готовностью обращения к эзотерическим практикам, в частности: фаталистический детерминизм является предиктором такого обращения, тогда как вера в непредсказуемость и научный детерминизм – барьерами.

Метод

Материалы исследования

Для анализа использованы данные онлайн-опроса факторов обращения к эзотерическим практикам среди взрослого населения России ($N = 1498$), проводившегося в декабре 2022 года. Для рекрутинга респондентов использовалась интернет-панель платформы «Анкетолог». Использована квотная выборка, позволяющая представить взрослое население России в контексте половозрастного состава и репрезентации городского и сельского населения. Протокол исследования был рассмотрен и одобрен этическим комитетом РГПУ им. А.И. Герцена (IRB00011060 IRB#1, record #22).

Методы исследования

В данной статье анализируются выборочные индикаторы исследования в соответствии с выдвинутыми гипотезами. В качестве *результатирующих переменных* использовались опыт обращения к специалистам, практикующим эзотерические услуги, и готовность к такому обращению.

Опыт обращения к различным специалистам, практикующим эзотерические услуги, оценивался на основании самоотчетов респондентов. Респондентам предлагалось ответить, приходилось ли им когда-либо в жизни обращаться к восьми разным видам альтернативных специалистов: 1) тарологи/рунологи, 2) гадалки, 3) астрологи/нумерологи,

4) ясновидящие/экстрасенсы, 5) «бабки»/ведуньи/шаманы, 6) целители/знахарки, 7) маги/колдуны/ведьмы, 8) биоэнерготерапевты/космоэнергеты и парапсихологи. Перечень специалистов был разработан на основе анализа ранее проведенных авторами качественных интервью и анализа веб-сайтов с предложениями эзотерических услуг. Для целей данного анализа, если респондент сообщил, что когда-либо обращался хотя бы к одному виду специалистов, то есть ответил «да» хотя бы на один из вопросов, он считался имеющим опыт обращения за эзотерическими услугами.

Готовность к обращению к специалистам, практикующим эзотерические практики, в будущем оценивалась на основании самоотчетов респондентов (точно да, скорее да, затрудняюсь ответить, скорее нет, точно нет). Для анализа использовалась бинарная переменная: если респондент отвечал «скорее да» или «точно да» хотя бы в отношении одного из восьми типов специалистов, то ему присваивалось «да», иначе — «нет».

Факториальными переменными выступали следующие:

— Толерантность к неопределенности. Для ее оценки использовалась субшкала «Отношение к неопределенным ситуациям» методики толерантности к неопределенности Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale (MSTAT-I) Д. МакЛейна (D. McLain) [27] в адаптации Е.Н. Осина [9]. Адекватные психометрические свойства шкалы делают ее одной из наиболее популярных мер в последнее время [20]. Субшкала состоит из 9 утверждений, оцениваемых в диапазоне от -3 (полностью не согласен) до +3 (полностью согласен). Высокие баллы по шкале характеризуют толерантность к неопределенности. Для однородности представления результатов и повыше-

ния очевидности вклада коэффициента в регрессионном анализе шкала была преобразована в шкалу с диапазоном от -1 до 1.

— *Мировоззренческие убеждения, относящиеся к вере в свободу и предопределенность окружающего и внутреннего мира*, измерялись с помощью русскоязычной версии методики веры в свободу/детерминизм (FAD-Plus) Д. Паулус и Дж. Кэри (D.L. Paulhus и J.M. Carey) [29] в адаптации А.Н. Моспан и Д.А. Леонтьева [7]. Методика включает в себя 27 вопросов и состоит из четырех субшкал: фаталистический детерминизм (5 пунктов), свобода (7 пунктов), вера в непредсказуемость/неопределенность (8 пунктов), научный детерминизм (7 пунктов). Шкала в диапазоне от -3 (полностью не согласен) до +3 (полностью согласен). Для однородности представления результатов и повышения очевидности вклада коэффициента в регрессионном анализе шкала была преобразована в шкалу с диапазоном от -1 до 1.

Также в анализ был включен ряд социально-демографических переменных, которые могли быть связаны с обращением за эзотерическими услугами: пол, возраст, образование, место проживания и религиозность. Место проживания измерялось следующим образом: село/деревня, поселок городского типа, небольшой город/районный центр, крупный город/региональный или областной центр, город с населением более миллиона человек. Уровень религиозности оценивался с помощью вопроса: «Независимо от того, являетесь ли Вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?» по 10-балльной шкале Ликерта в диапазоне от 0 (совсем нерелигиозный) до 10 (очень религиозный).

Выборка исследования

Общая выборка исследования составила 1498 человек (мужской пол – 47%, женский пол – 53%). Средний возраст составил 41,6 лет ($SD = 12,72$). Тип места проживания: село/деревня – 1,6%, поселок городского типа – 2,1%, небольшой город/районный центр – 17,1%, крупный город/региональный или областной центр – 33%, город с населением более миллиона человек – 46,2%.

Исповедуют какую-либо религию 57% респондентов, агностиками себя оценили 9%, атеистами – 17%, затруднились с ответом – 17%. Вне зависимости от принадлежности к какой-либо религии средний показатель самооценки религиозности по выборке составил 4,5 ($SD = 2,869$) (*min* – 0, *max* – 10 баллов).

Статистическая обработка данных

Для анализа взаимосвязей предикторов с зависимыми переменными использован логистический регрессионный анализ (model Backward Stepwise – Wald). Сопряженность изучаемых переменных оценивалась с помощью спектра критериев (критерии Хи-квадрат, Манна-Уитни, Колмогорова-Смирнова, непараметрический коэффициент корреляции Спирмена). Статистический анализ проведен с использованием SPSS, версия 16.

Результаты

Опыт обращения за эзотерическими услугами. Опыт обращения к эзотерикам (тарологам, астрологам, гадалкам, «бабкам» и пр.) имеют две трети (64,1%) респондентов. Рассматривают для себя возможность в будущем обратиться за такими услугами 52,2%.

Женщины значимо чаще мужчин имеют опыт обращения к эзотерическим услугам (77,9% и 48,7% соответственно, $p \leq 0,001$), равно как и готовы обращаться

к таким услугам в будущем (61% и 42% соответственно, $p \leq 0,001$).

Люди, исповедующие религию, значимо чаще имеют опыт обращения к эзотерическим практикам (63% и 37% соответственно, $p \leq 0,001$), и готовность обращения в будущем к таким практикам у них также значимо выше (63% и 37% соответственно, $p \leq 0,001$).

Толерантность к неопределенности. Средний балл толерантности к неопределенности в целом по выборке составил –5,3 баллов, мужчины ($M = -0,12$) демонстрируют статистически значимо более выраженную толерантность к неопределенности по сравнению с женщинами ($M = -0,27$) ($p \leq 0,001$). Толерантность к неопределенности оказалась значимо связана с самооценкой себя как атеиста: атеисты демонстрируют более высокие показатели толерантности к неопределенности по сравнению с последователями какой-либо религии ($M = -3,97$ и $M = -5,65$ соответственно, $p \leq 0,005$).

Толерантность к неопределенности показала обратную связь с возрастом. Чем младше человек, тем более он толерантен к неопределенным ситуациям ($p \leq 0,001$).

Мировоззренческие убеждения. Были выявлены следующие различия по полу в мировоззренческих убеждениях. Женщины по сравнению с мужчинами демонстрировали более высокий уровень фаталистического детерминизма ($p \leq 0,001$) и менее верили в непредсказуемость ($p \leq 0,01$).

Люди, исповедующие религию, также имели более выраженные убеждения о фаталистическом детерминизме ($p \leq 0,001$), менее верили в непредсказуемость ($p \leq 0,001$).

Возраст был положительно ассоциирован с убеждениями о фаталистическом ($p \leq 0,001$) и научном детерминизме ($p \leq 0,05$) и отрицательно связан с верой в свободу ($p \leq 0,05$).

Предикторы опыта и готовности к обращению за эзотерическими услугами. В табл. 1 и 2 представлены результаты логистического регрессионного анализа (model Backward Stepwise – Wald), направленного на проверку моделей, предсказывающих как опыт, так и готовность в будущем к обращению за эзотерическими услугами. Проверялись несколько групп факторов: пол, возраст, уровень образования, место проживания (село/деревня, крупный город),

религиозность (верующий, атеист), мировоззренческие убеждения (фаталистический детерминизм, вера в свободу, вера в непредсказуемость) и толерантность к неопределенности. В таблице представлены только факторы, которые сохранили свою значимость в регрессионных моделях.

В целом обе модели (табл. 1 и 2) показывают схожие результаты: как имеющийся опыт обращения за эзотерическими услугами, так и готовность к его

Логистическая регрессионная модель опыта обращения за эзотерическими услугами

Таблица 1

Независимые переменные	Exp(B)	Sig.	95% Доверительный интервал	
			нижняя граница	верхняя граница
Пол:				
– Мужской	0,287	0,000	0,227	0,362
– Женский	Ref.			
Возраст	1,021	0,000	1,012	1,031
Фаталистический детерминизм	2,155	0,000	1,624	2,860
Вера в непредсказуемость	0,463	0,000	0,313	0,685
Насколько религиозным человеком Вы себя считаете?	1,102	0,000	1,055	1,152
Нагелькерке R ²			0,226	
Процент правильных прогнозов			70,9%	

Логистическая регрессионная модель готовности в будущем к обращению за эзотерическими услугами

Таблица 2

Независимые переменные	Exp(B)	Sig.	95% Доверительный интервал	
			нижняя граница	верхняя граница
Пол:				
– Мужской	0,497	0,000	0,399	0,620
– Женский	Ref.			
Возраст	0,981	0,000	0,972	0,990
Где Вы сейчас проживаете?				
– Село/деревня	2,570	0,045	1,020	6,479
– Более крупный населенный пункт	Ref.			
Фаталистический детерминизм	2,646	0,000	1,986	3,526

Независимые переменные	Exp(B)	Sig.	95% Доверительный интервал	
			нижняя граница	верхняя граница
Вера в свободу воли	0,626	0,016	0,427	0,918
Вера в непредсказуемость	0,530	0,001	0,360	0,779
Научный детерминизм	3,230	0,000	2,156	4,837
Насколько религиозным человеком Вы себя считаете?	1,075	0,001	1,031	1,121
Нагелькерке R ²	0,190			
Процент правильных прогнозов	65,3%			

получению тесно связаны с мировоззренческими убеждениями. И опыт обращения, и соответствующая готовность положительно связаны с уровнем веры в фаталистический детерминизм и отрицательно — с верой в непредсказуемость. С готовностью к обращению также оказались связаны два других изучаемых убеждения: вера в свободу воли связана с ней отрицательно, а научный детерминизм, напротив, — положительно. Причем научный детерминизм наиболее сильно связан с результирующей переменной. Более высокий уровень религиозности также отмечен среди тех, кто обращался или готов обратиться за эзотерическими услугами. Толерантность к неопределенности оказалась не связана ни с наличием опыта обращения за эзотерическими услугами, ни с готовностью к обращению за ними.

Важную роль играют и социально-демографические характеристики. В обеих моделях женщины в целом более склонны к обращению за эзотерическими услугами. Однако влияние возраста было различным: с возрастом люди чаще уже имели опыт обращения за подобными услугами, но имели меньше шансов быть готовыми к обращению за ними в дальнейшем. Проживание в сельском населенном пункте положительно связано с готовностью обращения за эзотерическими услугами, но не с имеющим-

ся опытом. А уровень образования не имеет предиктивной силы влияния на опыт и готовность к обращению к эзотерическим практикам. Обе модели имеют сходное качество и характеристики предсказательной способности, однако имеющийся опыт в целом предсказывается несколько лучше, чем готовность к следующему обращению.

Обсуждение результатов

В ситуации нестабильности обращение к астрологам, гадалкам, колдунам и иным людям с «экстрасенсорными» способностями может стать альтернативным способом совладания с неопределенной ситуацией. С позиции психологической науки такой поведенческий паттерн может выступать как эффективным, так и неэффективным копингом разрешения проблем. Обращение к альтернативным практикам помощи может нести за собой существенные риски, включающие избегание реальных действий по решению проблем, использование неэффективных мер решения проблем или хронизации болезненных состояний.

Гипотеза нашего исследования о том, что толерантность к неопределенности выступает барьером обращения к эзотерическим практикам, не подтвердилась. Способность человека переносить неопределенность не снижает вероятности выбора такого копинга, как

обращение к эзотерическим практикам, в период социальной нестабильности. Можно предположить, что обращение к подобным услугам не всегда носит функцию устранения неопределенности и не всегда направлено на решение проблемы отсутствия воспринимаемого контроля [24].

Гипотеза о связи мировоззренческих убеждений и опыта обращения/готовности к обращению за эзотерическими услугами в нашем исследовании подтвердилась. Как и предполагалось, связи эти оказались разнонаправленными. Вера в непредсказуемость ожидаемо выступает барьером обращения к эзотерическим практикам. Напротив, вера в фаталистический детерминизм является предиктором и опыта обращения, и готовности в будущем обращаться к провайдерам эзотерических практик. Любопытно, что научный детерминизм хотя и не оказался связанным с опытом обращения к эзотерическим практикам, но неожиданно позитивно ассоциирован с готовностью обращения к ним в будущем. Известно, что, несмотря на авторитет науки, люди могут не доверять и подвергать сомнениям некоторые научные данные, полагаться на псевдонаучные или антинаучные утверждения (например, [26]). С другой стороны, с позиции официальной науки астрология, например, считается лженаукой, однако некоторыми людьми воспринимается частью астрономии, то есть наукой [25]. При подобных убеждениях вера в научный детерминизм может не препятствовать, например, готовности обращения к астрологам. Но эту объясняющую переменную необходимо дополнительно изучать в будущих исследованиях применительно к конкретным эзотерическим практикам.

Принадлежность к разным социально-демографическим группам играет важную роль в паттернах поведения в отношении сверхъестественного. Наши данные показали связь пола с опытом и готовностью к обращению к альтернативным практикам, что согласуется с рядом данных других исследователей. Например, женщины по сравнению с мужчинами имеют больше опыта обращения к альтернативным медицинским практикам [18], астрологам [32].

В нашем исследовании уровень образования оказался не связан ни с установкой, ни с обращением к паранормальным практикам. Предыдущие исследования в целом не дают консистентных результатов: в ряде из них обнаруживается связь низкого образовательного статуса и веры в паранормальное [11], в других — выделяются незначительные различия в зависимости от образования [21]. Исследователи подчеркивают, что магическое, иррациональное мышление может актуализироваться в эмоционально значимых ситуациях и в ситуациях стресса в том числе у психически здорового высокообразованного человека [3; 8]. Однако, как и в других областях изучения этой проблематики, исследователи редко изучали связь образовательного статуса не с убеждениями, а с реальным поведением.

Данные о положительной связи самооценки религиозности и опыта обращения к эзотерическим услугам, а также готовности обращения к ним в будущем оказались весьма неожиданными. С одной стороны, экстрасенсорика может восприниматься как связанная с влиянием духовных нематериальных сил. С другой стороны, верования в сверхъестественное могут служить функциональной альтернативой господствующим религиозным убеждениям [10; 33]. Ряд исследований выявляет криволи-

нейную связь между религиозностью и нерелигиозными верованиями в сверхъестественное: люди с высоким и низким уровнем религиозности с наименьшей вероятностью сообщают о сверхъестественных верованиях [10]. Тем не менее религиозные люди могут верить, что религия не может объяснить все, включая сверхъестественное [28].

Заключение

Обращение к гадалкам, астрологам, магам, колдунам и другим альтернативным практикам относительно популярно в современной России. Крайне важно понимать и распространенность данных практик среди разных социальных групп населения, и факторы, способствующие их использованию, с целью предотвращения неблагоприятных и опасных последствий обращения к ним. Наше исследование позволило выдвинуть несколько значимых для данной области знаний положений.

Во-первых, фаталистический детерминизм наравне с научным детерминизмом являются фасилитаторами формирования готовности обращения к провайдерам альтернативных видов помощи. Таким образом, убеждения в принципиальной предопределенности и, следовательно, познаваемости мира способствуют обращению к эзотерическим практикам.

Во-вторых, толерантность к неопределенности не играет значимой роли ни на когнитивном, ни на поведенческом уровне в контексте обращения к эзотерической сфере. Следует накапливать научные данные касательно поведенческих практик обращения к провайдерам эзотерических услуг, а также предикторов такого обращения с дифференцировкой по конкретным видам практик.

Данному исследованию присущи все ограничения, характерные для кросс-секционных исследований.

Литература

1. Антонова Н.А. Установки студентов к получению помощи в сфере психического здоровья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 195. С. 213–222. DOI:10.33910/1992-6464-2020-195-213-222
2. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 40. С. 1–11. DOI:10.54359/ps.v8i40.550
3. Байрамова Э.Э., Ениколовов С.Н. Магическое мышление и вера в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий // Психология. Психофизиология. 2021. Том 14. № 4. С. 5–13. DOI:10.14529/jpps210401
4. Гришина Е.А. Оккультные услуги в потребительском пространстве современного российского общества // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 4. С. 94–108. DOI:10.28995/2073-6401-2019-4-94-108
5. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 40. С. 2. DOI:10.54359/ps.v8i40.555
6. Леонтьев Д.А., Моспан А.Н. Совладание с неопределенностью как конструирование субъективной определенности: вариации и предикторы // Материалы VI Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности» (г. Кострома, 22–24 сентября 2022 года). Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2022. С. 253–258.

7. *Моспан А.Н., Леонтьев Д.А.* Апробация и валидизация методики веры в свободу/детерминизм (FAD-Plus) на российской выборке // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Том 18. № 1. С. 109–128. DOI:10.17323/1813-8918-2021-1-109-128
8. *Нелюбина А.С.* Роль обыденных представлений в формировании внутренней картины болезни: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 27 с.
9. *Осин Е.Н.* Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна [Электронный ресурс] // *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 65–86. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22310329> (дата обращения: 01.10.2023).
10. *Bader C.D., Baker J.O., Molle A.* Countervailing forces: Religiosity and paranormal belief in Italy // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2012. Vol. 51. № 4. P. 705–720. DOI:10.2307/23353828
11. *Baker J.O., Bader C.D., Mencken F.C.* A bounded affinity theory of religion and the paranormal // *Sociology of Religion: A Quarterly Review*. 2016. Vol. 77. № 4. P. 334–358. DOI:10.1093/socrel/srw040
12. *Budner S.* Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of personality*. 1962. Vol. 30. № 1. P. 29–50. DOI:10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x
13. *Carey J.M., Paulhus D.L.* Worldview implications of believing in free will and/or determinism: Politics, morality, and punitiveness // *Journal of personality*. 2013. Vol. 81. № 2. P. 130–141. DOI:10.1111/j.1467-6494.2012.00799.x
14. *Carleton R.N., Mulvogue M.K., Thibodeau M.A., McCabe R.E., Antony M.M., Asmundson G.J.* Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2012. Vol. 26. P. 468–479. DOI:10.1016/j.janxdis.2012.01.011
15. *Das A., Sharma M.K., Kashyap H., Gupta S.* Fixating on the future: An overview of increased astrology use // *International Journal of Social Psychiatry*. 2022. Vol. 68. № 5. P. 925–932. DOI:10.1177/00207640221094155
16. *Dean C.E., Akhtar S., Gale T.M., Irvine K., Grohmann D., Laws K.R.* Paranormal beliefs and cognitive function: A systematic review and assessment of study quality across four decades of research // *Plos one*. 2022. Vol. 17. № 5. P. e0267360. DOI:10.1371/journal.pone.0267360
17. *Einstein D.A.* Extension of the transdiagnostic model to focus on intolerance of uncertainty: A review of the literature and implications for treatment // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2014. Vol. 21. P. 280–300. DOI:10.1111/cpsp.12077
18. *Fjær E.L., Landet E.R., McNamara C.L., Eikemo T.A.* The use of complementary and alternative medicine (CAM) in Europe // *BMC complementary medicine and therapies*. 2020. Vol. 20. № 1. P. 1–9. DOI:10.1186/s12906-020-02903-w
19. *Freeston M., Tiplady A., Mawn L., Bottesi G., Thwaites S.* Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19) // *PsyArXiv*. 2020. Vol. 13. P. e31. DOI:10.31234/osf.io/v8q6m
20. *Furnham A., Marks J.* Tolerance of ambiguity: A review of the recent literature // *Psychology*. 2013. Vol. 4. № 9. P. 717–728. DOI:10.4236/psych.2013.49102
21. *Glendinning T.* Religious involvement, conventional Christian, and unconventional nonmaterialist beliefs // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2006. Vol. 45. № 4. P. 585–595. DOI:10.1111/j.1468-5906.2006.00329.x
22. *Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout T.D., Smets E.M., Han P.K.* Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare // *Social Science & Medicine*. 2017. Vol. 180. P. 62–75. DOI:10.1016/j.socscimed.2017.03.024
23. *Holaway R.M., Heimberg R.G., Coles M.E.* A comparison of intolerance of uncertainty in analogue obsessive-compulsive disorder and generalized anxiety disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2006. Vol. 20. P. 158–174. DOI:10.1016/j.janxdis.2005.01.002

24. *Irwin H.J.* The Psychology of paranormal Belief: A researcher's Handbook // Hertfordshire: University of Hertfordshire Press. 2009. 203 p.
25. *Kaplan A.O.* Research on the pseudo-scientific beliefs of pre-service science teachers: A sample from astronomy-astrology // Journal of Baltic Science Education. 2014. Vol. 13. № 3. P. 381–393. DOI:10.33225/jbse/14.13.381
26. *Lewandowsky S., Oberauer K.* Motivated rejection of science // Current Directions in Psychological Science. 2016. Vol. 25. № 4. P. 217–222. DOI:10.1177/0963721416654436
27. *McLain D.L.* The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // Educational and psychological measurement. 1993. Vol. 53. № 1. P. 183–189. DOI:10.1177/0013164493053001020
28. *Mencken F.C., Bader C.D., Kim Y.J.* Round trip to hell in a flying saucer: The relationship between conventional Christian and paranormal beliefs in the United States // Sociology of Religion. 2009. Vol. 70. № 1. P. 65–85. DOI:10.1093/socrel/srp013
29. *Paulhus D.L., Carey J.M.* The FAD—Plus: Measuring lay beliefs regarding free will and related constructs // Journal of personality assessment. 2011. Vol. 93. № 1. P. 96–104. DOI:10.1080/0023891.2010.528483
30. *Pelissari R., Oliveira M.C., Abackerli A.J., Ben-Amor S., Assumpção M.R.P.* Techniques to model uncertain input data of multi-criteria decision-making problems: a literature review // International Transactions in Operational Research. 2021. Vol. 28. № 2. P. 523–559. DOI:10.1111/itor.12598
31. *Rettie H., Daniels J.* Coping and tolerance of uncertainty: Predictors and mediators of mental health during the COVID-19 pandemic // American Psychologist. 2021. Vol. 76. № 3. P. 427. DOI:10.1037/amp0000710
32. *Temcharoenkit S., Johnson D.A.* Factors influencing attitudes toward astrology and making relationship decisions among Thai adults // Scholar: Human Sciences. 2021. Vol. 13. № 1. P. 15–27. URL: <http://www.assumptionjournal.au.edu/index.php/Scholar/article/view/5449> (дата обращения: 01.10.2023).
33. The Supernatural in Society, Culture, and History / Waskul D.D., Eaton M. (eds.). Philadelphia, PA: Temple University Press, 2018. 262 p.

References

1. Antonova N.A. Ustanovki studentov k polucheniyu pomoshchi v sfere psikhicheskogo zdorov'ya [Students' attitudes towards receiving mental health help]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertseva = Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia*, 2020, no. 195, pp. 213–222. DOI:10.33910/1992-6464-2020-195-213-222 (In Russ.).
2. Asmolov A.G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya. [The psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological researches*, 2015. Vol. 8, no. 40, pp. 1–11. DOI:10.54359/ps.v8i40.550 (In Russ.).
3. Bayramova E.E., Enikolopov S.N. Magicheskoe myshlenie i vera v magiyu v strukture psikhologicheskikh zashchit i koping-strategii [Magical thinking and belief in magic in the structure of psychological defenses and coping strategies]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology*, 2021. Vol. 14, no. 4, pp. 5–13. DOI:10.14529/jpps210401 (In Russ.).
4. Grishina E.A. Okkul'tnye uslugi v potrebitel'skom prostranstve sovremennoogo rossiiskogo obshchestva [Occult services in the consumer space of modern Russian society]. *Vestnik RGGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie = Bulletin of the Russian state university for the humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art history*, 2020, no. 4, pp. 94–108. DOI:10.28995/2073-6401-2019-4-94-108 (In Russ.).
5. Leontiev D.A. Vyzov neopredelennosti kak tsentral'naya problema psikhologii lichnosti [The challenge of uncertainty as a central problem of personality psychology]. *Psikhologicheskie*

- issledovaniya = *Psychological Researches*, 2015. Vol. 8, no. 40, pp. 2. DOI:10.54359/ps.v8i40.555 (In Russ.).
6. Leontiev D.A., Mospan A.N. Sovladanie s neopredelennost'yu kak konstruirovaniye sub"ektivnoi opredelennosti: variatsii i prediktory [Coping with uncertainty as the construction of subjective certainty: variations and predictors]. Materialy Shestoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: ustoychivost' i izmenchivost' otnoshenii, lichnosti, gruppy v epokhu neopredelennosti" (g. Kostroma, 22–24 sentyabrya 2022 goda) [Proceedings of the sixth International Scientific Conference "Psychology of stress and coping behavior: stability and variability of relationships, individuals, groups in an era of uncertainty"]. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet im. N.A. Nekrasova, 2022, pp. 253–258. (In Russ.).
7. Mospan A.N., Leontiev D.A. Aprobatsiya i validizatsiya metodiki very v svobodu/determinizm (FAD-Plus) na rossiiskoi vyborke [Approbation and validation of the freedom/determinism beliefs inventory]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 1, pp. 109–128. DOI:10.17323/1813-8918-2021-1-109-128 (In Russ.).
8. Nelyubina A.S. Rol' obyedennykh predstavlenii v formirovaniyi vnutrennei kartiny bolezni. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [The role of everyday perceptions in the formation of the internal picture of the disease. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2009. 27 p. (In Russ.).
9. Osin E.N. Faktornaya struktura russkoyazychnoi versii shkaly obshchei tolerantnosti k neopredelennosti D. Makleina [Elektronnyi resurs] [Factor structure of the Russian-language version of the D. McLane General Tolerance to Uncertainty Scale]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnosis*, 2010, no. 2, pp. 65–86. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22310329> (Accessed 01.10.2023). (In Russ.).
10. Bader C.D., Baker J.O., Molle A. Countervailing forces: Religiosity and paranormal belief in Italy. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2012. Vol. 51, no. 4, pp. 705–720. DOI:10.2307/23353828
11. Baker J.O., Bader C.D., Mencken F.C. A bounded affinity theory of religion and the paranormal. *Sociology of Religion: A Quarterly Review*, 2016. Vol. 77, no. 4, pp. 334–358. DOI:10.1093/socrel/srw040
12. Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of personality*, 1962. Vol. 30, no. 1, pp. 29–50. DOI:10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x
13. Carey J.M., Paulhus D.L. Worldview implications of believing in free will and/or determinism: Politics, morality, and punitiveness. *Journal of personality*, 2013. Vol. 81, no. 2, pp. 130–141. DOI:10.1111/j.1467-6494.2012.00799.x
14. Carleton R.N., Mulvogue M.K., Thibodeau M.A., McCabe R.E., Antony M.M., Asmundson G.J. Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, 2012. Vol. 26, pp. 468–479. DOI:10.1016/j.janxdis.2012.01.011
15. Das A., Sharma M.K., Kashyap H., Gupta S. Fixating on the future: An overview of increased astrology use. *International Journal of Social Psychiatry*, 2022. Vol. 68, no. 5, pp. 925–932. DOI:10.1177/00207640221094155
16. Dean C.E., Akhtar S., Gale T.M., Irvine K., Grohmann D., Laws K.R. Paranormal beliefs and cognitive function: A systematic review and assessment of study quality across four decades of research. *Plos one*, 2022. Vol. 17, no. 5, pp. e0267360. DOI:10.1371/journal.pone.0267360
17. Einstein D.A. Extension of the transdiagnostic model to focus on intolerance of uncertainty: A review of the literature and implications for treatment. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 2014. Vol. 21, pp. 280–300. DOI:10.1111/cpsp.12077
18. Fjær E.L., Landet E.R., McNamara C.L., Eikemo T.A. The use of complementary and alternative medicine (CAM) in Europe. *BMC complementary medicine and therapies*, 2020. Vol. 20, no. 1, pp. 1–9. DOI:10.1186/s12906-020-02903-w

19. Freeston M., Tiplady A., Mawn L., Bottesi G., Thwaites S. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19). *PsyArXiv*, 2020. Vol. 13, pp. e31. DOI:10.31234/osf.io/v8q6m
20. Furnham A., Marks J. Tolerance of ambiguity: A review of the recent literature. *Psychology*, 2013. Vol. 4, no. 09, pp. 717–728. DOI:10.4236/psych.2013.49102
21. Glendinning T. Religious involvement, conventional Christian, and unconventional nonmaterialist beliefs. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2006. Vol. 45, no. 4, pp. 585–595. DOI:10.1111/j.1468-5906.2006.00329.x
22. Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout T.D., Smets E.M., Han P.K. Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare. *Social Science & Medicine*, 2017. Vol. 180, pp. 62–75. DOI:10.1016/j.socscimed.2017.03.024
23. Holaway R.M., Heimberg R.G., Coles M.E. A comparison of intolerance of uncertainty in analogue obsessive-compulsive disorder and generalized anxiety disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, 2006. Vol. 20, pp. 158–174. DOI:10.1016/j.janxdis.2005.01.002
24. Irwin H.J. The Psychology of paranormal Belief: A researcher's Handbook. Hertfordshire: University of Hertfordshire Press, 2009. 213 p.
25. Kaplan A.O. Research on the pseudo-scientific beliefs of pre-service science teachers: A sample from astronomy-astrology. *Journal of Baltic Science Education*, 2014. Vol. 13, no. 3, pp. 381–393. DOI:10.33225/jbse/14.13.381
26. Lewandowsky S., Oberauer K. Motivated rejection of science. *Current Directions in Psychological Science*, 2016. Vol. 25, no. 4, pp. 217–222. DOI:10.1177/0963721416654436
27. McLain D.L. The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. *Educational and psychological measurement*, 1993. Vol. 53, no. 1, pp. 183–189. DOI:10.1177/0013164493053001020
28. Mencken F.C., Bader C.D., Kim Y.J. Round trip to hell in a flying saucer: The relationship between conventional Christian and paranormal beliefs in the United States. *Sociology of Religion*, 2009. Vol. 70, no. 1, pp. 65–85. DOI:10.1093/socrel/srp013
29. Paulhus D.L., Carey J.M. The FAD—Plus: Measuring lay beliefs regarding free will and related constructs. *Journal of personality assessment*, 2011. Vol. 93, no. 1, pp. 96–104. DOI:10.1080/00223891.2010.528483
30. Pelissari R., Oliveira M.C., Abackerli A.J., Ben-Amor S., Assumpção M.R.P. Techniques to model uncertain input data of multi criteria decision-making problems: a literature review. *International Transactions in Operational Research*, 2021. Vol. 28, no. 2, pp. 523–559. DOI:10.1111/itor.12598
31. Rettie H., Daniels J. Coping and tolerance of uncertainty: Predictors and mediators of mental health during the COVID-19 pandemic. *American Psychologist*, 2021. Vol. 76, no. 3, pp. 427. DOI:10.1037/amp0000710
32. Temcharoenkit S., Johnson D.A. Factors influencing attitudes toward astrology and making relationship decisions among Thai adults. *Scholar: Human Sciences*, 2021. Vol. 13, no. 1, pp. 15–27. URL: <http://www.assumptionjournal.au.edu/index.php/Scholar/article/view/5449> (Accessed 01.10.2023).
33. The Supernatural in Society, Culture, and History. In Waskul D.D., Eaton M. (eds.). Philadelphia, PA: Temple University Press, 2018. 262 p.

Информация об авторах

Антонова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, доцент Института психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8902>, e-mail: antonova.natalia11@gmail.com

Ерицян Ксения Юрьевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Усачева Нина Михайловна, младший научный сотрудник Института психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8722-3976>, e-mail: usachevanm@gmail.com

Information about the authors

Natalia A. Antonova, PhD in Psychology, Assistant Professor at Psychology Institute, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8902>, e-mail: antonova.natalia11@gmail.com

Ksenia Yu. Eritsyan, PhD in Psychology, Researcher at Psychology Institute, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Nina M. Usacheva, Researcher at Psychology Institute, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8722-3976>, e-mail: usachevanm@gmail.com

Получена 01.10.2023

Received 01.10.2023

Принята в печать 20.11.2023

Accepted 20.11.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE

К 75-летию В.В. Рубцова

20 октября 2023 года исполнилось 75 лет Виталию Владимировичу Рубцову, почетному президенту Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), доктору психологических наук, профессору, академику РАО — человеку, деятельному участию которого журнал «Социальная психология и общество» во многом обязан своим рождением и существованием. Мы от всей души поздравляем Виталия Владимировича со славной датой, желаем долгих лет жизни, творческого долголетия, здоровья, благополучия и простого человеческого счастья до самого последнего дня этих долгих лет жизни.

Редколлегия журнала «Социальная психология и общество»

Honoring V.V. Rubtsov's 75th Anniversary

20 October 2023 is the 75th anniversary of Vitaly Vladimirovich Rubtsov, Honorary President of the Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Doctor in Psychology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education — the person to whose active participation the journal "Social Psychology and Society" owes much of its birth and existence.

К 75-летию А.Л. Журавлева

В этом году 9 июня исполнилось 75 лет академику РАН и РАО — Анатолию Лактионовичу Журавлеву — первому отечественному ученому, который удостоился этого звания за свои многолетние исследования в области психологической науки и ее прикладных отраслей. Его интерес к научной деятельности в целом и конкретно к социально-психологической проблематике сформировался достаточно рано, еще в период обучения в Ленинградском государственном университете на факультете психологии под влиянием научного руководителя его дипломной работы Ю.Г. Трошихиной — ученицы профессора Н.А. Тих, в процессе взаимодействия с такими выдающимися учеными, как Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, А.А. Бодалев, Е.Н. Кузьмин, Б.Ф. Ломов, А.Л. Свенцицкий и др.

После завершения обучения в ЛГУ молодой специалист распределился в Ярославский государственный университет, откуда, получив опыт преподавательской деятельности, отправился поступать в аспирантуру Института психологии Академии наук СССР. Начиная с этого периода (1973 г.) и до настоящего времени вся профессиональная жизнь А.Л. Журавлева была посвящена работе в данном научном учреждении. Его кандидатская диссертация (руководитель — профессор В.Ф. Рубахин) выполнялась в русле становившегося в тот период прикладного направления социальной психологии — психологии управления. Она затрагивала проблемы взаимодействия людей в производственном коллективе, их совместной деятельности. Впоследствии данная проблематика получила развитие в работах группы исследователей — сотрудников лаборатории социальной (с 1999 г. и экономической) психологии Института психологии РАН, которую на протяжении 29 лет возглавлял А.Л. Журавлев (с 1987 по 2016 гг.).

В разные периоды научно-исследовательской деятельности совместно с учениками, сотрудниками и коллегами А.Л. Журавлев занимался изучением актуальных проблем психологии управления, психологии малых групп и коллективов, экономической психологии, социальной психологии труда, макросоциальной психологии, экологической и этнической психологии, психологии нравственности, социальной психологии города, методологии и истории психологии, исторической психологии и научометрии в психологии. Под его руководством и при непосредственном участии разрабатывались вопросы: совместной деятельности представителей разных социальных групп в изменяющихся условиях жизнедеятельности; социально-экономического развития общества; социально-психологической динамики во взаимосвязи с

экономическими изменениями; социального поведения больших социальных групп; психологии современных сетевых сообществ и мн. др.

Долгое время предложенное им понятие — «коллективный субъект» — не находило должного признания в кругу коллег. Однако время показало актуальность и своевременность изучения данного явления и введения понятия в научный тезаурус современной отечественной социальной психологии в период изменения вектора исследовательского интереса от проблем микросоциальной психологии к проблемам макросоциальной и макроэкономической психологии.

В статусе научного руководителя направления «социальная психология» в Институте психологии РАН А.Л. Журавлев стимулировал развитие цикла новых работ, связанных с изучением психологических эффектов на уровне не только общества, но и глобальных процессов. В частности, психологии geopolитических отношений, психологии стабильности и ядерного сдерживания, психологии массового сознания и поведения, макроэкономической психологии и др.

Пройдя все этапы становления ученого от младшего до ведущего научного сотрудника, возглавив работу сначала научного подразделения, а затем и Института психологии РАН (2002–2018 гг.), А.Л. Журавлев в своих работах продолжил традиции научной школы ИП РАН, лаборатории социальной и экономической психологии, построенной на системном подходе Б.Ф. Ломова, социально-психологических концепциях личности и группы К.К. Платонова и Е.В. Шороховой. Оставаясь приверженцем классической отечественной социальной психологии, сложившейся, по его мнению, в 1960-е годы, он тем не менее старается идти в ногу со временем как исследователь, чутко реагируя на все вызовы общества, делится своим опытом и знаниями с учениками. Его вклад в развитие отечественной социальной и экономической психологии не ограничивается научными трудами. Под руководством А.Л. Журавлева защитились 24 кандидата наук и 7 докторов наук, чьи работы легли в основу новых направлений исследований в разных социально ориентированных отраслях психологии.

Редакция журнала поздравляет академика А.Л. Журавлева с его юбилеем и желает ему здоровья, новых планов и профессиональных достижений, творческого долголетия.

Редколлегия журнала «Социальная психология и общество»

Honoring A.L. Zhuravlev's 75th Anniversary

This year, June 9 marks the 75th anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences and Russian Academy of Education — Anatoly Laktionovich Zhuravlev — the first Russian scientist who was awarded this title for his long-term research in the field of psychological science and its applied branches.

К юбилею
академика РАН и РАО А.Л. Журавлева

Развитие проблематики отечественной экономической психологии в научном творчестве А.Л. Журавлева

Дробышева Т.В.

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9578-4463>, e-mail: DrobyshevaTV@ipran.ru

Цель. Анализ спектра проблем, разрабатываемых непосредственно академиком РАН и РАО А.Л. Журавлевым и под его руководством – сотрудниками и учениками в разные периоды его научного творчества, в ракурсе анализа процессов формирования и развития проблемного поля отечественной экономической психологии.

Контекст и актуальность. Существующие закономерности развития социально-экономических систем, в частности их цикличность (переводование стабильных и кризисных периодов, не-равномерность изменений в системе), указывают на актуальность историко-психологических исследований в области экономической психологии с целью прогнозирования экономико-психологической и социально-психологической динамики в изменяющихся geopolитических и социально-экономических условиях жизни общества.

Результаты. Изменения в управлении хозяйственной жизнью страны в 80-е годы прошлого века, последующие экономические трансформации в обществе, кризисы и глобальные процессы в мировой экономике рассматриваются как социальные факторы, актуализирующие исследования социально-психологических и экономико-психологических феноменов в научном творчестве А.Л. Журавлева. Среди них: психологическая готовность населения к экономическим изменениям, связь социально-психологической и экономической динамики, закономерности и механизмы экономической социализации и экономического самоопределения, психологические ресурсы экономического развития общества и другие явления.

Основные выводы. Выявлены три основных этапа в развитии проблематики отечественной экономической психологии, представленной в научном творчестве А.Л. Журавлева. Показана связь исследованных экономико-психологических и социально-психологических феноменов с социально-экономической динамикой общественной жизни.

Ключевые слова: экономическая психология; научное творчество; академик РАН и РАО А.Л. Журавлев; историко-психологическое исследование; социально-экономические изменения в обществе.

Для цитаты: Дробышева Т.В. Развитие проблематики отечественной экономической психологии в научном творчестве А.Л. Журавлева // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 213–224. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140413>

Development of Domestic Economical Psychology Issues in Scientific Work of A.L. Zhuravlev

Tatiana V. Drobysheva

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9578-4463>, e-mail: DrobyshevaTV@ipran.ru

Objective. The purpose of this article is to analyze the spectrum of issues developing by the academician of the Russian Academy of Sciences and of the Russian Academy of Education A.L. Zhuravlev himself and to consider the questions elaborating under his guidance — with his co-workers and students in different periods of his scientific work; the research was conducted from the perspective of analyzing the processes of formation and development of the domestic economic psychology problem field.

Background. The existing rules of development of socio-economic systems, in particular their cyclical nature (alternation of stable and crisis periods, uneven changes in the system), indicate the actuality of historical and psychological research in the field of economic psychology in order to predict economic, psychological and socio-psychological dynamics in changing geopolitical and socio-economic conditions of society.

Results. Changes in the management of country's economic life in the 80s of the last century, the subsequent economic transformations in society, crises and global processes in the world economy are considered as social factors that actualize the research of socio-psychological and economic-psychological phenomena in the scientific work of A.L. Zhuravlev. Among them are: psychological readiness of the population for cardinal economic changes, the relationship of socio-psychological and economic dynamics, patterns and mechanisms of economic socialization and economic self-determination, psychological resources of economic development of society and other phenomena.

Conclusions. Three main stages in the development of the issues of domestic economic psychology presented in the scientific work of A.L. Zhuravlev was revealed. The connection of the studied economic-psychological and socio-psychological phenomena with the socio-economic dynamics of public life is shown.

Keywords: economic psychology; scientific creativity; academician of RAS and RAO A.L. Zhuravlev; historical and psychological research; socio-economic changes in society.

For citation: Drobysheva T.V. Development of Domestic Economical Psychology Issues in Scientific Work of A.L. Zhuravlev. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo* = Social Psychology and Society, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 213–224. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140413> (In Russ.).

Введение

Период интенсивного становления отечественной экономической психологии связывают с состоянием общественных процессов начала 90-х годов прошлого века, его зависимостью прежде всего от событий экономической жизни общества, определяющих запрос населения в целом и конкретных социальных групп в понимании происходящих событий и адаптации к ним. Для реализации такого запроса в то время потребовалась

лишь немалые материально-технические и научные ресурсы, интегрированные с целью продуцирования нового знания, построенного на анализе результатов рефлексии россиянами экономических явлений («приватизация», «рыночные отношения» и т.п.), конструировании ими новой социально-экономической реальности. Востребованность такого рода знания, его социальная релевантность стимулировали специалистов из разных областей научного знания обратиться к

изучению экономико-психологической и социально-психологической динамики в условиях экономических трансформаций в российском обществе (см. работы Т.И. Заславской, А.И. Китова, В.Д. Попова и др.).

Одним из первых психологов к этой тематике обратился А.Л. Журавлев — молодой ученый, который ранее занимался проблемами руководства в организациях и трудовых коллективах, вопросами их совместной деятельности [3] и в 1987 году возглавил лабораторию социальной психологии ИП АН СССР. В условиях «перестройки» народного хозяйства середины 80-х годов прошлого века вопросы руководства, организации и управления имели стратегическое значение. Назревший к тому времени кризис советской системы управления вылился в попытку ее реформирования посредством перестройки в том числе социально-психологических механизмов управления народным хозяйством. Участие молодого ученого в этом процессе стало объективной предпосылкой возникновения и становления его последующего интереса к исследованиям в области экономической психологии [4]. Опираясь на теоретические работы Е.В. Шороховой и К.К. Платонова, принципы системного подхода Б.Ф. Ломова, лежавшего в основе научной школы Института психологии АН СССР, А.Л. Журавлев построил долгосрочную перспективу исследований для сотрудников лаборатории. Программа работы была направлена на изучение новых феноменов, социальных групп, различающихся по экономическим признакам, анализ взаимодействия социально-экономических и социально-психологических факторов.

С целью анализа научной проблематики, разрабатываемой в течение более чем 30 лет академиком РАН и РАО

А.Л. Журавлевым, его сотрудниками и учениками, было проведено историко-психологическое исследование. Его *объектом* выступило научное творчество ученого в области экономической психологии, *предметом* — совокупность феноменов экономической психологии в их взаимосвязи с явлениями социальной и экономической жизни общества, которые изучались непосредственно А.Л. Журавлевым и под его руководством — учениками и сотрудниками лаборатории. *Метод исследования* — качественный анализ содержания публикационной деятельности ученого и его сотрудников, учеников в разные периоды научного творчества.

Этапы развития проблематики отечественной экономической психологии в научном творчестве А.Л. Журавлева

Начало 90-х годов прошлого века в социально-экономическом развитии российского общества ознаменовалось изменением его вектора — от «плановой» к «смешанной» модели экономики. Начавшиеся в 1992 году экономические реформы (с 1992 по 1998 гг.) значительной частью населения страны рефлексировались как состояние неопределенности, толерантность к которому впоследствии вырабатывалась не одно десятилетие. В связи с этим проблема изучения психологической готовности личности, группы, общества в целом к радикальным экономическим изменениям стала наиболее релевантной ситуации, сложившейся в стране. Попытки ее решения предпринимались в нескольких работах А.Л. Журавлева еще до официального (т.е. на законодательном уровне) признания происходивших изменений [5; 6]. В них автор акцентировал внимание на вопросах выделения психологических свойств личности у представителей раз-

ных категорий работающего населения. Их комбинирование в симптомокомплексах позволило автору выделить и описать несколько вариантов психологической готовности личности к предстоящим изменениям форм собственности [5; 6]. Тем самым был получен важный результат, указывающий на вариативность изучаемого явления.

В конце 1990-го года в стране на законодательном уровне было развернуто движение по развитию предпринимательства, стимулированию экономической активности формирующейся в тот период большой социальной группы предпринимателей. Именно в это время определилась тематика исследований предпринимательства в научном творчестве Журавлева, его сотрудников и учеников, акцентировавших внимание на вопросах: рефлексии предпринимателями трудностей (барьеров) развития малого бизнеса, их активности как характеристике коллективного субъекта, статусе формирующейся большой социальной группы в структуре общества и отношениях предпринимателей с властью [17; 22 и др.]. Сотрудничество ученого с коллегами — психологами труда — в изучении содержания предпринимательской деятельности и характеристик предпринимателей как субъектов этой деятельности стало предпосылкой к формированию научного направления — экономической психологии труда, которое до сегодняшнего дня, к сожалению, так и не получило должного оформления [30].

Во второй половине 90-х годов группа исследователей под руководством А.Л. Журавлева обратилась к процессам прогнозирования деловой активности представителей малого бизнеса [18], изучению их деловой культуры [8], социально-психологических качеств [14; 33, с. 150–166], среди которых выделился

феномен доверия [32, с. 258–272], впоследствии определивший самостоятельное направление исследований, выполнявшихся в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН [15].

Экономическая ситуация начала 90-х годов стимулировала в том числе изучение социально-психологических эффектов смены форм собственности. В этот период А.Л. Журавлевым совместно с его учениками решалась задача выделения общих закономерностей, характеризующих взаимозависимость психологических и экономических факторов в изменяющемся обществе. Позднее, рефлексируя, они отмечали, что «в условиях радикальных экономических изменений индивиды и группы выступают не пассивными объектами происходящих изменений, а их активными субъектами...» [20, с. 15].

Своеобразным итогом работы этого периода стал выпуск нескольких сборников научных трудов под редакцией А.Л. Журавлева, выступившего совместно с Е.В. Шороховой вдохновителем, организатором, в некоторых случаях — непосредственным исполнителем данных исследований [32; 33 и др.]. Его докторская диссертация («Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений») [8], которая была защищена по специальности 19.00.05 — социальная психология, по сути, стала одной из первых и в области экономической психологии, продемонстрировав специфику зарождающейся отечественной социально-экономической психологии, с одной стороны, как прикладной отрасли социальной психологии, с другой — как самостоятельной междисциплинарной области исследований.

Экономический кризис 1998–1999 годов и финансовый кризис 2008–2009 го-

дов, а также интеграционные процессы в Европе, которые привели к созданию Евросоюза и введению новой валюты евро, актуализировали интерес всего мирового профессионального сообщества к исследованиям функции денег, восприятия экономического неравенства, процессов и механизмов адаптации разных групп населения к новым экономическим условиям жизни [34 и мн. др.]. Данные тенденции нашли отражение и в исследованиях рабочей группы А.Л. Журавлева.

Так, в первое десятилетие нового века ими разрабатывались: перспективные направления исследований отношения к деньгам и финансового поведения [31, с. 11–63], нравственной регуляции экономической активности [15 и др.], экономического самоопределения [16], экономической социализации личности [1 и др.].

В направлении изучения экономического сознания актуализировались вопросы устойчивости/динаминости его характеристик и факторов развития, методического оснащения данных исследований [9; 28 и др.]. Сотрудниками лаборатории, возглавляемой А.Л. Журавлевым, был получен большой объем фактологического материала, раскрывающий особенности содержания экономического сознания в группах: предпринимателей [19 и др.], детей и подростков разного возраста [1; 29, с. 412–444 и др.], работников предприятий и организаций, представителей других социальных групп [29, с. 167–204 и др.].

Именно в этот период под руководством Журавлева были выполнены исследования ценностных ориентаций представителей разных социальных и экономических групп, в том числе в их взаимосвязи с феноменами экономического сознания — представлениями, отношениями, установками и т.п. [10; 29, с. 379–411 и др.]. Таким образом про-

должилась активная разработка аксиологического подхода к исследованию феноменов экономического сознания. Ранее данные проблемы теоретически обсуждались Е.В. Шороховой, эмпирически изучались в работах В.А. Хащенко [32, с. 107–122]. Однако полномасштабные исследования продолжились и были опубликованы преимущественно к концу первой — в начале второй декады нового века [1; 25; 29, с. 379–411 и др.]. К этому же времени относится и выпуск нескольких монографий сотрудников и учеников Журавлева, в работе над которыми он принимал непосредственное участие либо выступал в качестве консультанта [1; 15; 16; 19; 25 и др.], а также сборников научных трудов [29 и др.]. В них были отражены проблемы предпринимательства, экономического сознания и самосознания, детерминации ценностной динамики, экономической социализации и экономического самоопределения.

Вторая декада нового века характеризовалась не только пролонгацией экономических кризисов (2012–2014 гг.), интенсивным нарастанием глобальных процессов в экономике и общественной жизни, изменением в содержании кризисных условий жизнедеятельности населения (пандемия COVID-2019 с ее экономическими последствиями), но и сменой вектора в тематике отечественной социальной психологии от микросоциальных к макросоциальным и макроэкономическим проблемам. В эти годы в науке шел поиск и анализ новых психологических явлений, вызванных в том числе происходящими экономическими изменениями в обществе. В связи с этим в работах А.Л. Журавлева изменилась тенденция экономико-психологических исследований — от широкого охвата и тематического разнообразия к ее сужению и теоретическому осмысливанию ранее по-

лученного материала. Прежде всего речь идет о новом уровне анализа феномена «предпринимательство». В его работах, выполнившихся совместно с В.П. Позняковым, другими учениками и сотрудниками, внимание фиксировалось на форме социального предпринимательства, партнерских и конкурентных отношениях предпринимателей, форме делового партнерства [19 и др.].

Проблема выявления связи социально-психологической динамики личности, социальных и экономических групп (прежде всего трудовых коллективов с разной формой собственности) и изменяющихся экономических условий развития общества, решением которой занималась группа исследователей под руководством Журавлева в 90-е годы прошлого века (см. [20]), в последнее десятилетие проявилась в анализе глобальных проблем макроэкономического и макропсихологического развития общества [24], социально-психологических факторов экономического развития в условиях цифровизации [12]. В этот период научного творчества Журавлева стали подниматься вопросы: отношения к коррупции в контексте изучения экономического менталитета, разработки психологического подхода к экономической мотивации трудовой деятельности, выделения критериев вторичной экономической социализации и ключевых направлений ее исследований, адаптации профессионала в условиях непрерывных экономических изменений [2; 13; 27]. Заметим, что последняя из перечисленных работ может быть рассмотрена как продолжение направления исследований в области экономической психологии труда, начало которому было положено на рубеже 80-90-х годов прошлого века.

Несмотря на то, что вопросы психолого-психологических и социально-психологиче-

ских ресурсов экономического развития общества парциально затрагивались в более ранних работах Журавлева и его коллег [23], их более глубокий анализ выполняется в последние годы [12]. В целом, на современном этапе развития проблематики экономической психологии в научном творчестве А.Л. Журавлева наметилась новая тенденция, связанная с изучением проблем макроэкономической психологии (или макроэкономической социальной психологии) как нового научного направления [24 и др.].

В настоящее время значимым, по мнению автора статьи, является факт обращения А.Л. Журавлева и его учеников к рефлексии прошедших событий 90-х годов, периоду поиска механизмов адаптации разных групп населения к экономическим трансформациям [20 и др.]. Выполняющиеся ими психолого-исторические исследования воспринимаются как своевременные и перспективные прежде всего в связи с их прогностической направленностью. В современных условиях социально-экономического развития общества, характеризующихся высоким уровнем неустойчивости и неопределенности, понимание закономерностей психологической готовности населения страны к предстоящим изменениям, механизмов совладания, роли экономического субъекта в происходящем представляется стратегически важной исследовательской задачей.

Заключение

Завершая выполненный анализ, заметим, что он не исчерпывает всех аспектов научного творчества ученого в области экономической психологии. Сформулированная в работе задача выявления этапов развития научной проблематики в исследованиях, проведенных непосредственно и под руководством А.Л. Журавлева, была ре-

шена посредством сопоставления тематики работ и продуцируемых им научных проблем тем задачам, которые стояли (и стоят) перед российским обществом в разных условиях современных экономических трансформаций, указывающих на пролонгированность транзитивных процессов.

Объективной предпосылкой формирования предметного поля отечественной экономической психологии явились изменения в управлении хозяйственной жизнью страны. В связи с чем становится очевидным, что именно этот факт подтолкнул ученого, его сотрудников и учеников сначала к изучению психологической готовности населения к кардинальным экономическим изменениям, а затем — новых феноменов, описанию психологических особенностей социально-экономических групп, выявлению связи социально-психологической и экономической динамики, определению закономерностей и механизмов экономической социализации и экономического самоопределения в условиях непрерыв-

ных социальных и экономических изменений в обществе.

Оглядываясь на прошедший более чем 30-летний период социально-психологических исследований экономических явлений в контексте анализа научного творчества ученого, можно утверждать, что изучаемые Журавлевым совместно с его учениками и коллегами социально-психологические и экономико-психологические феномены как эффекты происходящих экономических и geopolитических изменений в стране и мире, с одной стороны, согласуются с общемировыми исследовательскими трендами (в тематическом разнообразии, социальной востребованности решаемых проблем и т.п.), с другой — носят аутентичный характер. Последнее, по мнению автора данной публикации, является весомым аргументом в понимании общих тенденций в развитии отечественной экономической психологии, которую А.Л. Журавлев не раз определял как социально-экономическую психологию.

Литература

1. Дробышева Т.В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 312 с.
2. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Вторичная экономическая социализация: постановка проблемы и перспективы исследования // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 4. С. 61–71. DOI:10.31857/S020595920000071-4
3. Журавлев А.Л. Социально-психологические особенности совместной деятельности бригады // Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Под ред. Е.В. Шороховой, А.Л. Журавлева. М.: Академия наук СССР, 1987. С. 47–55.
4. Журавлев А.Л. Психологические проблемы применения экономических методов управления первичным трудовым коллективом // Перестройка и социология труда. Тезисы докладов Всесоюзной науч.-практ. конф. (г. Куйбышев, январь 1989 г.). Куйбышев: б/и, 1989. С. 222–224.
5. Журавлев А.Л. Социально-психологические факторы экономических изменений // Общественное сознание и идеологическая работа. Тезисы межрегиональной науч.-практ. конф. Ч. 2. (Кострома, 1 янв.-31 дек. 1990 г.) / Под ред. В.Ф. Матюшкина. Кострома: Изд-во: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 1990. С. 7–10.
6. Журавлев А.Л. Психология человека и экономические реформы // Социалистический труд. 1991. № 1. С. 53–64.
7. Журавлев А.Л. Программа опроса российских предпринимателей для изучения социально-психологических характеристик их деловой культуры // Российская деловая культура:

- история, традиции, практика / Кузьмичев А.Д. [и др.]. М.: Международный центр научно-технической информации, 1998. С. 84–102.
8. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений: дисс. ... докт. психол. наук. М., 1999. 132 с.
9. Журавлев А.Л. Форма собственности предприятия как фактор экономического сознания личности работника // Управление системой социальных ценностей личности и общества в мире изменений (краткосрочные и долговременные горизонты). Материалы межд. психол. конгресса (Кострома, 23–24 октября 2003 г.) / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.П. Фетискина. Т. 2. Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2003. С. 159–163.
10. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Ценностные ориентации формирующейся личности в разные периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Том 31. № 5. С. 5–16.
11. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Социально-психологические факторы экономического развития российского общества в условиях цифровых технологий [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Том 4. № 4(16). С. 6–42. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2019/t4-4/n19-04-01.html> (дата обращения: 11.06.2023).
12. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Психологические ресурсы социально-экономического развития общества // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / Под ред. Н.В. Борисовой, М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 122–132. DOI:10.38098/univ.2020.55.72.007
13. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 178–193. DOI:10.17759/psylaw.2022120213 (дата обращения: 15.10.2023).
14. Журавлев А.Л., Кочеткова Н.А. Динамика социально-психологических качеств российских предпринимателей в изменяющихся экономических условиях // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 35–44.
15. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Институт психологии РАН, 2003. 436 с.
16. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2007. 480 с.
17. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социально-психологические трудности становления малого бизнеса в России (анализ группового мнения предпринимателей) // Психологический журнал. 1993. Том 14. № 6. С. 23–34.
18. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Оценка условий деятельности российских предпринимателей и прогноз их деловой активности // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Под ред. А.Л. Журавлева. М: Институт психологии РАН, 1996. С. 151–157.
19. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 480 с.
20. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология и экономические реформы в России // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 1. С. 15–25. DOI:10.7868/S0205959218010026
21. Журавлев А.Л., Позняков В.П., Дорофеев Е.Д. Социально-психологические факторы деловой активности и успешность деятельности предпринимателей // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.В. Шороховой. М.: Институт психологии РАН, 1999. С. 44–67.

22. Журавлев А.Л., Позняков В.П., Тугарева Е.В. Взгляд российских предпринимателей на состояние взаимоотношений с государственными структурами // Актуальные проблемы социальной психологии. Тезисы науч. сообщений межд. симпозиума по социальной психологии. Часть 3. (Кострома, 01 января-31 декабря 1992 г.). Кострома: Костромской пед. институт, 1992. С. 24–25.
23. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Психологический потенциал населения и экономическое развитие страны // Психологические инновации в экономике и финансах. Материалы межд. науч.-практ. конф. (Москва, 19-20 марта 2009 г.) / Под ред. А.Л. Журавлева, В.С. Трипольского, М.А. Федотовой. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2009. С. 43–49.
24. Журавлев А.Л., Юрьевич А.В. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2(57). С. 137–140.
25. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2013. 523 с.
26. Китова Д.А., Журавлев А.Л. Особенности развития национальных экономик как основа становления макроэкономической психологии // Психолого-экономические исследования. 2020. Том 7. № 3. С. 20–27.
27. Китова Д.А., Журавлев А.Л. Экономическая мотивация трудовой деятельности как проблема психологических исследований // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / Под ред. А.А. Грачева, А.Н. Занковского, А.Л. Журавлева. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 1151–1172. DOI:10.38098/conf_21_0440
28. Позняков В.П., Журавлев А.Л. Программа исследования социально-психологических особенностей экономического сознания российских предпринимателей // Программы и методики социально-психологического исследования российских предпринимателей. М.: Московский гуманитарный университет, 2010. С. 27–44.
29. Проблемы экономической психологии в 2-х т. Т. 1. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Куприченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 620 с.
30. Психология предпринимательской деятельности (развитие российского предпринимательства в начале 1990-х годов) / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Институт психологии РАН, 1995. 175 с.
31. Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 5. Программы и методики психологического исследования личности и группы. Материалы юбилейной науч. конф. (Москва, 28-29 января 2002 г.) / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2002. 368 с.
32. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Институт психологии РАН, 1998. 295 с.
33. Социальная психология экономического поведения / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1999. 236 с.
34. Mussweiler Th., Englich B. Adapting to the Euro: Evidence from bias reduction // Journal of Economic Psychology. 2003. Vol. 24. Iss. 3. P. 285–292. DOI:10.1016/S0167-4870(03)00015-1

References

1. Drobysheva T.V. Ekonomicheskaya sotsializatsiya lichnosti: tsennostnyi podkhod [Economic socialization of personality: value's approach]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2013. 312 p. (In Russ.).
2. Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L. Vtorichnaya ekonomicheskaya sotsializatsiya: postanovka problemy i perspektivy issledovaniya [Secondary economic socialization: the main problems and research areas]. *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological Journal*, 2018. Vol. 39, no. 4, pp. 61–71. DOI:10.31857/S020595920000071-4 (In Russ.).
3. Zhuravlev A.L. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti sovmestnoi deyatel'nosti brigady [Socio-psychological features of the joint activity of the brigade]. In Shorokhova E.V. (eds.). *Sotsial'no-*

- psikhologicheskie problemy brigadnoi formy organizatsii truda* [Socio-psychological problems of the brigade form of labor organization]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1987, pp. 47–55. (In Russ.).
4. Zhuravlev A.L. Psikhologicheskie problemy primeneniya ekonomicheskikh metodov upravleniya pervichnym trudovym kollektivom [Psychological problems of applying economic methods of primary labor collective management]. In *Perestroika i sotsiologiya truda: Tezisy dokladov vsesoyuznoi nauch.-prakt. konf* [Perestroika and the sociology of labor: Abstracts of reports of the All-Union scienc. and pract. conf.] (g. Kuibyshev, yanvar' 1989 g.). Kuibyshev, 1989, pp. 222–224. (In Russ.).
 5. Zhuravlev A.L. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory ekonomicheskikh izmenenii [Socio-psychological factors of economic changes]. In Matyushkin V.F. *Obshchestvennoe soznanie i ideologicheskaya rabota*. Tezisy mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. Ch. 2. [Public consciousness and ideological work. Abstracts of the interregional scienc. and pract. conf. Part 2] (Kostroma, 1 yanv.–31 dek. 1990 g.). Kostroma: Kostromskoi gos. universitet im. N.A. Nekrasova, 1990, pp. 7–10. (In Russ.).
 6. Zhuravlev A.L. Psikhologiya cheloveka i ekonomicheskie reformy [Human psychology and economic reforms]. *Sotsialisticheskii trud = Socialist Labor*, 1991, no. 1, pp. 53–64. (In Russ.).
 7. Zhuravlev A.L. Programma oprosa rossiiskikh predprinimatelei dlya izucheniya sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik ikh delovoi kul'tury [The program of the survey of Russian entrepreneurs for the study of socio-psychological characteristics of their business culture]. In Kuz'michev A.D. [i dr.]. *Rossiiskaya delovaya kul'tura: istoriya, traditsii, praktika* [Russian business culture: history, traditions, practice], Moscow: Mezhdunarodnyi tsentr nauchno-tehnicheskoi informatsii, 1998, pp. 84–102. (In Russ.).
 8. Zhuravlev A.L. Psikhologiya sovместnoi deyatel'nosti v usloviyakh organizatsionno-ekonomicheskikh izmenenii. Diss. ... dokt. psikhol. nauk [Psychology of joint activity in the conditions of organizational and economic changes. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 1999. 132 p. (In Russ.).
 9. Zhuravlev A.L. Forma sobstvennosti predpriyatiya kak faktor ekonomicheskogo soznaniya lichnosti rabotnika [The form of ownership of the enterprise as a factor of economic consciousness of the employee's personality]. In Zhuravlev A.L. (eds.). *Upravlenie sistemoi sotsial'nykh tsennostei lichnosti i obshchestva v mire izmenenii (kratkosrochnye i dolgovremennye gorizonty)*. Materialy mezhd. psikhol. kongressa T. 2. [Management of the system of social values of the individual and society in the world of change (short-term and long-term horizons)]. Materials inter. psychol. Congress. Vol. 2.] (Kostroma, 23–24 oktyabrya 2003 g.). Kostroma: Kostromskoi gos. un-t im. N.A. Nekrasova, 2003, pp. 159–163. (In Russ.).
 10. Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V. Tsennostnye orientatsii formiruyushcheisya lichnosti v raznye periody razvitiya rossiiskogo obshchestva [Value orientations of emerging personality in different periods of Russian society development]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2010. Vol. 31. no. 5, pp. 5–16. (In Russ.).
 11. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory ekonomicheskogo razvitiya rossiiskogo obshchestva v usloviyakh tsifrovyykh tekhnologii [Elektronnyi resurs] [Russian society on the path to digital technology: socio-psychological vectors of sustainable development]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2019. Vol. 4, no. 4(16), pp. 6–42. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2019/t4-4/n19-04-01.html> (Accessed 11.06.2023). (In Russ.).
 12. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Psikhologicheskie resursy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva [Psychological resources of socio-economic development of society]. In Borisova N.V. (eds.). *Individual'noe, natsional'noe i global'noe v soznanii sovremenennogo cheloveka: novye idei, problemy, nauchnye napravleniya* [Individual, national and global in the consciousness of modern man: new ideas, problems, scientific directions]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2020, pp. 122–132. DOI:10.38098/univ.2020.55.72.007 (In Russ.).
 13. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Otnoshenie molodezhi k korruptsii kak proyavlenie ekonomicheskogo mentaliteta rossiyana [Elektronnyi resurs] [Youth Attitudes towards Corruption

- as a Manifestation of the Economic Mentality of Russians]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 178–193. DOI:10.17759/psylaw.2022120213 (Accessed 15.10.2023). (In Russ.).
14. Zhuravlev A.L., Kochetkova N.A. Dinamika sotsial'no-psikhologicheskikh kachestv rossiiskikh predprinimatelei v izmenyayushchikhsya ekonomicheskikh usloviyakh [Dynamics of socio-psychological qualities of Russian entrepreneurs in changing economic conditions]. In Zhuravlev A.L. (ed.). Sovmestnaya deyatel'nost' v usloviyakh organizatsionno-ekonomicheskikh izmenenii [Joint activity in the conditions of organizational and economic changes]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 1997, pp. 35–44. (In Russ.).
15. Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B. Nравственno-psikhologicheskaya reguljatsiya ekonomicheskoi aktivnosti [Moral and psychological regulation of economic activity]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2003. 436 p. (In Russ.).
16. Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B. Ekonomicheskoe samoopredelenie: teoriya i empiricheskie issledovaniya [Economic self-determination: theory and empirical research]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2007. 480 p. (In Russ.).
17. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. Sotsial'no-psikhologicheskie trudnosti stanovleniya malogo biznesa v Rossii (analiz gruppovogo mneniya predprinimatelei) [Social psychological difficulties of small business formation in Russia (analysis of businessmen's group opinion)]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1993. Vol. 14, no. 6, pp. 23–34. (In Russ.).
18. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. Otsenka uslovii deyatel'nosti rossiiskikh predprinimatelei i prognoz ikh delovoi aktivnosti [Assessment of the conditions of activity of Russian entrepreneurs and the forecast of their business activity]. In Zhuravlev A.L. (ed.). *Dinamika sotsial'no-psikhologicheskikh yavlenii v izmenyayushchemsya obshchestve* [Dynamics of socio-psychological phenomena in a changing society]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 1996, pp. 151–157. (In Russ.).
19. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. Sotsial'naya psikhologiya rossiiskogo predprinimatel'stva: kontseptsiya psikhologicheskikh otnoshenii [Social psychology of Russian entrepreneurship: the concept of psychological relations]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2012. 480 p. (In Russ.).
20. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. Sotsial'naya psikhologiya i ekonomicheskie reformy v Rossii [Social Psychology and Economic Reforms in Russia]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2018. Vol. 39, no. 1, pp. 15–25. DOI:10.7868/S0205959218010026 (In Russ.).
21. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P., Dorofeev E.D. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory delovoi aktivnosti i uspeshnost' deyatel'nosti predprinimatelei [Socio-psychological factors of business activity and the success of entrepreneurs]. In Zhuravlev A.L. (eds.). *Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya rukovodstva i predprinimatel'stva* [Socio-psychological studies of management and entrepreneurship]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 1999, pp. 44–67. (In Russ.).
22. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P., Tugareva E.V. Vzglyad rossiiskikh predprinimatelei na sostoyanie vzaimootnoshenii s gosudarstvennymi strukturami [The view of Russian entrepreneurs on the state of relations with state structures]. In: *Aktual'nye problemy sotsial'noi psikhologii*. Tezisy nauch. soobshchenii mezhd. simpoziuma po sotsial'noi psikhologii. Chast' 3 [Actual problems of social psychology]. Scientific abstracts. messages between. symposium on social psychology. Part 3]. (Kostroma, 01 yanvarya-31 dekabrya 1992 g.). Kostroma: Kostromskoi ped. institut, 1992, pp. 24–25. (In Russ.).
23. Zhuravlev A.L., Ushakov D.V. Psikhologicheskii potentsial naseleniya i ekonomicheskoe razvitiye strany [Psychological potential of the population and economic development of the country]. In Zhuravlev A.L. (eds.). *Psikhologicheskie innovatsii v ekonomike i finansakh* [Psychological innovations in economics and finance] (Moskva, 19-20 marta 2009 g.). Moscow: Finansovyi universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2009, pp. 43–49. (In Russ.).
24. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Makropsikhologicheskoe sostoyanie sovremennoogo rossiiskogo obshchestva [The macropsychological state of modern Russian society]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economic Science of modern Russia*, 2012, no. 2(57), pp. 137–140. (in Russ.).

25. Zhuravleva N.A. Psikhologiya sotsial'nykh izmenenii: tsennostnyi podkhod [Psychology of social change: a value approach]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2013. 523 p. (In Russ.).
26. Kitova D.A., Zhuravlev A.L. Osobennosti razvitiya natsional'nykh ekonomik kak osnova stanovleniya makroekonomiceskoi psikhologii [Features of the development of national economies as a basis for the formation of macroeconomic psychology]. *Psikhologo-ekonomicheskie issledovaniya = Psychological and economic research*, 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 20–27. (In Russ.).
27. Kitova D.A., Zhuravlev A.L. Ekonomicheskaya motivatsiya trudovoi deyatel'nosti kak problema psikhologicheskikh issledovanii [Economic motivation of labor activity as a problem of psychological research]. In. Grachev A.A. (eds.). *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoi psikhologii* [Current state and prospects of development of labor psychology and organizational psychology]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2021, pp. 1151–1172. DOI:10.38098/conf_21_0440 (In Russ.).
28. Poznyakov V.P., Zhuravlev A.L. Programma issledovaniya sotsial'no-psikhologicheskikh osobennostei ekonomiceskogo soznaniya rossiiskikh predprinimatelei [Research program of socio-psychological features of economic consciousness of Russian entrepreneurs]. *Programmy i metodiki sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya rossiiskikh predprinimatelei = Programs and methods of socio-psychological research of Russian entrepreneurs*. Moscow: Moskovskii gumanitarnyy universitet, Institut psikhologii RAN, 2010, pp. 27–44. (In Russ.).
29. Problemy ekonomiceskoi psikhologii. v. 2 t. T. 1. [Problems of economic psychology in 2 vol. Vol. 1]. In Zhuravlev A.L. (eds.). Moscow: Institut psikhologii RAN, 2004. 620 p. (In Russ.).
30. Psikhologiya predprinimatel'skoi deyatel'nosti (razvitiye rossiiskogo predprinimatel'stva v nachale 1990-kh godov) [Psychology of Entrepreneurship (development of Russian entrepreneurship in the early 1990s)]. In Bodrov V.A. (ed.). Moscow: Institut psikhologii RAN, 1995. 175 p. (In Russ.).
31. Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovanii. Chast' 5. [Modern psychology: the state and prospects of research. Part 5]. In Zhuravlev A.L (ed.). *Programmy i metodiki psikhologicheskogo issledovaniya lichnosti i gruppy*. Materialy yubileinoi nauch. konf. [Programs and methods of psychological research of personality and group]. Materials of the jubilee scientific conference] (Moskva, 28–29 yanvarya 2002). Moscow: Institut psikhologii RAN, 2002. 368 p. (In Russ.).
32. Sotsial'no-psikhologicheskaya dinamika v usloviyakh ekonomiceskikh izmenenii [Socio-psychological dynamics in the context of economic change]. In Zhuravlev A.L. (eds.). Moscow: Institut psikhologii RAN, 1998. 295 p. (In Russ.).
33. Sotsial'naya psikhologiya ekonomiceskogo povedeniya [Social psychology of economic behavior]. In Zhuravlev A.L. (eds.). Moscow: Nauka, 1999. 236 p. (In Russ.).
34. Mussweiler Th., Englich B. Adapting to the Euro: Evidence from bias reduction. *Journal of Economic Psychology*, 2003. Vol. 24, Iss. 3, pp. 285–292. DOI:10.1016/S0167-4870(03)00015-1

Информация об авторах

Дробышева Татьяна Валерьевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9578-4463>, e-mail: DrobyshevaTV@ipran.ru

Information about the authors

Tatiana V. Drobysheva, Doctor of Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9578-4463>, e-mail: DrobyshevaTV@ipran.ru

Получена 23.11.2023

Received 23.11.2023

Принята в печать 06.12.2023

Accepted 06.12.2023

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс – 22209

Сервис по оформлению подписки на журнал

<https://www.pressa-rf.ru>

Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»

www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор А.А. Буторина

Компьютерная верстка: М.А. Баскакова

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index – 22209

Service on subscription to the journal

<https://www.pressa-rf.ru>

Internet-shop of periodical editions “Subscription press”

www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepkhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor A.A. Butorina

Maker-up M.A. Baskakova

